

Министерство образования и науки РФ
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт славяноведения РАН
Государственная академия славянской культуры
Славянский фонд России

Славянский мир
в третьем тысячелетии
К 1150-летию славянской
письменности

КНИГА I

Москва 2013

Редакционная коллегия:

Боголюбова Г.В.

Данченко С.И.

Запека О.А.

Конёнкова А.К.

Никифоров К.В.

Узенева Е.С. (отв. редактор)

Хаванова О.В.

Чепелевская Т.И.

Восьмой выпуск сборника научных трудов «Славянский мир в третьем тысячелетии. К 1150-летию славянской письменности» подготовлен по материалам международного научного симпозиума «Славянский мир в третьем тысячелетии», проводимого с 1991 г. в рамках празднования Дня славянской письменности и культуры Институтом славяноведения РАН, Славянским фондом РФ, Государственной академией славянской культуры.

2013 год – дважды знаменательный в кирилло-мефодиевской традиции: отмечается 1150 лет славянской письменности и 150 лет с начала празднования этого памятного дня в России. Юбилей стал поводом для ученых из разных стран в своих статьях актуализовать накопленные в гуманитарных науках знания о миссионерской деятельности свв. Кирилла и Мефодия, представить на суд научной общественности результаты новейших узкотематических, сравнительных и обобщающих исследований в области истории, лингвистики, литературоведения, фольклора и культуры славянских народов.

ISBN – 10 5-7576-0275-9

ISBN – 13 978-5-7576-0275-2

© Институт славяноведения РАН, 2013.

Содержание

От редколлегии	5
<i>Мельников Г.П.</i> Кирилло-мефодиевская традиция в чешской культуре XIV–XVIII вв.	13
<i>Анастасова Е.</i> Кирилл и Мефодий в Болгарии – о празднике и нации	28

I. Из истории славяноведения

<i>Лаптева Л.П.</i> Петербургский съезд русских филологов и историков-славистов в 1903 г.	46
<i>Задорожник Э.Г.</i> «Славянский мир, сомкнись тесней...» (к 210-летию со дня рождения Ф.И.Тютчева и 140-летию его кончины)	61
<i>Данченко С.И.</i> Деятельность П.А. Кулаковского в белградской Великой школе в 1878–1882 гг. (К 100-летию со дня кончины русского ученого)	77
<i>Щавинская Л.Л.</i> Украиноведческая деятельность М.Ф. Комарова в оценке Ивана Франко	94
<i>Лабынцев Ю.А.</i> Шевченковская тема в творческой судьбе Михаила Комарова	102
<i>Ващенко М.С.</i> Ватрослав Ягич и его восприятие России (к 90-летию со дня смерти хорватского ученого).	111
<i>Аксёнова Е.П.</i> Как отмечалось 50-летие русско-турецкой войны 1877–1878 гг. русскими учеными-эмигрантами	124
<i>Фролова М.М.</i> «Любите исторический источник»: к юбилею Л.В. Гориной, профессора Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова	135

II. Проблемы восприятия «другого» – формы взаимодействия друг с другом

<i>Костяшов Ю.В.</i> Сербь в Королевстве Венгрия глазами иностранцев	147
<i>Дронов М.Ю.</i> Михаил Андреевич Балугьянский: «Свой» среди «чужих», «чужой» среди «своих»	156
<i>Фролова М.М.</i> Н.Н. Мурзакевич и русско-болгарские культурные связи в 30–50-е годы XIX в.	165
<i>Искендеров П.А.</i> Россия и Черногория: некоторые исторические уроки взаимодействия	182
<i>Хлебникова В.Б.</i> Черногорские традиции в контексте модернизации рубежа XIX–XX вв.	197

<i>Биро Ласло.</i> Регионализм и централизм между двумя войнами (на примере Югославии). Взгляд из Венгрии	216
---	-----

III. Славяне вне исторической родины

<i>Макарова И.Ф.</i> Российские диаспоры как элемент этнодемографической карты Дунайского вилайета (60-е гг. XIX в.)	229
<i>Манасиева Инна.</i> Грамотность болгар Российской империи по данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г.	249
<i>Птицын А.Н.</i> Венгерские переселенцы в Российской империи	257
<i>Ганин А.В.</i> Русские офицеры Генерального штаба и политическая борьба в эмиграции в 1920-е годы	269

IV. Война в судьбах славянских народов

<i>Туфанова О.А.</i> Изображение народа в «Повести о победах Московского государства»	278
<i>Неменский О.Б.</i> Русско-польские войны в восприятии православных и униатских полемистов в Речи Посполитой первой половины XVII века	287
<i>Белов А.В.</i> Судьба маленького города в контексте большой войны: город Верея и его жители в 1812 году	297
<i>Конёнкова А.К.</i> Храмы-памятники, построенные в память содружества славянских народов в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.	307
<i>Калиганов И.И.</i> Сквозь прорезь оружейных прицелов: болгары против русских в Добрудже осенью 1916 г.	314
<i>Марьина В.В.</i> Словаки на Восточном фронте (Западная Украина)	334

От редколлегии

2013 год – дважды знаменательный в кирилло-мефодиевской традиции: отмечается 1150 лет славянской письменности и 150 лет с начала празднования этого памятного дня в России. Нет необходимости доказывать связь письменности, графически отражающей особенности фонетики славянских языков, с развитием самобытных культур, становлением национальных церквей, оформлением этнического самосознания славянских народов, а в более широком смысле – народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Как всякая условная дата, нынешний юбилей является, прежде всего, поводом суммировать накопленные в гуманитарных науках знания о миссионерской деятельности свв. Кирилла и Мефодия, осмыслить более поздние идеологемы, имевшие в основе своей отсылки к кирилло-мефодиевской традиции, представить на суд научной общественности результаты новейших узкотематических, сравнительных, обобщающих исследований в области истории, лингвистики, литературоведения и истории культуры о славянских народах.

Том открывает проблемно заостренная статья Г.П. Мельникова о месте кирилло-мефодиевской традиции в чешской культуре позднего средневековья и раннего Нового времени. Автор убедительно доказывает, что религиозные, политические и собственно культурные аспекты традиции на протяжении веков, с одной стороны, составляли синкретическое единство, с другой стороны, в каждую эпоху – в зависимости от идеологических нужд государственного строительства, содержания политической борьбы и межконфессиональной полемики, духовно-эстетических императивов – особую роль приобретал тот или иной аспект.

Е. Анастасова анализирует национальное возрождение славянских народов в тесной связи со славянскими просветителями – святыми равноапостольными братьями Кириллом и Мефодием. Это были византийские дипломаты, создатели славянской письменности, переводчики богослужебных книг на церковнославянский язык – „язык сакральный и божественный”, которые стали эмблемой славянского культурного и религиозного мира. Автор показывает, что деятельность братьев и их учеников занимает важное место не только в процессах национального Возрождения, но и в становлении национальных парадигм современных славянских государств, кроме того, их дело является значимым для духовного развития Европы, как религиозного (церковного), так и секулярного (идеологического).

Юбилейный для кирилло-мефодиевской традиции год дал редколлегии повод посвятить целый раздел тома «круглым» датам в истории славистики. В традиционный раздел «Из истории славистики» вошли статьи Л.П. Лаптевой о съезде русских филологов и историков-славистов в 1903 г. в Петербурге, Э.Г. Задорожник к 210-летию со дня рождения Ф.И. Тютчева, С.И.

Данченко к 100-летию со дня кончины русского слависта П.А. Кулаковского, Л.Л. Щавинской и Ю.А. Лабынцева о творческом наследии украиноведа М.Ф. Комарова, М.С. Ващенко к 90-летию со дня смерти хорватского историка В. Ягича, Е.П. Аксеновой о памятных мероприятиях в среде русских ученых-эмигрантов в связи с 50-летием русско-турецкой войны 1877–1878 гг., М.М. Фроловой к юбилею профессора Исторического факультета МГУ, болгариста-медиевиста Л.В. Гориной.

Раздел «Проблемы восприятия “другого” – формы взаимодействия друг с другом» вводит читателя в сферу субъективного восприятия индивидуумами, социальными группами и целыми народами иных культур, социальных практик и политических институтов. В статье Ю.В. Костяшова собраны и систематизированы впечатления путешественников, в том числе русских, о сербском населении Королевства Венгрии, убедительно показано, как цепкий взор иностранца точно фиксировал сочетание старого уклада и новых черт в хозяйстве и быту, ставших результатом более тесной интеграции в венгерское общество и – шире – во владения Австрийского дома. М.Ю. Дронов в биографическом очерке об уроженце Закарпатья на русской службе М.А. Балугьянском предпринимает бережную, взвешенную попытку дешифровки сложной идентичности «карпаторосса» как символа диалога культур, религий, проводника европейских государственно-правовых теорий и норм в Россию. Статья М.М. Фроловой посвящена историку и филологу, профессору Новороссийского университета Н.Н. Мурзакевичу (1806–1883). Благодаря его многогранной подвижнической деятельности между Россией и населенными болгарами областями Османской империи налажился книгообмен, столичные и зарубежные слависты были в курсе новинок печатной продукции на болгарском языке, десятки болгар получили в России доступ к образованию.

Две статьи раздела посвящены Черногории. П.А. Искендеров анализирует формы и исторический опыт российско-черногорского взаимодействия в военной сфере накануне Первой мировой войны. Несмотря на стратегические преимущества возможности возобновить договор 1910 г. о военном сотрудничестве, Санкт-Петербург от этой идеи отказался из-за сомнений в готовности черногорцев добросовестно исполнять взятые обязательства. В.Б. Хлебникова ставит проблему влияния модернизации на прежде изолированную от внешних влияний небольшую по территории страну на европейской периферии. Интересен вывод автора о консолидирующем и, в конечном счете, положительном влиянии враждебных модернизации традиций, сглаживавших негативные последствия тяжело переносимых общественным реформ, нацеленных на интеграцию в мировую систему. Завершает раздел статья Л. Биро (Венгрия), предлагающая взгляд из Венгрии на интегра-

ционные процессы в экономике, политике, культуре межвоенной Югославии. Сравнительный анализ статистических данных и иных количественных показателей по отдельным областям недавно объединившихся в едином государстве территорий, по мнению автора, показывает, что шансы на гармоничную гомогенизацию страны были изначально невысоки.

Раздел «Славяне вне исторической родины» продолжает традиционную для ежегодника тему эмиграции, диаспор и национальных меньшинств. Открывает его статья И.Ф. Макаровой о российских диаспорах (как религиозных, так и этнических) на этно-демографической карте Османской империи. Использование статистических данных турецкой администрации, в том числе сведений о налоговых поступлениях, позволили назвать диаспоры, переселившиеся в Дунайский вилайет из России, экономически активным и культурно значимым элементом османского общества. В свою очередь, И. Манасиева (Болгария), проанализировав данные переписи населения Российской империи, аргументированно доказала, что по уровню грамотности болгары в конце XIX в. не отличались от остального православного населения. А.Н. Птицын в обзорной, охватывающей более двух веков, статье показывает характер иммиграционных потоков из Венгрии в Россию: военные, врачи, педагоги, предприниматели, инженеры из Венгерского королевства внесли свой вклад в историю и культуру своей новой родины. А.В. Ганин статьей об участии русских офицеров-генштабистов в политической борьбе в эмиграции продолжает серию публикаций по истории судеб офицерского корпуса царской России в межвоенный период. Ожесточенность идейного противостояния внутри эмигрантских объединений и непримиримость позиций сторон называется автором в качестве одной из причин поражения белого движения.

Раздел «Война в судьбах славянских народов» включает в себя разные по источниковой базе, хронологии, исследовательским методикам статьи, объединенные темой войны. О.А. Туфанова рассматривает нетипичное для первой половины XVII в. сочинение «Повесть о победах Московского государства», чтобы показать глубокую ментальную травму, которую нанесли годы Смуты российскому обществу. Анонимный автор отказался от традиционного для русской средневековой литературы собирательного, обобщенного образа народа и сосредоточился на характеристиках различных групп населения. О.Б. Неменский сопоставляет полемические приемы православных и униатских авторов в Речи Посполитой, писавших о русско-польских войнах XVII в., и приходит к выводу, что русская идентичность у них нередко оказывалась в конфликте с декларируемой лояльностью польским властям. Микроисторическое измерение великой войны представлено в статье А.В. Белова, на разноплановых архивных материалах реконструирующе-

го повседневность в городе Верея в период Кампании 1812 г., по масштабам потерь сравнимой только со Смутой двумя веками ранее.

В статье А.К. Конёнковой исследуются формы художественного воплощения в монументальных сооружениях (монастыри, храмы, скульптурные изображения) исторической памяти о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. в Болгарии, а также церковные и гражданские мероприятия, призванные сохранить эту память в поколениях. В продолжение русско-болгарской темы И.И. Калиганов в статье о вооруженном противостоянии русских и болгар в Добрудже в годы Первой мировой войны развенчивает пропагандистский миф о вечной благодарности болгар русским за освобождение от османского ига. Автор призывает к поиску исторической правды в документальных свидетельствах эпохи и отмечает, что лишь диалог об общем прошлом может укрепить равноправные, дружеские отношения между народами. Тему на материале истории Второй мировой войны развивает статья В.В. Марьиной о впечатлениях словаков, воевавших в составе войск вермахта против СССР, от их пребывания на Западной Украине летом 1941 г., где столкнулись с последствиями большевистской политики, действий украинских националистов и коллаборационистов, а также гитлеровцев.

Раздел «Восточный блок и постсоветское развитие славянских стран» отсылает читателя к недавнему прошлому и настоящему Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы: развалу системы социалистического сотрудничества и обретение народами нового места в геополитической конstellации континента. А.С. Стыкалин сосредоточивается на последствиях, которые мощное забастовочное движение в Польше начала 80-х годов XX в. имело в Румынии под властью авторитарного лидера Н. Чаушеску. Страх перед потенциальным «экспортом» польского опыта заставлял режим жестко реагировать на инакомыслие, что косвенно способствовало его более быстрой дискредитации. Е.Л. Валева продолжает серию статей о диссидентском движении в Болгарии очерком о деятельности Клуба в поддержку гласности и перестройки, его роли в процессе подготовки смены политического строя в стране. О.Н. Майорова воссоздает ход, содержание и результаты переговоров оппозиции с официальным руководством Польши в конце 80-х годов XX в., когда способность обеих сторон к разумному компромиссу во имя сохранения социального мира позволила избежать развития событий по кровопролитному сценарию. Э.Г. Задорожник на примере внеочередных парламентских выборов 2012 г. в Чехии показывает не только национальные последствия победы объединившихся социал-демократических сил, но и общеевропейское значение выбора, сделанного населением одной отдельно взятой центрально-европейской страны. В завершение, в статье Н.В. Коровицкой на материалах новейших социологических опросов поль-

ского населения вскрываются причины социального недовольства населения современной Польши: в числе главных раздражителей фигурирует все углубляющееся социальное расслоение, отчего большинство поляков с пессимизмом смотрят в завтрашний день.

Раздел «Актуальные проблемы славянского языкознания» включает статьи по славянской диалектологии, лексикографии, палеославистике, лексической семантике и фразеологии.

Т.И. Вендина вскрывает некоторые новые принципы лингвогеографического изучения диалектной лексики в «Лексическом атласе русских народных говоров». Автор приходит к выводу о том, что лингвистическая география XXI в. обогатилась новой актуальной парадигмой исследования: созданием лексических атласов. На современном этапе развития социальной жизни процессы изменения говоров, утраты их диалектной специфики протекают особенно интенсивно, поэтому долг диалектологов состоит в том, чтобы собрать все то, что еще живо в народной памяти и сохранилось в русской народной речи. Е.А. Даки исследует семантические и лексические локализмы в сфере ботанической лексики украинских южнобессарабских говоров.

О.В. Потапова представляет вниманию читателей языковой портрет русского человека, используя малоизученные данные широкого спектра словарей XIX века. Исследователь полагает, что лексикографические источники XIX в. дают возможность реконструировать систему языковых этнических стереотипов, представляющую собой часть языковой картины мира определенного народа.

Представление Ветхого Завета о труде в славянских переводах Псалтири анализируется в статье А.А. Кожиновой, которая считает, что в процессе развития славянских языков происходило размывание древнего семантического синкретизма данной лексемы. Если старославянское *трудоу* еще обладало им и передало его церковнославянскому языку, то в западной традиции, имеющей более позднее начало, переводчики часто отмечали только первое значение лексем тех оригиналов, которые они переводили.

Болгарские этнолингвисты посвятили свои труды изучению одной из основных семантических оппозиций в культуре: оппозиции „свой – чужой”. К. Мичева-Пейчева анализирует появление и значение данной оппозиции в классических древнеболгарских произведениях, где с точки зрения объема реализаций двух ее составляющих компонентов, она является ассиметричной, так как засвидетельствованные вербальные реализации концепта “чужой” значительно меньше; тогда как М. Китанова рассматривает функционирование оппозиции в болгарской терминологии родства, для которой, по мнению автора, характерно следующее положение вещей: в

левой части семантической оппозиции „свой – чужой” остаются свои (кровные родственники, родственники по свойству, побратимы, кумовья), а в правой части оппозиции – не родные, далекие, враждебные существа, причем самое яркое отделение своего и превращение его в чужое – это родительское проклятие.

Представления о городе и селе, зафиксированные во фразеологии и диалектах болгарского языка, анализируются в статье М. Витановой, считающей свой труд попыткой раскрыть особенности проявления болгарского языкового менталитета при характеристике *своего* и *чужого места* в лексике и фразеологии болгарского языка, показать специфическое в пространственном маркировании действительности. Автор отмечает, что фразеология доказывает склонность человека останавливать внимание больше на несовершенном, уродливом, особенном в человеческом поведении.

Раздел «Традиционная духовная культура и фольклор славян» открывает статья А.А. Плотниковой, которая, базируясь на материалах собственных полевых этнолингвистических исследований старообрядческих сел в Добрудже (2006–2012 гг.), анализирует многочисленные архаические поверья и ритуалы в народном календаре переселенцев из России, в частности, обливание водой в день Иоанна Богослова, называемый «Иван Покупальный», «Иван Купала» и т.п., выявляя соответствия ряда ритуально-магических действий в этот праздник в центрально- и южнорусских регионах России.

Т.А. Агапкина исследует вербальные формулы на мотивы Сисиниевой молитвы в восточнославянской заговорной традиции и убедительно показывает, что многочисленные магические формулы, применяемые в народной медицине восточных славян для лечения лихорадки, широко использовали именослов, а также некоторые детали и иногда даже мотивы рукописной Сисиниевой молитвы от трясовиц. П.А. Бушуев дает обзор исторических, лингвистических и меморатно-этнографических работ научного и научно-популярного характера о небольшой субэтнической группе русинского народа, известной как лемки.

Завершает раздел анализ концептов «*друг – враг*» в болгарской языковой картине мира в статье Й. Кириловой. Автор указывает на то, что в болгарском proverbialном фонде сформирована своеобразная норма отдаления от иноземцев (турок, валахов), от изгоев (хромых, сумасшедших) или, иначе говоря, от маргиналов. Самые важные качества, которые болгарин видит в других, – следующие: верность, преданность, самопожертвование, самокритика, надежность, финансовая и материальная независимость, ум, бескорыстность, щедрость, терпение и сообразительность. Й. Кирилова полагает, что поскольку человеческий опыт не застыл в строго фиксированном

положении, а постоянно и постепенно накапливается, а взгляды и представления индивида могут меняться под воздействием полученных знаний, то и границы поля концепта, с одной стороны, и границы между ядром и периферией, с другой, не являются строго фиксированными и могут изменяться под воздействием исторической и культурной эволюции народа.

Литературоведческий блок представлен статьями Н.М. Куренной, Л.Ф. Широковой, О.В. Цыбенко и Т.И. Радомской. Польской «деревенской» прозе 1960-х–1980-х годов посвящена статья О.В. Цыбенко. В ней подчеркивается, что освоение этой литературой не только конкретного жизненного материала определенной эпохи, но и сущностных констант народного бытия, его философии, его поэзии, постижение драматичного опыта «вхождения» крестьян в общенациональную культуру во многом предопределила ее плодотворность и значимость для последующего развития польской литературы.

В центре внимания Н.М. Куренной – творческое наследие Якуба Коласа (1882–1957), поэта, писателя, ученого, одного из основоположников современной литературы Беларуси, создателя первого белорусского романа «На росстанях». Анализ этого произведения, воссоздающий жизнь крестьян Полесья, дает возможность автору работы выявить всю палитру художественных средств, а также представить процесс пробуждения национального самосознания народа, складывания системы его духовных ценностей, формирующую белорусскую картину мира.

Л.Ф. Широкова в своей работе обратилась к развернутому анализу тематики и проблематики литературоведческих исследований словацких ученых первого десятилетия XXI в. Среди них – фундаментальные истории национальной литературы, монографии и сборники статей, в центре которых – отдельные историко-литературные и теоретические проблемы. Важным фактором российско-словацких научных связей стало осуществление нескольких важных совместных проектов, проведение международных научных конференций, подготовка и издание объединяющих исследования ученых двух стран трудов.

Анализируя восприятие М. Цветаевой России как «русского пространства», Т.И. Радомская выделяет его главные этические, духовные особенности, выявляет трансформации сущностных особенностей русского мира в послереволюционной России и рассматривает поэтику воплощения «русского пространства» в художественном слове поэта.

И.В. Мишачева в статье об авторских интерпретациях пейзажа в живописных работах Н.С. Гончаровой и М.Ф. Ларионова прослеживает параллели с народным искусством, «осязательность», свойственную архаическому мироощущению, сакрализацию всего живого. Парадоксальное исследо-

вание И.Г. Страховской сопоставляет на первый взгляд несопоставимое: естествознание и народные сказки. Тем не менее, выход за рамки классической научной рациональности, считает автор, открывает путь к междисциплинарным подходам, универсальности знания и, в конечном счете, схождению художественных и научных языков.

Традиционный раздел «Рецензии» информирует читателя о важных книжных новинках. Ю.А. Лабынцев и Л.Л. Щавинская высоко оценивают усилия белорусских коллег, издавших собрание сочинений Я. Колоса в 20-ти томах. Е.П. Серапионова отдает должное чешским коллегам, отметившим недавний юбилей российского богемиста Л.Н. Будаговой сборником текстов ее лекций о литературе и культуре, прочитанных в Чехии на чешском языке.

Г.П. Мельников
(Институт славяноведения РАН, Москва,
Государственная академия славянской культуры, Москва)

Кирилло-мефодиевская традиция в чешской культуре XIV–XVIII вв.

Abstract:

Melnikov G.P. *The Tradition of Cyril and Methodius in the 14th-18th century Czech Culture.*

In the lands of the Kingdom of Bohemia the tradition of Cyril and Methodius acquired crucial functions for the Church and the State during the reign of Charles IV (14th century), exerting a strong influence on the Czech culture. A complex of ideas was born synthesizing the state ideology, the Christian tradition of ecumenism (uniting all the Christian world), Czech (and later, in Baroque era, Moravian) patriotism, glagolitic tradition and universalism. The zenith of the influence of Cyril and Methodius tradition was reached during the activity of the Emmaus Monastery in Prague (14th century) and of the Basilica in Velehrad (18th century), where, according to one tradition, Saints Cyril and Methodius worked while in Great Moravia.

Ключевые слова: кирилло-мефодиевская традиция, Чехия, Моравия, Карл IV, эпоха Барокко, религия, церковь, идеология, патриотизм.

Кирилло-мефодиевская традиция являлась важным компонентом не только религиозно-политической, но и культурной жизни Чехии в Позднее Средневековье и Раннее Новое Время. Она приобрела большое значение, которое актуализировалось в разные моменты чешской истории в зависимости от политических целей правителей и общества, от религиозной и культурной ситуации в стране. При этом религиозная, политическая и собственно культурная составляющие были тесным образом связаны друг с другом, взаимно детерминированы и, собственно говоря, составляли синкретическое единство, хотя по разным причинам и в разных ситуациях на первый план выходила одна из них. Кирилло-мефодиевская традиция также составляла важное звено в идеологической программе конкретного исторического периода. Начало политико-идеологической интерпретации кирилло-мефодиевского наследия было положено в середине XIV в., когда оно было включено в концепцию чешской государственности, разработанную и осуществлявшуюся чешским королем и императором Священной Римской империи Карлом IV. В период доминирования гуситской конфессии (XV–XVI вв.) на первый план вышла религиозная составляющая традиции. В эпоху Барокко (XVII–XVIII вв.) в Моравии эта традиция получила историко-патриотическую и религиозно-культурную интерпретацию. В эпоху Нацио-

нального возрождения традиция реинтерпретировалась в русле идей славянской общности.

Ранее, начиная с IX в., как справедливо отметила чешская исследовательница Э. Благова, «кирилло-мефодиевская тематика или кирилло-мефодиевские мотивы вошли в древнюю чешскую письменность самых разнообразных жанров и видоизменялись в отдельных жанрах и даже в отдельных произведениях по-разному. Кирилло-мефодиевская традиция в чешских средневековых памятниках восходит как к традиции древнейших памятников славянских (Житие Константина, Житие Мефодия) и латинских (Итальянская легенда), так и в значительной степени к особой традиции, источники которой до сих пор неизвестны»¹. В. Ткадлчик отмечает, что почитание солунских братьев в Великой Моравии возникло сразу после их смерти и сопровождалось появлением необходимых текстов, но после изгнания кирилло-мефодиевских учеников в 885 г. оно прекратилось из-за отсутствия соответствующих латинских текстов, в чешской же письменности память о братьях сохранялась на всем протяжении правления династии Пршемысловцев, хотя и не очень рельефно².

Историческим ядром этой традиции было предание о крещении чешского князя Борживоя – объединителя чешских племен и фактического основателя чешской государственности – самим св. Мефодием, состоявшемся при дворе великоморавского князя Святополка, считавшегося в чешской традиции королем. Благодаря посланному св. Мефодием в Чехию священнику Каиху началась христианизация Чехии, были основаны храмы и школы. Это не могло не оказать определенного влияния на св. Вацлава, внука Борживоя и главного чешского святого – небесного патрона Чехии и всех чехов, которого воспитывала его бабушка св. Людмила, также получившая крещение из Великой Моравии. Такова концепция, содержащаяся в первой чешской хронике Козьмы Пражского (рубеж XI–XII вв.)³. Таким образом, кирилло-мефодиевская традиция стала одним из отправных моментов складывавшейся религиозно-государственно-культурной собственно чешской святовацлавской традиции и вошла вместе с ней как главная доминанта в чешскую культуру вплоть до современности.

Именно такую интерпретацию кирилло-мефодиевская традиция приобретает в эпоху Карла IV, что было обусловлено рядом причин. Во-первых, это окончательная юридическая интеграция маркграфства Моравия, занимавшего значительную часть бывшей Великой Моравии, в Чешское королевство. Она нуждалась в историческом обосновании, что и было сделано в хрониках XIV в. – сначала, в начале столетия, в первой чешскоязычной стихотворной Хронике так наз. Далимила, затем, в середине столетия, в Хронике Пулкавы, в редактировании которой активное участие принимал Карл IV.

Это обоснование состояло в символическом акте передачи власти из Великой Моравии Чешскому княжеству, осуществленном императором. Таким образом, устанавливалась государственно-юридическая преемственность Чехии по отношению к Великоморавскому княжеству. Этот акт принято называть «*translatio imperii*» (перенос державы)⁴. Как попытался доказать автор этих строк, политическому акту предшествовало «перенесение веры». В Хронике Пулкавы перед рассказом о перенесении державы помещен эпизод, повествующий о том, что св. Мефодий был обижен моравским князем – сыном Святополка. Тот задержался на охоте, и архиепископ Мефодий был вынужден начать литургию, не дождавись князя. Разгневанный князь ворвался в храм со своей свитой и собаками, что было расценено Мефодием как оскорбление христианской религии. Поэтому он ушел в Чехию к князю Борживою, где успешно осуществлял свою деятельность. Таким образом, «перенос веры» включал в себя не только переезд архиепископа, но и подчеркивал, что именно Чешское княжество и его правитель являлись истинно христианскими. Это в религиозно-церковном плане возвышало Чехию над Моравией, обосновывая ее верховенство в системе земель Чешской короны в плане христианской культуры⁵.

Во-вторых, акцентировалась прямая связь правящей династии с установлением христианства в стране, поэтому кирилло-мефодиевская традиция более тесно связывалась со святовацлавским культом. Это четко отражено в написанном самим Карлом IV Житии святого Вацлава (1358)⁶, представляющем собой не очередную редакцию жития, а новый текст, в котором есть эпизоды и положения, ранее в житиях св. Вацлава не встречавшиеся. Уже в названии сочинения («*Hystoria nova de sancto Wenceslao martyre, duce Bohemorum, per dominum Karolum, imperatorem Romanorum, regem Bohemie, compilata*») подчеркнуто авторство Карла с указанием его титулов. Тем самым новое житие поднималось на более высокий государственно-политический уровень. Поскольку Карл по женской линии был потомком династии Пршемысловцев, ему было важно подчеркнуть свое происхождение, а тем самым и своих потомков из Люксембургской династии, от главного чешского святого.

В житии, как и в современной ему хронистике, повышался статус Константина Философа (в текстах этого времени он называется епископом или архиепископом), что придавало больший вес христианизации земель Чешского королевства. Уже в первых чтениях (главах) жития четко обозначена историческая связь таких феноменов, как крещение Великой Моравии, Чехии, кирилло-мефодиевская миссия, деятельность св. Людмилы и св. Вацлава и деяния Карла IV в государственно-церковной сфере. В первом чтении говорится: «Прежде всего блаженным Кириллом, моравским архиеписко-

пом, был окрещен моравский король Сватоплук. Потом, когда Кирилла на архиепископском престоле сменил его брат, блаженный Мефодий, был окрещен славный Борживой, чешский князь, а также и жена его, блаженная мученица Людмила. Крестил их именно тот самый блаженный архиепископ Мефодий, и было это в моравской столице Велеграде, в костеле блаженного Вита»⁷. Важно обратить внимание на одну важную деталь - название храма. Он соименен храму св. Вита в Праге – главному собору Чешского королевства, основанному св. Вацлавом и перестроенному Карлом IV в великолепный готический собор, одним из наиболее сакральных мест которого стала капелла св. Вацлава, где он был погребен. Аналог патронимии костела устанавливал дополнительную связь святовацлавской традиции с кирилло-мефодиевской.

Далее в житии говорится о том, что маленького Вацлава в благочестивом христианском духе воспитывала св. Людмила, крещенная св. Мефодием⁸. В чтениях третьем и четвертом содержатся аллюзии на деятельность самого Карла IV. Подчеркивается значение мирных средств при решении внешних и внутренних конфликтов. Богемоцентризм внутриимперской политики получает сакральное обоснование благодаря эпизоду появления Вацлава на заседании рейхстага в сопровождении ангелов. Регенсбургский архиепископ пророчесствует о том, что Прага станет архиепископией⁹, что и произошло благодаря инициативе Карла, тогда еще маркграфа Моравии. Очевидно, именно эта первая властная должность Карла – наследника престола детерминировала актуализацию кирилло-мефодиевского наследия в контексте государственно-политической преемственности Чехии по отношению к Великой Моравии. В целом эта актуализация стала составной частью общей концепции сакрализации высшей светской власти, разработанной Карлом IV, отразившейся также в художественной культуре.

В-третьих, сложилась новая идеологическая концепция, синтезирующая этническое и христианское начала. В ней делался акцент на происхождение чехов от хорватов через древних греков, как сказано в Хронике Мариньолы¹⁰, расширившей легендарный этногенез чехов, по сравнению с Хроникой Козьмы Пражского, за счет народов древности. В Праге хорошо знали, что именно хорваты-католики сохранили глаголическую письменность. В Средние века считалось, что изобретателем глаголицы и, следовательно, письменной формы славянского языка, был св. Иероним (умер в 420 г.), проведший часть своей жизни в Далмации. Свв. Кирилл и Мефодий поэтому являлись продолжателями и распространителями дела одного из самых почитаемых Отцов Церкви. Также было известно, что хорватские бенедиктинцы-глаголяши почитали солунских братьев, сохранив службу им. Пражские лингвисты круга Карла IV полагали, что хорваты сохранили сла-

вянский язык времен Кирилла и Мефодия, и именно на этом языке говорили древние чехи¹¹. Таким образом, церковнославянский язык приобретал двойной статус древненационального и сакрального.

Центром почитания свв. Кирилла и Мефодия в Чехии стал основанный Карлом IV в 1347 г. в Новом Городе Пражском монастырь На Слованех, позднее (очевидно, с XVII в.) известный как Эммаусский. Он хорошо изучен чешскими историками и искусствоведами¹². В этом католическом бенедиктинском монастыре богослужение совершалось на церковнославянском языке по католическому обряду. Населяли его специально приглашенные из Хорватии монахи-глаголяши, носители кирилло-мефодиевской традиции. В патронимии монастыря солунские братья стоят на втором месте сразу за св. Иеронимом и перед святыми Войтехом и Прокопом Сазавским, понимавшимися тогда как носители кирилло-мефодиевской традиции в общеславянском масштабе, как считает З. Гледикова, объясняющая именно этим отсутствием в патронимии монастыря свв. Вацлава и Людмилы¹³. Однако свв. Войтех и Прокоп одновременно и по преимуществу являются чешскими национальными святыми. Поэтому, судя по расположению имен свв. Кирилла и Мефодия в перечне патронов монастыря, их можно считать святозвонным звеном между Отцом Церкви и национальными патронами – носителями их традиции.

Значение деятельности монастыря На Слованех для реализации политической универсалистской концепции Карла IV, в том числе осуществляемая там реанимация кирилло-мефодиевской традиции, всегда акцентировалась в научной литературе. Недавно на этот аспект вновь указала К. Бенешовская в сборнике, специально посвященном состоянию современных исследований монастыря На Слованех¹⁴. Монастырь стал значимым центром религиозной политики императора, которую в современных понятиях можно обозначить как христианский экуменизм. Он основывался на понимании ойкумены как христианского универсума, подвластного императору. Отсюда проистекала идея фактического объединения христиан, выраженная в Хронике Мариньолы и содержавшая призыв к новому крестовому походу на Восток и утверждению Карла IV на троне «в городе Давидовом»¹⁵. В указанном сборнике статей обстоятельному анализу подвергнуты фрески монастыря, их программа, иконография и живописная форма.

Включенность монастыря На Слованех в универсальную христианскую имперскую концепцию Карла IV в топографии Нового Города Пражского была выражена иеротипически, как показала З. Опачич¹⁶. Его месторасположение и иконография фресок были тесно связаны с ритуалом ежегодного показа имперских святынь и христианских реликвий, включая предметы из сокровищницы храма св. Вита, на главной площади Нового

Города (с 1350 г.). Таким образом, славянский монастырь, включая его кирилло-мефодиевскую традицию, интегрировался не только в славянскую, но и в общеимперскую христианско-государственную традицию.

Христианизаторская цель деятельности монастыря была четко обозначена в грамотах о его основании (1347–1348 гг.). Там сказано следующее: «... в пределах и окрестностях Чешского королевства, где говорят на народном языке, много отступников и неверующих, которые, когда им Священное Писание излагают, объясняют или проповедают по-латыни, не хотят его понимать, так что не могут быть причисляющимся образом обращены в христианскую веру»¹⁷. Эта формулировка представляется несоответствующей эпохе, когда христианизация Чешских земель и соседних стран давно закончилась. Кто мог быть «неверующим» в середине XIV в. в Центрально-Восточной Европе? Если имелись в виду литовцы, то они не относятся к славянам. Скорее всего, это старая миссионерская риторическая модель. Однако здесь могли иметься в виду православные, населявшие Великое княжество Литовское и, естественно, почитавшие Кирилла и Мефодия. В этом смысле миссионерская деятельность монастыря На Слованех могла учитывать кирилло-мефодиевскую традицию у православных славян, не желавших латинизироваться, и на общем кирилло-мефодиевском базисе строить перспективу своего развития.

Однако на практике монастырь так и не смог развернуть широкую деятельность из-за малочисленности глаголической братии. Его филиал, основанный в предместье Кракова Клепаже, имел целью работу среди православных купцов, приезжавших по делам из Великого княжества Литовского в столицу Польши, однако просуществовал недолго¹⁸.

Более значителен вклад монастыря в чешскую культуру. Как доказал В. Ткадлчик, именно в монастыре На Слованех была составлена глаголическая служба свв. Кириллу и Мефодию¹⁹. Там же возникла (около 1416 г.) сохранившаяся фрагментарно чешская глаголическая Библия (чешскоязычная Библия, написанная глаголицей) и ряд других текстов²⁰. Среди исследователей прошла дискуссия о взаимоотношениях церковнославянского, хорватского и чешского языков в деятельности и литературной продукции монастыря, итог которой в 1975 г. подвела Л. Пацнерова. Она пишет: «Существование чешской глаголической Библии привело некоторых исследователей к выводу, что в монастыре На Слованех еще до гуситов был введен в официальные богослужебные тексты живой народный язык, что богослужение шло на чешском языке, прикрываемом древним названием глаголицы, как этого якобы хотел основатель монастыря Карл IV. Новейшие исследователи не согласны с тем, что чешскую глаголическую Библию использовали как богослужебную книгу. Это была учебная книга монастыря, и мно-

гочисленные корректуры свидетельствуют о том, что ее постоянно читали. Таким образом, церковнославянский язык не был заменен чешским до 1419 года»²¹. Это мнение утвердил наиболее авторитетный исследователь чешских переводов Библии В. Киас²². Выдающийся славист Ф.В. Мареш еще в 1962 г. подчеркнул, что «чешская глаголица имела прежде всего идеологическую функцию: она выражала то, что живая чешская культура развивается в центре *славянском*, в центре, связанном с древней традицией и широким европейским контекстом, в очаге, который своей ориентацией не тождествен остальной Праге»²³. Однако, как отмечалось выше, новейшие исследования показали, что славянский элемент был интегрирован в имперский христианский универсум, поэтому противостояния славянской и латинской культурно-лингвистической традиции в Праге того времени просто не существовало.

По вопросу о значении монастыря На Слованех не так давно В.Ткадлчик высказал мнение, что его «государственная функция», в которую входил возобновленный культ свв. Кирилла и Мефодия, превалировала над чисто церковной²⁴. Это представляется неточным и в методологическом отношении модернизаторским подходом в свете общей концепции чешского государства Карла IV, основанной на средневековом универсализме с его принципом (в идеале) симфонии светской и духовной власти, где государственная и религиозно-церковная сферы составляли синтетическое двуединство. Государственная идеология и политика были пронизаны христианскими идеологемами, а религиозно-церковная сфера включала в себя этнический и государственный патриотизм.

По вопросу о канонизации солунских братьев в католической церкви ученые высказывали различные соображения, связанные с отсутствием специального папского документа об их канонизации. Однако необходимо принять точку зрения В. Ткадлчика, который убедительно показал, что собственно акта канонизации Кирилла и Мефодия в католичестве по понятиям Средневековья не требовалось, поскольку она уже существовала де-факто в IX–XI вв. Необходимо было не новое папское решение, а реальное возобновление почитания этих персон, реставрация их культа, что и было осуществлено в Чехии в середине XIV в. Праздник в честь свв. Кирилла и Мефодия был установлен на 9 марта²⁵. Конечно, в католическом мире их почитание ограничивалось Чешским королевством, но впоследствии оно было папским решением распространено на все католические страны. В Польше, Венгрии, не говоря уже о Хорватии, это укрепило и ранее существовавшую здесь кирилло-мефодиевскую традицию. При этом в странах латинской письменности солунские братья рассматривались как христианские миссио-

неры, крестившие местное славянское население или укреплявшие новое христианское учение.

В Чехии не возникло храмов, специально посвященных свв. Кириллу и Мефодию, однако в Праге и Оломоуце – столице Моравского епископства были сооружены посвященные им храмовые алтари (в 1367 и 1360 гг. соответственно)²⁶. Исходя из этих дат, можно установить первенство Оломоуца как непосредственного преемника великоморавского архиепископства, возглавлявшегося самим св. Мефодием. В статутах оломоуцкого епископа Яна (какого именно, так как было несколько епископов, носивших это имя, неясно) солунские братья называются «блаженными и прославленными проповедниками Христовыми и епископами... и святыми патронами и апостолами нашей епархии»²⁷. В Моравии во второй половине XIV в. возникают новые кирилло-мефодиевские легенды “Tempore Michaelis imperatoris”, “Beatus Cyrillus”, “Quemadmodum ex histories”, а также рифмованные службы этим святым. В первой из упомянутых легенд Кирилл и Мефодий прямо названы «патронами Моравии»²⁸. Тем самым была заложена моравская традиция особого церковного почитания солунских братьев, ярко о себе заявившая в XVII–XVIII вв., в эпоху Барокко.

В середине XIV в. в Праге складывается иконография свв. Кирилла и Мефодия. Они предстают как солидные мужи среднего возраста, с бородой, облаченные в одеяния клириков. Их живописные изображения появляются в императорской резиденции – замке Карлштейн, а скульптурные бюсты помещаются в верхнем (наружном) трифории собора св. Вита в Праге, где они напрямую символизируют небесное покровительство этих святых Чехии и ее народу.

Деятельность солунских братьев концептуально входила в идеологему богоизбранности чехов, разработанную при непосредственном участии монарха в хрониках эпохи Карла IV. Ее частью была трансформация Чехии и ее столицы Праги во второй Рим и Новый Иерусалим как центр восстановленного христианского универсума. Этот ранее сформулированный тезис²⁹ сейчас общепринят в чешской науке³⁰. Таким образом, и здесь соединялись политика и религия, синтез которых должен был возвеличить Чешское королевство.

Эта новая функция требовала ретроспективной, исторически аргументированной сакрализации Чехии и ее столицы. Лучшей темой для такой исторической легенды могла послужить кирилло-мефодиевская традиция. Это и было осуществлено в Хронике Пулкавы, отредактированной Карлом IV. Хронист, опираясь на предание, возникшее, очевидно, в XI в., поместил рассказ о пребывании Константина Философа в Праге, в которой он остановился на пути в Рим, куда он вез обретенные им ранее в Крыму мощи святого

папы Климента³¹. Таким образом, Прага заняла центральное место на оси Великая Моравия – Рим, что значительно поднимало ее сакральный и политический статус в сознании современников. Пребывание мощей св. Климента, хотя и временное, в Праге, акцентируемое хронистом, выступало в качестве связующего звена кирилло-мефодиевской и святоклиментовской традиций в Чехии, что также содействовало поднятию ее престижа в церковной сфере. Эта легенда наряду с рассказом о крещении Борживоя вводила свв. Кирилла и Мефодия в число собственно чешских святых. То же явление мы видим в «Чешском пассионале», где жития солунских братьев помещены непосредственно перед житиями чешских святых.

В XV–XVI вв. кирилло-мефодиевская традиция стала аргументом в полемике между гуситами и католиками, имевшей не только церковный, но и церковно-политический аспект, связанный с утверждением гусизма как чешской национальной конфессии. Гуситы обосновывали замену латыни в богослужении, ссылаясь на авторитет Кирилла и Мефодия, забывая при этом, что солунские братья ввели церковнославянский язык «высокого стиля», они же – живую чешскую речь. Обосновывая причащение мирян под двумя видами – хлебом и вином, главные идеологи гуситов Якоубек из Стржибра и Ян Рокицана ссылались на практику причащения, применявшуюся кирилло-мефодиевской миссией, игнорируя тот факт, что в IX в. причащение под двумя видами (утраквизм) было распространено в едином тогда христианском мире. Не принимали они во внимание и то, что главный противник св. Мефодия в Великой Моравии – епископ Нитры немец Вихинг также причащал моравян под двумя видами. Наиболее ярко идею наследования гуситами кирилло-мефодиевской традиции и ее актуализацию сформулировал Богуслав Билейовский в «Чешской хронике» (1547). Почитание Кирилла и Мефодия также существовало в Общине чешских братьев и даже у чешских лютеран, не признававших в принципе культа святых.

Католики акцентировали связи свв. Кирилла и Мефодия с Римом, что видно из сочинений Энея Сильвия Пикколомини – будущего папы Пия II, автора ставшей популярной «Чешской хроники», оломоуцкого епископа Яна Дубравивуса, прославившегося трактатом о рыбоводстве, и римского кардинала Цезаре Баронии (Цезарь Бароний), включившего свв. Кирилла и Мефодия в свой «Римский мартиролог», получивший широкую известность во всей Европе. Болландисты включили в свои знаменитые «Acta Sanctorum» несколько текстов, посвященных солунским братьям. У чешских католиков память о них закрепилась главным образом посредством ставшей чрезвычайно популярной «Чешской хроники» (1541) Вацлава Гаска из Либочан. В ней автор в беллетризованной форме повторил древние легенды о крещении Чехии не только св. Мефодием, но и «святым епископом Кириллом», о пре-

бывании последнего в Праге с мощами св. Климента на пути в Рим³². В XVI в. такая интерпретация преследовала, помимо других, явно политическую цель – сохранение престижа Чехии в Европе, подорванного гуситским движением, расценивавшимся католическим миром как ересь; сама же Чехия получила название страны еретиков. Поэтому в задачу Гаека, католического священника и чешского патриота, входила демонстрация приверженности чехов истинному христианству, основанному на проверенной веками кирилло-мефодиевской традиции. Благодаря своей популярности хроника Гаека транслировала почитание свв. Кирилла и Мефодия в следующую историко-культурную эпоху – Барокко.

В XVII–XVIII вв. центром почитания свв. Кирилла и Мефодия становится Моравия, тогда как в собственно Чехии их культ существует в гораздо более скромных формах. В Моравии в эпоху Барокко, как и в XIV в., культ святых братьев является составной частью идеологии земского патриотизма, где он акцентирует его христианский аспект. Во многих текстах подчеркивается, что именно Великая Моравия была тем центром, откуда христианство распространилось в другие славянские земли – Чехию, Польшу, на территорию будущей Венгрии, тогда заселенную славянами. Предметом особой гордости мораван эпохи Барокко становится крещение чешского князя Борживоя в столице великой Моравии Велеграде самим св. Мефодием как символ превосходства маркграфства Моравия над королевством Чехия, в которое оно входит. Об этом говорит распространенность этого сюжета в живописи и литературе моравского барокко. Таким образом, кирилло-мефодиевский культ в Моравии имел явный внутривнутриполитический смысл, как в рамках Чешского королевства, так и в масштабе всей империи Габсбургов, – показать ее первенство в государственно-религиозном плане в системе земель Чешской короны.

Удивительно, что такая аргументация «моравского патриотизма» родилась не в Средневековье, когда неоднократно предпринимались попытки отделить Моравию от земель Чешской короны («моравский сепаратизм»), а в эпоху Барокко в условиях полной потери суверенитета самого Чешского королевства. Этот парадокс, как представляется, следует объяснять исходя из того единого комплекса политическо-религиозных представлений, который сложился в позднее Средневековье благодаря синтетической концепции власти, разработанной Карлом IV. С 1620-х годов в собственно чешских землях идет организованный властью Габсбургов процесс рекатолизации «страны еретиков», что стало возможным только после победы Габсбургов в битве на Белой горе в 1621 г. над восставшими чешскими сословиями, к которым моравские сословия не присоединились. Эта победа, подтвержденная условиями Вестфальского мира 1648 г., закрепила вхождение земель Чеш-

ской короны в державу Габсбургов на правах наследственных владений. Частью программы рекатолизации становится идеологема возвращения к «истинному» христианству, т. е. католицизму, народа, «погрязшего в гуситской ереси», осуществляемая путем смены конфессионально-культурного типа. Это оказался довольно длительный процесс, далеко не всегда проходивший гладко и однозначно. Лишь к началу XVIII в. «религиозная реабилитация» чехов завершилась, сложилась новая католическая барочная культура, что нашло свое высшее выражение в возникновении нового религиозного культа – почитания Яна Непомуцкого. В Моравии такого процесса не было, поскольку ее города и почти все дворянство, за редким, но значимым исключением (Карел Старший из Жеротина), а также крестьянство, оставались католическими, верными Габсбургам. Центры Общины чешских братьев, находившиеся в Моравии под покровительством Жеротина, не наладили прочных связей с окрестным населением, оставаясь по сути замкнутыми сообществами. Поэтому после Белой горы Моравии было легко показать свою верность «вере и престолу». «Истинное католичество» Моравии стало аргументом ее превосходства над мятежной «еретической» Чехией, поэтому расцвет моравской барочной католической культуры включал в себя компонент религиозного первенства. Именно он персонифицировался в свв. Кирилле и Мефодии, что обусловило распространение и особые формы их культа в Моравии.

Центром почитания свв. Кирилла и Мефодия стал Велеград. Это монастырь недалеко от города Угерске Градиште в Юго-Восточной Моравии, когда-то входившей в Великую Моравию. Считалось, что это именно тот Велеград, который упоминается в текстах IX в. как столица Великой Моравии, в которой находился ее главный храм, где служил и был затем погребен св. архиепископ Мефодий. Лишь археологические раскопки XX в. доказали, что в поселении под современным названием Велеград великоморавский слой отсутствует. Очевидно, государственно-религиозный центр находился на территории современного города Угерске Градиште³³. Почему произошел перенос названия населенного пункта, остается непонятным. Как бы то ни было, уже в XII в. именно этот Велеград, бывший тогда деревней, считался заброшенным центром кирилло-мефодиевской миссии.

Поэтому в 1204 г. папа Иннокентий III по просьбе моравского князя Владислава Индржиха, подтвержденной чешским королем Пршемыслом Отакаром I, основал там цистерцианский монастырь, дав ему затем, в 1208 г., охранную привилегию. Был построен в романском стиле храм большого размера. Интересно отметить, что в том же 1204 г. папа канонизировал Прокпа Сазавского, что ясно говорит о каком-то римском проекте поддержки историческо-церковной памяти о едином, досхизматическом христианском

мире. Конечно, просьбы о канонизации и основании монастыря исходили от чехов. Однако представляется, что этот проект как-то связан с IV Крестовым походом 1204 г., в ходе которого крестоносцы вторглись в Византию и другие православные земли. Как известно, Иннокентий III снял свое благословение с этого похода именно из-за агрессии крестоносцев против других христиан. Может быть, в этой ситуации папе было необходимо и актуально напомнить о былом единстве христиан Европы. Для этого Кирилл и Мефодий, а также Прокоп Сазавский были идеальными фигурами, буквально воплощавшими единство элементов восточно-христианского богослужения и ориентации на Рим.

В 1629–1735 гг. старый романский храм Вознесения Девы Марии в Велеграде полностью перестраивается в огромную барочную базилику, интерьер которой изобилует великолепной живописью, скульптурой, произведениями декоративно-прикладного искусства и декором. Одна из центральных частей росписи потолка (над кафедрой) изображает сцену крещения великоморавского «короля Сватоплука», которое, по старой легенде, было осуществлено совместно свв. Кириллом и Мефодием. Существует, однако, мнение эксперта, что там изображено крещение Борживоя³⁴. Учитывая, что эта сцена изображена на алтарном образе в капелле св. Мефодия, следовательно, дважды повторяется, предложенную атрибуцию вряд ли можно принять. Сюжет крещения Святополка солунскими братьями подчеркивает триумф духовной власти над светской и одновременно союз с ней, а также доминирование славянского элемента в христианизации Великой Моравии.

Солунским братьям посвящены две специальные капеллы, находящиеся напротив друг друга в центре двух рядов боковых капелл однефной базилики. Капеллы расположены на третьем по значимости месте храма, исходя из христианской иеротопии³⁵. Настенные росписи и алтарные картины работы живописца И.Рааба – иезуита, жившего в самом Велеграде в 1770–1787 гг., изображают важнейшие эпизоды из житий каждого святого. Св.Кирилл представлен как вероучитель славян; оба брата, в соответствии со средневеково-барочной традицией, как епископы. В капелле св.Мефодия центральное место, естественно, занимает алтарная композиция «Крещение Борживоя». Соотнося иеротопическое положение в системе храмов сюжетов крещения Святополка и Борживоя, можно утверждать, что второй сюжет, расположенный внизу сбоку, занимает подчиненное место в сравнении с первым, представленным в росписи плафона. Таким образом, наглядно-символически выражается идея государственно-религиозного приоритета Моравии по отношению к Чехии, что, как отмечалось, являлось составной частью культурно-исторического «мифа Моравии» эпохи Барокко.

На фасаде базилики среди скульптур святых помещены статуи свв. Кирилла и Мефодия (барочные статуи были заменены в 1900 г. новыми). На потолке рефектария И. Рааб поместил «апофеоз Велеграда» – символическую композицию, не имеющую иконографических аналогов, в которой свв. Кирилл и Мефодий в облачении епископов доминируют над остальными персонажами.

Интересно отметить, что идея симфонии духовной и светской властей в изобразительном ряде базилики привела к появлению сюжета «Смерть короля Святополка среди отшельников», впервые встречающегося в «Чешской хронике» Козьмы Пражского (рубеж XI–XII вв.) и затем ставшего популярным. Раскаяние Святополка снимало с него грех изгнания учеников свв. Кирилла и Мефодия и косвенно подтверждало правоту и святость Мефодия.

Патронимическая специфика Велеградского монастыря отражена и в литургических текстах, созданных в нем. Еще в Велеградской литании XII в. свв. Кирилл и Мефодий упоминаются сразу после Девы Марии и апостолов Петра и Павла³⁶. В сакральном декоре базилики также наглядно проведена параллель между первоапостолами и «апостолами славян», что нарушало общепринятую иерархию святых с целью повышения значимости Кирилла и Мефодия в моравском сакральном топосе. Эта параллель была визуально закреплена в начале XX в., когда по бокам пресвитерия были поставлены скульптурные группы Петра и Павла и Кирилла и Мефодия, выполненные в стиле позднего академизма скульптором Ф. Нойманом из города Кромнерж – летней резиденции оломоуцких архиепископов.

Во всех перечнях епископов Моравии первыми назывались Кирилл и Мефодий, поэтому оломоуцкие епископы считали их своими предшественниками и всемерно поддерживали их культ. В одном из главных храмов церковной столицы Моравии Оломоуца – костеле св. Морица (Маврикия) по инициативе пробста Франческо Грегорио, графа Джаннини, т. е. итальянца, знакомого с римской традицией почитания солунских братьев, была написана фреска на сюжет крещения Борживоя св. Мефодием. Концептуально всю историю моравской церкви связал с делом свв. Кирилла и Мефодия приходской священник Ян Иржи Стршедовский, автор огромного по объему сочинения с характерным названием “*Sacra Moraviae historia sive Vita ss. Cyrilli et Methodii*”, изданного в 1710 г. при поддержке оломоуцкого епископа Карла III Лотарингского. Периодически у моравских церковных властей, а также у чешских сословий, появлялась идея переноса из Рима в Чешское королевство частиц мощей св. Кирилла и св. Мефодия (считалось, что тот тоже умер в Риме, – сообщение великоморавских источников о его смерти и погребении в Велеграде были забыты). Однако в папской курии эти запросы

не находили понимания, скорее всего потому, что было забыто место погребения св. Кирилла. В лучших и наиболее популярных барочных канционалах, начиная с Адама Михны (Прага, 1661), таких как сборники М.В. Штейера, Й. Божана, А. Кониаша и др., печаталась духовная песнь о свв. Кирилле и Мефодии³⁷.

Мораване принесли особое почитание свв. Кирилла и Мефодия в столицу империи Габсбургов Вену, где в костеле св. Михаила, расположенном рядом с императорским дворцом, в воскресенье перед или после праздника свв. Кирилла и Мефодия 9 апреля, когда служил особо уважаемый иерарх, лучшие венские проповедники читали по-немецки специальные проповеди, издававшиеся печатно с 1708 по 1774 гг. В них свв. Кирилл и Мефодий уподоблялись Моисею и Аарону, чего не было в собственно моравских текстах. В 1757 г. Михаэль Гайдн, младший брат великого Йозефа Гайдна, выдающийся церковный композитор, написал специальную мессу в честь свв. Кирилла и Мефодия³⁸.

Таким образом, в Моравии эпохи Барокко состоялась повторная, после XIV в., интеграция кирилло-мефодиевского культа в имперско-католический универсум. Однако при этом, в отличие от эпохи Карла IV, была как бы забыта их деятельность по созданию и распространению славянской письменности и литературного церковнославянского языка. На первый план вышел религиозный и патриотический аспекты, дававшие приоритет земле, на которой солунские братья осуществляли свою миссию, центральной частью которой теперь считалось крещение великоморавского и чешского монархов. Культура Барокко придала этой идеологеме пафос, блеск, театральность и спиритуализацию историко-политической концепции.

Примечания

¹ Благова Э. Кирилло-мефодиевская тематика в памятниках письменности средневековой Чехии до XIV в. // Кирило-Методиевски студии. Кн. 3. София, 1986. С. 56.

² Tkadlík V. Cyrilometodějský kult na křesťanském Západě. Olomouc, 1995. S. 8-10.

³ Cosmas Pragensis. Chronica Bohemorum. Cap. XIV-XV.

⁴ Spěváček J. Karel IV. Praha, 1980. S. 291.

⁵ Мельников Г.П. Политический миф в чешской хронистике. («Перенесение веры» из Великой Моравии в Чехию в хрониках XIV-XVI веков) // Культура и история. Славянский мир. М., 1997. С. 159-170.

⁶ Наиболее полный анализ этого сочинения дал И.Спевачек: Spěváček J. Op. cit. S. 344-347. См. также: Vidmanová A. Karel IV jako spisovatel // Karel IV. Literární dílo. Praha, 2000. S. 13.

⁷ Karel IV. Literární dílo. S. 125.

⁸ Ibid. S. 126.

⁹ Ibid. S. 127.

¹⁰ Kroniky doby Karla IV. Praha, 1987. S. 458.

¹¹ Výbor české literatury od počátků po dobu Husovu. Praha, 1957. S. 739-740.

- ¹² Z tradic slovanské kultury v Čechách. Sázava a Emauzy v dějinách české kultury. Praha, 1975; Emauzy. Benediktinský klášter Na Slovanech v srdci Prahy. Praha, 2007. Подробный список научной литературы об этом монастыре см.: Bláhová M. Klášterní fundace Karla IV // Ibid. S. 29, p. 19. Анализ искусствоведческой литературы дан в статье: Benešová K. Klášter Na Slovanech (Emauzy) v české umělecko-historické literatuře 20. – 21. století // Ibid. S. 8-16.
- ¹³ Hledíková Z. Fundace českých králů ve 14. století // Sborník historický. Praha, 1982. N 28. S. 42.
- ¹⁴ Benešová K. Op.cit. S. 8.
- ¹⁵ Kroniky... . S. 502.
- ¹⁶ Opačič Z. Emauzský klášter a Nove Město pražské: slovanská tradice, císařská ideologie a veřejný rituál v Praze 14. století // Emauzy. Benediktinský klášter... S. 32-60.
- ¹⁷ Karel IV. Statnické dílo. Praha, 2003. S. 64.
- ¹⁸ Řeháček L. Emauzský klášter a Polsko. (K založení a významu filiálních klášterů Emauz v dolnoslezské Olešnici v Klepařích u Krakova // Z tradic... S. 203-222.
- ¹⁹ Tkadlčík V. Op. cit. S. 13.
- ²⁰ Havránek B. Vztahy kláštera Na Slovanech k jazyku a literatuře chavátskohlaholské // Z tradic... S. 145-147; Pacnerová L. Česká hlaholská literatura v klášteře Na Slovanech // Z tradic... S. 155-160.
- ²¹ Pacnerová L. Op.cit. S. 156-157.
- ²² Kyas V. Česká Hlaholská bible v poměru k ostatním českým biblickým rukopisům // Slavia. 1956. N 25. S. 340.
- ²³ Mareš F.V. Hlaholice na Moravě a v Čechách // Slovo. 1971. N 21. S. 133.
- ²⁴ Tkadlčík V. Op. cit. S. 22-23.
- ²⁵ Ibid. S. 13.
- ²⁶ Ibid. S. 22.
- ²⁷ Цит. по: Ibid. S. 23-24.
- ²⁸ Ibid. S. 24.
- ²⁹ Kotrba V. Nové město Pražské – “Karlstadt” – v univerzální koncepci císaře Karla IV // Z tradic... S. 53-66.
- ³⁰ Kubinová K. Imitatio Romae: Karel IV a Řím. Praha, 2006; Benešová K. Op. cit. S. 11.
- ³¹ Kroniky... . S. 280.
- ³² Мельников Г.П. Сотворение чешского исторического мифа: хроника Вацлава Гаека из Либочан // Историческая память в культуре эпохи Возрождения. М., 2012. С. 280-291.
- ³³ Pojsl M., Huhlík V. Velehrad v památkách osmi století. Praha, 1997.
- ³⁴ Zlámal B. Uvodní slovo // Smahel R. Velehrad. Olomouc, 1990. S. 14.
- ³⁵ Ibidem.
- ³⁶ Ibidem.
- ³⁷ Tkadlčík V. Op. cit. S. 30-31.
- ³⁸ Ibidem.

Кирилл и Мефодий в Болгарии – о празднике и нации*

Abstract:

Anastasova E. Cyril and Methodius in Bulgaria – about Feast and Nation.

The holy brothers Cyril and Methodius are the creators of Slavic alphabet and translators of Christian Holy books, and they are famous in the whole Orthodox and Catholic Slavic World. They are very important for EU-spiritual life as well, especially after 1980, when they were proclaimed by Pope Joan Paul II as co-patrons of Europe. The feast of Sts. Cyril and Methodius (11/24th May) and their lives and work had a central place in Bulgarian state building processes and in the Bulgarian national paradigm.

The paper deals with the role of Sts. Cyril and Methodius's feast in the process of Bulgarian national consolidation in the National Revival period, and with the place of Holy Brothers' myth in interethnic relations in Bulgaria.

Ключевые слова: праздник Кирилла и Мефодия, места памяти, нация, государственные границы, этнические границы.

Национальное возрождение славянских народов тесно связано со славянскими просветителями – святыми равноапостольными братьями Кириллом и Мефодием. Византийские дипломаты, создатели славянской письменности¹, переводчики богослужбных книг на церковнославянский язык – „язык сакральный и божественный”, они являются эмблемой славянского культурного и религиозного мира. Деятельность братьев и их учеников² занимает важное место не только в процессах национального Возрождения, но и в становлении национальных парадигм современных славянских государств. С другой стороны, их дело является значимым для духовного развития Европы, как религиозного (церковного), так и секулярного (идеологического). Кирилл и Мефодий канонизированы Русской православной церковью в 1963 г.³ (позже – и остальными православными церквями) и Католической церковью – в 1880 г.⁴ Как символ сближения Запада и Востока, в 1980 г. „славянский папа” Иоанн Павел II⁵, один из величайших политиков и „архитекторов” „новой Европы” в XX в., провозгласил их духовными покровителями Европы.

---

* Текст подготовлен в рамках проекта ДОО2-315/19.12.2008 г., Анекс №1/17.12.2010 г. «Празникът на св. св. Кирилл и Методий – от националното към европейското духовно пространство», Фонд научни изследвания, Министерство на образованието, младежта и науката, Република България.

Кажется парадоксальным, но и сегодня, в начале XXI в., несмотря на неоспоримый над- (и пред-) национальный характер дела братьев, Кирилл и Мефодий являются символом национального сознания, вклада в мировую цивилизацию и отсюда – неисчерпаемой национальной гордости в большинстве славянских стран. Национальный миф воспроизводится в празднике обоих святых, в светской и/или религиозной форме. Таким образом, праздник, насыщенный национальными посланиями, является транснациональным *par excellence*.

Логично „национализация” братьев начинается параллельно с зарождением национальных движений, когда миф и праздник Кирилла и Мефодия занимают важное место в национальных (и мета-национальных – в панславизме, например) идеях о специальной миссии славянства в период национального возрождения, а позже – в национальных мифологиях современных славянских государств. Каждая из славянских стран рассказывает свою историю (миф) о святых и их учениках, интерпретируя различным образом как их этническое происхождение, так и язык, который они создали, в рамках своей, национальной перспективы⁶. Этот процесс, в общих чертах законченный к концу Второй мировой войны, можно определить как „сакрализация национализма” (Rohdewald 2008: 287).

Национальный миф о братьях Кирилле и Мефодии, рассказываемый их праздником, имеет свое место в период социализма и после падения Берлинской стены, когда он снова актуализирован одним или другим образом в пост-социалистических славянских государствах. Очевидно, Кирилл и Мефодий и их чествование важны и для европейской интеграции, снова как эмблема единства, на этот раз – единого европейского духовного пространства.

Если фундаментальный характер дела Кирилла и Мефодия достаточен, чтобы объяснить его национальные „прочтения” и „употребления”, популярность и масштабность чествований святых обязывает сказать несколько слов о *концепте праздника в национальном государстве*. Как известно, праздники (национальные и государственные⁷) являются одним из наиболее значимых элементов антропологии нации. Наряду с флагом, гимном и пр., они содержат в себе *пафос* (внушающий определенные ценности) и *заряд эмоций* (связанный с переживанием этих общих ценностей), необходимые как для *консолидации разделяющих их общностей*, так и для *отделения „своих” от „чужих”*, которым это праздничное переживание недоступно. Праздники конструируют общие для нации „фигуры памяти” (Assmann 1997: 52) и „места памяти” (Nora 2011) – символические образы, связывающие личности, события, время и пространство „национальной памяти”, выстраивающие и поддерживающие *национальную идентичность*. В этом

смысле, бесспорно, что Кирилл и Мефодий являются одними из наиболее значимых фигур в национальной памяти для большинства славянских народов, а их праздник – специфическим топосом в национальной праздничной системе.

В рамках этой статьи мы хотели бы проследить кирилло-мефодиевский праздник в одной из „кирилло-мефодиевских стран”, в перспективе становления государства-нации, т.е. в контексте национальной консолидации, с одной стороны. С другой стороны, мультиэтнический постимперский контекст, в котором создается часть „кирилло-мефодиевских” национальных государств, без сомнения тоже представляет специальный интерес. Болгария, как одна из стран, которая переживает миф и праздник Кирилла и Мефодия с особенным воодушевлением, является подходящим примером для подобного исследования.

Кирилл и Мефодий и их наследство⁸, как и праздник, посвященный им, наряду с чествованием других важных для формирования нации событий (Освобождение от османского владычества, отделение от Константинопольской патриархии⁹ и пр.), играют центральную роль в болгарской национальной мифологии.

Здесь мы попытаемся представить праздник Кирилла и Мефодия в контексте конструирования болгарской национальной парадигмы и межэтнических отношений, которые этот процесс порождает, среди двух групп населения в черноморском городе Созопле – так. наз. фракийских болгар и считающих себя греками жителей города. Статья подготовлена на базе опубликованных и архивных материалов и собственных полевых исследований¹⁰.

Пространства государства-нации в Болгарии и праздник Кирилла и Мефодия

Национальное государство базируется на сети институтов, среди которых ведущее место занимают образовательные (Gellner 1983) – школы, библиотеки и университеты¹¹. В Болгарии специальное и важное место занимают так. наз. *читалища* (*читалища*), специфический локальный культурный и образовательный институт¹², который играет очень важную роль в процессе просвещения и формирования национального самосознания в период Возрождения. Еще в творчестве первых болгарских возрожденцев появляется тезис о болгарском происхождении братьев Кирилла и Мефодия, развитый Василием Априловым (Априлов 1841а, 1841б, 1842), чьи сочинения в этот период очень популярны¹³. Как отмечает Н. Данова: „Труды Васи́ла

Априлова распространяются и читаются по всей Болгарии и мы находим их в почти каждой школьной и личной библиотеке XIX в.” (Данова 2003: 48).

Церковь, школа и *читалиште* являются первыми институтами, где формируется мифология (идеология) и массовые формы чествования братьев – *праздник Кирилла и Мефодия*. Само создание этих институтов связывается с делом двух братьев (часть их названа их именами¹⁴), которое олицетворяется их праздником, чествованием 11 (24) мая (соответственно церковный/светский праздник). Именно здесь конструируются два семантических профиля Кирилла и Мефодия – святые/просветители – т.е., религиозный и светский, из которых второй занимает значительно больше места в болгарском национальном дискурсе.

Праздник занимает фундаментальное место в становлении самых важных, в контексте национального государства, составляющих. У него не только своя собственная территория, но, как у любого ритуала, система установленных действий (молебн, процессии, торжественные речи, гимн, венки из цветов). Он создает и специфическую эмоциональную (праздничную) атмосферу, сопровождающую и сегодня один из самых любимых болгарских праздников – Праздник болгарского просвещения и культуры и славянской письменности.

Существует мнение, что праздник (ритуал), в котором сконцентрировано послание мифа, воспринимается и переживается намного эмоциональнее и находится гораздо ближе к носителям культуры, нежели сюжет (миф), который он рассказывает¹⁵. Праздник Кирилла и Мефодия не является исключением – каждый болгарин сегодня (независимо от поколения) знает двух братьев как „создателей болгарской письменности” и оценивает их праздник как „самый болгарский”: «Праздник Кирилла и Мефодия – самый красивый, самый болгарский праздник!»¹⁶; «Помню, как нас водили из школы в лес собирать цветы, мы вили венки... А на следующий день – манифестация, все вместе, поем, праздник!»¹⁷; «Я вспоминаю, как мы собирали цветы в саду, вили большой венок, чтобы украсить школьные ворота. С синими галстуками, потом с красными, украшали портрет Георгия Димитрова, такие были портреты в школе. На следующий день манифестация, мы обходили все село, пели гимн Кириллу и Мефодию... Потом мои дети делали то же самое»¹⁸.

Но далеко не каждый мог бы рассказать историю (миссии, творчество и пр.) святых братьев: «Сколько всего было миссий – Моравская, Паннонская... Была и еще какая-то... Кажется, их было пять... Не помню...»¹⁹.

Популярность праздника, естественно, связана не только с более сильным воздействием ритуала в сравнении с мифом (соотношением между акциональным и вербальным), но и с *долгой историей его чествования в Бол-*

гариш. Она развивается в логической диаде религиозное – национальное, отмечая переход от *средневекового государства*, в котором церковь и религия занимают фундаментальную позицию, к *светскому национальному государству*, основой которого является школа (Gellner: 1983).

Болгарское национальное возрождение тесно связано с болгарской эмиграцией (в Константинополе, Белграде, Одессе и пр.), пресса которой сообщает о праздновании Дня Кирилла и Мефодия (часто оно связывается с основанием одноименных школ²⁰) в различных городах и селах Болгарии. Вот одно свидетельство очевидца праздника:

„Копривштица, 16 мая 1860.

У нас, как вы может быть знаете, уже несколько лет отмечается память наших апостолов и просветителей в христианстве, св. Кирилла и Мефодия; но в этом году этот праздник своей торжественностью и великолепием превзошел и саму Пасху.

11 мая звон колоколов двух церквей известил жителей, что настал великий и радостный день – праздник св. Кирилла и Мефодия, этих двух великих и светлых звезд на болгарском небе. Многочисленный народ...! Каждая болгарская душа поспешила в божий храм встретить праздник этих святых и великих народных мужей. Наконец-то наступил долгожданный и многозначительный день. Божественная служба совершилась с наибольшим возможным великолепием в церкви св. Богородицы...

Но надо вам сказать, что это не только память о святых мужах, которая превращает это торжество в великое. Тут есть и побольше причина. Этот праздник был и праздником избавления от фанариотского тиранства, от греческого духовного господства над нами...

Потом весь народ, предводимый священством, одетым в священные одежды, пошел в школу св. Кирилла и Мефодия, где сделали водосвет, после которого двое главных учителей произнесли подходящую для этого случая речь... При этом обряде присутствовали местный начальник и кадия²¹, которые очень благодарили за порядок, с которым чествовался этот праздник²².

В материалах эмигрантской прессы ясно виден и *сценарий праздника*, который не особенно отличается от более поздних национальных чествований (естественно, религиозная часть отсутствует в атеистические времена социализма) – церковная служба, водосвет, торжественные слова, венки и пр.:

„Калофер, 20 мая 1861.

Г-н редактор Дун.[авского] Лебеда!

И в нашей деревне праздник святым нашим учителям Кириллу и Мефодию отмечается торжественно. Утром загремели два колокола верхней церкви св. Архангела, чей голос призывал всех жителей на божественную службу, которую провел наш архимандрит от[ец] Хрисант в содружии с тремя священниками, одетыми в самые светлые церемониальные одежды. После св[ятого] благовестования в ряде “рцем вси” г. Хрисант спел одну эктению для избавления тех, кто пострадали за наш род, св[ятых] пастырей Иллариона, Авксентия и Паисия

/18/. И потом, когда весь народ остановился в церковном дворе, один ученик произнес речь, которую наша родолюбивая община просит Вас опубликовать в Вашей уважаемой газете.

Оттуда народ, предводимый образом святых наших отцов, собрался в школе, где во дворе было сооружено строение (что-то вроде сферы), украшенное множеством венков из различных цветов, под которым сделали водосвет, наш учитель господин Ботю /19/ произнес и он другую речь; ограничился в начале независимостью нашей церкви: и потом о том, как она колеблется между двумя противоположными влияниями: т.е. греческим и папистским и пр. В конце все спели многолетие Е[го] В[еличеству] Султану...²³

В сущности, структура праздника в XIX в. не очень отличается от сегодняшней: религиозный ритуал (сегодня религиозный и светский праздник отмечаются отдельно, первый чествуется 11 мая, но водосвет присутствует в светском празднике 24 мая), цветы и венки, торжественные речи (произносимые учениками, интеллектуалами и пр.), поздравления от властей. В столице праздник сосредоточен в интеллектуальном сердце города – перед Национальной библиотекой им. св. Кирилла и Мефодия, в остальных местах – на центральных площадях и во дворах школ и *читалищ*.

Естественно, пафос различен: если в период Возрождения праздник был выражением церковного и национального „пробуждения”, то сегодня он является символом этих процессов.

Любопытно присутствие *османской администрации*, которая благодарит за прекрасную организацию праздника²⁴. Что происходит однако в независимой Болгарии, в которой праздник продолжает свое шествие, концентрируя около себя „места памяти” болгарского государства?

Кирилл и Мефодий и этнические границы в национальном государстве

Независимая Болгария получает мультиэтническое наследство от Османской империи. Множество этнических общностей живет в новом государстве. У них различная этническая и религиозная идентичность, собственные храмы и школы. Независимое болгарское государство активно работает над созданием национальных институтов и нового национального самосознания. Болгарская школа постепенно выстраивает болгарскую национальную идентичность на базе противопоставления «мы – они», в котором образ (как правило отрицательный) «соседей» занимает центральное место²⁵.

Логично, что новое государство вводит обязательное изучение болгарского языка в школах (1885)²⁶, объявляет школы меньшинств частными и утверждает различные законы (Законы о народном просвещении и дополнения к ним 1891²⁷, 1909²⁸ и 1921 гг.²⁹ и др.), которые постепенно запрещают

школы мусульман, евреев и армян, а позже и всех «болгарских общностей с различной религией». В 1948 г. закрываются все «чужие» школы, независимо от того, о какой «чуждости» идет речь (этнической или религиозной), кто их финансирует – местные или иностранные лица или институты, религиозные конгрегации и пр. (Указ о закрытии чужих школ в Народной республике Болгарии 1948 г.)³⁰. Эти процессы, направленные на формирование и консолидацию национальной идентичности, протекают на фоне нескольких договоров о переселении (следующих за динамичным процессом изменения государственных границ в этот период), связаны с обменом «этнически чужого» населения между отдельными балканскими странами.

Эти процессы особенно интенсивны между болгарами и греками (независимо от того, о каких «греках» идет речь – этнических или культурных, так наз. «гърчеене»). Переселения определяют этническую динамику в «греческих» городах болгарского черноморья. Здесь проводится ряд переселенческих актов (так наз. *изселнически акции*): в период 1906 – 1910 гг.³¹ переселяются 20 000 греков; в 1913 г. идет новая волна размена населения между Болгарией, Фракией и Македонией, за которой последовал ряд локальных миграций. Так появляется и Конвенция о взаимном добровольном обмене населением между Грецией и Болгарией (1919 г.), вследствие которой более 90 000 (по некоторым данным свыше 300 000) болгар выселено из Греции и Западной Фракии, а около 50 000 уезжают из Болгарии (черноморские города, Фракия и Станимака). Конвенция регулируется несколькими последующими документами, уточняющими правовые и имущественные вопросы (Лозаннская конференция 1922 г.; Протокол Калфова-Политиса 1924 г.; Договор Моллов-Кафандарис 1927 г.). Последствия этих процессов затихают лишь после Второй мировой войны³².

Любопытно, что «маркеры» болгарского, отмечающие не только новые государственные границы, но и этнические границы между автохтонными этническими общностями и новоприбывшими этническими болгарами из соседних балканских стран, это «места Кирилла и Мефодия». Как правило, это болгарская школа, и/или болгарская церковь Кирилла и Мефодия³³.

Роль греческих школ, как известно, имеет важное значение для становления национальной болгарской культуры:

«В греческих школах были подготовлены первые деятели Болгарского возрождения, первостроители нашей национальной культуры... (...) Через посредничество греческой школы и греческой литературы в Болгарию проникают идеи Ренессанса и Просвещения. Греческие воспитанники переносят в болгарское общество идеи о новом светском образовании, современную педагогику, метод взаимного обучения. Из Греции приходят бунтарские идеи об обновлении общества, о реформировании общественных и церковных институтов, о создании современной

культуры на базе народного языка. Посредством греческого образования болгарская культура осуществляет свою историческую связь с античностью» (Генчев 2010).

Греческая общность, гордящаяся своими школами и церквями в прибрежных городах, относится болезненно к „оболгариванию” „греческих” институтов. Многие греки не пускают своих детей в новые болгарские школы, что позднее оценивается как ошибка («тогда очень отстали греки»³⁴). Как отмечает Диана Радойнова:

«Во всех черноморских городах есть школы, построенные на средства греческих культурно-просветительских и религиозных общин»; «В это время общности с греческим самосознанием по Черноморию отстаивают всеми силами и средствами усилившиеся опыты болгар отнять их культурные и религиозные достояния» (Радойнова 2010: 45)³⁵.

Особенно драматичен переход к «болгарской церковности» в черноморских поселениях. Вот пример из Варны, иллюстрирующий переход от греческой к болгарской церкви, прошедший «под эгидой Кирилла и Мефодия»:

«Позавчера, 4-ого, граждане с удивлением услышали молву, что в этот день должен приехать знакомый им Неофитос (греческий митрополит – Е. А.). В 3 часа после обеда вся набережная и соседние улицы были заполнены гражданами, готовыми приветствовать незваного гостя градом камней и др. (...) Тогда в услужливой памяти одного из членов дружества Болгарский родолюбец появилась мысль рассчитать старый счет, который большинство варненского населения давно имеет с греческим меньшинством о владении церковью Святого Николы, построенной на средства варненца Парашкева Николау... Прочее, *предложение сделанное собравшейся толпе, чтобы церковь Святого Николы стала болгарской, было принято с восторгом* (т.е., чтобы церковь была названа „Кирилл и Мефодий” – курсив Е. А.). Вооруженный справедливостью дела, народ быстрыми шагами подошел к церкви и ворвался во двор. После окончания краткого столкновения между народом, с одной стороны, греческими священниками и полицией, с другой, греческие книги и одежда были переданы бывшему церковному настоятельству на память, а в церкви – переполненной молящимися – вызванные болгарские священники запели благозвучное „Слава тебе, Боже наш” и освящение было оповещено (сопровождаясь) громким и продолжительным звоном церковных колоколов...» (Нова эпоха 1906).

Обе общности интересующего нас Созополя и до сегодняшнего дня разграничиваются не только этнически, но и территориально – старая часть города считается «греческой» (в рамках греческой «махалы» все еще помнят «болгарскую» махалу), а новая названа «фракийской»³⁶. После демократических перемен в Болгарии «греки» (отсюда, учитывая условность этнической идентичности и этнического происхождения, мы будем употреблять слова «грек», «греческий» и пр. без кавычек) и «фракийцы» создают отдельные организации: Фракийское дружество «Яни Попов» и Болгаро-греческое дружество «Аполония».

Идентичность обеих групп населения базируется на различных мифах. Любопытно, что они базируются на двух сочинениях, «настольных» для обеих групп. Для болгар это книга Георгия Лукова «Елиногласните българи по Южното Черноморие от Античността до наши дни»³⁷ (Луков 2010), а для греков – монография Константиноса Папайоанидеса «История на Аполлония Понтийска – Созопол от създаването ѝ до днес»³⁸, написанная в 1933 г. на греческом языке (Папайоанидис 2004). Оба автора родом из Созополя (Папайоанидис эмигрирует в Грецию). Первый автор отстаивает болгарское происхождение греков из Созополя, второй – приемственность античной культуры и населения Созополя, уделяя значительное внимание драматизму и жестокостям в период становления болгарского государства.

Основываясь на этих публикациях (как и на других, поддерживающих одну или другую позицию), греки считают себя наследниками древней Аполлонии Понтийской, тезис, яростно атакуемый болгарам. По их мнению, «эллиногласные жители городов и сел по нашему Южному Черноморию сегодня *не имеют никакой связи с греческим колонистами* из Обзора, Месембри, Аполлонии и др., а являются потомками эллинизированных фраков, древних болгар, славян и др. этносов» (Луков 2006: 14)³⁹. В период Средневековья они «становятся жертвой эллинизаторской метастазы», которая в течение веков отнимает у болгарской народности тысячи болгар» (Луков 2006: 37). Представления греков о болгарях опираются на актуальные и сегодня воспоминания о выселении греков и заселении болгар в Созополь в период 1906 – 1930 гг.

Вот что рассказывает одна местная гречанка о заселении фракийских болгар в Созополь при обмене населения между Турцией, Грецией и Болгарией:

«Они будили людей среди ночи и поселяли болгар в дома греков, которые уже подали документы на возвращение в Грецию. Знаю, что сначала они закрыли греческую школу и сделали из нее казарму. Позже они построили новую школу «Св. Св. Кирилл и Мефодий», в болгарской махале. Они построили большую церковь «Св. Св. Кирилл и Мефодий» на площади.

В период социализма это был музей, сейчас он все еще в реставрации. Церковь никогда не работала. Наши греческие церкви служат только на болгарском. Сейчас церковь св. Георгия работает все время, и туда ходят и болгары, и греки»⁴⁰.

Необходимо дополнить, что главная улица в городе, связывающая болгарскую и греческую части, тоже называется «Св. Св. Кирилл и Мефодий», все еще отмечая границу между двумя общностями с различной идентичностью – болгарской и греческой.

Интересно, как греки в Созополе комментируют „византийскую линию“, связанную с солунскими братьями (соотв. с их греческим происхождением – согласно «болгарскому тезису» – отец братьев – грек, а мать – бол-

гарка). Греки не считают их «своими» – с одной стороны, потому что воспоминания о «становлении Кирилла и Мефодия» в Созополе болезненны; с другой, святые братья не занимают центральное место в светской греческой национальной парадигме и, еще меньше, в сознании местных греков, которые (как и современные греки) прежде всего предпочитают идентифицироваться с Элладой. Но когда обоих братьев признают «своими», комментарии очень любопытны:

«Если хотите, можете меня спросить, почему греки так сильно старались создать болгарскую азбуку. Потому что началась инквизиция, и церковь стала разделяться. И немного осталось, чтобы болгары стали католиками. Однако греки обучили Константиноса и Методиуса, и тогда они написали греческую азбуку... И поэтому создана болгарская азбука греками – чтобы стали болгары православными христианами» (цит. по: Радойнова 2010: 124).

Несмотря на это, в отличие от мифов и воспоминаний, праздника Кирилла и Мефодия, связанного с масштабными чествованиями во времена социализма, сегодня, в период экономического и социального кризиса, когда чествования сведены до скромного торжества, не хватает жителям Созополя. Чествование святых братьев, организованное местным *читалищем* в 2011 г. как школьный праздник, вызывает ностальгию не только среди болгар, но и среди греков в Созополе:

«Разве это праздник? Раньше действительно был праздник – шествие, *хора* (народные танцы), песни... Сейчас – только дети из детского сада и начальной школы... Нет настроения, нет праздника...»⁴¹; «Это не праздник, это просто нерабочий день...»⁴².

После всего сказанного, можно сделать несколько выводов:

- национальное болгарское государство успешно использует имена Кирилла и Мефодия и создает их «места» (улицы, учебные заведения, церкви), чтобы консолидировать болгарскую нацию⁴³;
- одним из последствий этого процесса, однако, является то, что и сегодня «места Кирилла и Мефодия» маркируют этнические границы между болгарами и другими этническими общностями в стране.

Ситуация в Созополе очерчивает существенную разницу между государством-нацией и его границами (государство, как правило, утверждает, что очерчивает «этническую территорию») и этническими общностями и этническими границами. Парадоксально, но национализируя и этнизируя святых братьев, вопреки ожидаемой консолидации, государство создает новые, более глубокие этнические границы, которые продолжают «работать» и сегодня. В результате, «сакрализация национализма» (Rohdelwald 2008: 287–298) порождает неожиданный эффект, который болезненно повлиял на идентичность населения, считающего себя греческим в Болгарии.

Но если миф о „болгарских” Кирилле и Мефодии порождает противоречивые интерпретации, а установление «мест Кирилла и Мефодия» и сего-

дня вызывает болезненные воспоминания, то праздник солунских братьев связан только с положительными эмоциями. Без сомнения, это следствие того факта, что праздники, которые создают *пространства (места) национальной духовности* (рассматриваемый пример очень подходящий, учитывая государственноформирующий характер праздника Кирилла и Мефодия), несут в себе не только послание мифа, который они рассказывают – в этом случае болгарский вклад в европейскую цивилизацию – и проистекающую из него национальную гордость. Они создают праздничность – специфическое эмоциональное состояние, исполненное положительных эмоций. Так, возвращаясь к сказанному в начале статьи, и этот пример показывает доминирующую роль праздничной атмосферы и праздничного переживания, связанных с очарованием ритуала и настроением, которые создает праздник. Именно их не хватает в годы так наз. перехода в Болгарии, когда появляется дефицит праздничности (со всеми последствиями, проистекающими из этого факта, связанными с национальной консолидацией). Ностальгия связана не только с масштабами праздника, наполнявшего болгарские селения жизнерадостными процессиями во времена социализма, но и с «фоном» этих праздников – экономической и социальной стабильностью, уверенностью в «светлом будущем» и, не в последнюю очередь, – с праздничной трапезой, которая для ряда болгар становится все более скромной.

Атмосфера «Праздника Кирилла и Мефодия» объясняется многими факторами: чествованием весны, ассоциируемой с пробуждением природы; основными действующими лицами: детьми и молодежью – символами будущего; ритуальными действиями – с плетением венков и собиранием цветов, как и масштабными процессиями, ритмично и дружно марширующими под звуки вдохновляющего гимна Кириллу и Мефодию:

„Върви, народе възродени,
Към светли бѣднини върви.
С книжовността таз сила нова,
Съдбините си поднови“⁴⁴.

(Вставай, народ, вздохни всей грудью,
Заре навстречу поспеши.
И Азбукой, тебе подаренной,
Судьбу грядущую пиши.
– перевод с болг. Вл. Смирнова).

Таким образом создается оптимистический комплекс, который объясняет популярность „Праздника Кирилла и Мефодия” и привязанность к местам и церемониям, связанным с ним.

Примечания

¹ Несмотря на широко распространенное представление, что Кирилл и Мефодий создали кириллицу, в современной славистике преобладает мнение, что Кирилл создал глаголицу (оригинальную авторскую письменность), а кириллица возникла на местной почве, на основе уже существующего в регионе греческого минускульного (унициального) письма. См. подробную аргументацию и обширную литературу у Н.И. Толстого (Толстой 1988: 128–140). Срв. и упоминание в Житии Климента Охридского, что он сам (Климент) создал славянскую азбуку – Жития: 589.

² Св. Климент Охридски, св. Наум Охридски (Преславский), св. Горазд, св. Ангеларий и св. Савва – так наз. Седмочисленники (включая и Кирилла и Мефодия). Подробнее о Седмочисленниках см. Жития 1974.

³ Так наз. «славянский юбилей», чествованный и Католической церковью в том же году. В 863 г. папа Адриан II разрешает богослужение на славянском языке. Этот же год считается годом создания славянской азбуки – он же упоминается и у Черноризца Храбра.

⁴ Энциклика *Grande Munus*, 30 сентября 1880.

⁵ Апостольское послание *Egregiae virtutis*, 31 декабря 1980.

⁶ Один из интересных (и последних) примеров, связанных с «национализацией» дела Кирилла и Мефодия в Словакии, см.: Šubjaková 2010. Книга рассказывает, что «слово» (откуда этимологически автор выводит этноним «славяне») дано «словенам», т.е. словакам (Словакия – Slovensko, словаки – Slováci), а «священный язык», конечно, словацкий. Согласно автору, центром деятельности братьев (и в особенности Мефодия) является словацкий город Девин. В своих утверждениях она опирается на ряд «новых доказательств» (от «генетических» до «наблюдений с космических спутников»), которые представляют Девин как «словацкий центр», а часть учеников Кирилла и Мефодия как «словаков» – Šubjaková 2007. (Встречи с госпожой Шубяковой и работа с её трудами осуществлены в рамках проекта «Dynamics of Religious and National Identities in Slovakia and Bulgaria in the Process of the EU-integration», SAIA, 2012, Словакия. Я хочу выказать свою благодарность проф. Зузанне Бенюшковой за этот контакт).

Это типичный пример так наз. «наивного национализма», который присутствует в большинстве славянских (и не только) национальных государств. Словацкий (в контексте Моравской миссии) основывается прежде всего на противопоставлении Великой Моравии, которая воспринимается как «чешская». Очевидно, что речь идет о типичных для классических форм национализма «манипуляциях с историей» и «присвоении» (этническом и национальном) знаковых исторических фигур.

⁷ Разница между терминами довольно туманна. В большинстве государственных официальных сайтов национальными называют „праздники, имеющие специальное историческое значение

для государства и нации, отмечаемые официальными мероприятиями на государственном и местном уровне”. Государственными – „праздники, посвященные событиям с общественно-политическим значением, или традиционно отмечаемые населением, которые сопровождаются или не сопровождаются официальными мероприятиями”. Используется и термин „официальный праздник”.

⁸ Кирилл и Мефодий занимают одно из центральных мест в эмблематической для болгарского возрождения «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского – первого болгарского историографа, канонизированного Болгарской православной церковью в 1962 г. См. текст: Иванов 1914.

⁹ Болгарская церковь под именем «Болгарская экзархия» была признана османскими властями фирманом 28 февраля 1870 г. К отделению от Константинопольской патриархии призывал еще Паисий в своей «Истории».

¹⁰ 22 – 28 мая 2010 г., г. Созополь, по проекту ДОО2-315/19.12.2008, «Праздникът на св. Кирил и Методий – от националното към европейското духовно пространство», Фонд научни изследвания, МОМН, България; в статье использованы и материалы других полевых исследований, осуществленных в рамках того же проекта (Рим, 19 – 28 мая 2011 г.).

¹¹ О развитии образования в период Возрождения см.: Генчев 2010, и особенно главу пятую («Духовное пробуждение болгар в XVIII и начале XIX в.»). В контексте нашей работы важно отметить влияние греческого светского образования (не пренебрегая русскими, сербскими и др. влияниями) на болгарское просвещение в процессе перехода от монастырского (так наз. «килийни училища») к светскому образованию, как и определяющую роль греческих светских школ, в которых болгары предпочитали учиться до 20-х годов XIX в. Особое место в истории создания болгарской образовательной системы занимают так наз. «эллино-болгарские» (славяно-греческие) школы. Они появляются в начале XIX в., за ними возникают болгарские взаимные (к 1835 г. – 53 школы) и классные школы (первую открыл в 1856 г. в Копривштице Н. Геров; вторую школу, долгие годы считавшуюся самой авторитетной, снова под его руководством, открыли в Пловдиве, назвав ее именами Св. Кирилла и Мефодия). – см. главу седьмую («Новоболгарское просвещение и культура в первой половине XIX в.» – Генчев 2010).

¹² Первые *читалишта* возникают в 50-е гг. XIX в. в Свищове, Ломе и Шумене. Их деятельность тесно связана с просвещением, культурой и формированием национальной идентичности (подробнее см. Чилингировъ 1930). И сегодня они считаются „стожером” национальной идентичности. Согласно Закону о *читалиштах* (Закон за читалищата 2009 г., чл. 2. (1): «Народные читалишта являются традиционными самоуправляющимися болгарскими культурно-просветительскими организациями в населенных пунктах, которые исполняют *государственные* (курсив автора – Е. А.) культурно-просветительские задачи. В их деятельности могут участвовать все физические лица без ограничений по возрасту и полу, политическим взглядам и этническому самосознанию».

Согласно тому же Закону, цели *читалишта* связаны с „развитием и обогащением культурной жизни, социальной и образовательной деятельностью в населенном пункте, где они осуществ-

вляют свою деятельность; сохранением обычаев и традиций болгарского народа; расширением знаний граждан и их приобщением к ценностям и достижениям науки, искусства и культуры; с *воспитанием и укреплением национального самосознания* (курсив автора – Е. А.); обеспечением доступа к информации” и пр.

В настоящий момент в Болгарии 3417 *читалищ* (в период Возрождения – 130).

¹³ Анализ творчества и значения В. Априлова см.: Арнаулов 1929.

¹⁴ Национальная библиотека „Св. Св. Кирил и Методий”, ВТУ „Св. Св. Кирил и Методий” (университет в городе Велико Тырново), много школ и *читалищ* в стране названы именами святых братьев.

¹⁵ Этот вывод присутствует в ряде исследований. На болгарском материале см. Алексиев 2002: 21–35 и указанную там литературу.

¹⁶ Эти слова можно услышать практически от каждого болгарина, который был школьником во времена социализма. Они присутствуют как в официальных речах (здесь я цитирую часть приветствия мэра Созополя Панайота Рейзи, прочитанного 24 мая 2010 г. на торжествах в *читалищте* города Созополя. – зап. Екатерина Анастасова, далее – Е. А. Созополь, 24.05.2010 г.; ту же фразу произнесла болгарская туристка в Риме, которая пришла в церковь св. Анастасия и Викентия в Риме 24 мая 2011 г., чтобы «отпраздновать с болгарями самый светлый, самый болгарский праздник» (Н. П., женщина, около 60 лет, из Русе; зап. Е. А. 24.05.2011 г., Рим). То же послание, в контексте «империи духа», присутствовало и в поздравлении проф. Сергея Игнатова, в тот период министра образования, участников церковного праздника. Срв. и:

„Кирилл и Мефодий создали священный язык, болгарский. Это язык, созданный для священных книг. Кирилл и Мефодий болгарские святые, именно поэтому церковная школа в Риме называется „Св. Св. Кирил и Методий”. Ранее она называлась св. Стилян, так как он покровитель младенцев и детей. Три года тому назад мы чествовали 1140 лет от смерти св. Кирилла 14 февраля, а 12 февраля мы получили акт для учреждения школы” – отец Климент (Бобчев), священник Болгарской церковной общины „Св. Св. Кирил и Методий” в Риме. – 22.04.2011 г. Рим. Зап. Е. А.

¹⁷ Ж. М., женщина, около 45 лет, журналист. Зап. Е. А. София, 19.05.2009 г.

¹⁸ М. В., 1941 г. р., Годеч (воспоминания о празднике оттуда). Зап. Е. А. 10.04.2009 г., София.

¹⁹ Н. В., около 45 лет, филолог. Зап. Е. А. София, 03.05.2009 г. Другими словами, даже среди специалистов филологов в академической общности в Болгарии мало таких, которые могли бы, не задумываясь, перечислить миссии Кирилла и Мефодия, имена их учеников и пр.

²⁰ «... 11 мая в селе Марковча заложили (Сърт кьойлери) /17/ основной камень новой школы, которую крестьяне строят. Многие из соседних школ присутствовали, и этот день стал торжественным [не] только для праздника наших просветителей, но и для основания одной общей школы. В тот же день они разговорились и дали друг другу верное слово стоять крепко за свою народность и не принимать уже в села греческих священников. Школа уже почти поднялась и этим летом будет закончена...» – Из репортажа в г. «България», 2, № 71, 27 июля

1860. Василева 1992: 318–319. Газета «България» (Вестник за българските интереси) выходила 1–3 раза в неделю в Константинополе с 28 марта 1859 г. до 25 марта 1863 г.

²¹ Светский и гражданский судья в Османской империи.

²² Из репортажа в газете «България», 2, № 63, 1 июня 1860 г. о празднике св. Кирилла и Мефодия в Копривштице. Василева 1992: 316–317.

²³ Из репортажа (дописка) газеты „Дунавски лебед“, 1, №37, 6 июня 1861 г. Газета „Дунавски лебед“ издается Г. Раковским с 1 сентября 1860 г. до 24 декабря 1861 г. в Белграде. Василева 1992: 320–321.

²⁴ Либерализм османской администрации связан с султанским Хатимаюном с 18 февраля 1856 г. Как отмечает Н. Генчев:

«В Хатихумаюне султан обещал своим подданным гарантировать безопасность личности, чести и имущества граждан независимо от их национальности и вероисповедания. Он подтверждал все старые духовные привилегии и имунитеты христианских общин, дарил свободу вероисповеданиям, вводил общую воинскую повинность и доступ всех граждан ко всем гражданским службам, благоприятствовал развитию школ, искусств и ремесел. Хатихумаюн предполагал развитие смешанных судов, обещал справиться со злоупотреблениями при сборе налогов, давал право немусульманам участвовать в местных органах. (...) Имея ввиду развитие Турции и болгарского общества, Хатихумаюн имел, хотя и совсем ограниченные, положительные последствия. Он узаконивал право на духовную и культурную эмансипацию, признавал национальные институты» (Генчев: 2010).

²⁵ О формировании образа „соседей“ в болгарском обществе см.: Аретов 2003.

²⁶ Закон об общественных и частных школах, Государственная газета (Държавен вестник – далее ДВ) - ДВ, №13, 9 февраля 1885 г.

²⁷ Закон о народном просвещении. ДВ, №17, 23 января 1892 г. (См.: Чл. 188. Никакая частная школа не может быть открыта без предварительного разрешения Министерства; Чл. 189. Министерство просвещения надзирает через свои органы все частные школы; Чл. 192. Ни одна частная школа не может получить государственную или общинную помощь. Только мусульманским общинам ежегодно дается государственная помощь для их школ; Чл. 193. Учителя частных школ не получают государственную пенсию и вообще не могут пользоваться ни одним из прав, существующих для учителей в народных школах; Чл. 194. Ученики, закончившие частную школу, не могут пользоваться правами учеников из народных школ, если не сдадут необходимый экзамен; Чл. 195. Болгарский язык изучается в обязательном порядке во всех частных школах).

²⁸ Закон о народном просвещении. ДВ, №49, 5 марта 1909 г.

²⁹ Закон об изменении и дополнении Закона о народном просвещении. ДВ, № 87, 21 июля 1921 г.; Закон об изменении и дополнении Закона о народном просвещении. ДВ, № 79, 10 июля 1924 г.

³⁰ Естественно, ситуация более нюансирована, различные правительства различным образом поддерживают/ограничивают образование меньшинств. См. Национальный доклад, согласно

чл. 25, ал. 1, Рамковой конвенции о защите прав национальных меньшинств. София, январь 2001, Министерский совет Республики Болгарии, Национальный совет по этническим и демографическим вопросам (bsa-bg.org/documents/bosakov_case/nacionalen_doklad.doc), 05.03.2012 г.

³¹ В 1906 г. отмечается пик вражды между болгарами и греками в рамках болгарского государства. В болгарском обществе ожесточаются настроения против живущих в стране греков, которых в это время все еще около 70 000, и их собственностью являются 125 церквей и монастырей, частные больницы и дружества взаимопомощи (Радойнова 2010: 47).

³² Подробнее (и о греческом меньшинстве в Болгарии) см.: Вълчинова 1998: 207 – 220 и указанную там литературу.

³³ Улица Кирилла и Мефодия, народное *читалиште* «Кирилл и Мефодий» и др.

³⁴ Т. Н., женщина, около 70 лет, преподаватель болгарского языка и литературы (пенсионер). Зап. Е. А. 25.05.2011, Созополь.

³⁵ Срв. и: . «Ожесточенные споры и борьба разгораятся за каждый объект, считаемый греческой собственностью, который болгары пытаются отнять у них, опираясь на свои преимущества доминирующего этноса в государстве» (Радойнова 2010: 46).

³⁶ «Греки» в Созополе разграничивают две группы болгар – «мадзурис», беженцы из Гюмюрджины (поселившиеся в освобожденных греками домах в 1912 г., которые живут «среди греков») и «гагаманис», които живут на так наз. Харманах, приехавших после 1920 г.

³⁷ Эллиногласные болгары по Южному Черноморию от Античности до наших дней.

³⁸ История Аполлонии Понтийской – Созополя – от ее создания до наших дней.

³⁹ Мы цитируем Г. Лукова, чья книга очень популярна в Созополе и представляется как доказательство „не-греческого” происхождения „эллинофонов”. На эту тему (в контексте формирования болгарской народности) существуют и более общие исследования (С. Димитров, Б. Димитров и др.), которые Г. Луков цитирует в своей книге.

⁴⁰ Т. Н., гречанка, около 70 лет, преподаватель болгарского языка и литературы, переводчик современной греческой литературы, (пенсионер). Зап. Е. А. 25. 05. 2011 г., Созополь; После открытия „мошей Иоанна Крестителя” на острове св. Иван около Созополя в 2010 г., церковь восстановлена, и реликварий выставлен в ней. В воскресные дни, в период активного туристического сезона, иногда проводятся богослужения.

⁴¹ Х. Х., грек, около 60 лет, пенсионер. Зап. Е. А. 26. 05. 2011 г., Созополь.

⁴² А. В., болгарка, около 50 лет, работает в райсовете Созополя. Зап. Е. А. 26. 05. 2011 г., Созополь.

⁴³ Этот механизм конструирования национальной консолидации не уникален – в Сербии подобную роль играют „места Св. Саввы”, которые заменяют места Кирилла и Мефодия в так наз. западных окраинах (Западни покрайнини). См. подробнее, напр.: Христов 2004: 47 и указ. литература.

⁴⁴ <http://www.vesti.bg/index.phtml?tid=40&oid=708491>, 11.03.2012. Очень интересные наблюдения о сочетании гимна и манифестации (синхрон между текстом, мелодией, ритмом и движением) в празднике Кирилла и Мефодия см.: Григоров 2009.

Литература

- Алексиев 2002 – *Алексиев Божидар*. Гонени светци, нежелани чудеса. – Български фолклор, № 2. С. 21 – 35.
- Априлов 1841а – „Българские книжники” или какому славянскому племени собственно принадлежит Кирилловская азбука? Сочинение Василия Априлова. Одесса: Городская типография.
- Априлов 1841б – Денница ново-българского образования. Сочинение Василия Априлова, изданное им на своемъ иждивеніи въ пользу Габровскаго училища. Часть первая. Одесса: Городская типография.
- Априлов 1842 – *Априлов Васил*. Дополнение к книге: „Денница ново-българского образования”. Письмо автора к г. и. д. профессора в Одесском лицее М. А. Соловьеву. Санкт Петербург: Типография Штаба Высшего Учебного заведения.
- Арнаулов 1929 – Арнаулов Михаил. Библиотека „Български писатели”. Т. 1. София: Факел. (<http://liternet.bg/publish9/marnaudov/bpisateli/1/vaprilov.htm>) Библиотека "Български писатели". Т. 1. Под ред. на Н. Аретов. Варна: LiterNet, 2003).
- Аретов 2003 – *Аретов Николай* (сост.). Балканските идентичности в българската култура. Т. 4. София: Кралица Маб.
- Василева 1992 – *Василева Маргарита* (сост.). Извори за българската етнография. Т.1. София: Етнографски институт с музей, БАН.
- Вълчинова 1998 – *Вълчинова Галина*. Гърци. – В: Кръстева, Анна (сост.). Общности и идентичности в България. София: Петекстон. С. 207 – 220.
- Генчев 2010 (1978) – *Генчев Николай*. Българско възраждане. София: Изток – Запад.
- Григоров 2009 – *Григоров Григор* Хар. Гимн Кириллу и Мефодию. - III Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения. Севастополь. С. 16 – 22. 09. 2009 г., 5 с. (доклад).
- Жития 1974 – Епископ Партевий и архимандрит Атанасий Бончев (Сост.). Жития на светиите. София: Синадално издателство.
- Иванов 1914 – *Иванов Йордан*. История славенобългарская, собрана и нареджана Паисием Йеромонахом... Стъмки за печат по първообраз Йордан Иванов. София: БАН.
- Луков 2006 – *Луков Георги*. Единогласните българи по Южното Черноморие. Бургас: Издателска къща „Матаник – М”.
- Нова епоха 1906 – вестник „Нова епоха”, 29 юли, „Гръцката църква Св. Никола обърната на българска „Св. Св. Кирил и Методий”.
- Папайоанидис 2004 (1933) – *Папайоанидис Константинос*. История на Аполония Понтийска – Созопол (от създаването ѝ до днес). София: Фабер.
- Толстой 1988 – *Толстой Н.И.* История и структура славянских литературных языков. Москва: Наука.
- Христов 2004 – *Христов Петко*. Общности и празници. Служби, слави, събори и курбани в южнославянското село през първата половина на XX век. София: ЕИМ.

Чилингировъ 1930 – *Чилингировъ Стилиянъ*. Български читалища преди Освобождението: приносъ къмъ историята на българското възраждане. София: Министерство на народното просвещение.

Assmann 1997 – *Assmann Jan*. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München: Beck.

Gellner 1983 – *Gellner Ernest*. Nations and Nationalism. Oxford: Basil Blackwell.

Nora 2011 – *Nora Pierre*. Présent, nation, mémoire. Paris: Gallimard.

Rohdewald 2008 – *Rohdewald Stefan*. Figures of (Trans-) National Religious Memory of the Orthodox Southern Slavs before 1945: An Outline on the Examples of Ss. Cyril and Methodius - TRAMES, 2008, 12 (62/57), 3, S. 287–298.

Šubjaková 2007 – *Šubjaková Elena*. Devín grad (dedičstvo našich otcov). Bratislava: Združenie Živa Voda Turzovky (ŽVT).

Šubjaková 2010 – *Šubjaková Elena*. Hlaholika (posvätné dedičstvo Slovákov). Bratislava: OZ ŽVT.

I. Из истории славяноведения

Л.П. Лаптева

(МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва)

Петербургский съезд русских филологов и историков-славистов в 1903 г.

Abstract:

Lapteva L.P. *1903 St. Petersburg Congress of Russian Specialists in Slavic Philology and History.*

The article describes the workings of the Preliminary Congress of Russian Specialists in Slavic Philology and History that took place in St. Petersburg in 1903. The goal of the forum was to prepare an international congress of Slavists, scheduled for 1904. However, it did not take place because of the beginning of Russo-Japanese War and political developments in Russia in 1905-1906.

Ключевые слова: Предварительный съезд русских филологов-славистов 1903 г., славяноведение, межславянские отношения, славянская энциклопедия, славянские языки, славянские древности.

В апреле 1903 г. в Петербурге состоялся съезд славистов, который в документации назывался «Предварительным съездом русских филологов-славистов», но в некоторых печатных изданиях этот форум именуется «Съездом русских филологов-славистов», «Съездом русских филологов и историков-славистов». В сущности мероприятие было задумано как подготовительное, предварительное, с целью обсудить вопрос о международном съезде славистов, проведение которого планировалось на 1904 г. Таким образом, съезд 1903 г. должен именоваться так, как указано в его документации, т.е. «Предварительным».

Съезд вызвал широкий общественный отклик. О нём писали центральные и провинциальные русские газеты, такие как «С.-Петербургские ведомости»¹, «Новое время»², «Биржевые ведомости»³, «Южное обозрение» (Одесса)⁴, «Бессарабец» (Кишинёв)⁵ и др. На это событие обратили внимание некоторые немецкие газеты⁶, но подробные сведения о ходе, дискуссиях и прениях съезда излагались в журналах, которые были ориентированы на славистическую тематику. К ним относятся «Славянский век»⁷, выходивший в Вене на русском языке, «Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества»⁸ (ИССБО), «Киевская старина»⁹, «Литературный вестник»¹⁰, «Русский филологический вестник»¹¹, «Русская мысль»¹², «Русский вестник»¹³, «Вестник Европы»¹⁴ и др. Во всех изданиях главное место было отведено информации, но появились и аналитические статьи, оценивавшие значение Съезда и перспективы дальнейшего развития русско-

го славяноведения. К таким работам можно отнести статью Ю. Яворского «Съезд русских славяноведов в Петербурге»¹⁵, В.Н.Кораблёва «Съезд русских славистов»¹⁶ и некоторые другие.

Следует заметить, что с фактической стороны сведения о съезде, опубликованные не только в научных журналах, но и в прессе, обладают высокой степенью достоверности, что подтверждается сравнением этих данных с протоколами съезда, получившими наименование «Бюллетеней».

Бурные события, происходившие в России, да и у зарубежных славян, в первой половине XX в., отодвинули на задний план не только интерес к съезду, но и ко всему российскому славяноведению, пришедшему в упадок после Октябрьской революции 1917 г. В советское время, после Великой Отечественной войны, о съезде славистов 1903 г. писали В.Р.Свирская и А.Н. Горяинов. Две из трёх статей В.Р. Свирской (1946 и 1948 гг.) почти идентичны, отличаются краткостью и не освещают детально вопросы, затронутые съездом¹⁷. Третья её статья (1949 г.) рассматривает специальную тему – об отношении съезда к украинскому языку¹⁸. Работы А.Н. Горяинова касаются в основном обсуждения вопросов славянской библиографии¹⁹. В 80-е годы XX в. о съезде 1903 г. была опубликована статья автора этих строк²⁰. Несколько изменённый и исправленный текст этой работы был включён в монографию «История славяноведения в России в конце XIX – первой четверти XX вв.»²¹.

Между тем Петербургский съезд русских филологов и историков-славистов в 1903 г. был крупным научным событием. Настоящая статья написана на основе протоколов съезда, составлявшихся в ходе заседаний и объединённых в Бюллетени, которые по окончании съезда были опубликованы²². В статье использован их первоначальный (архивный) вариант без сокращений, сделанных при подготовке к печати. Оба варианта хранятся в Петербургском филиале Архива Российской Академии наук (ПФАРАН). Опубликованный вариант имеется в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской Государственной библиотеки (НИОР РГБ) в Москве. Наряду с Бюллетенями в статье широко привлечена переписка организационного комитета съезда с учреждениями, научными организациями и отдельными лицами по вопросу организации съезда и участия в нём русских славистов.

В истории межславянских отношений съезды представителей славян проходили и раньше. Так, в период революции в Европе в 1848 г. австрийские славяне организовали съезд в Праге для решения дальнейшей судьбы своих народов. Съезд имел чисто политический характер и, между прочим, явился серьёзным ударом по теории так наз. «славянской взаимности», которую разделяли в разных вариантах представители славянских народов

Австрийской монархии. Последние не сумели найти решения ни по одному из актуальных вопросов их жизни, и съезд закончился безрезультатно. Вторая попытка как-то объединить славянские народы, или во всяком случае познакомить деятелей славянской национальной жизни с Россией и друг с другом, была предпринята в 1867 г. в связи с проведением в Москве Этнографической выставки²³.

На выставку приехало много славян из Австрии, которые имели политический вес у себя дома. Современная пресса и последующие исторические работы расценивали приезд в Россию представителей чешской делегации (37 чел.) во главе с Ф. Палацким, как политический демарш против установления австро-венгерского дуализма с целью добиться определённых уступок от австрийского правительства. И хотя на этом мероприятии не было официальных заседаний, в речах во время «дружеских» встреч в университете, учёных обществах были видны глубокие противоречия между зарубежными славянскими деятелями и русскими славянофилами по решению славянского вопроса.

Совершенно иной характер имел съезд русских славистов в 1903 г. Его задача определялась состоянием науки о славянах, при этом подчёркивалось полное отрицание политического компонента в решении научных вопросов.

Идея созыва съезда славянских филологов и историков на рубеже столетий была не случайной. К этому времени европейское славноведение достигло значительных успехов по сравнению, например, с 70-ми годами XIX в. В главных центрах зарубежных славян – Праге, Львове, Кракове, Загребе, Белграде, Любляне, Сараево, Софии, а также в Вене интенсивно разрабатывались проблемы диалектологии, этнографии и истории славянских народов. Заметны были и успехи русского славяноведения практически во всех его областях. Кроме того, к концу XIX столетия русское славяноведение получило объединяющий центр в рамках второго отделения РАН – в Отделении русского языка и словесности (ОРЯС). С 90-х годов это отделение пополнилось крупными учёными – А.А. Шахматовым, А.И. Соболевским и др., в том числе славистами А.Н. Пыпиным, В.И. Ламанским, которые вместе с И.В. Ягичем составили сильную группу учёных-славистов. ОРЯС помогал всем славистам в их деятельности: предоставляло начинающим учёным средства для заграничных поездок, печатало их труды в своих изданиях или выделяло средства для публикации в других органах, многим учёным и изданиям предоставляло субсидии. В виду того что славяноведением в России занимались почти исключительно университетские профессора, то ОРЯС поддерживало и их научную деятельность. Таким образом, Академия наук в Петербурге (точнее – её второе отделение) решала такие вопросы, которые были не под силу другим славянским академиям. Она имела в сво-

их рядах много крупных учёных и становилась центром объединения научных сил и исследований по славяноведению. ОРЯС издавало печатный орган – «Известия ОРЯС», привлекая свежие материалы, а также субсидировало славянских учёных: поддерживало журнал чешского ученого Л. Нидерле²⁴, издавало труды словинского учёного Ф. Лоренца, давало средства на диалектологические экспедиции словенцу М. Мурку²⁵ и т.д. И.В. Ягич писал А.А. Шахматову, что на II отделение падают все вопросы общеславянские, непосильные академиям славянских стран²⁶.

Таким образом, славяноведение в целом и в России, в частности, развивалось весьма интенсивно. С другой стороны, молодой ещё науке о славянстве не хватало координации, научного общения и обмена мнениями, чтобы соответствовать требованиям и запросам времени. Профессор Киевского университета Г.Д. Флоринский характеризовал трудности на пути развития славяноведения следующим образом: «Результаты деятельности местных учёных мало известны в других славянских странах .... Сводные работы редки. Обмен мнениями обставлен трудностями.... Учёные силы славян разбединены.... Чувствуется отсутствие определённых программ в разработке предмета, замечается недостаток строго выработанных научных методов, наблюдается внесение национального субъективизма в решение научных вопросов и отстаивание взглядов и теорий, не подкреплённых современным состоянием науки. Отсюда неудивительно, что литература по славяноведению очень бедна цельными и систематическими трудами, охватывающими целые отделы науки о славянстве. Так, у нас нет сравнительной грамматики славянских языков, нет ни полной славянской диалектологии, ни сравнительно-этнографического описания славянских народов, ни полной этнографической карты славянских племён, ни общего обзора политической и культурной жизни разновидностей славянского племени. Отсутствуют славянские учёные журналы по истории, этнографии, языкознанию»²⁷. Таким образом, на основании приведённой характеристики можно сделать вывод, что в славяноведении было ещё много не только не решённых, но даже и не поставленных вопросов.

В 1899 г. на археологическом съезде в Киеве, где собралось много учёных из славянских стран, возникла идея созыва съезда славистов. Его предполагалось провести в Праге в 1901 г., но венское правительство не дало на это разрешения. Тогда инициативу созыва съезда славянских филологов и историков взяло на себя ОРЯС и приняло решение созвать такой съезд в 1903 г.²⁹

Задачей этого совещания было предварительное обсуждение основных вопросов для международного съезда славистов, который планировалось провести в 1904 г. На Предварительный съезд было решено пригласить

представителей кафедр славянской филологии, а также русского языка и литературы всех российских университетов, т.е. Петербургского, Московского, Киевского, Харьковского, Казанского, Варшавского, Новороссийского, Юрьевского и Александровского в г. Гельсингфорсе. А кроме того – всех проживающих в Петербурге славистов и других заинтересованных в устройстве съезда лиц³⁰.

Всего было приглашено 123 специалиста по славянской филологии и истории и ещё 20 приглашений было послано разным учреждениям³¹. Предварительный съезд русских славяноведов проходил с 10 по 15 апреля 1903 г. Он открылся заседанием в большом конференц-зале Академии наук. Общее руководство съездом осуществлялось организационным бюро, председательство в котором было поручено академику И.В. Ягичу. Обязанности секретаря съезда выполнял Н.В. Ястребов. Для работы участники съезда разделились на секции, а в них на подсекции. Окончательные решения по важнейшим вопросам принимались на общих заседаниях.

Проблемы, требующие совместного обсуждения на будущем международном съезде славистов, были сформулированы в 17 пунктах программы. Главные из них были включены в повестку дня Предварительного съезда. К ним относились: составление энциклопедии по славяноведению, сравнительной грамматики славянских языков, этимологического словаря славянских наречий, вопрос об издании церковно-славянского словаря и церковно-славянских памятников, о славянской библиографии, о межславянском книжном обмене, о насущных задачах славянской историографии. Кроме того были сформулированы примерные темы будущих рефератов участников съезда³².

В первый день съезда, 10 апреля 1903 г., на заседании первой секции обсуждались вопросы о времени созыва международного съезда, количестве участников, тематике заседаний и рабочих языках³³. Первый и последний вопросы вызвали горячую дискуссию, участники которой придали ей политическое звучание, чего так сторонились руководители Предварительного съезда. Дело в том, что на 1905 год планировалось открытие в Петербурге всеславянской выставки. Представитель её организационного комитета Д.А. Клеменц, проф. А.С. Будилович и В.Н. Кораблёв предложили провести съезд одновременно с выставкой. Однако уполномоченный группы польских учёных из Варшавы, славист В.Д. Спасович, возражал против совпадения сроков съезда и выставки ввиду «политического характера» последней, а также и потому, что в устройстве выставки деятельное участие принимало Петербургское Славянское благотворительное общество, «не пользующееся, как известно, симпатиями» (выражение В.Д. Спасовича). Это последнее заявление вызвало протест участников съезда – членов упомянутого общест-

ва³⁴. В результате было решено принять в качестве наиболее удобного срока конец августа – начало сентября 1904 г.

По вопросу о рабочих языках будущего съезда академик И.В. Ягич выступил с предложением допустить для докладов на пленарных заседаниях только один русский язык, а для докладов и прений в секциях – свободу выбора любого из славянских, романских или германских языков³⁵. Академик А.А. Шахматов предложил разрешить в общих собраниях съезда выступления немецких и французских учёных на их родных языках, поскольку славянские языки представляли для них определённые практические трудности, а доклады этих учёных могут иметь общий для всех делегатов интерес. Принятое постановление гласило, что языком делопроизводства съезда будет русский, а на пленарных и секционных заседаниях допускаются доклады на всех славянских языках, а также на французском, английском, немецком и итальянском. Однако такое решение вызвало протест со стороны А.С. Будиловича, который несколько позднее послал в ОРЯС письмо³⁶, где выступил против разрешения пользоваться на съезде любыми славянскими языками и «наречиями». Особенно резко отзывался он о «русько-украинском языке» галицких русинов и «Товарищества имени Шевченка», где играли главную роль такие деятели как М. Грушевский, И. Франко и др.³⁷. А.С. Будилович считал, что «руський язык» есть «искусственный русско-украинский жаргон, которым сочиняется ныне (так – Л.Л.) во Львове и Черновцах», что он создан на почве червоно-русских говоров под сильным воздействием польского языка и никак не может считаться тождественным ни с «малорусскими говорами, ни с диалектом Квитки и Шевченка». «Допущением этого жаргона, – заключает А.С. Будилович, – поддерживается сепаратизм, чему съезд не должен способствовать»³⁸. Архивные материалы показывают, что при обсуждении этого вопроса А.С. Будилович вступил в резкую полемику с А.А. Шахматовым по поводу того, что следует называть диалектом и что языком³⁹.

Приведённые примеры, на наш взгляд, показывают, что Предварительный съезд русских славистов 1903 г. явился ареной столкновений, по крайней мере, двух тенденций русской славистики, проявлявшихся в политических линиях, – консервативной, представленной А.С. Будиловичем и находившей сочувствие в правой прессе, и либеральной, признававшей и языки славянских народов, и сами эти народы равноправными. Своим либеральным большинством съезд не поддержал шовинистических выпадов и в вопросе о рабочих языках и времени созыва съезда устоял на либеральных позициях. Таким образом, на примере работы Предварительного съезда славистов следует констатировать, что среди них были люди различных политических убеждений и научных подходов, и что русское славяноведение

перед революцией 1905–1907 гг. развивалось в целом по тем же направлениям с точки зрения идеологии, что и другие отрасли общественной науки.

Второй секции съезда предстояло выработать программу, по которой должна была быть составлена и издана энциклопедия по славяноведению. Этот вопрос являлся совершенно самостоятельным и не зависел от будущего съезда. ОРЯС могло бы приступить к работе немедленно, чтобы к будущему съезду издать хотя бы один выпуск энциклопедии. Энциклопедия должна была содержать ряд очерков по отдельным отраслям славяноведения: по языку, литературе, истории, этнографии, археологии, искусству и т.д. Кроме того она должна была включать некоторые исследования в областях, соприкасающихся со славяноведением. Кроме филологии в узком смысле слова в состав энциклопедии должно было войти изложение политической истории славянских народов, межславянских политических и культурных связей, истории материальной культуры славян и славянских церквей.

Проект славянской энциклопедии, составленный ОРЯС и доложенный А.А. Шахматовым, состоял из 11 разделов: история и задачи славянской филологии, обзорное современное славянство – географическое и антропологическое, история славян, где должны были найти освещение вспомогательные исторические дисциплины – историческая география, археология, архивоведение, палеография, дипломатика, сфрагистика, генеалогия, геральдика, хронология, метрология и нумизматика славян. Далее предполагалось представить историю отдельных славянских народов – в кратких очерках политической истории, историю духовного и материального быта, права, церковного устройства и политики славянских народов с включением обзора историографии. Планировалось осветить юридические и социальные отношения и историю просвещения у славян. Особые разделы энциклопедии отводились в проекте славянским языкам, литературе, а также палеографии – кирилловской, глаголической и латинской в применении к славянской письменности⁴⁰.

Проект ОРЯС подвергся внимательному рассмотрению и всестороннему обсуждению. С этой целью члены 2-й секции съезда разделились на несколько подсекций: истории и права⁴¹, этнографии⁴², языковедения⁴³, литературы и искусства⁴⁴. Общие вопросы, связанные с созданием славянской энциклопедии, обсуждались на заседаниях всех членов 2-й секции съезда. К этим вопросам принадлежали проекты отдельных разделов энциклопедии, отличающиеся от основного, дополнения к разделам проекта ОРЯС и др.

Так, этнограф И.Н. Смирнов настаивал на том, чтобы исторический отдел был выделен в самостоятельную часть энциклопедии⁴⁵. А.Л. Погодин

указал на необходимость ввести в энциклопедию элементы литовской филологии⁴⁶. А.Н. Ясинский изложил свои замечания по вопросу исторического отдела энциклопедии⁴⁷.

Особенно оживлённые дебаты, нашедшие отражение в прессе, вызвал вопрос о языке, на котором должна издаваться славянская энциклопедия. Профессор Боннского университета Л.К. Гётц предложил издавать энциклопедию на латинском языке, поскольку русским западные учёные не владеют. Однако И.В. Ягич заметил, что Российская Академия наук никому не помешает переводить энциклопедию на западные языки. Латинский язык был отвергнут. Тогда Л.К. Гётц высказался за издание энциклопедии на немецком языке, в чём его поддержал П.Н. Милуков. Но в результате голосования секция отклонила и это предложение и утвердила русский язык в качестве языка издания. Этот вопрос попал в газеты, допустившие передержки. Так, в заметке, опубликованной в «Санкт-Петербургских ведомостях», содержалось утверждение, будто бы И.В. Ягич выступил против издания энциклопедии на русском языке, что не соответствовало действительности и оскорбляло маститого учёного⁴⁸. Заметка вызвала протест крупнейших русских учёных – А.Н. Веселовского, Н.П. Кондакова, А.Н. Пыпина, Ф.Ф. Фортунатова. В.И. Ламанского, Ф.Е. Корша, А.А. Шахматова. В своём письме в редакцию они отмечали: «Напротив, И.В. Ягич отстаивал возможность и необходимость издания энциклопедии на русском языке – против мнения лиц, предложивших избрать для энциклопедии немецкий или латинский языки»⁴⁹.

Пресса вообще нередко комментировала учёную полемику на съезде в зависимости от направления той или иной газеты. Особенно много нападок было на тех учёных, которые предлагали издавать энциклопедию на западных языках. В связи с этим профессор Л.К. Гётц сделал следующее заявление: «На заседании я выразил сердечное желание, чтобы не только славянский, но и весь западный учёный мир познакомился с состоянием славянской науки и культуры. Ввиду того, что лишь немногие из западноевропейских учёных знают русский язык, я предложил как «общеупотребительный» научный язык сперва латинский, и когда этот был отклонён собранием, как другой в учёном мире общеупотребительный язык – немецкий. Лица, знающие ближе меня и мои научные стремления о распространении верных сведений о России среди немцев, убеждены, что я не говорил как «немецкий патриот», а только как учёный в интересах славянского мира»⁵⁰.

Основательному обсуждению подвергся на съезде проект исторической части славянской энциклопедии. Оно продемонстрировало современный уровень исторической науки о славянах вообще и в России в частности. В ходе обсуждения выявился различный методологический подход отдель-

ных учёных к истории славян. Обсуждение плана исторического раздела велось на двух заседаниях подсекции истории и права. Председательствовал А.С. Лаппо-Данилевский. Он и сформулировал в своей речи при открытии заседания 12 апреля основные принципы работы. Первым из них автор считал «строгость научных приёмов исследования прошлых судеб славянства», вторым – «отыскание единства в развитии славянских народов». Этот принцип имел серьёзное методологическое значение. Если близость славянских языков не может вызывать никаких сомнений, то общность развития быта, культуры, литератур и тем более истории, очевидно, далеко ещё не предопределяется «генетическим родством».

Тезис об «общих чертах всего славянства» в XIX в. имел место, как известно, не только в идеологии русских славянофилов, но и в романтической историографии зарубежных славян. И хотя к началу XX в. многие учёные в России уже преодолели увлечение поисками «общих черт» славянства, следы прежних теорий ещё давали о себе знать. А.С. Лаппо-Данилевский заметил, что «самобытность можно понимать не только как развёртывание исконных данных свойств, но и как самостоятельность в приобретении новых свойств путём выбора образцов для подражания и в их комбинировании». Учёный предлагал исследовать «сходные черты» славянских народов, считая, что такие черты «легко узнать, например, и в семейно-задружном, общинном, вечевом быте славян и в культурном фонде, образовавшемся под влиянием византийским у болгар, сербов и русских; или у чехов, поляков, галичан... под влиянием западно-европейским». А.С. Лаппо-Данилевский считал также возможным «выяснение междуславянских отношений культурных и политических» и выражал мнение, что «подобное указание сходств в истории славянских народов ... может придать некоторое единство работе при строго научной объективности её»⁵¹.

Иные учёные сохраняли взгляды близкие к славянофильским, но с другой стороны многие участники дискуссии высказывали и прямо противоположные славянофильской концепции мнения.

Дальнейшее обсуждение исторического отдела энциклопедии сосредоточилось вокруг вопроса о научной группировке разделов. П.Н. Милюков предложил проект разделения материала по принципу «народности», а А.Н. Ясинский защищал идею группировки «по предметам», т.е. вспомогательные дисциплины, политическая история славянских народов – внешние и внутренние отношения, история права, история церкви, история материального быта и экономических отношений, история просвещения⁵². Большинство голосов был принят принцип группировки «по предметам», и А.Н. Ясинскому поручили представить проспект для дальнейшего обсуждения. Он был представлен⁵³ и вызвал на заседании 13 апреля новые споры. В ре-

зультате окончательный проспект исторического отдела славянской энциклопедии на съезде выработан не был. Историческая подсекция ходатайствовала перед ОРЯС о назначении особой комиссии по разработке программы исторической части славянской энциклопедии⁵⁴. Такая комиссия была создана под председательством академика В.И. Ламанского⁵⁵. Она выработала программу «исторической подсекции», которую ОРЯС разослало всем русским историкам-славистам с просьбой сообщить свои замечания⁵⁶. От нескольких учёных замечания были получены. Их прислали, например, такие крупные слависты как А.Н. Ясинский⁵⁷, К.Я. Грот⁵⁸, Ф.Ф. Зигель⁵⁹ и др. Эти документы имеют важное историографическое значение, поскольку свидетельствуют об уровне развития исторической мысли в области славяноведения и о различных направлениях в нем. Так, в суждениях юрьевского профессора А.Н. Ясинского и профессора славянского права Варшавского университета Ф.Ф. Зигеля обращает на себя внимание различие во взглядах обоих учёных на историю славян в целом. А.Н. Ясинский, выступая против группировки материала энциклопедии по принципу «национальности», считал, что подобная постановка равноценна отрицанию общей «славянской истории ... Если позволительно ещё думать, что славянство есть единый организм и представляет собой такой же отдельный мир, как германороманский, то должна быть и общеславянская история, всеобщая история Восточной Европы»⁶⁰. В этом суждении одного из крупнейших русских историков-славистов нельзя не ощутить отголосков старой теории славянофилов, деливших Европу на «миры» - германороманский (католический) и греко-славянский (православный). Ф.Ф. Зигель был противоположного мнения. В основу развития славянских народов он кладёт исторические условия их существования в рамках тех или иных государств и поэтому предлагает группировать исторический материал «по принципу государственному, как более определённого» сравнительно с расовым. «Сравнительно-исторические труды не только социологов, но и юристов, - пишет Ф.Ф. Зигель, - приводят к заключению, что расовый элемент играет весьма незначительную роль во всевозможных сферах эволюции, что всё зависит от той ситуации, на которой стоит умственное развитие данного общества, от той материальной и духовной среды, в которой это общество действует. Следовательно, научное сравнение не может ограничиться пределами одного славянства»⁶¹. Постановка Ф.Ф. Зигелем исторических условий над расовым происхождением имела более перспективное развитие.

Окончательный вариант исторического отдела славянской энциклопедии так и не был выработан.

По отделам лингвистики и этнографии были составлены конкретные планы, а детальная разработка проспекта по славянским литературам и искусству отложена на будущее время⁶².

Прочие пункты повестки дня съезда нашли более удовлетворительное разрешение. Так, были намечены конкретные меры по изучению памятников для словаря церковнославянского языка, определён его объём и состав⁶³.

По вопросу об издании памятников славяно-русской письменности главным докладчиком выступил лектор русского языка Варшавского университета А.В. Михайлов. Современное состояние издания памятников он определил как не удовлетворяющее требованиям науки и призвал к организации корпоративного издания памятников при Академии наук, «а памятник крупного размера готовился бы к изданию коллективом в 8 – 10 человек, которые могли бы распределить между собою труд»⁶⁴, - предложил докладчик. По решению 5-й секции съезда намечалось издание некоторых конкретных памятников, а в повестку дня съезда 1904 г. предполагалось включить вопрос о систематическом издании трудов «старинных писателей» различных славянских народов⁶⁵.

Обстоятельному обсуждению подвергся вопрос об издании славянской библиографии. К моменту открытия Предварительного съезда вышло два издания славянской библиографии: одно в Петербурге⁶⁶, другое в Праге⁶⁷. Оба издания содержали много идентичного материала. Обсуждался вопрос о координации библиографической работы, но окончательное решение было отложено до «съезда славистов в 1904 году»⁶⁸.

Вопрос о «межславянских книжных сношениях» обсуждался на 6-й секции съезда. Существующее состояние книжного обмена было признано не выполняющим общих задач славяноведения, в связи с чем выдвигались проекты улучшения этой области научных контактов⁶⁹. Было принято решение об открытии в Вене постоянного книжного агентства для русских книг и расширении деятельности славянского отдела библиотеки Академии наук в Петербурге.

Общим собранием съезда обсуждался также вопрос о состоянии славяноведения в университетах России. Отмечалось, что подготовка кадров славистов и постановка преподавания славяноведения в них архаичны. Если, например, в Венском университете было четыре профессора славяноведения, а в Пражском – три⁷⁰, то в России, даже в Петербургском и Московском университетах, работало лишь по одному штатному профессору славяноведения. Академик В.И. Ламанский предложил ходатайствовать перед министерством народного просвещения от имени съезда об увеличении числа славистических кафедр, об устройстве семинаров при кафедрах, о приобретении фотографических аппаратов для научных экспедиций⁷¹.

Петербургский профессор П.А. Лавров высказался за учреждение в университетах трёх славистических кафедр: славянского языкознания, славянских литератур и истории славянских народов. По мнению П.А. Лаврова, следовало создать во всех университетах – по образцу Варшавского - кафедру славянских законодательств. Представитель такой кафедры в Варшаве Ф.Ф. Зигель развил эту мысль, указав на то, что даже западноевропейская и американская наука заинтересовалась историей права славянских народов, на почве юридического быта которых целесообразно изучать «скрещивающиеся культурные влияния Запада и Востока». В обсуждении вопроса приняли участие многие другие профессора, и в результате было составлено ходатайство. В документе, представленном в министерство народного просвещения, говорилось: «Съезд русских филологов считает своим долгом ходатайствовать перед МНП о более прочной и всесторонней постановке славяноведения во всех русских университетах, а именно полагает необходимым: а) учредить особую ординатуру по истории и древностям славянских народов; б) дать университетам возможность располагать двумя кафедрами по славянской филологии, имея в виду две группы: языка и литературы; в) восстановить на юридических факультетах ординатуру по истории славянских законодательств⁷²; г) дать возможность историко-филологическим факультетам иметь от 2 до 4 лекторов по живым славянским наречиям»⁷³. Это ходатайство и было послано в министерство, но осталось без ответа⁷⁴, как и прежние попытки изменить порядок преподавания славяноведения в университетах.

Работа Предварительного съезда русских славистов в 1903 г. в целом была плодотворной. Были обсуждены многие важные вопросы славяноведения в целом и его состояния в России, выявлены недостатки в науке о славянах и предложены пути их исправления. Предварительный съезд русских филологов показал также объединяющую роль ОРЯС РАН в деле организации славистических исследований и укрепления связей с представителями славяноведения в Европе. Однако перспективные планы, которые предполагалось обсудить на международном славистическом съезде в 1904 г., реализованы не были. Съезд 1904 г., как уже отмечалось, не состоялся в виду начавшейся русско-японской войны, а последовавшие за ней политические события сделали его проведение невозможным.

Примечания

1. Санкт-Петербургские ведомости. Апрель. 1903. №№ 97–102 и др.
2. Новое время. Апрель. 1903. №№ 9733–9738 и др.
3. Биржевые ведомости. 16(29) апреля, 24 апреля (7 мая), 26 апреля (9 мая), 11(24) мая, 13(26) мая, 14(27) мая, 15(28) мая 1903 г.

4. Южное обозрение (Одесса). 12, 14, 15, 19 апреля 1903 г.
5. Бессарабец (Кишинёв). 16(29).4, 18.4(1.5), 21.4(4.5), 22.4(5.5) 1903 г.
6. Allgemeine Zeitung. 16.5.1903. № 2. 110.; Kölnische Zeitung. 1.5.1903. № 2. 372.
7. Славянский век. 1900, № 2; 1901, № 18, 20; 1902, № 56; 1903, № 63, 64, 69, 70; 1904, № 74.
8. Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества (далее - ИС-СБО). 1902/1903, № 8; 1902, № 1, 2; 1903, № 2, 3, 8; 1904, № 4, 6.
9. Киевская старина. 1903. Июнь. Т. 81.
10. Литературный вестник. 1903. Кн. 3. С. 418-419.
11. Русский филологический вестник (Варшава). 1904. Т. 52. Кн. 3-4. С. 272-293.
12. Русская мысль. 1903. Кн. 6. С. 201-208.
13. Русский вестник. 1903. Кн. 5. С. 334-344.
14. Вестник Европы. 1903. Кн. 3. С. 328-343.
15. Яворский Ю. Съезд русских славяноведов в Петербурге // Славянский век. 1903. Вып. 64. 1(14) мая. С. 487-490.
16. ИССБО. 1903. № 8(май). С. 32-39.
17. Свирская В.Р. Из истории славянских научных связей. Первый съезд русских славистов // Научный бюллетень ЛГУ. 1946. № 11-12. С. 85-88; она же. Из истории славянских научных связей // Учёные записки Института славяноведения АН СССР. 1948. Т. I. С. 358-364.
18. Свирская В.Р. Российская Академия наук в борьбе за равноправие украинского языка // Мовознавство. 1949. Т. 7. С. 60-71.
19. Горяинов А.Н. Из истории русской славяноведческой библиографии второй половины XIX-начала XX веков // Труды Гос. библиотеки им. В.И.Ленина. 1963. Т. 7. С. 167-168; он же. Русско-чешские связи в начале XX века // Там же. 1966. Т. 9. С. 174-177.
20. Лаптева Л.П. Съезд русских славистов 1903 г. // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М, 1981. С. 261-279.
21. Лаптева Л.П. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX вв. М., 2012. С. 17-32.
22. Предварительный съезд русских филологов (10-15 апреля 1903 г.). Бюллетени. СПб., 1903.
23. Из новейшей литературы об этом см.: Россия и славянский мир на Этнографической выставке 1867 г. СПб., 2009.
24. Нидерле Любор (1865–1944) – крупнейший чешский учёный. Занимался изучением древних славян, доисторической археологией и антропологией. Изучал материалы о древних славянах в Москве и Киеве. Иностраннный член РАН и других академий. В 1898–1902 гг. издавал журнал «Věstník slovanské filologie a starožitnosti».
25. Мурко Матия (1861–1952). Словенец. Ученик Ф. Миклошича в области филологии. В 1887–1889 гг. стажировался в России у А.Н. Пыпина и А.Н. Веселовского. Исследовал преимущественно славянскую литературу и народную словесность. Был представителем сравнительной русской школы исследования литературы. С 1920 г. - профессор языка и литературы южных славян Пражского университета. Один из основателей журнала «Slavia».
26. Цит. по: Свирская В.Р. Из истории славянских научных связей. Первый съезд русских славистов // Научный бюллетень Ленинградского Государственного ордена Ленина Университета. 1946. № 11-12. С. 86.
27. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской Государственной библиотеки (далее - НИОР РГБ). Ф. 40. Картон 20. Предварительный съезд русских филологов (10-15 апреля 1903 г.). Бюллетень № 1. Общее собрание 10 апреля. Речь Т.Д. Флоринского.
28. Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (далее - ПФА РАН). Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 798. Л. 1-2.- Докладная записка в ОРЯС ПАН члена-корреспондента ПАН, профессора Киевского университета св. Владимира Т.Д. Флоринского от 14.9. 1902 г.
29. ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 798. Л. 5 – Протокол заседания ОРЯС от 21 сентября 1902 г.
30. ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 798. Переписка по этому поводу на лл. 15, 17, 19, 22, 26 и др.
31. ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 820. Л. 50-57. Список лиц и учреждений, приглашённых на заседание Предварительного съезда.
32. ПФА РАН. Ф. 134 (А. Шахматов). Оп. 1. Ед. хр. 237 – программа съезда.

33. См. Бюллетень № 2. Заседание 1 секции 10 апреля, 7 ½ часов вечера. Бюллетень № 4. 2-е заседание – 12 апреля.
34. Бюллетень № 4. Протест подписали: Гейсман, Ив. Пальмов, П. Драгоманов, М. Соколов, К. Грот, Т. Флоринский, А. Степович, И. Филевин, Платонов. Текст протеста опубликован также в газете «Санкт-Петербургские ведомости» 15(28) апреля 1903 г. (Заметка «Съезд славистов»).
35. Бюллетень № 2.
36. ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 798. Л. 71 - Письмо А.С. Будиловича в ОРЯС от 25.4.1903 г.
37. Там же. Л. 162.
38. См. цитированное выше письмо от 25.4.1903 г.
39. ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 798. Л. 162-173 – Ответ А.С. Будиловича на отношение в ОРЯС от 5.5.1903 г. (ответ датирован 24.5.1903 г.).
40. Бюллетень № 3. Приложение.
41. Бюллетень № 6, первое заседание; № 13, второе заседание.
42. Бюллетень № 7.
43. Бюллетень № 10.
44. Бюллетень № 11.
45. Бюллетень № 3.
46. Там же.
47. Там же.
48. Санкт-Петербургские Ведомости. 13(26) апреля 1903 г. № 98. «Заметки».
49. Санкт-Петербургские Ведомости. 15(28) апреля 1903 г. № 100. Письмо в редакцию.
50. Санкт-Петербургские Ведомости. 17(30) апреля 1903 г. № 102. Письмо в редакцию.
51. Бюллетень № 6, первое заседание подсекции истории, 12 апреля 1903 г.
52. Там же.
53. Бюллетень № 13, 2-е заседание подсекции истории 13.4.1903. В приложении к Бюллетеню см.: Пробный проект исторического отдела общеславянской энциклопедии, составленный применительно к основаниям, принятым гг. членами исторической секции, в заседании 12 апреля 1903 г. (составитель – проф. А.Н.Ясинский).
54. Бюллетень № 15. Общее собрание. 15.4. Выступление А.С. Лаппо-Данилевского.
55. ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 820 – выписка из протокола заседания ОРЯС от 3.5. 1903 г., отправленная В.И. Ламанскому 27.9. того же года.
56. Указанная выписка из протокола, пункт 1.
57. ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 820. Л. 93-95.
58. Там же. Л. 2-5.
59. Там же. Л. 82-84 (первый лист не сохранился).
60. ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 1. Ед. хр. 820. Л. 95.
61. Там же. Л. 84 об.
62. Бюллетень № 15. Общее собрание 15 апреля. Выступление П.А. Лаврова.
63. Бюллетень № 8. Заседание секции о церковно-славянском словаре 12 апреля.
64. Бюллетень № 9. Приложение «К вопросу об издании памятников славяно-русской письменности». Доклад А.В. Михайлова.
65. Бюллетень № 9. Заседание 5 секции 14 апреля.
66. Славяноведение в повременных изданиях за 1900 г. СПб, 1901.
67. Věstník slovanské filologie a starožitností. Praha, 1901.
68. Бюллетень № 12. Заседание 4 секции 13 апреля.
69. Бюллетень № 14. Соединённое заседание III общего собрания и 6 секции 14 апреля.
70. Бюллетень № 5. Общее собрание 12 апреля.
71. Там же.
72. По университетскому уставу 1863 г. кафедра славянских законодательств учреждалась во всех университетах, но была занята только в Варшавском. Поскольку в других университетах эта кафедра оставалась вакантной, она была упразднена уставом 1884 г.

73. Российский Государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 733. Оп. 151. Д. 609. Л. 2. См. также: Бюллетень № 5. Второе общее собрание Предварительного съезда русских филологов 12 апреля 1903 г.

74. В министерстве народного просвещения ходатайство было получено и сдано в архив. Текст его с сопроводительным письмом ОРЯС за подписью академика А.Н. Пыпина был обнаружен автором этих строк в РГИА (Ф. 733).

«Славянский мир, сомкнись тесней...»
(к 210-летию со дня рождения Ф.И.Тютчева
и 140-летию его кончины)

Abstract:

Zadorozhnyuk E.G. «*Slavic world, unite closely...*» (to the 210th anniversary of the birth of F.I.Tutchev and 140th anniversary of his death)

The wealth of Tutchev views on Slavic Question in his poetic works and political essays is reviewed. It is shown, that despite the fact that they may seem out of fashion, in their substance they are still significant for the third millennium. The globalization process leads to risk of loss of Slavic national identity, thus the idea of the brotherhood, most pronounced in Tutchev's work, is gaining new and creative meanings; this concerns their unity, «raced with love», not with «steel and blood».

Ключевые слова: поэтическое творчество, политическая публицистика, Ф.И.Тютчев, славянский мир, славянский вопрос, славянская взаимность, славянское единство, национальная идентичность, диалог культур.

Проблема славянской взаимности и славянского единства в XIX веке была одной из важных для всей общественной мысли России. Ее решение сопрягалось с диалогом между ее представителями и носителями социально-культурной мысли западного и южного славянства, причем этот диалог не всегда осуществлялся в прямых форматах.

В наших предшествующих публикациях рассматривался такого рода диалог, в частности отложенная по времени перекличка идей А.И. Герцена о федерации славянских народов и Т.Г. Масарика о малых народах и их союзах¹. Одним из поводов послужили юбилейные даты: 200-летие со дня рождения Герцена и 75-летие со дня смерти Т.Г. Масарика.

Поводом к написанию данной статьи также является юбилейная дата - на этот раз связанная с 210-летием со дня рождения и 140-летием со дня смерти Ф.И. Тютчева. Следует отметить, что к 200-летнему юбилею увидело свет шеститомное издание трудов русского поэта и мыслителя, что дает возможность панорамно представить все его политические проекты и место славянского вопроса в них. Этот вопрос является в полном объеме ключевой темой в более чем полутора десятков стихотворений Тютчева; он ставится в трех его наиболее известных политических трактатах; его он касается и в эпистолярном наследии.

Приступая к изложению основных пунктов видения славянского вопроса Тютчевым, надо прямо отметить: в отличие от модели демократической славянской федерации Герцена (с которым Тютчев встречался дважды

в Париже – 8 и 9 марта 1865 г., однако то, что они обсуждали, почти не оставило следа в их переписке и мемуарных свидетельствах), Тютчев обосновывал, главным образом, консервативную модель решения этого вопроса, и это видно из нижеследующих его текстов.

Вхождение славянства в третье тысячелетие показывает, что как первая, так и вторая модели по видимости полностью отбракованы историей: слабо просматриваются контуры демократической федерации славянских народов, а уж их единство под эгидой Российской империи практически непредставимо. Однако по сути результаты рассмотрения этих моделей могут вызвать интерес, поскольку они несут не только исторический характер, но и содержат элементы прогнозного характера.

В случае Тютчева поиск смыслов славянской идеи, адекватный вызовам нового, третьего, тысячелетия, особенно затруднителен. Однако не случайно его идеи постоянно находились в поле зрения отечественных славистов², включая сотрудников Института славяноведения.

Можно в этом плане вспомнить работу В.К. Волкова (1930–2005), в которой отмечается, что обвинения в панславизме служили идеологическим оправданием вовлечения держав Запада в Крымскую войну против России³. На это постоянно обращал внимание Тютчев, подчеркивавший необходимость освобождения славян от гнета Австрии, которая усиливала антирусскую политику Запада.

М.Ю. Досталь (1947–2011) рассматривала взгляды Тютчева на идею славянской взаимности на русской почве как внутренне противоречивую: с одной стороны, объединение славян под эгидой России не соотнобразовывалось с их национально-освободительными движениями, с другой - оно противоречило реальной политике российского самодержавия⁴. Более того, «историософская утопия греко-славянской державы» способствовала созданию на Западе мифа о панславистской угрозе, хотя этот миф неправильно трактовал взгляды Тютчева.

Особо креативной является констатация Г.Д. Гачева (1929–2008), в соответствии с которой две установки у Тютчева: *«любовь к родине - императив себя полностью реализовать* (курсив мой. – Э.З.) - за срок жизни приходят в кричащий, даже вопиющий конфликт из-за разномерности тактов и ритмов»⁵. Она объясняет многое в формах изложения и политических идей Тютчевым: таковые выступают одновременно проекцией его сиюминутных ожиданий и громадных имперских (или, как говорилось уже после его смерти) геополитических проектов. Кроме того, поэтом постоянно ощущается прерывистость ткани исторического бытия.

Если вернуться к теме настоящей работы, то она заключается в том, чтобы, рассмотрев идейное наследие Тютчева, выявить в нем, по меньшей

мере, элементы прогнозного характера, значимые для современности. О том, что они есть, свидетельствуют наши неоднократные обращения к выраженному им в поэтической форме стремлению к славянскому единению (впервые в статье 1993 г., озаглавленной строкой из знаменитого стихотворения Тютчева)⁶. Эти элементы просматриваются во всем творчестве Тютчева, начиная с его стихотворений, которым в статье и будет уделено главное внимание.

Первым стихотворением, в котором на передний план выходит тема славянства, можно (хотя и с некоторыми оговорками) считать «Олегов щит», в котором – вслед за А.С. Пушкиным – ставится мотив победы славянства над турками. Стихотворение связывалось с заключением Адрианопольского мира, завершившего русско-турецкую войну 1828–1829 гг., когда русская армия подошла к самому Стамбулу (Константинополю)⁷. Вторая его строфа («О наша крепость и оплот!/ Великий Бог! веди нас ныне,/ Как некогда ты вел в пустыне/ Свой избранный народ!..») трактовалась как «молитва славян», противостоявшая «молитве магометан» в первой строфе (1.С. 71)⁸.

Античные мотивы в сочетании с политической злобой дня проявились во втором стихотворении «Как дочь родную на закланье...», в котором затрагивается славянская тема. Оно приурочено к взятию Варшавы в 1831 г. (первая публикация появилась только в 1879 г.); в нем констатируется: «Мы над горестной Варшавой / Удар свершили роковой, / Да купим сей ценой кровавой / России целость и покой!». При этом особо подчеркивается, что это борьба не за «коран самодержавья», а стремление «Державы целость соблюсти, / Славян родные поколения / Под знамя русское собрать» (1.С. 145). Заявленная программа их единения после этого звучит постоянно не только в стихотворениях, но и в политических трактатах Тютчева, отражаясь в его письмах.

Примерно то же, тогда же и по тому же поводу – взятию Варшавы, вызвавшему призывы к вооруженному вмешательству в дела России во французском парламенте, – писал Пушкин в «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина». Сопоставление идей и пафоса этих поэтических творений – отдельная задача, надо лишь заметить, что и Пушкин, и Тютчев выделяют мотив обособленности славянства, которое может вести «домашние споры» (Пушкин), но устремлено к единой «мете», то есть цели (Тютчев).

Очередное стихотворение по теме славянского единства – «К Ганке» - появилось ровно 10 лет спустя и было помечено датой: «Прага. 26 августа / 6 сентября 1841». Адресатом письма явился В. Ганка (1791–1861) - чешский филолог и общественный деятель, сторонник культурного сближения Чехии с Россией. Тютчев познакомился с ним в 1841 г., и стихотворение явилось свидетельством не только взаимной приязни поэтов, но и их единомыслия

как приверженцев идеи единства «Славянской земли». Отношения поддерживались и позже, в письме Тютчева к Ганке от 16 (28) апреля 1843 г., а в 1867 г. Ганке был послан посмертный привет – стихотворение получило три дополнительные строфы этому «правды мужу».

Письмо «К Ганке» начинается риторически-вопросительным обращением к видному представителю этого мира: «Вековать ли нам в разлуке? / Не пора ль очнуться нам? / И простерть друг другу руки – / К нашим кровным и друзьям?..» (1. С. 188). Ранее были кровавые столкновения среди этих племен, не одно из них погибло или подчинилось чужим. Крайне абстрактные соображения не сопровождаются указанием на то, какие это племена, но их враг обозначается достаточно четко: «Иноверец, иноземец / Нас раздвинул, разломил -/ Тех обезьязычил немец, / Этих – турок осрамил...». Тютчев с «пражских высот» рассматривает из зажженного Ганкой «маяка» всю «Славянскую Землю». Ее границы простираются «От Невы до Черногорья, / От Карпатов за Урал» (1. С. 188), слышна переключка Варшавы, Киева, Москвы и Вышеграда.

«Приписка» из трех строф связала письмо со встречей представителей славянских народов, прибывших в апреле 1867 г. на Всероссийскую этнографическую выставку. Славянский съезд собрал 81 представителя, встречавшихся с 8 по 15 мая в Петербурге, а с 16 по 27 мая – в Москве. Тютчев завершает его, обращаясь к имени Ганки: «За твое же постоянство / В нескончаемой борьбе/Первый праздник *Всеславянства/ Приношеньем будь тебе*» (1. С. 189).

В следующем году Тютчев пишет еще одно письмо - «От русского по прочтении отрывков из лекций г-на Мицкевича». Оно было отправлено в Париж из Мюнхена 16(28) сентября 1842 г., но опубликовано польскими славистами лишь в 1979 г. В нем также обосновывается идея объединения славянских народов в общую «семью», хотя и в другой тональности.

Его косвенный адресат – А. Мицкевич - именуется «мужем примиряющей любви» без достаточных на то оснований; он с начала 1840-х годов читал лекции в Париже о славянских литературах, но уже тогда проникался настроениями польского мессианизма и прославлял римский католицизм - злейшего противника для Тютчева. «Мы чужом приближеньем Света – / И вдохновенный твой Глагол, / Как вестник Нового завета,/Весь Мир Славянский обоготил...» (1. С. 191). Конечно, и взаимная приязнь Мицкевича и Пушкина (второй еще в 1834 г., правда, утверждал, что общая мечта о времени, «Когда народы, распри позабыв,/ В великую семью соединятся», сменилась «голосом злобного поэта»), и внимание к польскому поэту со стороны русских могли бы образовать почву для общих устремлений. Все же видение судеб славянского единства у польского поэта исключало ведущее место

России в нем. Может, он и согласился бы со словами Тютчева: «Воспрянь, разрозненное племя,/Совокупись в один Народ –/Воспрянь – не Польша, не Россия –/ Воспрянь, Славянская Семья!» (1. С. 191), но эту семью, по его убеждению, должен возглавлять папа римский. Поистине Тютчев читал лишь отрывки из лекций, причем по собственному выбору, в противном случае он едва ли одобрил бы ключевые идеи Мицкевича.

Публицистические труды Тютчева написаны в некоем интервале - между ростом упований на славянское единство и развернувшимися по всей Европе революциями 1848–1849 гг. Славянский вопрос освещается в них как сила, противостоявшая революции, его можно решить лишь в союзе с Россией; отсюда же должно прийти спасение и для всей Европы по воле монарха – «всеславянского царя».

В письме «Россия и Германия» Г. Кольбу, редактору немецкой «Всеобщей газеты», появившемся в 1844 г. на французском языке в виде брошюры (на русском языке опубликовано в 1873 г.), Тютчев обращает более пристальное внимание и на славянские сюжеты.

Он особо подчеркивает, что со стороны России «так называемые завоевания и насилия явились самым естественным и законным делом, какое когда-либо совершалось в истории, – просто состоялось необъятное воссоединение. Становится также понятным, почему друг за другом разрушались от руки России все встреченные на ее пути противоестественные устремления, силы и установления, чуждые представляемому ею великому началу... почему, например, Польша должна была погибнуть... Речь идет, конечно же, не о самобытной польской народности – упаси Бог, а о навязанных ей ложной цивилизации и фальшивой национальности. С этой точки зрения наилучшим образом можно оценить и истинное значение так называемого Восточного вопроса, который селятся выдавать за неразрешимый именно потому, что все уже давно предвидят его неизбежное разрешение...» (3. С. 119).

Высказывая эти суждения, Тютчев исходил из того, что присоединенная к России часть Польши полноценно развивала собственную культуру, но поляки отошедших к Австрии и Германии областей подвергались онемечиванию. По его логике, Россия способна обеспечить национальное развитие Польши в своем составе, а ее независимость превратит небольшое государство в яблоко раздора для европейских стран.

Россия должна объединить и другие славянские народы, сохраняющие православную веру, и тем самым выступить прямой наследницей Византийской империи. «В самом деле, – отмечает он, – остается только узнать, получит ли уже на три четверти сформировавшаяся Восточная Европа, эта подлинная держава Востока, для которой первая империя византийских ке-

сарей, древних православных государей, служила лишь слабым, незавершенным наброском, свое последнее и крайне необходимое дополнение, получит ли она его благодаря естественному ходу событий или окажется вынужденной требовать его у судьбы силой оружия, рискуя свергнуть мир в величайшие бедствия» (З. С. 119).

Тем самым Россия предстает как объединитель славянских народов в Европе – процесс, который должен лишь начаться разрешением Восточного вопроса, сводящегося к освобождению православных и славянских народов из-под власти Турции; закончится же он присоединением к Восточной империи западных славян.

Статья «Россия и революция» была продиктована жене поэта Эрн.Ф. Тютчевой 12 апреля 1848 г., в 1849 г. она появилась на французском, а в 1873 г. – на русском языке. Если в предыдущих работах в центре рассмотрения славянской проблематики находилась Польша, то в данной на передний план выходит Чехия (Богемия).

Революционная волна уже докатилась до Австрии и Чехии: 13–14 марта произошло народное восстание в Вене, а ровно через 2 месяца после окончания статьи – 12 июня – оно началось в Праге и продлилось там 5 дней (восстанию предшествовали рабочие и крестьянские волнения, которые Тютчев сравнивает с Жакерией). И в этих условиях особое выражение получил, по словам Тютчева, племенной вопрос, приносивший опаснейшее осложнение, в первую очередь для Австрии. «Как-то забыли, – пишет Тютчев, – что в самом сердце мечтающей об объединении Германии, в Богемской области и окрестных славянских землях живет шесть или семь миллионов людей, для которых в течение веков, из поколения в поколение, германец ни на мгновение не переставал восприниматься чем-то несравненно худшим, нежели чужеземец, одним словом, всегда остается Немцем...» (З. С. 152). Никто из славян не хотел мириться с национальным угнетением, но дальше всех пошли чехи. Принятая под их давлением Богемская хартия пошла на значительные уступки национальному движению чехов, усилились идеи о возрождении средневекового Королевства св. Вацлава, более того – в 1848 г. в Праге состоялся Славянский съезд.

Оказалось, что славянское движение не ограничивается литературным патриотизмом пражских ученых (в числе которых был и лично знакомый Тютчеву В. Ганка, а также И. Добровский, Я. Коллар, П. Шафарик, Л. Штур, Ф. Челаковский и другие)⁹; оно явилось отражением подлинной жизни народа, а это больше, чем исторические и филологические изыскания. «Все, – пишет он, – что еще сохраняется от истинного национального существования Богемии, заключено в ее гуситских верованиях, в постоянно живом протесте угнетенной славянской народности против захватов римской Церкви, а так-

же против немецкого господства. Здесь-то и коренится связь, соединяющая ее со всем ее славным боевым прошлым, находится звено, которое свяжет однажды чеха из Богемии с его восточными собратьями. Нельзя переусердствовать в настойчивом внимании к этому предмету, поскольку именно в сочувственных воспоминаниях о Восточной Церкви, в возвращениях к старой вере (гуситство в свое время служило лишь несовершенным и искаженным ее выражением) и сказывается глубокое различие между Польшей и Богемией: между Богемией, против собственной воли покоряющейся западному сообществу, и мятежно католической Польшей – фанатичной приспешницей Запада и всегдашней предательницей своих» (3. С. 153).

Значительно позже Тютчев в письме к княгине Е. Э. Трубецкой от 6 декабря 1871 г. подчеркивал необходимость «органической связи Богемии с миром Славянским во всей его полноте». Он утверждал: «Чехия истинно национальная – прежде всего Гуситка, а гуситство не что иное, как возвратное стремление, – весьма сознательное, весьма решительное, хотя и прерванное насилием, – возвратное стремление, повторяю, Чешского племени к Церкви Восточной. Славянская народность Чехов требует, чтоб эта попытка возврата была возобновлена и доведена до конца» (3. С. 341).

По убеждению Тютчева, для славянской духовной природы сомнительна политическая самостоятельность при утрате самостоятельности нравственной: для духовной народной личности это грозит гибелью. «Чтобы понять, к какому государству Богемия будет вынуждена примкнуть, несмотря на господствующие в ней сегодня идеи и на те учреждения, которые станут управлять ею завтра, остается лишь вспомнить слова, сказанные мне в 1841 году в Праге самым национально мыслящим патриотом этой страны. “Богемия, - говорил мне Ганка, - будет свободной и независимой, достигнет подлинной самостоятельности лишь тогда, когда Россия вновь завладеет Галицией”» (3. С. 154). Общеславянские упования Чехии опираются на ее прошлое, в котором поражения способствовали укреплению ее самосознания.

В 1849 г. Тютчев готовил политический трактат «Россия и Запад», в котором славянские сюжеты концентрировались в главах, к которым были сделаны лишь заготовки. В первой главе трактата «Положение дел в 1849 году» отмечалась справедливость заключений, намеченных уже в «России и революции»: «Февральское движение, по свойственной ему внутренней логике, должно бы привести к крестовому походу всего охваченного Революцией Запада против России...» (3. С. 179).

Одним из препятствий этому продвижению и выступило славянское единство под негласным верховенством царя. Его сила – не только в вой-

сках, вошедших в находившуюся в беде Австрию, она, главным образом, в высокой духовности, заключает данную главу Тютчев.

Пафос призывов Тютчева сводится к тому, что Россия должна спасти Запад от самого Запада. Эта мысль конкретизируется на примере отдельных стран, одной из которых выступает Австрия. В материалах к ненаписанной главе о ней Тютчев очередной раз ставит вопрос: «Каково было значение Австрии в прошлом?». И отвечает на него опять-таки известным образом: «Она выражала факт господства одного племени над другим, германского племени над славянским». Но уже с большей определенностью добавляет: «Этот факт германского господства над славянами, опровергнутый Россией. Уничтоженный последними событиями» (3. С. 192).

Австрия в ходе революции провозгласила равноправие для различных народностей. Но возможно ли ее существование как империи на основе отрицания принципа, который должен ее удерживать? Ведь большинство в Австрии принадлежит славянам, поэтому и Австрия должна стать славянской, что совершенно невозможно. Следовательно, нужно искать новые формы сосуществования этих начал, включая политические и психологические. Одно из них - германский гнет: «не только политическое притеснение, он во сто крат хуже. Ибо он проистекает из той мысли немца, что его господство над славянами является его естественным *правом*. Отсюда неразрешимое недоразумение и вечная ненависть» (3. С. 193).

А что же такое Россия? Отнюдь не только материальная сила, спасающая Европу от революции, а славянство от национального угнетения. Это «целая половина европейского мира», состоящая из двух вещей: «славянское племя и Православная Империя» (3. С. 195).

Европейцы видят специфику первого в панславизме, по словам Тютчева, впадшем в революционную фразеологию, хотя это всего лишь искаженное восприятие народности, более того, маскарадный костюм для революции. Подобные литературные панслависты являются немецкими идеологами, считает поэт. «Действительный панславизм в массах. Он обнаруживается при встрече русского солдата с первым встречным славянским крестьянином, словаком, сербом, болгаринном и т. д., даже мадьяром. Они все единодушны в своем отношении к немцу», – заключает он (3. С. 195).

Что касается империи, то надо признавать: Россия как империя гораздо более православная, чем славянская по своей сути. Были Ассирия, Персия, Македония, Рим, с Константина начинается 5-я и окончательная христианская империя, представляемая ее преемницей Россией.

«“Волим царя восточного православного”, – говорили малороссы, и говорят все православные на Востоке, славяне и прочие. Империя едина: Православная Церковь – ее душа, славянское племя – ее тело. Если бы Рос-

сия не пришла к Империи, она не доросла бы до себя. Восточная Империя: это Россия в полном и окончательном виде» (3. С. 196). Таков велеречивый вывод главы о России.

В «Материалах к главе IX» программа ее укрепления уточняется следующим образом: «В области светской образование Греко-Славянской Империи. В области духовной - объединение двух Церквей... Итак, поглощение Австрии есть не только необходимое пополнение России как славянской Империи, но еще и подчинение ей Германии и Италии, двух стран Империи» (3. С. 199).

Другое дело, предвещающее объединение Церквей, - это лишение римского Папы светской власти. Таков итог современного баланса сил между Россией и Западом, с учетом того, что первая в нем явно доминирует.

Все указанные соображения являются своеобразным предисловием к выглядешему даже на их фоне одиозным стихотворению «Русская география». Революцию 1848 г., захватившую и славянские народы (здесь ей предшествовало Краковское восстание 1846 г.), Тютчев встретил циклом стихов, в которых ее стихии противопоставит - как утес - Россия. Стихотворение «Русская география» было написано не позже 1849 г., когда русские войска вступили в Европу для подавления революции (в Венгрии). Впервые опубликовано оно было в 1886 г., когда прервались русско-болгарские отношения, - и в этой «географии» образовался пробел. Это наиболее политически ангажированное стихотворение Тютчева, наполненное неуместной эйфорией как раз перед тем, как Россию ожидала Крымская война.

«Москва и Град Петров (Рим), и Константинов Град - /Вот царства Русского заветные Столицы.../Но где предел ему? и где его границы -/На север, на восток, на юг и на закат?.../Грядущим временам судьбы их обличат.../Семь внутренних морей и семь великих рек.../От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,/От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная.../Вот царство Русское... и не преидет век,/Как то провидел Дух, и Даниил предрек...» (1. С. 200). Россия здесь представлена не столько как утес, сколько как вулкан, захватывающий своей лавой все новые земли. И в этом плане стихотворение несло в себе мало подходивший для реальной политической жизни смысл, который содержал больше вреда, чем пользы.

Стихотворение «Пророчество» содержало указание и на фигуру властителя расширяющегося славянского мира. Раздался-де глас свыше, что «возобновленную Византию... осенит Христов алтарь». Стихотворение датировалось 1850 годом и было опубликовано журналом «Современник» в 1854 г., но одного из героев пророчества - царя Николая I - не вдохновили, но ввели во гнев заключительные его слова: «Пади пред ним, о царь России, -/И встань - как всеславянский царь!» (2. С. 14). То ли императора не вдох-

новил призыв «пасть» – хотя бы перед алтарем, то ли он был большим политическим реалистом, чем поэт, и зорче видел трагический для России исход Крымской войны, то ли его не привлекал идеал «всеславянства» (не случайно Пушкин гораздо раньше констатировал: у нас единственный европеец – правительство). Но он повелел относительно двустушия: «Подобные фразы не допускать»¹⁰.

Славянофилы видели в борьбе за православие и славянство ключевой пункт противостояния Востока и Запада и в данном ракурсе 1853 год, а в меньшей мере – 1854-й., считались ими весьма успешными. Но представление о православной России как преемнице Византийской империи, которая пала под ударами турков в 1453 г., было явно утопичным.

Еще одно пророчество перед крушением надежд на славянское единство под эгидой России содержится в стихотворении «Тогда лишь в полном торжестве...» (написано в том же 1850 г., но появившееся в печати в 1868 г.); в нем изложен еще один вариант славянофильской утопии. «Тогда лишь в полном торжестве,/В славянской мировой громаде,/Строй вожделенный водворится, –/Как с Русью Польша помирится, –/А помирятся ж эти две,/Не в Петербурге, не в Москве, А в Киеве и в Цареграде.../» (2. С. 17).

Поэтический голос Тютчева приумолк после поражения России в Крымской войне, особенно это касается его политической лирики. Лишь в 1863 г. было написано и появилось в печати тревожное стихотворение, вызванное совместным выступлением Австрии, Англии и Франции на стороне Польши. Тютчев стремится убедить их представителей, что Россия выступит в интересах самой Польши как славянского и в потенции православного государства, части великой империи и всеславянской державы. Для этого томы, русские, и «бьемся с мертвецами,/Воскресшими для новых похорон» (2. С. 121) – новых, судя по всему, после «похорон» 1831 г.

Пророческий пафос выражен словами «Нет, никогда так дерзко правду Божью/Людская кривда к бою не звала!...» (2. С. 121), хотя, как известно, борцов «за нашу и вашу свободу» поддерживали в России не только революционные демократы, не только умеренные круги, но и незначительная часть властной элиты.

Дипломату Тютчеву вряд ли стоило нагнетать антипольские - и антиевропейские - чувствования, громко говоря о том, что звучит «Всемирный клич к неустойной борьбе./Разврат умов и искаженье слова -/Все поднялось и все грозит тебе./О край родной! - такого ополченья/Мир не видал с первоначальных дней.../Велико, зная, о Русь, твое значенье!/Мужайся, стой, крепись и одолей!» (2. С. 121). Роль империи как спасителя славянства здесь не проговаривается, но подразумевается.

1867 год – время появления крупного славянского цикла стихотворений в связи с уже упоминавшимся Славянским съездом. Опора на славян – предпосылка освобождения России от западного диктата после Крымской войны и одновременно обоснование нового шанса на всеславянскую империю (хотя и не с такими завышенными ожиданиями, как непосредственно перед этой войной).

Первое из двух стихотворений под одинаковым названием «Славянам» было прочитано гостям на банкете в Петербургском дворянском собрании 11 мая 1867 г. в день памяти славянских первоучителей Кирилла и Мефодия (без демонстративного участия представителей Польши).

В его начале провозглашается приветствие всем славянским братьям «без изъятья» (хотя в конце один из отсутствующих народов сравнивается с Иудой). Прибывшие – не гости, а свои; они больше дома, чем на родине своей; здесь чтится Славянство. «Хотя враждебною судьбиной/И были мы разлучены,/Но все же мы народ единый,/Единой матери сыны» (2. С. 176), а признание и поддержка этой истины не прощается России Западом.

Враги в стихотворении четко не маркированы, однако утверждается: «Смущает их, и до испугу,/Что вся славянская семья/В лицо и недругу и другу/Впервые скажет: – Это я!/При неотступном вспоминаньи/О длинной цепи злых обид/Славянское самосознанье,/Как Божья кара, их страшит!» (2. С. 177). Борются они с этой для них угрозой, по убеждению Тютчева, некой «двойной правдой» (на современном языке – двойными стандартами), забвением исторической памяти (о трагедиях на Косовом поле и Белой Горе), созданием расколов в славянской среде.

Второе стихотворение было прочитано 21 мая 1867 г. уже в Москве на банкете, причем прочитано дважды (опубликовано в том же месяце в сборнике под заглавием «Австрийским славянам»). Оно уже конкретнее представляет одного из врагов объединенного славянства, а чтобы относительно этого не возникли никакие сомнения, предваряется эпиграфом: словами «Славян надо прижать к стенке» австрийского министра иностранных дел Ф. фон-Бейста, который, подавляя все славянские народности, особо активно выступал против чешской (правда, намерение – «надо» в переводе Тютчева обращается в призыв: «Вот к стенке мы славян прижмем!»).

Поэт удачно использовал метафору – если не метонимию – стенки, подтвердив, что да, есть такая стена – она велика и «упруга,/Хоть и гранитная скала, -Шестую часть земного круга/Она давно уж обошла...» (2, С. 179). Эту стену не раз штурмовали, но безуспешно и с потерями для себя. «Так пусть же с бешеным напором/Теснят вас немцы и прижмут/К ее бойницам и затворам, -/Посмотрим, что они возьмут!/Как ни бесит вражда

слепая,/Как ни грози вам буйство их –/Не выдаст вас стена родная,/Не оттолкнет она своих» (2. С. 180).

Символика стены, делившая мир на две части, имела гораздо более длительную перспективу и вряд ли завершилась с завершением второго тысячелетия.

Следующая пара стихотворений привязана к памятным датам: «14-ое февраля 1869» (написано и опубликовано в конце зимы 1869 г.) посвящено тысячелетней годовщине кончины просветителя славянства Кирилла, а «11-ое мая 1869» (публикация 1886 г.) – дню празднования памяти равноапостольных Мефодия и Кирилла. В первом стихотворении звучит призыв следовать примеру Кирилла в служении делу просвещения славянства: «Не изменяй себе, великая Россия!/Не верь, не верь чужим, родимый край,/Их ложной мудрости иль наглым их обманам,/И как святой Кирилл, и ты не покидай/Великого служения Славянам» (2. С. 196).

Второе стихотворение также призывало поставить славянский союз «на высоту такую,/Чтоб всем он виден был - всем братским племенам» (2. С. 200). Оно предназначалось Славянскому благотворительному комитету, основанному в начале 1866 г. московскими славянофилами и возглавляемому другом Тютчева с юных лет М. П. Погодиным. Одна из целей комитета – противостояние пропаганде католицизма среди западных славян. Созданный в 1868 г. петербургский отдел возглавлял этнический немец А. Ф. Гильфердинг (которому в конце 1869 г. Тютчев посвятил отдельное стихотворение).

Еще одна пара стихотворений имеет уже коллективного адресата: чешских патриотов. Первое – «Чехам от московских славян» – было приурочено к посылке Московским славянским комитетом чаши в Прагу в связи с годовщиной памяти Яна Гуса 24 августа 1869 г. – 500-летием со дня его рождения (тогда же его и напечатали).

В стихотворении отражено убеждение Тютчева, сформулированное им в статье «Россия и революция» и высказанное затем в письме к кн. Е. Э. Трубецкой от 6 декабря 1871 г. Тютчев предлагает свое решение чешского вопроса (позже во всю мощь поставленного Т. Г. Масариком в труде «Чешский вопрос» – *Česká otázka*). Оно сводится к возвращению национальной самобытности, символом которой и выступает чаша – ритуальная принадлежность чешско-братской церкви. В истории она представляла символ единения всех верующих, из нее причащались не только священники (как в католицизме), но и миряне, а это – условие духовной свободы и дальнейшего единения, вплоть до слияния с православием.

«Старочешская семья» защищала чашу страшной ценой, оттого она и не потеряла своей жизненности. «Отцов великих достоянья,/За все их тяжкие труды,/За все их жертвы и страданья,/Себя лишать даете

вы/Иноплеменной дерзкой ложью» (2. С. 206), – упрекает своих адресатов Тютчев, считая под данной ложью католическое влияние.

Западные славяне должны, по его убеждению, возвратиться к церковному единству в рамках православия по двум причинам: чтобы не быть «незаконнорожденными детьми» для католицизма, поскольку они славяне, и для православия, потому что латинство чуждо славянской духовной природе.

Стихотворение «Гус на костре» было написано и опубликовано в 1870 г. Оно читалось на вечере, данном в пользу Славянского благотворительного комитета. В нем утверждалось, что гуситские верования побудят протест славянской национальности против как римской церкви, так и немецкого господства.

Вершиной политической лирики и высшим пунктом упования на силу славянской идеи явилось стихотворение «Два единства». В отличие от многих политически ангажированных с элементами выпяченной риторики творений Тютчева по славянскому вопросу (например, «Русской географии»), оно характеризуется поэтической мощью и пророческим пафосом. Стихотворение объясняет многие процессы, которые имели место (и должны стать даже сегодня), хотя написано оно было (и опубликовано) в 1870 г. по достаточно конкретному поводу: франко-прусская война 1870–1871 гг.; «оракулом» же предстает О. фон Бисмарк (1815–1898), с 1871 г. – канцлер Германской империи. 1 октября 1870 г. стихотворение было прочитано на празднестве по случаю присоединения к православию 13 чехов, устроенном Славянским благотворительным комитетом в Александро-Невской лавре в Петербурге.

«Из переполненной Господним гневом чаши/Кровь льется через край, и Запад тонет в ней –/Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши – /Славянский мир, сомкнись тесней.../“Единство, – возвестил оракул наших дней, –/Быть может спаяно железом лишь и кровью...”/Но мы попробуем спаять его любовью –/А там увидим, что прочней...”» (2. С. 221). Столкывая смыслы, включенные в эти две строфы Тютчевым, И. С. Аксаков писал: «Германская новейшая империя возникла не органически, но чрез завоевание. Она скреплена не нравственными узами, не тяготением, свободным и естественным, частей к центру, а “кровью и железом”. “Кровь и железо” возведены ею в принцип, оправданы теориею, поставлены на рациональные основы. Ею не только проявлено на факте, но и провозглашено как руководящее начало: право сильного»¹¹.

Но возможно и другое единство в форме Всемирной монархии или Вселенской империи – на основе духовного начала и силы любви. Конечно, призвана осуществить его Россия, и Тютчев в предшествующих стихотворе-

ниях говорил об этом постоянно. Однако здесь он ограничивается простым «мы», включая в него всех, не приемлющих завоеваний и порабощения.

По всей видимости, и сам Тютчев понимал, что общегуманистический пафос его стихотворения вовсе не сводится к благословию вступивших в лоно православия чехов. В газете «Голос» сообщалось, что на торжественном обеде в честь присоединения 13 чехов-католиков к православию оно было прочитано, хотя сам автор отсутствовал по болезни. Однако дочь поэта М. Ф. Тютчева-Бирилева писала, что «это была простая отговорка, и утром того же дня он присутствовал при отлично удавшейся церковной церемонии отречения». «Голос» также отмечал: «Громкими взрывами рукоплесканий сопровождалось чтение этого восьмистишия, повторенного по желанию всего общества, и тост, предложенный за маститого поэта, был принят с единодушным восторгом»¹².

Остается добавить, что мощная объяснительная энергетика данного стихотворения помогает в анализе и поиске способов разрешения вечных вопросов и современного славянства. Именно поэтому оно достаточно часто упоминается автором данной статьи и в других его работах.

Заключить рассмотрение темы славянства в поэтическом творчестве Тютчева хотелось бы стихотворением «Молчит сомнительно Восток...». Оно - образец сплава пейзажной (в случае Тютчева перерастающей в космическую) лирики и политического символизма (с элементами пророчества). Стихотворение как бы предвещает наступление новых времен: «Но к небу подымите взор.../Смотрите: полоса видна,/И, словно скрытной страстью рдея,/Она все ярче, все живее - Вся разгорается она -/Еще минута - и во всей/Неизмеримости эфирной/Раздастся благовест всемирный/Победных солнечных лучей» (2. С. 148).

Большинство комментаторов считают, что речь здесь, в первую очередь, идет о неизбежности славянского возрождения. Надо сказать, что оно и произошло после окончания Первой мировой войны, но приняло далеко не те очертания, которые обрисовывал Тютчев.

В 1928 г. В. Ф. Ходасевич констатировал: «Немало был бы разочарован Тютчев, если бы узнал, что, вопреки его построениям, волею истории независимости чехов, словаков, сербов суждено быть закрепленной не с высоты “всеславянского престола”, но как раз после того, как этот престол опустеет»¹³. Россия и Революция как раз побратались, именно это привело к гибели и других империй, заключал он.

Остается, правда, добавить, что той же «волею истории» 10 лет спустя после данной констатации (надо напомнить, что к своему десятилетнему юбилею Чехословакия находилась в десятке, если не в пятерке государств всего мира по уровню экономического развития) наступил Мюнхенский

сговор, а затем разделившиеся чехи и словаки попали в зависимость от третьего рейха; год спустя была оккупирована Польша, а еще через год – Югославия.

* * *

Анализ взглядов Тютчева на славянский вопрос показывает, что по видимости они безнадежно устарели. Более того, его политические стихотворения в основном выглядят архаично и слабо выдерживают сравнение с лирическими. Это же касается и его трактатов: большинство славянских народов стали самостоятельными политическими акторами, точнее, повторно становились ими: после 1918, 1945, 1989 гг. – и эта частотность является свидетельством того, что славянский вопрос в XX веке не был решен полномасштабно. И все же, а также именно поэтому обращение к богатейшему набору идей Тютчева далеко не лишне и в третьем тысячелетии.

Во-первых, Тютчев как политический мыслитель обладал системным видением реалий современного ему мира, которого так не хватает нынешним политическим аналитикам. Так или иначе это находило выражение в его дипломатической деятельности, включая подготовку посланий и меморандумов; не случайно он являлся одним из лучших советников канцлера А.М. Горчакова. Нашло отражение это видение и в поэтическом творчестве, рассмотренном выше. Так, Тютчев предполагал, что утверждение «Олегова щита» на Востоке может вызвать враждебную реакцию на Западе; действительно, русские войска близ Стамбула (Константинополя) в 1829 г. встрожили Запад, и через год их пришлось перебрасывать в Варшаву. Траектория их переброски прослеживается по стихотворениям «Олегов щит» (1829) и «Как дочь родную на закланье» (1831); в его творческом наследии можно обнаружить и другие траектории.

Во-вторых, идея России как ключевого фактора славянского единства - священная для Тютчева в XIX веке, в веке XXI лишь на первый взгляд выглядит анахронизмом. Действительно, приобщение западных и южных славянских государств к Европе оказалось небеспроблемным и сопровождалось в 1999 г. бомбардировками столицы одного из них. Постреволюционные годы оказались не столь плодотворными для их экономического и даже политического развития, как представлялось лидерам этих революций, породив различные национальные варианты евроскептицизма. Глобальный финансово-экономический кризис на рубеже двух первых десятилетий третьего тысячелетия показал это с большой полнотой. Россия в этих условиях усиливает свою притягательность, тем более что союз с нею служит защитой и от нового вида угроз, например, терроризма.

В-третьих, в условиях глобализации возникает опасность для сохранения национальной идентичности славянских народов. И идея их братства, особенно ярко выраженная Тютчевым, в этих условиях приобретает новые и крайне креативные смыслы относительно единства, «спяянного любовью». Полномасштабное и в то же время детальное рассмотрение идейного наследия Тютчева по славянскому вопросу показывает, что именно эти слова довлеют над всеми его консервативными утопиями. Более того, они выражают глубинные чаяния всех народов, отвечая запросам нового тысячелетия, – если оно останется временем сохранения человечества и развития его лучших начал.

Примечания

¹ Задорожнюк Э.Г. А.И. Герцен, Т.Г. Масарик и славянский вопрос // Славяне и Россия: К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 2013.

² См.: Хевролина В.М. Внешнеполитические сюжеты в поэзии Ф.И.Тютчева // Новая и новейшая история. 2004. № 3.

³ Волков В.К. К вопросу о происхождении терминов «пангерманизм» и «панславизм» // Славяно-германские культурные связи и отношения. М., 1969.

⁴ Досталь М.Ю. Славянский вопрос в творчестве и общественно-политической деятельности Ф.И.Тютчева // Общественная мысль и славистическая историография. Калинин, 1989. С. 8-14.

⁵ Гачев Г.Д. Русская душа. М., 1991. С. 17.

⁶ См.: Задорожнюк Э.Г. Любовью или железом достигается единение общества? // Вестник Российской Академии наук. М., 1993. Т. 63. № 12; Zadorozhnyuk Ella G. // Instrument of Unity: Love or Steel // Herald of the Russian Academy of Sciences. 1993. Vol. 63. № 12.

⁷ См., напр.: Война, открывшая эпоху в истории Балкан. К 180-летию Адрианопольского мира / Отв. ред. А.В.Карасев. М., 2009.

⁸ Здесь и далее ссылки на произведения даются по: Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений. М., 2002. Т. 1; М., 2003. Тт. 2-3; М., 2004. Тт. 4-6; М., 2005. Т. 5. Первая цифра - том, вторая - страница.

⁹ См.: Россия и славянский мир в творческом наследии Ф.И.Тютчева. М., 2011. С. 385-421.

¹⁰ Тютчев Ф.И. Сочинения. Т. 1. М., 1984. С. 459.

¹¹ Аксаков И. С. Биография Федора Ивановича Тютчева. М., 1886. С. 211-212.

¹² Литературное наследство. Ф. И. Тютчев. Т. 79. Ч. 2. М., 1989. С. 410.

¹³ Ходасевич В. Ф. Колеблемый треножник. М., 1991. С. 234.

**Деятельность П.А. Кулаковского в
белградской Великой школе в 1878–1882 гг.
(К 100-летию со дня кончины русского ученого)**

Abstract:

Danchenko S.I. *The Activity of P. A. Kulakovsky in the Belgrade Great School in 1878-1882 (for the 100th Anniversary of the Death of the Russian Scholar).*

The article is dedicated to the teaching activity of the well-known Russian Slavist Platon Andreevich Kulakovsky (1848-1913) at the Great School at Belgrade (in 1878-1882). New documents discovered by the author in the archives of Russia and Serbia as well as the newspapers of that time permit her to demonstrate the part played by Kulakovsky in strengthening and widening of the traditional Russian-Serbian scholarly, cultural and social ties.

Ключевые слова: П.А. Кулаковский, русско-сербские связи, русский язык, русская литература, Великая школа, Белград, Сербия.

После Берлинского конгресса 1878 г. Сербия, ставшая, согласно международному трактату, независимым от Османской империи государством, начала переходить, в силу ряда причин, в сферу экономического и политического влияния Австро-Венгрии. Россия, связанная обязательствами перед своими партнерами по Союзу трех императоров – Австро-Венгрией и Германией – и «завязшая» в болгарских делах, не могла активно действовать в Сербии. Вместе с тем в своем стремлении не допустить, чтобы народ, завоевавший свою независимость благодаря русской помощи, становился «сателлитом» Австро-Венгрии, Петербург не собирался полностью сдавать позиции Вене и использовал для этого различные «мирные» средства, опираясь на традиционные русофильские пристрастия широких масс сербского народа. Правда, подобных средств в распоряжении России было немного. Ее постигла неудача в деле строительства сербской железной дороги; довольно слабо развивалась русско-сербская торговля. Межгосударственные отношения России и Сербии с начала 1880-х годов значительно осложнились – в связи с австрофильским курсом князя (с 1882 г. – короля) Милана Обреновича и его правительства. Именно поэтому связи научного и общественного характера, поддерживаемые правительством, имели определяющее значение для сохранения на должном уровне российско-сербских контактов в различных сферах, а также для развития сербской науки и культуры, упрочения уз братства и дружбы между двумя народами.

В этой связи весьма примечателен тот интерес, с которым отнеслись официальные круги России к распространению русского языка в Сербском княжестве, инициатором которого выступило сербское либеральное правительство в лице министра просвещения и церковных дел Алимписе Васильевича (1831–1911). А. Васильевич учился в России, закончил Киевскую духовную академию и получил степень магистра. Хорошо знал русский язык и литературу. По возвращении на родину он стал преподавателем гимназии и белградской семинарии, а в 1869 г. – профессором Великой школы (университета). А. Васильевич – видный государственный деятель Сербии последней четверти XIX в. Он 4 раза занимал пост министра просвещения и церковных дел, когда у власти в Сербии находились либералы. Был членом Либеральной партии. Позднее, в 1890-е годы, он дважды был сербским посланником в Петербурге. А. Васильевич являлся активным сторонником распространения русского языка и литературы в Сербии. С 1849 г. русский язык в качестве обязательного предмета преподавался в белградской богословской школе (Богословија); первыми учителями сербов были русские преподаватели В.Т. Вердиш и Д.А. Рудинский. В 1863–1864 учебном году А. Васильевич, в то время преподаватель семинарии, вел факультативный курс русского языка в Великой школе. В 1862 и 1871 гг. в Сербии вышли два учебника русского языка А. Васильевича, а в 1873 г. – хрестоматия Я. Павловича для учеников семинарии¹.

24 июля 1877 г. сербская народная скупщина приняла специальный Закон о введении русского языка в качестве предмета в некоторых учебных заведениях Сербии. Отныне русский язык стал изучаться также в Учительской школе и Высшем женском училище (Женска школа).

Было также решено организовать в Великой школе кафедру русского языка и истории русской литературы. На должность ее руководителя был приглашен молодой (ему еще не было 30 лет) российский ученый-славист Платон Андреевич Кулаковский (1848–1913), которого А. Васильевичу рекомендовали глава московских славянофилов И.С. Аксаков и знаменитый петербургский профессор, ученый-славист В.И. Ламанский². Кандидатуру Кулаковского поддержал и российский дипломатический представитель в Белграде, министр-резидент Александр Иванович Персиани, начавший в 1877 г. свою долголетнюю (до 1894 г.) службу в столице Сербии. В письмах в МИД России он отмечал, что в период, когда постепенно ослабляется политическое влияние России в Сербии, особое значение приобретает распространение там русского языка³.

Ходагайство Персиани дало положительные результаты – указом министра народного просвещения Д.А. Толстого от 21 марта 1878 г. П.А. Кулаковский был командирован в Сербию на 3 года, считая с 1 июля

1878 г., «с назначением ему содержания по 1 500 руб. в год из сумм сего министерства»⁴.

Указом сербского князя Милана Обреновича от 1 июля 1878 г. Кулаковский был назначен ординарным профессором Великой школы с окладом 650 талеров в год⁵.

Платон Андреевич Кулаковский родился в г. Поневеж Ковенской губернии в семье местного настоятеля церкви и законоучителя поневежской гимназии. В 1866 г. он с золотой медалью окончил виленскую гимназию и поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Ученик О.М. Бодянского, Н.А. Попова и А.Л. Дювернуа – ведущих московских профессоров в области славяноведения – Кулаковский уже во время обучения проявлял большой интерес к истории и литературе славянских народов. В этот период он сблизился с кружком московских славянофилов (И.С. Аксаков, братья Ю.Ф. и Н.Ф. Самарины и др.), под влиянием которых сложились его взгляды на историю и судьбу славян. Кулаковский рассматривал славянство как целостный организм и считал, что Россия призвана возглавить славянский мир. Как ученому ему была особенно близка идея о возвращении русского языка в общеславянский.

По окончании университета со степенью кандидата Кулаковский работал учителем во Владимирской губернской гимназии, а затем был переведен в IV-ю московскую гимназию – учителем латинского языка и русской словесности. В 1876 г. он был командирован на год за границу с целью изучения славянских наречий. Во время командировки Кулаковский посетил Чехию, Любляну, Загреб⁶.

В Белград Кулаковский прибыл 8 октября 1878 г.⁷ и уже 28 октября прочел в Великой школе свою вступительную лекцию на тему: «Краткий очерк развития русского литературного языка». Он отметил, что ему выпала «высокая честь положить начало преподавания русского языка в Великой школе свободной Сербии» и что все свои силы он отдаст тому, чтобы принести на этом поприще как можно больше пользы сербской молодежи. В лекции Кулаковский дал общий обзор развития русской литературы с древнейших времен⁸. Прочитанная на русском языке, она была затем переведена им на сербский язык, с помощью сербского ученого, знатока русского языка Милана Миличевича, и в следующем году вышла в Белграде отдельной брошюрой («Кратки преглед историје развића руског књижевног језика»).

Прочтением вступительной лекции и началась преподавательская деятельность Кулаковского в белградской Великой школе.

В первый год он читал студентам-филологам (их было 15 человек) курс русской грамматики сравнительно со старославянской⁹. Для лучшего усвоения студентами предмета он переводил с ними на сербский язык про-

изведения известных русских писателей, например, повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка»¹⁰.

Помимо лекций в Великой школе, со 2 декабря 1878 г. Кулаковский начал читать популярный курс русского языка для всех желающих. Но это его начинание постигла неудача: слушатели постоянно менялись, нерегулярно посещали лекции, поэтому Кулаковский был вынужден их прекратить¹¹.

Каждый год ученый должен был представлять в МИД России отчет о своей деятельности в Сербии. Уже в конце 1878 г. он составил по заданию А.И. Персиани краткий доклад об истории распространения русского языка в Сербии, используя при этом в качестве вспомогательного материала статью уже упоминавшегося выше М. Миличевича «Школы Сербии». В докладе нашла отражение близкая Кулаковскому идея о необходимости превращения русского языка в общеславянский¹². Следует отметить, что эта мысль встречала решительное противодействие прогрессивных кругов русского общества, справедливо усматривавших в ней умаление национальной самостоятельности славянских народов. «Если славянство, – писал известный ученый А.Н. Пыпин, – примет когда-нибудь русский язык, по крайней мере, для главнейших произведений литературы, имеющих общеславянский интерес, это произойдет естественным, постепенным ростом самой русской литературы, а не одними благочестивыми пожеланиями»¹³.

Так же относились к этой идее и представители сербской интеллигенции. 22 февраля 1881 г., как записал Кулаковский в своем дневнике, между ним и М. Миличевичем состоялся следующий разговор. Когда речь зашла об отношениях славян и России, Миличевич заявил, что «осуществление единства славянства политического нежелательно для Сербии и сербов». Он отметил также, что невозможно и «единство научного языка, русского», ибо «всякий слав[янский] народ д[олжен] работать только для себя и своей славы»¹⁴. Эту позицию разделяли и другие сербские ученые – Ст. Новакович, С. Вулович и др.

В то же время многие сербские интеллигенты и студенты стремились выучить русский язык, чтобы знакомиться в подлиннике с лучшими произведениями русской литературы и науки. И деятельность Кулаковского в этом плане отвечала объективной потребности развития сербской культуры.

2 января 1879 г. Кулаковский записал в своем дневнике, что для успеха распространения русского языка в Сербии «нужна кропотливая, систематическая, трудная, черновая работа»¹⁵. Этой работой и была наполнена вся его деятельность. А проходила она в весьма нелегких условиях. С самого начала молодой преподаватель встретился с рядом трудностей. Одной из них было отсутствие необходимых учебников и русских книг. Для того, чтобы серб-

ские студенты как можно скорее получили практическое пособие для изучения русского языка, Кулаковский подготовил небольшую хрестоматию, в которой поместил отрывки из лучших произведений русской литературы. Хрестоматия была издана в Белграде в 1879 г. под названием «Руска читанка».

Немало усилий приложил Кулаковский и для открытия в Белграде специальной читальни, которая должна была стать, по его мнению, одним из важных средств распространения русского языка и литературы, знаний о России и русском народе. 8 мая 1879 г. он обратился к своему бывшему профессору по Московскому университету, активному деятелю славянского движения в России Н.А. Попову: «Не подумайте, что в Белграде имеется русская библиотека. Я писал о ней в Питер не раз – но толку никакого. Хитров¹⁶, корреспондент “Нов[ого] вр[емени]”... кое-что собрал и дает даром книги для чтения. Я ищу только поддержки этого начала и пока ничего не могу добиться»¹⁷.

В письме к В.И. Ламанскому от 1 декабря 1878 г. Кулаковский просил его содействовать скорейшей посылке книг в Сербию. Эту просьбу он повторил 19 октября 1879 г.¹⁸

11 июня 1879 г. Кулаковский сообщил Н.А. Попову о некоторых успехах в деле основания русской библиотеки в Белграде: «После 7-месячных хлопот, переписки, историй Слав[янское] Петерб[ургское] общество, наконец, что-то решило относительно русской библиотеки в Белграде... вчера мне сообщил Персиани, что Ламанский телеграфировал ему, что высылается 250 руб. для... Хитрова, который взялся за дело это»¹⁹.

Однако, несмотря на хлопоты, Кулаковскому так и не удалось открыть особую русскую читальню в Белграде. Осенью 1879 г. он отказался от планов ее организации и попытался создать русское книжное отделение при белградской читальне. Эта инициатива нашла поддержку у руководства С.-Петербургского славянского благотворительного общества. Через посредничество Кулаковского оно вступило в переговоры с председателем Общества читальни архимандритом Нестором²⁰. Последний выразил согласие на присылку русских книг. И вскоре из Петербурга в белградскую народную читальню было направлено 67 экземпляров книг 42-х названий²¹. Помимо этого С.-Петербургское славянское благотворительное общество послало книги для студенческой и профессорской библиотек Великой школы. Кулаковский сообщил об этом dare в отчете о своей преподавательской деятельности за 1879 г., отметив, что книг было прислано на 600 руб. (около 400 томов) – «по преимуществу литературного и ученого содержания. Этот подарок общества представляет пока единственное собрание, хотя не полное, но на первый раз достаточное, произведений русских писателей»²². При-

сланные книги: 256 – для студенческой и 122 – для профессорской библиотек в ноябре 1879 г. принял и поместил в библиотеку Великой школы профессор Николаевич²³.

Наряду с этим в июне 1880 г. С.-Петербургское славянское благотворительное общество послало в Белград для продажи 100 экз. русско-сербского словаря П.А. Лавровского, изданного за счет общества²⁴.

В конце 1879 г. Кулаковский представил А.И. Персиани доклад о своей преподавательской деятельности за истекший год и об успехах в деле распространения русского языка в Сербии. Этот доклад Персиани приложил к донесению в МИД от 16 января 1880 г.²⁵ Из него явствует, что в 1879 г. русский язык преподавался уже в 4-х учебных заведениях Сербии: в Великой школе – на историко-филологическом факультете – Кулаковским, в духовной семинарии – протоиереем Я. Павловичем и священником Ж. Йовичичем (учившимся в Киевской духовной академии), в Учительской школе – Е. Иличем (также окончившим курс в Киевской духовной академии) и в Женской школе – учительницей Будич, учившейся в Киеве. В первых трех учебных заведениях русский язык являлся обязательным предметом, а в Женской школе он преподавался только тем ученицам, родители которых вносили за это особую плату²⁶.

Русская литература преподавалась в 1879 г. только на старших курсах историко-филологического факультета Великой школы. Кулаковский стремился к тому, чтобы его ученики «научились свободно читать по-русски и таким образом могли пользоваться богатством русской литературы»²⁷.

В июне 1879 г. Кулаковский по распоряжению Ст. Бошковича, сменившего А. Васильевича на посту министра просвещения и церковных дел Сербского княжества, присутствовал на экзаменах по русскому языку во всех сербских учебных заведениях и пришел к выводу, что знания учащихся находятся на довольно низком уровне, даже в духовной семинарии, где русский язык преподавался на протяжении уже 30 лет. Одной из причин такого положения, по убеждению Кулаковского, являлось отсутствие хорошего учебника по русской грамматике и хрестоматии по русской литературе. Вторая причина – слабая подготовка самих учителей. Кулаковский подчеркивал в докладе, что «виною в этом – отношение учебных заведений в России к сербам, которые в них учатся. Снисходительное отношение к знанию ими русского языка ведет к тому, что сербы, учившиеся в Киеве или Москве в течение нескольких лет, не научаются по-русски»²⁸.

О несовершенстве системы обучения сербской молодежи в России Кулаковский писал также своим русским корреспондентам. Так, в письме к известному ученому А.А. Майкову от 14 сентября 1880 г. он сетовал: «Положа руку на сердце, я должен сказать, что до сих пор я мало здесь (в Сер-

бии – С.Д.) встречал толковых или знающих людей между сербами, учившимися в России. По моему мнению, следует быть просто строгими и взыскательными к сербам, учащимся у нас»²⁹. А в письме к И.С. Аксакову от 12 февраля 1879 г. он отмечал, что в Россию из Сербии, по его наблюдениям, едут учиться только плохо подготовленные учащиеся. Сербь, считает Кулаковский, «очень эгоистичный и практичный народ», и если бы они посылали учеников в Россию за сербский счет, то «непременно выбрали бы более достойных и способных, чтобы их средства даром не пропали»³⁰.

В письмах к друзьям и коллегам из Белграда Кулаковский отмечал усилившуюся тягу сербской молодежи к учебе в России. «Вообще меня очень интересует воспитание сербской молодежи в русских университетах, и очень хотелось бы поднять здесь кредит нашей школы»³¹, – писал он А.А. Майкову 18 октября 1880 г. Ученый заботился о том, чтобы в Россию ехали учиться только достойные, способные молодые люди. Он сам хлопотал об их устройстве, писал о них руководству С.-Петербургского славянского благотворительного общества, прося о пособиях, давал им рекомендации. Так, в письме от 14 мая 1879 г. Кулаковский спрашивал Н.А. Попова, «не имеются ли средства какие-нибудь» для воспитания в одном из учебных заведений России сербского мальчика, брата Е. Станишевич, переводчицы И.С. Тургенева, А.Н. Островского и других русских писателей, который наделен редкими математическими способностями³². С просьбой помочь Станишевичу он обратился и к И.С. Аксакову³³. Благодаря содействию и деятельному участию Попова и Аксакова мальчик был определен в южнославянский пансион Ф. Минкова³⁴.

Своей учебой в России был обязан Кулаковскому и серб Й. Попович-Яворац, окончивший в 1877 г. историко-филологическое отделение философского факультета Великой школы. В письме от 1 августа 1880 г. Кулаковский обратился к Н.А. Попову с просьбой устроить молодого человека на историко-филологический факультет Московского университета и дать ему какое-нибудь пособие. «Как это было бы хорошо, – писал он, – если бы под Вашим руководством, руководством “историка новой Сербии”, воспитался серб-историк»³⁵. С аналогичной просьбой – помочь Яворацу – Кулаковский обратился и к А.А. Майкову, рекомендуя молодого серба как «человека терпеливого, энергичного и настойчивого в труде»³⁶.

Й. Попович-Яворац пробыл в России около года. Во время обучения в Московском университете он слушал лекции по русской истории Н.А. Попова и В.О. Ключевского, изучал русский язык и словесность под руководством Ф.И. Буслаева и Н.С. Тихонравова. С большим интересом сербский студент посещал лекции известного слависта А.Л. Дювернуа, ко-

торый почти два десятилетия возглавлял кафедру славянских наречий Московского университета.

28 апреля 1881 г. Н.А. Попов сообщал Кулаковскому об успехах Яворца, его трудолюбии³⁷. Впоследствии, уже вернувшись на родину, так и не закончив курса, Й. Попович-Яворец перевел на сербский язык книгу Н.А. Попова «Вторичное правление Милоша Обреновича»³⁸.

Очень много сделал Кулаковский для определения на учебу в Россию сербского студента О. Глушчевича (впоследствии известного журналиста и видного деятеля радикального движения), считая его одним из возможных своих преемников на кафедре русского языка и литературы в Великой школе. По ходатайству Кулаковского Глушчевич получил стипендию от С.-Петербургского славянского благотворительного общества³⁹.

Итоги 1879–1880 и 1880–1881 учебных лет в области распространения русского языка в Сербии нашли отражение в третьем по счету докладе Кулаковского, датированном 5 марта 1881 г. Из доклада следует, что в 1880 г. еще одно учебное заведение – Военная академия – включило русский язык в свою программу. В Высшем женском училище (Женской школе) с начала 1879–1880 учебного года он стал обязательным предметом во всех пяти классах (раньше только в трех). Таким образом, с 1881 г. русский язык вошел в программу пяти учебных заведений Сербии. Русская литература, как и прежде, преподавалась лишь в Великой школе, причем в 1879–1880 учебном году курс лекций Кулаковского был посвящен истории русской литературы XVIII в., а в 1880–1881 учебном году – первой половины XIX в.⁴⁰

Материал, приведенный в докладе Кулаковского, показывает, что за год в изучении русского языка учащимися был сделан значительный шаг вперед. Это проявилось и на экзаменах, на которых присутствовал новый министр просвещения и церковных дел Сербии Ст. Новакович, отметивший, что они продемонстрировали «более отчетливое знание форм и изменений русских слов» по сравнению с предыдущим годом⁴¹.

Как и в минувшем году, изучавшим русский язык ученикам и студентам не хватало учебных пособий. В какой-то степени этот недостаток восполнили «Руска читанка» Кулаковского и русско-сербский словарь Лавровского. Были подготовлены к печати и некоторые другие учебные пособия (русская грамматика для сербов Е. Илича, русско-сербские словари Г. Никетича и Т. Стояновича), но издание их задерживалось из-за недостатка средств⁴².

Сам Кулаковский в целом был доволен своими учениками. «Мои студенты, – писал он 18 марта 1881 г. В.И. Ламанскому, – охотно учатся русскому языку, лекции по истории новой русской литературы слушаются очень внимательно, многие студенты занимаются переводами с русского для

печати, и их студенческий журнал “Побратимство” заполняется по преимуществу переводами с русского»⁴³.

Посетивший Сербию весной-летом 1881 г. русский ученый-славист В.В. Макушев, познакомившись с Кулаковским в Белграде, писал в своем отчете о научной командировке, что тот «преподает свой предмет с любовью и увлечением и пользуется популярностью между своими слушателями». Макушев, живший в Белграде в доме Кулаковского, отмечал также, что часто видел у него студентов Великой школы, которые приходили за советами и книгами⁴⁴.

Помимо преподавательской деятельности в Великой школе Кулаковский в «белградский» период своей жизни занимался и научными исследованиями – он использовал пребывание в Сербии для всестороннего изучения сербско-хорватской литературы. Эти годы были для ученого весьма плодотворными – им был написан ряд работ, самой крупной из которых являлась монография, посвященная реформатору сербского литературного языка: «Вук Караджич, его деятельность и значение в сербской литературе», опубликованная в Москве в 1882 г. и защищенная Кулаковским в качестве магистерской диссертации⁴⁵.

Наряду с научными изысканиями, П.А. Кулаковский уделял большое внимание пропаганде среди сербов знаний о жизни русского народа, развитии науки и литературы в России. В 1880-1881 гг. на страницах белградского журнала «Отаџбина» («Родина») появилось пять его «Писем о современной русской литературе» (общим объемом около 3 п.л.). В первом из них он познакомил читателей журнала с историей русской периодической печати и кратко охарактеризовал главные ежемесечные журналы литературно-исторического содержания: «Вестник Европы», «Русская мысль» и «Русская речь». Во втором «Письме» Кулаковский описал открытие в Москве 6 июня 1880 г. памятника А.С. Пушкину; в третьем дал критический обзор главных сочинений в области славяноведения, вышедших в России за предшествующие два года; в четвертом сообщил о смерти Ф.М. Достоевского и А.Т. Писемского. И, наконец, в пятом «Письме» ученый рассказал сербским читателям о русских газетах, уделив основное внимание славянофильской газете «Русь»; о семье Аксаковых и их роли в общественной и культурной жизни России, а также изложил основы учения славянофилов⁴⁶.

«Письма» Кулаковского носили, прежде всего, информативный характер и не давали всестороннего анализа современной ему литературы и журналистики, борьбы в них различных течений. Тем не менее, они являлись ценным вспомогательным материалом для тех, кто хотел познакомиться с новыми русскими книгами, содержанием периодики. Об этом Кулаковский писал В.И. Ламанскому в Петербург 18 марта 1881 г.: «Иные из моих “Пи-

сем” перепечатывались в газетах и в Сербии, и вне Сербии. Многие выписывают книги и журналы, указанные мною в этих “Письмах”»⁴⁷.

Помимо исследовательского и преподавательского таланта, П.А. Кулаковский, несомненно, обладал даром незаурядного публициста. И именно в Белграде он впервые так ярко проявился, когда Платон Андреевич стал главным «сербским» корреспондентом весьма авторитетных и широко распространяемых российских изданий – газет «Московские ведомости» (издатель – М.Н. Катков), «Новое время» (издатель – А.С. Суворин) и «Русь» (издатель – И.С. Аксаков), а также журналов «Русский вестник» (издатель – М.Н. Катков) и «Журнал министерства народного просвещения». Читателей этих органов печати, разумеется, очень интересовали события, происходившие в независимой Сербии после Берлинского конгресса, и Кулаковский старался осветить их как можно более полно. Большинство его статей и корреспонденций не имело полной подписи – обычно он подписывался: К., П.К., К-ский, иногда – П.Д., N, Z, P. и т.д. Так, в письме к И.С. Аксакову от 14 февраля 1880 г. он сообщал: «Из Белграда в “Моск[овских] вед[омостях]” письма все мои, хотя бы и с подписью N»⁴⁸; «...некоторые из моих писем, – указывал Кулаковский Аксакову 27 ноября 1880 г., – будут помечены буквой Z»⁴⁹. Псевдонимами он был вынужден пользоваться потому, что его статьи и корреспонденции часто содержали критику внутренней и внешней политики сербского правительства, проводившего проавстрийский курс. Публикации Кулаковского, особенно в «Московских ведомостях», давали подробную информацию о Сербии. При этом они выгодно отличались от сообщений других корреспондентов стилем, подачей материала, знанием истории сербского народа и умением разоблачать в происходящем – сказывалось, что их автором был ученый-славист.

Вернувшись на родину в 1882 г., Кулаковский продолжил сотрудничать в вышеуказанных изданиях. Разумеется, это приносило ему неплохой дополнительный заработок. Но дело было не только в деньгах. Полагаю, что в кабинетно-научной и преподавательско-воспитательной работе многогранная, очень активная натура Платона Андреевича не реализовывалась полностью, поэтому-то он и «устремился» в журналистику, которая позволила ему проявить свое публицистическое дарование. Во всяком случае, почти до конца своих дней он не расставался с журналистикой и был не только автором, но и редактором ряда изданий. Эта особенность его личности отмечалась и его современниками, коллегами, друзьями. Так, А. Сиротинин в своих воспоминаниях, опубликованных в «Славянском обозрении» в 1914 г. (№1) в связи со смертью ученого, писал: «... в Кулаковском жило два человека, один – объективный ученый, беспристрастно

вскрывающий прошлое, другой – практический деятель, боевой публицист с несомненным темпераментом, живой, горячий, отстаивающий шаг за шагом свои идеи. Эти два человека не покрывали один другого. Живая публицистическая жилка не мешала ученому объективизму Кулаковского, помогала ему в выборе тем, всегда жизненных и интересных, против чего в большинстве случаев грешат наши слависты. Но объективизм ученых трудов не уберег его от увлечений в публицистических выступлениях»⁵⁰.

Как отмечает Л.П. Лаптева, в целом в своих трудах и публицистических статьях Кулаковский «защищал взгляд на славянство, характерный для определенного круга русского общества двух последних десятилетий XIX и начала XX в. и выражавшийся прессой и публицистикой умеренного и консервативного направлений»⁵¹.

Следует также отметить, что в период пребывания в Белграде Кулаковский установил обширные связи среди сербской интеллигенции. В числе его знакомых были такие ученые и общественные деятели, как А. Васильевич, Ст. Новакович, Й. Ристич, Н. Дучич, М. Миличевич, П. Сречкович, Л. Костич, Ч. Миятович и др. Русский ученый принимал активное участие в научной, культурной и общественной жизни Сербии: присутствовал на заседаниях Сербского ученого общества, выступал на различных собраниях, например, на панихиде по русскому историку С.М. Соловьеву в белградском соборе 27 октября 1879 г.⁵²; на открытии в ноябре 1880 г. в г. Алексинац памятника русским добровольцам, погибшим в Сербии в 1876 г.⁵³; на юбилее белградского певческого общества весной 1882 г.⁵⁴ и др.

Важно, на наш взгляд, подчеркнуть, что к своей деятельности в Сербии Кулаковский относился не как к способу заработать средства на жизнь, а как к миссии «служения славянству». Его письма в Россию и дневниковые записи свидетельствуют о симпатиях к сербскому народу, а также искреннем желании помочь ему сохранить свою самобытность и спастись от чужеродного влияния. Нельзя не отметить и живого интереса русского ученого ко всему, что происходило в Сербии. Его «зоркий русский глаз», по выражению А.Л. Шемякина, заглядывал «за фасад европейских новаций» (в виде конституции, парламентаризма, многопартийности и т.д.), наблюдал не издалека, а вблизи за попытками сербского князя Милана Обреновича, связавшего судьбу своей страны и династии с Австро-Венгрией, и правительства «прогрессистов» (напредняков) совершить «прыжок из балканского мрака на европейский свет»⁵⁵. Этим новым явлениям в жизни Сербского государства Кулаковский давал свою оценку, часто нелицеприятную для сербской элиты, делавшей, по его мнению, политические ошибки, пагубно влияющие на развитие страны.

Следует также отметить следующий момент: Кулаковский, несмотря на симпатии к народу, отнюдь не идеализировал сербов и не смотрел на события в Сербии и их участников сквозь «розовые очки» – об этом мы находим не одно высказывание в его письмах и «белградском» дневнике. В этой связи весьма интересны мысли, высказанные им в письме к А.А. Майкову от 18 октября 1880 г. «Патриотизм сербский, – пишет Кулаковский, – конечно, сам по себе похвален, но исключительность сербская, самохвальство..., самодовольство и узость воззрений приводят сербов Княжества к тому, что они теряют значение как зерно, около которого соберется все сербское племя. Я теперь все больше и больше убеждаюсь, что они не создадут никогда цельного государства, и что им не собрать отдельные ключья многострадального сербского племени под свое знамя. “Царство Душана не дает сербам спать” – недавно где-то читал я, и это правда. Не было бы вредно это, если бы этим историческим славным воспоминанием сербы поддерживали свой дух, но беда-то в том, что это историческое воспоминание заставляет их разыгрывать роль, им не подходящую, заставляет их обманывать и нас, и себя, заставляет их **больше мечтать и меньше делать** (выделено нами – С.Д.)»⁵⁶.

1 июля 1881 г. истек срок командировки Кулаковского. В связи с тем, что для него как преподавателя русского языка и литературы в Великой школе не было замены, ученый обратился в министерство народного просвещения России с просьбой продлить его пребывание в Белграде на два года. Однако указом министра от 16 мая 1881 г. он был командирован в Сербию дополнительно только на один год – до 1 июля 1882 г.⁵⁷

12 июня 1882 г. А.И. Персиани ходатайствовал перед министром иностранных дел России Н.К. Гирсом о награждении Кулаковского за его деятельность в Сербии, которая, по его словам, отличалась «высокою добросовестностью и усердием». Это ходатайство имело успех – Кулаковский был награжден орденом св. Станислава II степени⁵⁸.

Высоко оценили научную и преподавательскую деятельность русского ученого и в Сербии. 22 ноября 1881 г. на главном собрании Сербского учебного общества Кулаковский был избран его членом. Предложение об этом избрании было внесено А. Васильевичем, директором Народной библиотеки в Белграде Н. Дучичем, профессором Св. Николаевичем и другими учеными⁵⁹.

После возвращения в Россию Кулаковский, к его сожалению, не смог устроиться на преподавательскую работу в Московский университет, поэтому был вынужден зарабатывать средства на жизнь для своей семьи (к тому времени у него уже было двое детей – сын и дочь) частными уроками и сотрудничеством в газетах и журналах. Из значимых событий следует отме-

тить переезд Кулаковского в Варшаву, где он стал редактором газеты «Варшавский дневник». И только в 1892 г. он смог получить должность ординарного профессора кафедры славянских наречий Варшавского университета (вместо скончавшегося в 1891 г. профессора Первольфа). Здесь он служил до 1902 г., читая курсы по южнославянским литературам. Здесь же в 1894 г. он защитил свою докторскую диссертацию «Иллиризм: исследование по истории хорватской литературы периода возрождения», первое научное произведение «во всей славянской литературе по данному вопросу», по определению Л.П. Лаптевой, удостоившееся в России в 1895 г. премии А.А. Котляревского⁶⁰.

В 1902 г. Кулаковский был переведен из Варшавы в Петербург, где стал главным редактором газеты «Правительственный вестник» (до 1905 г.). Затем он служил «чиновником особых поручений» в МИД, а с 1906 по 1911 гг. издавал еженедельную газету «Окраины России». Наряду с этим с 1908 г. Кулаковский читал лекции по славяноведению в С.-Петербургском Историческом институте и Женском педагогическом институте⁶¹.

Но все эти события, как радостные (признание заслуг в виде наград и премий, высокое научное звание, высокие должности), так и трагические (смерть 20-летнего сына-студента от воспаления легких), — еще впереди...

А пока Платон Андреевич, «Рус-профессор», как его называли, еще в Белграде — пакует вещи, совершает последние визиты, прощается с белградскими друзьями и ...размышляет о том, что ему удалось сделать за прошедшие четыре года. Огорчало, конечно, то, что ему так и не была подготовлена замена на кафедре ни из русских, ни из сербов. Но он надеялся, что его деятельность «принесет свой плод и не заглохнет, ибо в общество уже проникло сознание важности изучения русской литературы и науки, и оно не даст умереть русской кафедре в Сербии»⁶².

Главный итог своей деятельности в Сербии Кулаковский подвел в письме к В.В. Макушеву от 6 ноября 1882 г.: «Я думаю, что я успел по крайней мере посеять семена, которые начнут вырастать скоро. В последнее время я еще больше замечал рост этих семян»⁶³. И это подтвердил спустя почти 10 лет А. Васильевич, который 10 февраля 1892 г. писал Кулаковскому в Россию: «Что в сербском обществе явилось желание изучать русский язык и русскую литературу, этому много способствовали Вы Вашими лекциями в белградской Великой школе и Вашими симпатиями к сербскому народу. Теперь почти все молодое поколение читает и понимает по-русски, а многие и говорят»⁶⁴.

К сожалению, после отъезда Кулаковского преподавание русского языка и литературы в Великой школе было прекращено. «Новый этап в истории сербской русистики» начался с приездом в 1895 г. в Белград профес-

сора Р. Кошутича. Тогда на философском факультете была создана кафедра языков и литературы восточных и западных славян, где вновь стали изучаться русский язык и русская литература⁶⁵.

В заключение, оценивая объективные результаты деятельности П.А. Кулаковского в Сербии, следует констатировать, что он внес немалый вклад в укрепление общественных, научных и культурных связей России и Сербии в сложный период межгосударственных российско-сербских отношений. В эти годы он был как бы связующим звеном между учеными двух стран: принимал активное участие в научной и общественной жизни Сербии, знакомил сербских коллег и учащуюся молодежь с достижениями научной мысли России, публиковал статьи и рецензии в русских и сербских периодических изданиях, в которых популяризировал лучшие произведения литературы, журналистики и науки⁶⁶, помогал ученым в обмене книгами и различными изданиями. А его неутомимая деятельность как профессора русского языка и литературы белградской Великой школы способствовала улучшению их преподавания в Сербии, повышению интереса к русской литературе в среде сербской интеллигенции.

Примечания

¹ См. об этом: *Радевић М.* Први руски професори у Београду // Историјски гласник. 1965. № 1; *он же.* Почети наставе руског језика у Србији: неколико докумената 1852-1864 // Настава и васпитање. 1971. № 4; *он же.* Русский язык в белградских школах до 1878 г. // Советское славяноведение. 1979. № 6.

² Петербургский филиал Архива РАН (далее – ПФ АРАН). Ф. 35. Оп. 1. Д. 209. Л. 11.

³ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Славянский стол. Д. 6712. Л. 2.

⁴ Там же. Д. 6715. Л. 22.

⁵ *Орлов Г.* Платон Кулаковски и почети наставе руског језика на Великој школи (Историјски осврт) // Живи језици: Часопис за стране језике и књижевности. Књ. 11. Бр. 1-4. Београд, 1969. С. 57.

Через год Кулаковский получил прибавку к жалованью и стал получать 800 талеров – см.: Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский дом) (далее – ОР ИРЛИ). Ф. 572. Д. 1 (дневник П.А. Кулаковского). Л. 10.

⁶ См.: *Лантева Л.П.* Славянский вопрос в мировоззрении П.А. Кулаковского (по архивным материалам) // Славянская идея: История и современность. М., 1998. С. 112; *она же.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. С. 728.

⁷ ОР ИРЛИ. Ф. 572. Д. 1. Л. 1.

⁸ *Орлов Г.* Указ. соч. С. 57.

- ⁹ ПФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 772. Л. 1 об.; Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 14. Д. 190. Л. 8 об.
- ¹⁰ ОР РНБ. Ф. 14. Д. 190. Л. 8 об. -9.
- ¹¹ ПФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 772. Л. 1 об.; ОР РНБ. Ф. 14. Д. 190. Л. 9.
- ¹² В докладе он пишет об этом так: «Я лично глубоко верю и вполне убежден, что вне одного русского языка науки для всех славян и в особенности для сербов – нет спасения» // АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1879 г. Д. 13. Л. 9 об.
- ¹³ Вестник Европы. 1878. № 8. С. 831.
- ¹⁴ ОР ИРЛИ. Ф. 572. Д. 1. Л.18.
- ¹⁵ Там же. Л. 3.
- ¹⁶ Имеется в виду Александр Петрович Хитрово, выпускник Дерптского (Тартуского) университета, который в 1876 г. поехал добровольцем на Балканы. Он сражался в Боснии, затем участвовал в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. После ее окончания преподавал в освобожденной Болгарии русский язык. В 1879 г. А.П. Хитрово переехал в Сербию, в Белград, где прожил более 15 лет. Он был корреспондентом газеты «Новое время», затем внештатным переводчиком российской дипломатической миссии в Сербии, много сил отдавал распространению среди сербов русского языка. Позднее, в конце 80 – начале 90-х годов XIX в., А.П. Хитрово преподавал русский язык в учительской и унтер-офицерской школах, семинарии, военной Академии (с 1891 г.), вел факультативный курс в Великой школе, был учителем русского языка сербского короля Александра Обреновича // см.: *Павлюченко О.В.* Россия и Сербия. 1888–1903. Киев, 1987.С. 93-95.
- ¹⁷ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской Государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ). Ф. 239. Папка 12. Д. 2. Л. 8 об.
- ¹⁸ ПФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1 Д. 772. Л. 2, 4 об.
- ¹⁹ НИОР РГБ. Ф. 239. Папка 12. Д. 12. Л. 10 об. -11.
- ²⁰ Российский Государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 400. Д. 366. Л. 4, 4 об.-5.
- ²¹ Там же. Д. 82. Л. 177.
- ²² АВПРИ. Ф. Славянский стол. Д. 6715. Л. 8-8 об.
- ²³ *Орлов Г.* Указ. соч. С. 58.
- ²⁴ РГИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 331. Л. 1, 2, 7-7 об.
- ²⁵ Этот доклад с небольшими изменениями был напечатан в петербургском «Журнале министерства народного просвещения» (1880, № 8) под заглавием «О преподавании русского языка в учебных заведениях Сербии» (за подписью К. – один из псевдонимов П.А. Кулаковского).
- ²⁶ АВПРИ. Ф. Славянский стол. Д. 6715. Л. 6.
- ²⁷ Там же. Л. 6 об.
- ²⁸ Там же. Л. 7-8.
- ²⁹ Цит. по: *Лантвева Л.П.* Славянский вопрос в мировоззрении П.А. Кулаковского. С. 123.
- ³⁰ Там же. С. 116.

- ³¹ ОР РНБ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 277. Л. 5 об.
- ³² НИОР РГБ. Ф. 239. Папка 12. Д. 2. Л. 14 об.
- ³³ ОР РНБ. Ф. 14. Д. 190. Л. 11 об.-12.
- ³⁴ ОР ИРЛИ. Ф. 572. Д. 60. Л. 1 об.
- ³⁵ НИОР РГБ. Ф. 239. Папка 12. Д. 2. Л. 25 об.
- ³⁶ ОР РНБ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 277. Л. 1-2.
- ³⁷ ОР ИРЛИ. Ф. 572. Д. 202. Л. 11 об.
- ³⁸ НИОР РГБ. Ф. 239. К. 13. Д. 49. Л. 12.
- ³⁹ ПФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1 Д. 772. Л. 7 об.-8.
- ⁴⁰ АВПРИ. Ф. Славянский стол. Д. 6715. Л. 17-17 об., 18.
- ⁴¹ Там же. Л. 18-18 об.
- ⁴² Там же. Л. 19.
- ⁴³ ПФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1 Д. 772. Л. 9 об.
- ⁴⁴ См.: Отчет II ординарного профессора имп. Варшавского университета В.В. Макушева о научных занятиях за границу с марта по сентябрь 1881 г. // Варшавские университетские известия. 1882. № 4. С. 2.
- ⁴⁵ Об откликах в России и Сербии на эту книгу см.: *Данченко С.И.* Русско-сербские общественные связи (70-80-е годы XIX в.). М., 1989. С. 84-89.
- ⁴⁶ Отабина. 1880. Кнь. 4. Св. 15. С. 465-466; Кнь. 5. Св. 18. С. 311-317; 1881. Кнь. 6. Св. 21. С. 147-150; Св. 22. С. 309-312; Кнь. 6. Св. 24. С. 618-625; Кнь. 7. Св. 25. С. 131-133.
- ⁴⁷ ПФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 772. Л. 11.
- ⁴⁸ ОР ИРЛИ. Ф. 572. Д. 44. Л. 4 об.
- ⁴⁹ Там же. Л. 10 об.
- ⁵⁰ *Сиротинин А.* Из воспоминаний о П.А. Кулаковском // Славянское обозрение. СПб., 1914. № 1. С. 4-5.
- ⁵¹ *Лантева Л.П.* Славянский вопрос в мировоззрении П.А. Кулаковского. С. 111.
- ⁵² Памяти Платона Андреевича Кулаковского. Пг., 1915. С. 34.
- ⁵³ См.: Свечаност одкрића споменика на Рујевици код Алексинца 8 новембра 1880 г. изгнуљим руским добровољцима у српско-турском рату 1876 год. Београд, 1881. С. XXVI-XXVIII.
- ⁵⁴ ОР РНБ. Ф. 14. Д. 191. Л. 1 об.
- ⁵⁵ *Шемякин А.Л.* Русские очевидцы о специфике политического процесса в независимой Сербии (1878-1914) // Человек на Балканах глазами русских. СПб., 2011. С. 67, 73.
- ⁵⁶ Цит. по: *Лантева Л.П.* Славянский вопрос в мировоззрении П.А. Кулаковского. С. 121-122.
- ⁵⁷ АВПРИ. Ф. Славянский стол. Д. 6715. Л. 42 об.-43.
- ⁵⁸ Там же. Л. 37-37 об., 44.
- ⁵⁹ Архив Сербской Академии наук и искусств (САНУ). Главни инвентар (бр. 11). А бр. 3278.
- ⁶⁰ *Лантева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. С. 738, 740.
- ⁶¹ Там же. С. 744-745.
- ⁶² ОР РНБ. Ф. 377. Д. 833. Л. 1 об.

⁶³ НИОР РГБ. Ф. 156. Д. 71. Л. 34.

⁶⁴ ОР ИРЛИ. Ф. 572. Д. 85. Л. 3-3 об.

⁶⁵ Орлов Г. Указ соч. С. 59.

⁶⁶ В ОР ИРЛИ в ф. П.А. Кулаковского (ф. 572) хранится составленный им список его публикаций в российских и сербских периодических изданиях (д. 1) в 1876-1885 гг. Всего в нем 284 позиции, в том числе за 1879-1882 гг. («белградский» период) — 104.

Украиноведческая деятельность М.Ф. Комарова в оценке Ивана Франко

Abstract:

Shchavinskaya L. L. *Ukrainian Studies of M. F. Komarov Viewed by Ivan Franko*

The article is dedicated to the evaluation made by the classical Ukrainian author Ivan Franko of the role and importance of the activity of M. F. Komarov for Ukrainian Studies, for instance, of his pioneering works on Taras Shevchenko that it took him many years to accomplish.

Ключевые слова: украинская литература, шевченковедение, Т.Г. Шевченко, Иван Франко, М.Ф. Комаров.

В 1910 г. всего за несколько лет до смерти, подводя аналитический итог своей многотрудной литературной работе и участию в украинском движении последней четверти XIX – начала XX вв., Иван Франко писал о М.Ф. Комарове как об одном из видных представителей этого движения и выдающемся шевченковед¹. В своем известном «Очерке истории украинско-русской литературы до 1890 г.» он посвятил Комарову в совокупности около полутора страниц текста², а также заключил ссылками на его работы свою обширную статью «Южнорусская литература», помещенную в 41 томе «Энциклопедического словаря» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона³.

Первоначальное знакомство Франко с Комаровым было заочным. С 1883 г. на страницах львовской газеты «Дѣло», а затем журнала «Зоря» стали появляться многочисленные публикации М.Ф. Комарова, обратившие на себя внимание галицкой украинской общественности. Публикации эти печатались под криптонимами и псевдонимами: Михайло К., С., М. Уманец. Для галичан Комаров сразу же стал не только одним из главных информаторов об украинской литературной жизни в Российской империи, но и истории самого украинского движения на ее территории, включая процесс увековечивания памяти о Т.Г. Шевченко⁴. Одной из самых заметных первых подобных публикаций М.Ф. Комарова в Галиции стала его большая рецензия на выход в свет сборника стихов шестидесятилетнего украинского поэта Я.И. Щоголева «Ворскло» (Харьков, 1883)⁵, составленного и изданного им после многолетнего и почти вынужденного молчания. Одна из главных причин этого молчания, считал Комаров, отношение в тогдашнем образованном российском обществе к первым пробам литературного творчества на живом украинском языке, когда «такая сила, какой был известный критик Белинский, который, не зная нашего народа, не имея никакого представления о его языке, смело утверждал, что украинская литература – бредни и глу-

пость»⁶. Эта рецензия Комарова, заканчивавшаяся словами надежды на то, «что Украина еще услышит звонкую лиру пана Щоголева»⁷, привлекла внимание Ивана Франко, до той поры малознакомого, как и его галицкое окружение, с творчеством далекого харьковского поэта-романтика и его киевского рецензента⁸, вскоре ставшего полноправным одесситом. Рукописный оригинал этой рецензии М.Ф. Комарова, как и некоторые другие рукописные оригиналы его статей, посланные им в галицкие периодические издания, со временем попадают в личный архив Ивана Франко, где и хранятся по настоящее время⁹.

Необходимо отметить, что в 1883 г. в газете «Дѣло» активно публикуется и Иван Франко. Причем его рассказ «Грицева шкільна наука», напечатанный там 19 апреля¹⁰, через два месяца выходит в свет в Одессе в газете «Одесский вестник» в переводе на русский язык¹¹, став одним из первых русскоязычных изданий его произведений¹². В журнале «Зоря», где «с 1883 г., – по словам Ивана Франко, – я сделался главным сороботником»¹³, М.Ф. Комаров в течение ряда лет «был рецензентом и вел отдел», оценив около 60 книг¹⁴. «Связи с Галицией, – писал в 1920-е годы М.С. Возняк, – это отдельный раздел биографии Комарова. Во Львове он печатал свои писания с 1883 до 1900 гг.»¹⁵, что составило добрую половину всего изданного им. Документально подтверждается, что переписка между Иваном Франко и М.Ф. Комаровым могла возникнуть уже в 1884 г., во всяком случае в письме Комарова А.Я. Конисскому, датированном этим годом, речь идет о такой возможно начавшейся переписке¹⁶.

Первая личная встреча Франко и Комарова состоялась в Киеве в 1885 г. Известно о ней немного¹⁷, но косвенные данные говорят, что встреча эта имела важное значение для обоих, а Комаров, в частности, оказался в числе близких знакомых невесты и будущей жены Ивана Франко Ольги Хоружинской, с которой затем вел отдельную переписку, делился творческими планами. Из своих поездок в Киев в 1885 и 1886 гг. Франко привозит и множество книг, включая работы М.Ф. Комарова. К концу 1886 г. взаимосвязь между ними устанавливается настолько, что Франко обращается к Комарову со специальным письмом, в котором дает оценку его литературной деятельности и предлагает принять самое деятельное участие в организуемом им периодическом издании «Поступ». «Пересылая Вам проспект задуманного мною издания “Поступ”, – пишет Франко Комарову, – осмелюсь просить Вас помочь сему изданию своими драгоценными работами. Особенно желательны были бы для меня (кроме известий и критических оценок текущей украинской беллетристики) статьи, поясняющие положение и программу нынешней украинской интеллигенции, ее требования и отношение к соседям, а также статьи, поясняющие экономическое и образовательное по-

ложение украинского народа, как, например, исследование о нынешних народных школах на Украине, про фабрики и жизни на них рабочих, про состояние большой и малоземельной собственности и др. Если бы было трудно сразу сделать такие работы в полном объеме, то нельзя ли подготовить хоть обзор тех статистических и важнейших журнальных статей, которые теперь о сем деле в России были изданы земствами и др. комитетами? Что же касается нашей литературы, то мне очень хотелось бы иметь обстоятельный критический разбор произведений П. Мирного и Нечуя-Левицкого, а также насколько возможно обстоятельную историю укр[аинского]театра»¹⁸.

Приведенная цитата свидетельствует насколько интересен был Ивану Франко М.Ф. Комаров как возможный важный автор в задуманном им издании уже в середине 1880-х гг., насколько он ценил вышедшие к тому времени его работы, а также перспективу тесного творческого сотрудничества с ним. Внимательно следивший за происходившим в украинских кругах Галиции Комаров через пару лет выступает на защиту Франко и его начинаний, не боясь открыто высказать свое мнение даже редакции львовского журнала «Зоря», где с некоторых пор Франко оказался в положении гонимого¹⁹. Переписка между ними все это время продолжается, но некоторые их письма друг до друга не доходят, о чем письменно свидетельствуют они сами²⁰.

Важнейшим дополнительным связующим звеном между ними становится молодая жена Ивана Франко Ольга, для которой Комаров выполняет ряд доверительных поручений, что делает связи уже на уровне двух семейств более прочными. Так, 10 февраля 1891 г. О.Ф. Франко писала Комарову в Одессу, делясь с ним и последними львовскими политическими новостями: «Ну, у нас теперь самая горячая пора выборов. Образуются Комитеты почти что каждый день, то народовецкий то москвофильский, то снова селянский (без попов, без панов, и без евреев) русский, то снова польский и русский совместно, то польских демократов то польских аристократов, а может и радикалов? Интересно кто возьмет верх, еще раз очень Вас благодарю. Кланяемся низенько Вашей пани и панночкам. Ольга Франко»²¹.

В известном смысле М.Ф. Комаров был для Ивана Франко во многих случаях даже первооткрывателем или почти первооткрывателем, проложившим путь для дальнейшего исследовательского поиска. Так было в отношении количественного охвата всего массива современной украинской литературы, а также изучения жизни и творчества отдельных ее представителей. На протяжении всей своей жизни Франко очень ценил, постоянно подчеркивая это. «Указатель новой украинской литературы (1798–1883)», составленный Комаровым в начале 1880-х годов²², который и в 1910 г. представлялся ему, «несмотря на свою неполноту и неточности», «по сей день

единственным информационным пособием по новой украинской письменности»²³. Этот указатель, эта библиография, утверждал Иван Франко, «первые дала возможность своим и чужим наглядно проследить плавный рост, постепенное возрастание и падение украинской письменности в России в XIX веке»²⁴.

В целом ряде случаев исследования жизни и творчества того или иного украинского писателя Комаровым и Франко значительно дополняют друг друга, причем нередко последний как бы продолжает начатое первым. Так было, например, в случае изучения наследия В.М. Забилы, отчасти Е.И. Борисова, одного из самых ранних популяризаторов творчества самого Ивана Франко в Российской империи, но особенно в отношении подготовки и издания собрания сочинений такого выдающегося украинского поэта как С.В. Руданский. В первой половине 1890-х годов во львовском журнале «Зоря» Комаров публикует ряд произведений Руданского, которые и составили первый том²⁵ семитомного собрания его сочинений²⁶. Этот первый том сочинений С.В. Руданского М.Ф. Комаров напечатал во Львове на свои средства. В дальнейшем работу по подготовке фактически инициированного Комаровым издания продолжили А.Е. Крымский, В.Л. Левицкий и Иван Франко, который стал публикатором последних двух томов, содержащих перевод Руданским «Илиады» Гомера.

Приоритет М.Ф. Комарова в широком открытии С.В. Руданского как поэта с несомненностью признавал А.Е. Крымский. «Если не ошибаюсь, – подчеркивал он, – впервые писать про Руданского М. Комар [псевдоним М.Ф. Комарова – *Л. Ш.*] начал в 1886 году... Наконец, в 1892-1895 г. М. Комар (вначале в “Правде”, 1892, 45, а дальше все в “Зоре”) опубликовал 114 неизвестных дотоле произведений Руданского и, за исключением тех, что опубликованы в “Правде”, издал их и отдельным томом (Львов, 1895), добавив в конце (с. 167–174) обстоятельный “Библиографический указатель сочинений Ст. Руданского и материалов к его жизнеописанию”. По примеру Комарова и я подготовил для печати те рукописи Руданского, какие есть у меня..., а Вас. Лукич [псевдоним В.Л. Левицкого – *Л. Ш.*] сделал тоже со своими рукописями...»²⁷.

Многочисленные пионерские библиографические труды М.Ф. Комарова всегда были в центре внимания Ивана Франко. Достаточно упомянуть его положительные отклики о библиографии Комарова, например, посвященной И.П. Котляревскому, которая стала вместе со всем сборником, где была помещена, «заметным явлением в нашей литературе»²⁸ и даже «прекрасным поводом к увековечиванию памяти Котляревского»²⁹. Особенно же ценил Франко библиографии Комарова, посвященные Т.Г. Шевченко. О них он упоминал многократно, ссылался на них, рекомен-

довал их в своих трудах и имел в своей личной библиотеке, где они до сих пор и сберегаются³⁰.

Главному такому библиографическому труду М.Ф. Комарова «Т. Шевченко в литературе и искусстве»³¹, Иван Франко посвятил и свой особый объемный обзор-рецензию, в которой, назвав составителя «известным и заслуженным автором первой пробы украинской библиографии»³², дал подробный анализ этой его многолетней работы, начатой еще два десятилетия назад. «Эта книжка, – писал Франко, – новая, третья с ряду переработка библиографического указателя всего того, что имеет ту или иную связь с Шевченко. Насколько обогатился и расширился сей указатель на протяжении 20 лет, покажет лучше всего то, что когда в “Раде” [первое издание указателя в 1883 г. – Л.Щ.] шевченковская литература насчитывала 160 номеров, в указателе 1886 г. – 369, то этот указатель, что вырос до объема небольшой книжки, включает их уже 1278»³³. «Высказывая полное признание уважаемому автору за богатство собранного им материала и за его представление в полном соответствии с требованиями современной библиографии»³⁴, Иван Франко покритиковал М.Ф. Комарова «за способ собирания этого материала», его неполноту и различные ошибки в описаниях, дополнил указатель собственными сведениями. При этом очень важна констатация Франко, касающаяся уже не только указателя Комарова, но и всего тогдашнего шевченковедения в целом. «Шевченко, – писал Франко, – имеет уже такую широкую литературу, что ее не охватить одному человеку, да и то еще в таком месте, где раз от раза приходится из цензурных соображений писать Ж. вместе Женева или замалчивать имя автора из-за того, что он называется М. Драгоманов. Тут нужна работа многих рук, содружество людей, которые имеют доступ до больших библиотек»³⁵. Тем не менее общая оценка Ивана Франко этой последней из числа опубликованных библиографий Комарова, посвященных Т.Г. Шевченко, безусловно положительная. Она, по мнению Франко, помимо прочего, важна еще и тем, «что показала нам первый раз литературу, имеющую отношение к нашему поэту в ее полном объеме, и одновременно вывела перед нашими глазами те дезидераты, которые необходимо ликвидировать для ее полного зафиксирования»³⁶.

Иными словами, Франко таким образом фактически признал особую роль многолетних упорных усилий Комарова по созданию того научного направления в украиноведении, которое будет впоследствии посвящено исключительно изучению жизни и творчества Т.Г. Шевченко, то есть шевченковедения. Более того, Иван Франко сразу же берет этот указатель Комарова в арсенал своих научных средств, используемых им в самых жестких литературных полемиках, прежде всего касающихся самого Т.Г. Шевченко и его наследия. «Каждый великий поэт, – писал в данной связи Франко, – порожд-

дает у каждого народа более или менее обширную литературу, в которой критики, что пишут о произведениях поэта, пытаются каждый со своей точки зрения исследовать их с самых разнообразных сторон. У нас к таким поэтам принадлежит Т. Шевченко, а самым лучшим доказательством этого является труд М. Комаря, что появился в прошлом году и содержит библиографию всего, что так или иначе касается Шевченко. Про обыденные таланты никто столько не пишет и не занимается ими: они сегодня пишут, а завтра переходят в архив, откуда иногда изымет их историк литературы, чтобы потом передать их назад на заслуженный отдых»³⁷.

Будучи человеком весьма активным политически вплоть до первых годов XX в., Иван Франко усматривал во взглядах М.Ф. Комарова определенный консерватизм³⁸. Впрочем, эта сторона их отношений представляет весьма сложную гамму, отмеченную сворачиванием контактов в последний период их жизни, явное неодобрение Комаровым политических порывов Франко, несомненное расхождение в трактовке идеалов украинского движения. В те годы одним из корреспондентов М.Ф. Комарова, информирующих его о происходящем в Галиции и, в частности, об Иване Франко, становился М.С. Грушевский³⁹. Грушевский, например, очень оперативно в 1905 г. сообщает из Львова Комарову в Одессу, что «Франко... не хочет снова лезть в политику»⁴⁰. В 1900 г., видимо, происходит последнее крупное письменное общение Ивана Франко и М.Ф. Комарова. Франко, желая получить «приватную доцентуру украинской литературы в Черновцах»⁴¹, пишет обширное послание Комарову, в котором сообщает, «что если бы мне было обеспечено на несколько лет помощи по 1000 руб. ежегодно на содержание жены и детей, я мог бы»⁴² реализовать подобный вариант и «это было бы полезно в целом для нашего национального дела»⁴³. Деньги эти Иван Франко фактически просил у своих одесских украинских меценатов во главе с М.Ф. Комаровым, но история с доцентурой в Черновицком университете продолжения не получила, а переписка между Львовом и Одессой по этому поводу заглохла⁴⁴.

Последняя личная встреча Ивана Франко и М.Ф. Комарова произошла в конце 1909 г. в Одессе, куда совершенно неожиданно для всех прибыл тяжело больной Франко. И физическое, и душевное его состояние в те годы было ужасным, таковым оно оставалось и до конца его дней. Тем не менее, через пару месяцев после этой последней встречи в Одессе Иван Франко скажет о М.Ф. Комарове в своей итоговой истории украинской литературы как о ее заметном исследователе, занявшем в ней свое особое, а кое в чем к тому времени и первое место⁴⁵. Комаров же в своем поэтическом своде 1912 г. написанного в мире о Т.Г. Шевченко, вышедшем за год до кончины

составителя, поместит обширное послание Франко памяти творца «Кобзаря»⁴⁶.

Примечания

¹ См.: Франко І. Нарис історії українсько-руської літератури до 1890 р. Львів, 1910. С. 203.

² Там же. С. 203-204 и др.

³ См.: Франко І. Южнорусская литература // Энциклопедический словарь. СПб., 1904. Т. 43. С. 326.

Нельзя не отметить, что в объемной, насыщенной самыми разнообразными ссылками книге Я. Прицака «Пророк у своїй вітчизні: Франко та його спільнота» (Київ, 2006), получившей очень широкую известность, М.Ф. Комаров даже не упоминается.

⁴ См., напр.: [Без підписи] Дешо про могилу Тараса Шевченка: (Допись зь України) // Дѣло. 9 липня 1883. № 77. С. 1-2.

В ссылках на украинские издания XIX в. мы сохраняем оригинальное правописание.

⁵ Михайло К. [омаров]. «Ворскло»: (Статія зь України) // Дѣло. 28 цвѣтня 1883. № 47. С. 1-2.

⁶ Там же. С. 1.

⁷ Там же. С. 2.

⁸ Отголоском этого являются слова «Щогля й Комаря», то есть «Щоголева и Комарова», приведенные Франко в 9 части его цикла «Оси», озаглавленной «Вандрівка русина з Бідою». См.: Франко І. Зібрання творів у 50 тт. Київ, 1976. Т. 1. С. 135.

⁹ См.: Путівник по фондах відділу рукописів Інституту літератури. Київ, 1999. С. 501.

¹⁰ См.: Миронь***. [Іван Франко]. Грицева школьна наука // Дѣло. 7 цвѣтня 1883. № 40. С. 1-3.

¹¹ См.: Одесский вестник. 23 июня 1883. № 137.

¹² Факт этот почему-то не отмечен комментаторами 16 тома «Зібрання творів у 50 тт.» Ивана Франко (Київ, 1978. С. 486-487), в котором напечатан его рассказ.

¹³ Франко І. Нарис... С. 325.

¹⁴ Цит. по: Кримський А. Твори. Київ, 1972. Т. 2. С. 596.

¹⁵ См.: Возняк М. До діяльності Михайла Комарова // Бібліологічні вісті. 1927. № 4. С.25.

¹⁶ Там же. С. 26.

¹⁷ См., напр.: Чернышенко Л. Листи Єлисея Трегубова до родині Франків // Науковий вісник Музею Івана Франка у Львові. Львів, 2004. Вип. 4. С. 66, 140.

¹⁸ См.: Отдел редких книг и рукописей Одесской национальной научной библиотеки (далее ОРКиР ОННБ). Ф. 28. Картон 8. Л. 730-731.

¹⁹ См., напр., текст его письма «До Редакції “Зорі”», где М.Ф. Комаров, обстоятельно рассуждая о положении украинского национального движения в Галиции, отводит Ивану Франко достойное место в нем и видит в особе Франко «талантливого и кроме того очень энергичного человека, который хоть и отдаёт много времени и силы иной работе и на користь иной литературе... для заработка..., а по силе таланта и по деятельности – он теперь в Галиции выдающийся писатель...» (Возняк М. До діяльності... С. 31-33).

- ²⁰ См., напр.: *Возняк М.* До діяльності... С. 33-34.
- ²¹ См.: ОРКиР ОННБ. Ф. 28. Картон 8. Л. 732.
- ²² См. публікацію цього указателя в альманаху «Рада» (Київ, [1883]. Ч. 1. С. 397-470.
- ²³ См.: *Франко І.* Нарис... С. 203.
- ²⁴ См.: *Франко І.* Зібрання творів... 1982. Т. 33. С. 267.
- ²⁵ См.: Твори Степана Руданського. Т. 1. Вид. М. Комара. Львів, 1895.
- ²⁶ См.: Твори Степана Руданського. Львів, 1895-1903.
- ²⁷ См.: Кримський А. Твори... С. 601-602.
- ²⁸ См.: *Франко І.* Зібрання творів ... 1982. Т. 35. С. 227.
- ²⁹ Там же. С. 228.
- ³⁰ См., напр.: Бібліотека Івана Франка: Науковий опис. Київ, 2010. Т. 1. С. 114.
- ³¹ *Комаров М.Ф.* Т. Шевченко в літературі і мистецтві: Бібліографічний указатель матеріалів для вивчення життя і творчості Т. Шевченка. Одеса, 1903.
- ³² См.: *Франко І.* Зібрання творів ... 1982. Т. 35. С. 159.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же. С. 160.
- ³⁵ Там же. С. 169.
- ³⁶ Там же. С. 171.
- ³⁷ См.: Non severus [Іван Франко] Шевченко і критика // Літературно-науковий вісник. 1904. Т. 28. Кн. 2. С. 116.
- ³⁸ См.: *Франко І.* Зібрання творів... 1986. Т. 49. С. 316.
- ³⁹ См.: ОРКиР ОННБ. Ф. 28. № 2. Л. 60 и др.
- ⁴⁰ Там же. Л. 67.
- ⁴¹ См.: ОРКиР ОННБ. Ф. 28. Картон 8. Л. 729-730.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ См.: Отдел рукописных фондов и текстологии Института литературы им. Т.Г. Шевченко НАН Украины. Ф.3. № 16207. С. 215.
- ⁴⁵ См.: *Франко І.* Нарис... С. 203-204.
- ⁴⁶ См.: *Вінок Т.* Шевченкові із віршів українських, галицьких, російських, білоруських і польських поетів. Збірка з примітками М. Комарова. Одеса, 1912. С. 89-92.

Шевченковская тема в творческой судьбе Михаила Комарова

Abstract:

Labyntsev Y. A. *Works on Shevchenko as a Part of Creative Work Made by Mikhail Komarov.*

The article is dedicated to the role of Mikhail Komarov (1844–1913), an outstanding specialist in Ukrainian Studies, in creating one of the principal directions of modern Ukrainian Studies, the study of the life and work of T. G. Shevchenko.

Ключевые слова: украинская литература, шевченковедение, Т.Г. Шевченко, М.Ф. Комаров.

В августе 2013 г. исполняется столетняя годовщина со дня смерти выдающегося деятеля украинской культуры Михаила Федоровича Комарова (23. I. 1844 – 19. VIII. 1913) – литературоведа, библиографа, фольклориста, лексикографа. Выходец из смешанной русско-украинской семьи, жившей на Екатеринославщине, М.Ф. Комаров в 1867 г. закончил юридический факультет Харьковского университета, служил в городах Острогожске, Киеве, Умани, а с 1887 г. и до конца своих дней – в Одессе, где он имел свою нотариальную контору. О жизни и деятельности Комарова на научном и общественно-политическом поприще сохранилось довольно много различных высказываний его современников, включая самых известных. Его роль в развитии украинского национального движения признается бесспорной, но до сих пор не существует ни одной обстоятельной обобщающей работы о нем¹.

По существу, по сей день основными наиболее проверенными сведениями о М.Ф. Комарове с перечнем и краткой характеристикой сделанного им в научно-литературном плане следует считать материалы, опубликованные в 1913 г. в «Известиях Одесского библиографического общества», которые были подготовлены при непосредственном участии членов его семьи, прежде всего трех дочерей и сына Богдана, оказавшегося, по-видимому, на какой-то период главным хранителем архива своего отца². Архив этот в свое время был весьма богат и благодаря необычайной активности М.Ф. Комарова регулярно пополнялся множеством самых разнообразных документов, в частности большим количеством писем, в том числе классиков украинской литературы, таких, например, как Леся Украинка и Иван Франко. Проживший долгую, наполненную драматическими событиями жизнь Б.М. Комаров (1882–1975), сын М.Ф. Комарова, перевез из Одессы в г. Ленинабад (ныне Худжент), куда он выехал в начале 1930-х годов, часть архива отца, которая лишь в самой незначительной мере через определенное

ограничительное посредство была использована некоторыми исследователями, прежде всего одесским писателем-краеведом Г.Д. Зленко³.

В настоящий момент в Отделе редких книг и рукописей Одесской национальной научной библиотеки (далее ОРКиР ОННБ) находится небольшой, насчитывающий всего 38 единиц хранения, фонд М.Ф. Комарова⁴. Материалы, непосредственно связанные с М.Ф. Комаровым, хранятся под номерами от 1 до 34, причем треть из них это переписка, в значительной своей части представленная не в оригиналах, а в более поздних машинописных копиях. Материалы М.Ф. Комарова, в том числе оригинальные, имеются в ряде других собраний, правда, там они не выделены в отдельные фонды, так как являются единичными, например, в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского в Киеве (далее ИР НБУ), где хранятся несколько его писем⁵.

Интерес к личности и наследию Т.Г. Шевченко, всему тому, что было связано с его именем, возник у М.Ф. Комарова, видимо, еще в юные годы, когда он учился в гимназии в Екатеринославе, и значительно укрепился в период учебы в Харьковском университете, где культ творца «Кобзаря» в студенческой среде достиг своего апогея в 1860-е годы. Эти давние студенческие связи и общий интерес к Шевченко так или иначе проявлялись в дальнейшем на протяжении всей жизни М.Ф. Комарова. Он, кстати, знал и родственников Т.Г. Шевченко. Через В.С. Гнилосырова, одного из самых горячих почитателей творца «Кобзаря» среди студентов Харьковского университета в 1860-е годы, он связывался с В.Г. Шевченко, дабы оказать ему юридическую помощь в деле сохранения места упокоения знаменитого представителя их крестьянского рода⁶. Едва ли не самой ранней работой М.Ф. Комарова о Т.Г. Шевченко, написанной в середине 1870-х годов, следует считать так и не опубликованную его популярную биографию творца «Кобзаря», хранящуюся в ОРКиР ОННБ и обнаруженную Г.Д. Зленко⁷. Рукописная биография эта составлена М.Ф. Комаровым в Острогожске, где он служил присяжным поверенным с 1867 по 1879 год Комаров в ней называет Шевченко великим человеком и писателем, слава которого «воистину бессмертна не только у нас, но и в чужих краях». Совсем небольшая по объему биография эта носила очерковый характер, была написана на очень незначительном тогда источниковом материале и стала, пожалуй, лишь первой заметной вехой в том многолетнем шевченковедческом поиске, который М.Ф. Комаров вел до конца своих дней.

В 1883 г. в альманахе «Рада» он печатает «Покажчикь нової української літератури (1798–1883 р.)» – обширный библиографический указатель, посвященный новой украинской литературе⁸, сразу же вышедший в свет отдельным изданием⁹. В этом указателе напечатанное о

Т.Г. Шевченко составило весьма значительный объем – седьмую его часть. Конечно же, указатель Комарова был далеко не полон, он сам признавал и признавал это в предисловии, особенно в отношении работ, изданных в Галиции, но критика в целом встретила сделанное им с восторгом. В том же 1883 г. молодой талантливый ученый и деятель украинского национального движения В.П. Науменко писал в известном журнале «Киевская старина»: «Всякий, занимавшийся вопросом об украинской литературе, до сих пор встречался с непреодолимыми препятствиями по отсутствию полного указателя всего того, что написано на малорусском языке, а также и того, что появлялось по этому вопросу в русской литературе»¹⁰. По прошествии ряда лет этот пионерский труд М.Ф. Комарова академик А.Е. Крымский оценит еще и со стороны его значения «для национального дела» – «он показал украинцам и врагам украинства, что наша литература не такая уже и убогая, как обычно все думали; он показал..., что украинофильство – это совсем не дело маленькой группы людей (как хотелось бы некоторым представить), а это очень широкий общественный поток, и он имеет обильные источники в нашем историческом прошлом»¹¹.

Ободренный явным успехом своего «Покажчика» 1883 г. М.Ф. Комаров приступает к составлению специального библиографического указателя, посвященного Т.Г. Шевченко. Работа эта выходит в свет в 1886 г. в журнале «Киевская старина» и одновременно в виде отдельного оттиска¹². Комаров подготовил ее к 25-летию трагической даты – кончины Т.Г. Шевченко. В предисловии к этому указателю, положившему начало широкого изучения жизни и творчества создателя «Кобзаря», М.Ф. Комаров сформулировал основные задачи шевченковедения и стал, таким образом, едва ли не основоположником данного научного направления, развитие которого всегда было столь важно в украиноведении в целом. Комаров, в частности, поставил вопросы о том, что «до настоящего времени мы не имеем вполне обстоятельной... биографии» Т.Г. Шевченко, «достойной личности поэта и его многострадальной, полной драматизма, жизни», «не имеем полного издания произведений..., а следовательно и такого критического разбора, который обнимал бы все стороны и все проявления его могучего таланта»¹³. Как известно, реализация этих поставленных в середине 1880-х годов Комаровым задач растянулась на целое столетие и более, и пока, в преддверии празднования 200-летнего юбилея Т.Г. Шевченко, невозможно сказать, будут ли они решены в ближайшее время полностью.

Вполне осознавая, что на тогдашнем начальном этапе развития шевченковедения крайне необходимо сделать первый трудный, неизбежно уязвимый для критики, шаг – составить «возможно полный библиографический свод всех печатных материалов для изучения жизни и произведений

Т. Шевченка»¹⁴, Комаров выполняет эту работу. Более того, он поднимает весьма остро стоявшую тогда для всего общества проблему свободы слова и печати, участия цензуры в научном и широком социально-культурном процессах. Так, касаясь непосредственно запретов на некоторые произведения Т.Г. Шевченко и рассмотрение обстоятельств его жизни, Комаров писал, что «причины этого, конечно, не в равнодушии общества...; напротив того, многочисленные издания “Кобзаря” и отдельных произведений Шевченка, расходящиеся в громадном количестве экземпляров, ежегодные поминки Шевченка в “роковины” его смерти, как у нас, так и в Галиции, где эти поминки справляются особенно торжественно, наконец обширная литература о Шевченке, возрастающая с каждым годом, все это ясно доказывает, что общественные симпатии, окружавшие поэта в последние годы его жизни, не только не ослабели, но укрепились и развились еще более и слава его, как великого народного поэта, вполне признана не только у нас, но и за пределами славянского мира»¹⁵. Прежние запреты, связанные с Т.Г. Шевченко, конечно же, устарели, подчеркивает М.Ф. Комаров: «Думаем поэтому, что к опубликованию документов, относящихся, например, к аресту Шевченка и к его участию в так называемом кирилло-мефодиевском кружке в настоящее время не встречается серьезных препятствий... Полагаем также, что и правдивое описание жизни поэта в ссылке, протекшей при господстве иных порядков и понятий, давно уже отживших, в настоящее время возможно... Наконец и некоторые из так называемых не цензурных произведений Шевченка... могли бы с некоторыми, более или менее значительными, сокращениями и необходимыми примечаниями появиться в печати»¹⁶.

Оценивая через несколько лет этот шевченковский указатель М.Ф. Комарова, дополненный им в 1887 г.¹⁷, А.Е. Крымский писал в журнале «Зоря»: «Эта... работа – вещь необходимая всем тем, кто хочет изучать Шевченкову жизнь и творчество. Она была важна еще и с той точки зрения, что показала всем наглядно, как высоко ценят и свои, и чужие люди нашего великого поэта»¹⁸.

Над библиографической шевченкианой Комаров продолжал работать всю свою дальнейшую жизнь и самым заметным итогом на этом его пути стал выход в 1903 г. в Одессе объемного библиографического указателя «Т. Шевченко в литературе и искусстве»¹⁹, в котором почти на порядок, до 1300 номеров, было увеличено количество описанных публикаций о Т.Г. Шевченко по сравнению с «Покажчиком» 1883 г. И к этому около полуторасотстраничному указателю о творце «Кобзаря», изданному в начале XX в., критика была более чем благосклонна. Так, шевченковед В.Н. Доманицкий свою рецензию на этот указатель начал словами: «О громадной пользе книжки... нечего и говорить: всякий интеллигентный чита-

тель, а в особенности имеющий отношение к литературе, дорожащий именем великого нашего поэта, скажет автору большое спасибо, – отныне не придется ему более блуждать в потемках, собирая необходимую литературу... Имея теперь эту ценную книгу в нашей литературе, невольно хочется помечтать, что авось научная разработка вопросов, связанных с именем Шевченка и его произведениями, а на первом месте – критическое научное издание его поэзии, вступит в новую фазу, станет явлением более частым, чем доньше»²⁰.

Конечно же, и этот шевченковский указатель, явившийся своего рода персонально-тематической выборкой из более обширного библиографического свода по истории всей украинской литературы, имел целый ряд пропусков, о чем указывали рецензенты, в их числе и В.Н. Доманицкий. Он, в частности, писал: «Правда, и настоящий указатель, как и всякий иной, нельзя назвать абсолютно полным, в особенности в отношении литературы галицкой после 1883 года, поныне не имеющей библиографического указателя, а также статей и переводов на языках иностранных...»²¹. Много позднее такой знаток шевченковской тематики как В.В. Дорошенко, прямой преемник М.Ф. Комарова на данном поприще, писал, что этот указатель – «очень значительный вклад в Шевченковедческую литературу; он и сейчас сохраняет свое значение, несмотря на многочисленные дефекты... Указатель Комарова, как и следовало ожидать, получил многочисленные похвальные рецензии...»²².

В своей «наиважнейшей, можно сказать, монументальной работе», каковой являлся, по словам А.Е. Крымского²³, «Словарь российско-український», подготовленный М.Ф. Комаровым с помощью ряда лиц²⁴, составители опирались на многочисленный шевченковский материал, в том числе и на самое полное к тому времени издание «Кобзаря» 1884 г.²⁵. Необходимость выпуска подобного словаря М.Ф. Комаров объяснял, в частности, тем, что «русская литература приобрела себе такую славу и стала значительным средством в просвещении славянских народов, а вместе с тем все больше становится она по языку народною и больше московскою, когда использование ее всеми славянскими народами, хотя бы даже и такими близкородственными как мы Русины, диктует еще большую потребность в словаре»²⁶.

В самом конце своей жизни М.Ф. Комаров несколько лет посвятил созданию особого свода разноязычных поэтических текстов, посвященных Т.Г. Шевченко. Свод этот, по мысли его составителя, как ничто иное мог показать всемирную славу Шевченко. В различных архивных собраниях до нас дошли документы, отображающие этапы работы Комарова над этим сводом. Он обращался за помощью ко множеству лиц, с которыми был хо-

рошо знаком, например, к знаменитым супругам М.Н. и Б.Д. Гринченкам²⁷, или известному общественному деятелю и меценату Е.Х. Чикаленко²⁸, финансировавшему издание четырехтомного «Словаря російсько-українського» (Львів, 1893–1898), подготовленного М.Ф. Комаровым. Наконец, в 1912 г. этот свод был завершен и напечатан в Одессе²⁹.

В нем помещены «поэтические произведения ста авторов, в числе 135 сочинений, причем польские сочинения и одно белорусское, напечатанные латинскими литерами, ввиду трудности чтения оригинала для украинцев», даны «с украинским переводом»³⁰. Свод Комарова содержит многочисленные его комментарии к тому или иному воспроизводимому в нем произведению. Строго говоря, свод этот и по сей день представляет большой интерес не только для тех, кто исследует развитие шевченковедения, но и историю украинского национального движения, а также распространение украинской идеи как среди самих украинцев, так и у соседних народов, в том числе русского и белорусского.

Примечательны акценты относительно значения творчества Шевченко, расставленные различными авторами, представляющими тот или иной народ. Так, двадцатисемилетний Янка Купала, названный Комаровым в своем комментарии «известным белорусским поэтом», стихи которого и «без перевода... для каждого украинца... понятны»³¹, утверждал, что Шевченко:

«Дух збудзіў сваіму народу
Сваім гучным словам,
Навучыў любіць свабоду,
Родны край і мову»³².

Московский поэт и переводчик из простонародья И.А. Белоусов, давний почитатель и популяризатор Т.Г. Шевченко, написал в своем стихотворении «На могиле Т.Г. Шевченка», имеющем подзаголовок «Великому сердцу печальника народного»:

«Здесь похоронено сердце,
Убитое горем людским;
Много им песен пропето,
Дум передумано им.
Спит это сердце глубоко,
Спит под сырою землей; –
Думы ж и песни бессмертны, –
Живы в Украине родной!...»³³.

Почти те же слова находит для Шевченко и еще один москвич, В.А. Гиляровский, уроженец Вологодчины, помнивший украинское происхождение своих предков и принимавший всегда самое активное участие в увековечивании памяти творца «Кобзаря»:

«А думы его, как тогда, не молчат,
И песни его в Украине звучат»³⁴.

Конечно же, абсолютное большинство авторов свода – сами украинцы. Социальный и политический накал в их сочинениях, правда, далеко не во всех, гораздо заметнее. Причем, некоторые из наиболее радикальных по содержанию текстов Комаров не решился опубликовать в своем своде, «так как отдельные стихи, преимущественно галицкие, написаны без учета наших цензурных и общественных условий»³⁵. Впрочем, возрастание тогда год от года общественных требований и политических претензий хорошо видно даже на примере стихов дочери самого Комарова, Галины Михайловны:

«Був час лихий, в неволі непросвітній,
Наш бідний край без слова замірав,
Народ губив свою свідомість, годність,
У тьмі, в ярмі, німуючи, мовчав»³⁶.

Вплоть до самых последних дней своей жизни, будучи уже больным, М.Ф. Комаров собирал материалы о Т.Г. Шевченко и мечтал, в частности, издать дополнение к своему библиографическому указателю 1903 г., ему посвященному³⁷.

Примечания

¹ В 2001 г. в Киеве Книжной палатой Украины была издана небольшая, всего в полусотню страниц, работа известного украинского библиографа М.И. Ясинского (1889–1967) «Михайло Комаров: монографія», подготовленная к печати М.В. Герашенко. М.И. Ясинский многие годы интересовался судьбой М.Ф. Комарова и еще в предвоенные годы начал писать о нем, но все подготовленное им, включая и «монографию», это лишь предварительные материалы к обобщающему труду.

² См.: Известия Одесского библиографического общества. Одесса, 1913. Т. 2. Вып. 7. С. 323-336.

³ Роль Г.Д. Зленко в популяризации имени М.Ф. Комарова весьма значительна. Он также является составителем библиографического указателя, посвященного дочери М.Ф. Комарова – Г.М. Комаровой, украинской поэтессе и переводчику «Галина Комарівна» (Одеса, 2004). К сожалению, и Г.Д. Зленко ограничился лишь различного рода сообщениями и небольшими очерками преимущественно журналистского толка о М.Ф. Комарове и его наследии, рассыпанными в ряде изданий, в том числе его собственных авторских сборниках, таких, например, как «Книга пам'яті» (Одеса, 1971), «З полону ліг» (Київ, 1989), «Лицарі досвітніх вогнів» (Одеса, 2005). Едва ли не самой обобщающей из всех подобных его работ о М.Ф. Комарове стала публикация в газете «День» в № 236 за 2003 г., очень точно озаглавленная, если хорошо знать судьбу ее героя, «Адвокат украинской литературы». В 1990 г. в Одессе был издан подробный библиографический указатель «Григорій Дем'янович Зленко», правда, с тех пор очень сильно

устаревший. О своей в общем-то неудаче в попытке вернуть из Худжента оставшуюся у Б.М. Комарова часть архива его отца Г.Д. Зленко недавно рассказал в интервью газете «День» (2010. № 206): «В моем архиве ныне хранится около сотни писем от Богдана Комарова, которые я использовал лишь частично. А это невероятно интересный материал, где также много воспоминаний об отце, обстоятельствах жизни самого Богдана Михайловича, сведения о его архиве, который, к сожалению, так и не был передан в Одессу».

⁴ См.: ОРКиР ОННБ. Ф. 28.

⁵ См., напр.: ИР НБУ. Ф. I. № 10871, 27893, 48410 и др.

⁶ См.: ИР НБУ. Ф. III. № 4474.

⁷ См.: *Зленко Г.Д.* З полону літ: Літературно-критичні нариси. Київ, 1989. С. 210-214.

⁸ См.: Рада: Украинський альманах на 1883 роць. Ч. 1. Київ, 1883. С. 397-470.

Все ссылки на украиноязычные издания XIX – начала XX вв. приводятся нами в оригинальном написании того времени.

⁹ См.: Показчикь нової української літератури (1798-1883 р.). Зібравь М. Комаровь. Київ, 1883.

¹⁰ См.: *Науменко В.* [Рецензия на «Показчикь» М.Ф. Комарова] // Киевская старина. 1883. Кн. 4. С. 867.

¹¹ Цит. по: *Кримський А.* Твори. Київ, 1972. Т. 2. С. 594.

¹² См.: *Комаров М.* Библиографический указатель материалов для изучения жизни и произведений Т.Г. Шевченка // Киевская старина. 1886. № 3. С. 570-582; № 4. С. 778-786.

¹³ Там же. С. 570.

¹⁴ Там же. С. 571.

¹⁵ Там же. С. 570.

¹⁶ Там же. С. 570-571.

¹⁷ См.: *Комаров М.* Дополнение к библиографическому указателю материалов для изучения жизни и произведений Т.Г. Шевченка // Киевская старина. 1887. № 5. С. 180-184.

¹⁸ Цит. по: *Кримський А.* Твори. Київ, 1972. Т. 2. С. 595.

¹⁹ См.: Т. Шевченко в литературе и искусстве: Библиографический указатель материалов для изучения жизни и произведений Т. Шевченка. Составил М. Комаров. Одесса, 1903.

²⁰ См.: *Доманицкий В.* [Рецензия на указатель М.Ф. Комарова «Т. Шевченко в литературе и искусстве»] // Киевская старина. 1904. № 2. С. 77.

Справедливости ради, необходимо заметить, что через два с половиной года В.Н. Доманицкий подходит к этой работе М.Ф. Комарова куда более критично и даже замечает, что его указатель «не только неполный», но и содержит немало число всевозможных недостатков. Пользуясь им, читатель рискует сделать не одну ошибку (См.: Доманицкий В. До бібліографії літератури про Т. Шевченка // Киевская старина. 1906. № 9. С. 5)

²¹ См.: Доманицкий В. [Рецензия...] // Киевская старина. 1904. № 2. С. 77.

²² Цит. по: Шевченко Т. Повне видання творів. Т. 14: Показчик видань шевченкових творів / Зібрав В. Дорошенко. Чікаго, 1961. С. 348.

- ²³ Цит. по: Кримський А. Твори. Київ, 1972. Т. 2. С. 599.
- ²⁴ См.: Словарь російсько-український. Зібрали і впорядкували М. Уманець і А. Спілка. Львів, 1893-1898. Т. 1-4.
М. Уманець – псевдоним М.Ф. Комарова.
- ²⁵ См.: Шевченко Т.Г. Кобзарь. СПб., 1884.
- ²⁶ См.: Словарь російсько-український. Львів, 1893. Т. 1. С. III.
- ²⁷ См.: ИР НБУ. Ф. III. № 42816.
- ²⁸ См.: ИР НБУ. Ф. X. № 30351.
- ²⁹ См.: Вінок Т. Шевченкові із віршів українських, галицьких, російських, білоруських і польських поетів. Збірка з примітками М. Комарова. Одеса, 1912.
- ³⁰ См.: Вінок Т. Шевченкові... С. V.
- ³¹ См.: Вінок Т. Шевченкові... С. 238.
- ³² См.: Вінок Т. Шевченкові... С. 238.
- ³³ См.: Вінок Т. Шевченкові... С. 247.
- ³⁴ См.: Вінок Т. Шевченкові... С. 263.
- ³⁵ См.: Вінок Т. Шевченкові... С. IV-V.
- ³⁶ См.: Вінок Т. Шевченкові... С. 175.
- ³⁷ См., напр.: Тисяченко Гр. З останніх днів М.Ф. Комарова // Рада. 1913. № 183.

Ватрослав Ягич и его восприятие России (к 90-летию со дня смерти хорватского ученого)

Abstract:

Vashenko M.S. *Vatroslav Jagić* and his perception of Russia.

This article deals with the Russian periods of life of Croatian and Russian philologist Vatroslav Jagić and his perception of Russia. He lived in Odessa in 1872-1874 and in St.Petersburg in 1880-1886, worked in Russian universities and was closely connected with Russian academicians. But he always was not satisfied with the working conditions in Russia and absence of financial guarantees. Jagić was the controversial person who combined the Slavic consciousness and German upbringing. In spite of it Jagić gave very important contribution to development of Croatia-Russia relations.

Ключевые слова: В. Ягич, Хорватия, Россия, Петербургский университет, славяноведение, В.И. Ламанский.

5 августа этого года исполняется 90 лет со дня кончины хорватского и российского ученого Ватрослава (или Игнатия Викентьевича, как его называли в России) Ягича (1838–1923), одного из крупнейших специалистов в области славянского языкознания. Ягич на протяжении всей своей жизни был тесно связан с Россией. Он проработал там в общей сложности около восьми лет и еще до непосредственного знакомства со страной получил признание со стороны российского научного сообщества, свидетельством чего является избрание Ягича членом Академии наук в Петербурге в 1869 г. и доктором славянской филологии Петербургского университета в 1870 г. Его труды, начиная с 1870-х годов, издавались в России¹, а заметки, статьи и брошюры отечественных авторов, посвященные его деятельности, издавались и после того, как Ягич вернулся в Австро-Венгрию².

Эпистолярное и мемуарное наследие Ягича, поддерживавшего переписку со многими российскими учеными, поистине обширно. В 1947 г. была опубликована переписка Ягича с русским филологом и историком А.А. Шахматовым³, а в 1963 г. еще одна часть его эпистолярного наследия – в сборнике «Письма И.В. Ягича к русским ученым (1865-1886)». В Хорватии был издан сборник «Корреспонденция Ватрослава Ягича», второй том которого содержит в себе часть писем русских ученых Ягичу⁴. Тем не менее, содержанием этих сборников эпистолярное наследие хорватского ученого далеко не исчерпывается. Немалая часть его переписки до сих пор не опубликована. В этих документах отражено восприятие Ягичем различных аспектов жизни России 70–80-х годов XIX в., его отношение к стране в целом и к населявшим ее людям, прежде всего, к представителям научного сооб-

щества, с которыми он теснее всего общался. В данной статье будут использованы как опубликованные письма и мемуары Ягича, так и хранящиеся в архивах Санкт-Петербурга письма ученого, которые впервые вводятся в научный оборот.

Первое личное знакомство Ягича с Россией состоялось в январе 1872 г. За год до этого Новороссийский университет в Одессе удовлетворил просьбу хорватского ученого, желавшего занять там место преподавателя сравнительной филологии. Вначале Ягич был очень воодушевлен своим путешествием в Россию. «Отсюда, – с восхищением писал Ягич, – и это с радостью отозвалось в моем сердце, начинается, наконец, господство славянского мира, здесь более не требуется скрывать славянский язык перед более могущественными иностранными господами: немецким, итальянским, венгерским, турецким и каким бы то ни было еще»⁵. Но два года, проведенные в Одессе, оказались одними из самых тяжелых в его жизни и карьере. Ягича всегда отличало стремление к достижению комфортных бытовых (и в целом материальных) условий, чего он не мог получить в Одессе в полном объеме. Ввиду ограниченного числа преподавателей ему приходилось брать на себя дополнительную нагрузку, в университетской библиотеке отсутствовала необходимая литература, да и филологическая наука находилась далеко не на первых ролях в Новороссийском университете. Уже через год после приезда в Одессу Ягич в письме к своему другу, русскому ученому-слависту В.И. Ламанскому называет ее «отвратительным городом», «городом, ненавидящим на науку», прямо называет свое пребывание там «наказанием» и заключает: «Лучше быть учителем в Загребе, чем ординарным профессором в Одессе»⁶. В итоге в 1874 г. Ягич переезжает из России в Германию и занимает там место на кафедре славянской филологии Берлинского университета.

Условия для научной деятельности в Берлине выгодно отличались от одесских. Так, Ягич основал там первое общеславянское периодическое издание – журнал «Архив славянской филологии». Однако нельзя сказать, что и в Берлине хорватский филолог чувствовал себя полностью комфортно. В письме к русскому слависту Н.А. Попову Ягич положительно отмечает только тот факт, что, в отличие от Одессы, в Берлине он занимался своими прямыми обязанностями, но «во всем остальном я предпочитаю даже Одессу Берлину, а о немцах уже нечего говорить»⁷. Кроме того, внутренняя политика Берлина, его борьба против «панславизма» также вызывали раздражение у хорватского филолога. В письме к русскому историку, археографу, директору Императорской публичной библиотеки А.Ф. Бычкову хорватский филолог писал: «Я не удивляюсь, что наши немецкие газеты с пеною во рту проклинаят панславизм; они как будто бы по нашему заказу пытаются убе-

дить всех русских, и тех, которые до сих пор не сочувствовали славянской идее, что действительно сила России в славянстве»⁸. Тем не менее, на пришедшее в 1876 г. предложение вернуться в Одесский университет Ягич ответил отказом. «Я не могу принять состоявшегося в Одессе избрания, – писал Ягич Бычкову, – если мне не удастся выхлопотать в то же время исполнения некоторых условий, в особенности зачисления моих лет прежней австрийской учительской и нынешней профессорской службы для выслуги пенсии. В таком смысле я обратился тотчас после состоявшегося избрания к попечителю одесского учебного округа с прошением, но не получил никакого прямого ответа... Итак, решиться перейти назад в Одессу без надлежащей рекомпенсации – я не могу»⁹.

Однако после смерти И.И. Срезневского, возглавлявшего кафедру славистики в Петербургском университете, у Ягича появилась возможность занять освободившееся место. И на предложение из Петербурга хорватский ученый ответил положительно, хотя и всячески давал понять, что делает это в ущерб своему материальному положению. Вот что он писал управляющему министерством народного просвещения Сабурову: «Я знаю, что лично для меня было бы удобнее продолжать мою здешнюю, смею надеяться, не совсем неудачную деятельность, однако ж желание увеличить и расширить круг ученых занятий... побудило и меня на сделанный мне предварительный запрос ответить изъявлением полной готовности и согласия»¹⁰.

Итак, в 1880 г. Ягич переезжает в Петербург. Но «петербургский» период его деятельности начался с недоразумений, связанных именно с пресловутыми материальными гарантиями Ягичу и его семье, которые филолог, не забывая о своем одесском опыте, пытался заранее получить от России. В переписке с хорватским ученым Ламанский, судя по всему, позволил себе какое-то неосторожное высказывание по этому поводу, в частности, назвал его «иностранцем». На это Ягич ответил очень резко и нервно: «...То, что считают здесь (в Берлине – *М.В.*) самым простым и естественным обстоятельством, производит у вас затруднения, да Вы еще насмешливо прибавляете, что, де, иностранец все получит. Нет, батюшка! Не обижайте меня этим. Если Вы хотите считать меня иностранцем, так лучше не трогайте меня. Каждый из нас имеет обязанности относительно своего семейства, где уступчивость была бы преступлением»¹¹. Филолог высказывает свое недовольство тем, что его требования в Германии удовлетворили бы в течение восьми дней. Впрочем, такая нервная реакция хорватского ученого могла быть вызвана желанием «перестраховаться» перед новой поездкой в непредсказуемую Россию, от которой сложно было ожидать немецких гарантий.

Но все же полного повторения одесской ситуации удалось избежать. Помимо университета, Ягич работал в Отделении русского языка и словесности Академии наук и был вполне доволен своим положением в нем, хотя и Академия не смогла полностью удовлетворить желания Ягича. У хорватского ученого, впрочем, как и у его коллег, не было регулярного жалования, деньги выплачивались только за участие в заседаниях и в виде гонораров за публикации. Но главное, что члены Отделения, в котором состоял Ягич, не имели права на казенные квартиры, в то время как члены других отделений пользовались такой привилегией. Кроме того, в Берлине продолжал издаваться учрежденный им «Архив...», на издание которого никаких средств Академия наук Ягичу, конечно, не выделяла. Он, правда, продолжал получать из Берлина гонорар, выплачивавшийся ему как сотруднику журнала, но и тот был уменьшен на 600 марок. Эти обстоятельства Ягич называет единственным «темным пятном» в «светлой картине» его положения в Академии.

Что касается Петербургского университета, то Ягич, даже спустя многие годы после завершения своего пребывания там, негативно отзывался о его порядках. В воспоминаниях, изданных в 1934 г., уже после смерти Ягича, организация научной и учебной деятельности на историко-филологическом факультете Петербургского университета подвергается им жесткой критике: «На заседаниях факультета..., в которых участвовали все члены, включая и присутствие доцентов, совершенно не было какой бы то ни было организации, порядка, все говорили сразу перебивая друг друга, нередко забывая даже о необходимости голосования. После вдумчивой атмосферы берлинских факультетских заседаний, попав в этот шумный коллектив, я чувствовал себя попавшим в некую глубокую яму; свое поступление на службу на этот факультет я считал своего рода деградацией»¹².

Кроме того, хорватский филолог считал российскую славистику излишне политизированной. Он полагал, что в ней содержится слишком явная «примесь славянофильских идей». Хорватский филолог с неудовольствием отмечал, что большая часть студентов разделяли славянофильские концепции Ламанского. «В то время, пока эти студенты, – писал Ягич, – вдохновенно внимали теориям Ламанского, я не мог с одобрением смотреть на их вмешательство во внутренние вопросы славянских народов, в чем они вообще не придерживались принципов политики невмешательства в чужие дела..., например, они поддерживали митрополита Михаила в Сербии в его борьбе с сербским правительством или страстно воспалялись от деятельности младочешской и реалистической партии в Чехии и т.д.»¹³. Сам он достаточно высоко оценивает свою деятельность, направленную на то, чтобы поставить славистику на «чисто научное основание»: «Мне удалось за-

ронить в сердца молодежи уважение по отношению к славистике как к серьезной науке, равноценной по своей значимости германской и романской филологии...»¹⁴. Конечно, вряд ли можно сомневаться в добросовестности работы Ягича на факультете, но он все же, на наш взгляд, преувеличивает свои личные заслуги, ибо славистика в России к началу 1880-х годов уже находилась на высоком уровне развития и в отсутствии «научных оснований» ее упрекать не приходится.

Помимо университета и Академии наук Ягич работал и в других учебных заведениях Петербурга, к примеру, на женских курсах Бестужева-Рюмина при Институте благородных девиц, где он преподавал историческую грамматику русского языка. Хорватский филолог был более чем доволен опытом преподавания в этом учебном заведении, особенно же его радовало то обстоятельство, что курсистки, в отличие от студентов на историко-филологическом факультете, не относились к его лекциям недоверчиво, желая все раскритиковать и проверить, а, напротив, «доверчиво воспринимали каждое слово, любую мысль из уст преподавателя: *jurare in verba magistri** – относилось к ним в полной мере»¹⁵. Вместе с тем Ягич отмечал низкий уровень подготовки слушательниц курсов, из-за чего ему приходилось менять программу преподавания и восполнять пробелы в образовании у курсисток. Тем не менее, он высоко оценивал сам факт существования таких курсов и их значение в развитии женского образования в России.

В Петербурге хорватский филолог обзавелся и новыми знакомствами, причем, не только в научной среде. Жизнь сталкивала его с самыми разными людьми, в том числе и с такими влиятельными, как обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев, разрешение которого ему требовалось для работы в библиотеке Синода. Одного определения, которое Ягич дал Победоносцеву – «могущественный ретроград», – достаточно для того, чтобы определить отношение хорватского филолога к обер-прокурору Синода. Приводит Ягич и услышанную им лично от Победоносцева фразу, сказанную им о чехах: «Какие они славяне, ведь они – католики!»¹⁶.

Но были среди его знакомых и те, кого Ягич характеризовал положительно, например, князя П.П. Вяземского, сына известного русского поэта П.А. Вяземского. Князь являлся основателем «Общества любителей древней письменности» и, по сведениям Ягича, еще тогда, когда хорватский филолог жил в Берлине, пригласил его присоединиться к этому обществу. Ягич каждую пятницу посещал собрания этого общества в доме графа Шереметева на Фонтанке и получал там то, к чему всегда так стремился, – общение в узком кругу единомышленников. Тем более что среди них было немало представи-

---

* Слепо следовать словам учителя (лат.)

телей знатных дворянских родов, а это значило, прежде всего, то, что обществу будут обеспечены хорошая материальная поддержка и, соответственно, доступ к любым интересующим их рукописным памятникам с возможностью их издания. Ягичу, кроме того, не могло не импонировать доброе расположение Вяземского к нему лично и, видимо, к хорватам вообще. По словам самого хорватского филолога, «князь Вяземский часто мне рассказывал о своих воспоминаниях, о том, как он, еще будучи подростком, жил с отцом в Константинополе, и, между прочим, весьма лестно отзывался о каком-то охраннике, хорвате из Боки Которской, рассказывая, каким тот был храбрым и верным»¹⁷.

Помимо сведений о научной и общественной деятельности в России, в воспоминаниях Ягича можно найти и описание как своей частной, семейной жизни, так и жизни Петербурга в целом. В отличие от самого Ягича, его жена проводила целые дни в «тоскливом однообразии», поэтому он часто отправлял свою семью из России за границу. Тем не менее, жене Ягича удалось найти в Петербурге свой круг общения, – он состоял в основном из местных немцев, которые, по словам хорватского ученого, были ей значительно ближе русским. Но и эти немцы, пишет Ягич, образовывали некую замкнутую касту и, видимо, не очень охотно принимали чужих в свой круг. «Принимая во внимание наше католическое вероисповедание, – пишет ученый, – в России мы были чужды и православным русским, и протестантам немцам, хотя по образу жизни, принятому в нашей семье, мы были намного ближе немцам, чем русским»¹⁸. Тем не менее, нельзя сказать, что Ягич со своей семьей жил в Петербурге замкнуто. Хорватский ученый все же несколько преувеличивает, когда пишет о том, что он и его семья были чужды русским. Об обратном свидетельствует хотя бы то количество знакомств, которые Ягичу удалось завязать в России. У хорватского филолога было немало возможностей познакомиться с жизнью русских людей – так, на Новый Год, Пасху и другие праздники Ягич в компании А.Н. Веселовского ходил в гости к друзьям и знакомым. Вот как Ягич это описывает: «...в России на Масленицу пекут национальное лакомство – блины... На блины ходят к друзьям в гости, и тяжелая для желудка пища обычно заливается обильным количеством вина и водки. У русских есть еще одно национальное блюдо, знакомое и нам южанам, – жареный поросенок... Однажды случилось так, что мы попали к друзьям за праздничный стол, – так что нам не оставалось ничего другого, как сесть за стол и пить с друзьями сколько душе угодно»¹⁹.

Хорватский ученый оставил записи, свидетельствующие о том, что ему было интересно наблюдать за жизнью на петербургских улицах. Он выделяет среди людей «низкого происхождения» два основных типажа, без

которых нельзя представить городскую жизнь, – это дворник и извозчик. Именно извозчик был для Ягича «самой оригинальной личностью» на улице. Из детального описания работы извозчиков – как они получают разрешение на работу, как они одеваются, как разговаривают со своими пассажирами (и со своими лошадьми!) – видно, что Ягич не только сам часто пользовался их услугами, но и действительно интересовался и даже восхищался их работой: «В том, насколько вынослив русский человек и русская савраска, я имел возможность неоднократно убедиться на собственном опыте, возвращаясь домой поздно ночью по лютому холоду, в пятнадцатидвадцатиградусный мороз: извозчицьи клячи, даже не покрытые попоной, стоят обычно на такой стуже совершенно спокойно, а на скамейке перед домом сидит замотанный в свой тулуп дворник, которого к тому же нужно еще и будить, чтобы он открыл тебе двери дома в то время, как швейцар спит беспорядным сном»²⁰, – пишет он.

Ягичу удалось побывать и за пределами Петербурга – в его пригородах, а также в Ярославле, Костроме и даже в Новгородской области, в Боровичах. Туда он ездил на дачу к В.И. Ламанскому. «Там я убедился в том, – писал Ягич, – что и в северной части России деревенская, так называемая «усадебная» жизнь имеет свою прелесть, хотя поэтичность русской деревни значительно отличается от поэзии нашей, южной, к примеру говоря, хорватской сельской жизни, которую отличает более высокий уровень культуры и бережное отношение к старинным народным обычаям»²¹. Посещал Ягич и Москву. Во-первых, ему приходилось там бывать с научными целями – он работал в Хлюдовской библиотеке при старообрядческом Преображенском монастыре, в библиотеке Святейшего Синода и в библиотеке Московской типографии, где его интересовали старинные рукописи. Кроме того, Ягичу нравился сам город. Если Петербург, в котором он жил, не вызывал у него каких-то особенных чувств (за исключением первого впечатления) и был для Ягича просто местом работы, то Москву он посещал даже после того, как переехал из России в Австро-Венгрию. Вот какую характеристику он давал Москве: «Я всегда с большим удовольствием приезжал в Москву, – писал он, – и если бы мне суждено было пробыть в России чуть дольше, то я постарался бы как можно чаще приезжать в Москву для того, чтобы вдоволь надышаться там настоящим русским духом»²².

Как можно заметить, положение Ягича в Петербурге, его статус, круг его знакомств не давали оснований сомневаться, что он занимал достойное место среди петербургских славистов и жил той же жизнью, что и они. Но, видимо, хорватский филолог все же рассчитывал жить лучше, а поскольку каких-то особых привилегий в России ему ждать было бессмысленно, то недовольство многими обстоятельствами жизни, побудили его к отъезду из

Петербурга. Тем более что в 1885 г. ему предложили занять место профессора славянской филологии в Венском университете. И Ягич в итоге ответил согласием на это предложение. Он писал Д.А. Толстому, министру внутренних дел России и президенту Академии наук: «Когда я лет пять тому назад приехал в Санкт-Петербург, я питал надежду, что мне удастся значительно расширить круг моей деятельности. До сих пор, однако ж, надежды мои оправдались отчасти. Вскоре обнаружилось, что совокупные источники моего здешнего содержания... в сравнении с дороговизной здешней жизни не дают мне того, что давал мне в Берлине один университет»²³. Министру народного просвещения И.Д. Делянову он писал уже открыто: «Я в самом деле уже устал читать множество лекций в разных учебных заведениях для того, чтобы приобретать средства, необходимые для поддержки моей семьи и воспитания детей, – это невыгодно отражается на моей научной деятельности, стесняя ее»²⁴. И в 1886 г. Ягич покидает Петербург и переезжает в Вену.

Петербургский период – самый длительный и яркий из «русских» периодов Ягича – завершился, и с тех пор он бывал в России лишь наездами. Но он, конечно, не забывал своих коллег и друзей из России. Тем более что жизнь в Вене не была для Ягича такой, какой он себе ее представлял, хотя он вернулся в страну, подданным которой являлся, на работу в университет, который его воспитал, наконец, где его семье были гарантированы привычные европейские условия жизни. Но, как признавался сам хорватский филолог, забота о семействе – недостаточный мотив для него, чтобы сохранять «силу и стойкость». В год переезда в Вену Ягичу было уже почти 50 лет, всю свою жизнь он провел в разъездах, и, конечно, у него не было уже столько сил и энергии. А обстоятельства его работы в Вене были следующими: «Круглое невежество или надменное презрение со стороны немцев, мелкие расчеты и ребяческое самолюбие со стороны жалких славян – вот факторы, с которыми нужно будет на каждом шагу сталкиваться»²⁵. Через два года Ягич пишет Ламанскому уже об «остервенении» немцев и венгров против славян, которое отрицательным образом сказывалось и на работе Югославянской академии наук и искусств²⁶. Чуть позже хорватский ученый признается, что его отъезд из Петербурга во многом был обусловлен личными обстоятельствами. «В сущности за это (переезд в Вену – М.В.) наказан более всего я сам, – пишет Ягич, – не обвиняйте меня в неискренности. Это была скорее слабость в борьбе моего личного убеждения с желаниями жены. Она взяла верх. Но трудно было бороться против ее преданности мне и детям»²⁷.

Однако Ягич, уже не связанный никакими прямыми обязательствами с Петербургским университетом и Академией наук (хотя он и оставался членом Академии и после отъезда в Вену), мог не задумываться об этих вопро-

сах во время своих кратких визитов в Россию. Поэтому он в самых благоприятных выражениях описывает А.Ф. Бычкову свой краткий визит в Москву в 1891 г.: «Это было почти нечто большее, как очень приятный сон, мое кратковременное пребывание в России. Меня тянуло туда, как всегда, вернулся я домой с некоторой грустью, причины которой излагать не стану»²⁸. Скорее всего, причиной этой грусти стала эмоциональная привязанность Ягича к России, его чисто человеческая симпатия к стране и к ее народу. Заметим, что находился он не в Петербурге, где проработал несколько лет и где проживало большинство его друзей, а в Москве, где он в течение 1880-х годов бывал только наездами.

Дальнейшая деятельность Академии наук и других научных центров России не могла оставить Ягича равнодушным, тем более, что, уже находясь в Вене, он даже жаловался на «отсутствие внимания» к себе со стороны той же Академии и, самое главное, на то, что он нерегулярно получал ее новейшие издания, хотя, конечно, он не подозревал Академию в какой-то умышленной задержке: «К сожалению, со стороны академии не заметно особого внимания. Я в последнее время (в течение чуть ли не года) не получал никаких изданий ни второго, ни третьего отделений; мне казалось бы, что я имею некоторое право, пока я еще не вычеркнут из списка членов! Предполагаю, что тут нет ничего преднамеренного...»²⁹. Что касается его отношений с коллегами-славистами, то они продолжали оставаться крайне противоречивыми. В первую очередь это касается его взаимоотношений с Ламанским. Так, Ягич выражал недовольство, что Ламанский оставил пост редактора «Славянских известий» (печатного органа Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества), который он некоторое время занимал: «Меня волнует, не знаю причины, почему Вы сложили с себя редакцию... Как не видят неисправимые Ваши бюрократы, что нам, славянам, не помогает болтовня Комарова (издатель «Славянских известий» – *М.В.*), нам необходим веский голос и хороший совет таких знатоков славянства, как Вы... Не разделяя, может быть, всех Ваших взглядов, я всегда глубоко уважал Вас за Ваш честный, прямой характер, за Ваше отвращение ото лжи, за Вашу глубокую веру в Россию, которой я не нахожу в болтунах, умеющих всегда только поддакивать...»³⁰. В этих словах содержится квинтэссенция взаимоотношений между двумя выдающимися славистами, между придерживавшимся либеральных взглядов Ягичем и консервативно настроенным Ламанским. Они видели друг в друге прежде всего профессионалов и, несмотря на порой жаркие споры на околополитические темы, ценили друг друга и сохранили добрые взаимоотношения. Хотя Ягич и позволял себе нелестные высказывания о Ламанском еще долгое время, порой не имея для этого веских поводов. Так, в одном из своих писем к русскому сла-

висту П.А. Кулаковскому он комментирует слух о некоей публикации Ламанского, направленной против южных славян и, в частности, хорватов. При этом Ягич выражений не выбирает: «Что он, из ума выжил, что ли? Мало ль ему аплодисментов моего лейб-органа «*Neue Freie Presse*» и всех юдофильских газет за то, что в пух и прах разбивает «братьев» и «братушек»?»³¹. Продолжал Ягич осуждать и российское славяноведение за излишнюю, по его мнению, политизированность, в которой он видел и вину Ламанского: «У вас... целые отрасли мнимой науки не что другое как политика. Например, пресловутое «славяноведение», в том смысле, как понимают его Ламанский, Будилович и т.д.»³². Тем не менее, далеко не все отечественные слависты продолжали оставаться мишенью для критики Ягича. Достаточно высокой оценки хорватского ученого удостоилась монография П.А. Кулаковского, посвященная иллирийскому движению в Хорватии*. «Могу искренне поблагодарить Вас за этот драгоценный вклад в историю славянского движения в XIX столетии, – писал Ягич, – как далеко Вы ушли трезвым взглядом от Гильфердингов и Будиловичей! Понятное дело, Вы жили между сербами и хорватами, Вы познакомились со всеми их хорошинами и дурными сторонами и убедились, что зачатки есть, даже хорошие»³³.

Интересовали Ягича и политические события в России. Особое внимание в своих письмах он уделял личности Александра III и сменившего его на престоле Николая II. Из всего, что касалось России и русской политики, пожалуй, только царствующим особам удалось избежать критических замечаний, которых у хорватского ученого обычно всегда находилось с избытком. Ягич с волнением следил за событиями, связанными с крушением царского поезда в 1888 г., с болезнью и смертью Александра III. Вот как Ягич характеризует его: «Покойный государь поднял значение России в Европе, скончался как истинный христианский герой мира... Дай Бог, чтобы новый государь во всем последовал примеру своего отца во благо России и всего человечества»³⁴. О Николае II Ягич также отзывался с большой симпатией. «Вам и всем русским, – писал он Бычкову спустя два года после вступления Николая II на престол, – должно льстить то громадное значение, которое в Европе и во всем мире заняла Россия в течение последнего десятилетия, плоды которого пожинает молодой государь. Дай Бог ему счастья!»³⁵. Позитивно он оценивает и русско-французское сближение начала 1890-х годов.

Ягич писал своим русским корреспондентами о внутреннем положении в Австро-Венгрии. Накануне Первой мировой войны столкновения «национализмов» внутри Габсбургской монархии стали приобретать все более

---

* Имеется в виду докторская диссертация П.А. Кулаковского «Иллиризм. Исследование по истории хорватской литературы периода возрождения» (Варшава, 1894).

острый характер. Коснулось это и сферы образования. В 1908 г. хорватский бан П. Раух отправил в отставку Дж. Шурмина, профессора Загребского университета, декана философского факультета, активно участвовавшего в политических событиях. Это спровоцировало студенческие волнения в Загребе. Тогда же Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину. Все это вызывало негативную реакцию Ягича. Так совпало, что в том же году ученый прекращает активную научную деятельность и выходит на пенсию (в 1908 г. ему исполнилось 70 лет). Вот что он об этом пишет Ламанскому: «Вовремя я покидаю Венский университет. Национализм, конечно, не славянский берет в нем год от года верх... австрийские немцы преследуют все славянское, причисляя без различия всех славян к клерикалам... И в это время столь дерзкой нетерпимости немцев в Австрии, а мадьяр в Венгрии – монархия присоединяет к себе две чисто славянские области, Боснию и Герцеговину, провозгласив заранее всех сербов государственными преступниками! Чем все это кончится, один Бог ведает»³⁶. Все эти события являлись прелюдией к началу Первой мировой войны и распада двух «славянских» империй – Австро-Венгерской и Российской, после чего контакты Ягича с русскими славистами прекратились, да и само отечественное славяноведение как таковое на время перестало существовать.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что для Ягича Россия представляла серьезный интерес и в области науки, и в общественно-политической сфере, и в области человеческих взаимоотношений. Мало у кого из хорватов, связанных с Россией, было столько русских коллег и друзей, сколько было у Ягича. Он посвятил России значительную часть своей жизни и карьеры, узнал русскую жизнь с самых разных сторон и даже получил в России имя и отчество – случай почти исключительный применительно к хорватам. Однако нельзя сказать, что Ягич за то десятилетие (с перерывами), в течение которого он жил и работал в России, полностью там ассимилировался. Несмотря на отличное знание русского языка, русской литературы, Ягич продолжал оставаться подданным Австро-Венгрии, пропитавшимся за долгие годы немецкой культурой и усвоившим европейские представления о жизни. Именно на примере Ягича очень хорошо видна та противоречивость натуры, которая часто свойственна западным славянам, близким русским по языку, но отделенным от них католическим вероисповеданием, латинским алфавитом и немецким представлением о повседневной жизни. Ягича не устраивало в России именно отсутствие материальных гарантий и немецкой упорядоченности в бытовой сфере. Поэтому его после Одессы и Петербурга тянуло именно в Берлин и Вену. Но в Австро-Венгрии и Германии Ягич ощущал свою чужеродность в немецкой и венгерской среде, где он был прежде всего славянином, хорватом.

Несмотря на все эти обстоятельства, Ягич вписал свое имя и в историю славянской филологии, и в развитие хорватско-русских связей, являясь не только крупнейшим филологом своего времени, но и одной из наиболее ярких личностей, без которых невозможно представить историю взаимоотношений России и Хорватии.

Примечания

- ¹ Ягич И.В. История сербо-хорватской литературы. Казань, 1871; Маринское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. СПб., 1883; Исследования по русскому языку. СПб., 1895; История славянской филологии. СПб., 1910.
- ² См., например: *Ляпунов Б.М.* Краткий очерк ученой деятельности академика Игнатия Викентьевича Ягича. Одесса, 1911; *Сперанский М.Н.* И.В. Ягич – историк славянской филологии. СПб., 1910.
- ³ Переписка А.А. Шахматова с академиком И.В. Ягичем (1881–1894) // А.А. Шахматов. М.-Л., 1947.
- ⁴ Korespondencija Vatroslava Jagića. Knj. 2. Zagreb, 1970.
- ⁵ *Jaguš V.* Мојпрви пут у Русију године 1872 // Српски књижевни гласник. Св. 1. 1912. С. 34.
- ⁶ Ягич – Ламанскому, 10 января 1873 г. // Письма И.В. Ягича к русским ученым (1865–1886). М. – Л., 1963. С. 66.
- ⁷ Ягич – Попову, 25 октября 1874 г. // Там же. С. 38.
- ⁸ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 120. Д. 1481. Письмо И.В. Ягича А.Ф. Бычкову. 1880 г. Л. 12.
- ⁹ ОР РНБ. Ф. 120. Д. 1481. Письмо И.В. Ягича А.Ф. Бычкову 11 (23) апреля 1877 г. Л. 8-8об.
- ¹⁰ Ягич – Сабурову, 10 мая 1880 г. // Письма И.В. Ягича к русским ученым.... С. 185.
- ¹¹ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее – СПФ АРАН). Ф. 35. Оп. 1. Д. 1588. Письмо И.В. Ягича В.И. Ламанскому. 11 июня 1880 г. Л. 23.
- ¹² *Jaguš V.* Спомени мојега живота. II део (1880–1923). Београд, 1934. С. 4.
- ¹³ Ibidem.
- ¹⁴ Ibid. С. 3.
- ¹⁵ Ibid. С. 23-24.
- ¹⁶ Ibid. С. 8.
- ¹⁷ Ibid. С. 12.
- ¹⁸ Ibid. С. 28.
- ¹⁹ Ibid. С. 19.
- ²⁰ Ibid. С. 34.
- ²¹ Ibid. С. 30.
- ²² Ibid. С. 31-32.
- ²³ Ягич – Толстому, 12 декабря 1885 г. // Письма И.В. Ягича к русским ученым... С. 287.
- ²⁴ Ягич – Делянину, 5 марта 1886 г. // Там же. С. 296.
- ²⁵ СПФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1588. Письмо И.В. Ягича В.И. Ламанскому. 26 октября 1886 г. Л. 45.
- ²⁶ Там же. Письмо И.В. Ягича В.И. Ламанскому. 22 ноября 1888 г. Л. 54.
- ²⁷ Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1588. Письмо И.В. Ягича В.И. Ламанскому. 24 декабря 1900 г. Л. 64.
- ²⁸ ОР РНБ. Ф. 120. Д. 1482. Письмо И.В. Ягича А.Ф. Бычкову. 31 октября 1891 г. Л. 38.
- ²⁹ ОР РНБ. Ф. 120. Д. 1482. Письмо И.В. Ягича А.Ф. Бычкову. 22 января 1894 г. Л. 5.
- ³⁰ СПФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1588. Письмо И.В. Ягича В.И. Ламанскому. 1887(?) г. Л. 47-48 (в описи фонда указана неправильная дата – Ламанский сложил с себя редакторские полномочия в 1888г.).

³¹ Институт русской литературы Российской академии наук (далее – ИРЛИ РАН). Ф. 572. №269. Письмо И.В. Ягича П.А. Кулаковскому. 1 (13) января 1895 г. Л. 4.

³² ОР РНБ. Ф. 124, собрание Н.Л. Вакселя. Д. 5040. Письмо И.В. Ягича К.С. Веселовскому. 17 (29) декабря 1892 г. Л.2.

³³ ИРЛИ РАН. Ф. 572. №269. Письмо И.В. Ягича П.А. Кулаковскому. 1 (13) января 1895 г. Л. 3.

³⁴ ИРЛИ РАН. Ф. 166. Оп. 3. №1159. Письмо И.В. Ягича Л.Н. Майкову. 26 октября 1894 г. Л. 34.

³⁵ ОР РНБ. Ф. 120. Д. 1483а. Письмо И.В. Ягича А.Ф. Бычкову. 27 сентября 1896 г. Л. 6.

³⁶ СПФ АРАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 1588. Письмо И.В. Ягича В.И. Ламанскому. 3 (16) октября 1908 г. Л. 84.

Как отмечалось 50-летие русско-турецкой войны 1877–1878 гг. русскими учеными-эмигрантами

Abstract:

Aksyonova E. P. *How the Russian Émigré Scholars celebrated the 50th Anniversary of the Russo-Turkish War of 1877–1878.*

The 50th anniversary of the Russo-Turkish War of 1877–1878 gave rise to various events and publications carried out by Russian émigrés. The article pays special attention to the works of the well-known Russian historian A. V. Florovsky on the liberating role of Russia for the Balkan Slavs and on the Russian public opinion of the 1870s.

Ключевые слова: русско-турецкая война 1877–1878 гг., освобождение Болгарии, Сан-Стефанский договор, Берлинский договор, русская эмиграция, М.Г. Попруженко, А.В. Флоровский.

Прошло уже 135 лет со времени окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг., принесшей балканским славянам освобождение от османского господства. События военных лет, политика России, ее роль в договорном процессе, послевоенное развитие балканских народов привлекали внимание исследователей – в разные периоды с неодинаковой интенсивностью. С введением в научный оборот все новых и новых документальных источников той эпохи ученым удавалось глубже проникать во все тонкости военных, общественно-политических, дипломатических и иных проблем той войны, которую справедливо нарекли *Освободительной*, и ее последствий. В настоящее время в мировой историографии имеется солидный корпус трудов по русско-турецкой войне. Свою скромную лепту в изучение событий той эпохи еще в 1920-е годы внесли русские ученые-эмигранты.

Ход и итоги войны в конце 70-х – начале 80-х годов XIX в. были предметом скорее публицистического, чем научного интереса, да и тот вскоре угас. Общественное внимание (не слишком широкое) к этим вопросам возвращалось ненадолго в связи с очередными круглыми датами и вновь оживилось в 1927–1928 гг., когда отмечалось 50-летие русско-турецкой войны и ее победоносного для России окончания. Большое участие в мероприятиях, посвященных этим событиям, вызывавшим национальную гордость россиян, принимали русские ученые-эмигранты. Так, живший в Софии славист, болгарист М. Г. Попруженко (1866–1944) 29 января 1927 г. печатает в газете «Русь» статью о настроениях русского общества накануне войны. В этой же газете 16–19 марта публикуются материалы того же автора – «Памяти В.М. Гаршина¹ (По поводу 50-летия Освободительной войны 1877–1878 гг.)». 30 марта в Русском доме профессор Попруженко выступил с док-

ладом на тему «Русское управление в Болгарии в 1877/1878 гг.». Это исследование в расширенном виде позже (28 сентября – 13 октября) было опубликовано в газете «Русь», а в 1928 г. под названием «Русское управление в Болгарии в 1877–1879 гг.» вышло в Софии отдельным изданием.

Празднование юбилея освобождения Болгарии прошло в начале марта 1928 г. в Софии. В театре «Роял» состоялось торжественное заседание, организованное Славянским обществом по случаю 50-летия заключения Сан-Стефанского договора. На собрании присутствовал болгарский царь Борис III. От русской эмиграции с речью выступил профессор международного права Софийского университета П. М. Богаевский (1866–1929). Текст его доклада «Освобождение Болгарии» был напечатан в газете «Русь» 8 и 9 марта. Осенью того же года (25 ноября) ученый выступил перед русскими и болгарскими коллегами на 60-й «Славянской встрече»* с докладом «Как и почему Сан-Стефано стал в 1878 году местом мирного договора...»². В том же 1928-м г. в Софии увидела свет небольшая работа жившего в Праге известного слависта В. А. Францева «Русско-турската освободителната война (1877–78) и чешското общество»³.

В 1929 г. в Софии был опубликован сборник «Прослава на освободителната война 1877–78 гг.», в котором приняли участие и многие русские авторы (не только из Болгарии, но из Чехословакии), представившие в своих статьях «славянскую политику и славянское сознание в России от древних времен до освобождения Болгарии»⁴. В сборник вошли статьи: А. А. Кизеветтера «Россия и южное славянство в XIV–XVII ст.», И. И. Лаппо «Петр Великий и южное славянство», П. М. Богаевского «Кучук-Кайнарджийский договор и его значение», В. А. Францева «Первые русские труды по изучению славянства, преимущественно южного», А. В. Флоровского «Россия и южные славяне в царствование императора Александра I», П. М. Бицилли «Россия и Восточный вопрос в царствование императора Николая I», М. Г. Попруженко «Общественные настроения в России накануне освободительной войны»⁵, генерала В. П. Никольского «Освободительная война 1877–78 гг. Военные действия русской армии на балканском театре»⁶.

50-летие русско-турецкой войны достойно было отмечено также русскими учеными, обосновавшимися в Чехословакии. В работах, посвященных этой юбилейной дате, основное внимание уделялось общественным, военным, дипломатическим отношениям периода войны, роли России в освобождении братских народов. Следует отметить вышедшие в 1927 г. в Праге очерк И. И. Лаппо «Россия и освобождение балканских славян» («Rusko a

---

* Славянское дружество в Болгарии иногда организовывало совместные с русскими эмигрантами мероприятия, которые назывались «Славянские встречи».

osvobození Balkanských Slovanů»), в котором дан общий обзор истории славянского вопроса в России, и сборник «Россия в войне за освобождение балканских славян 1877–78 гг.» («Rusko v boji za osvobození balkanských Slovanů roku 1877–78») со статьями Е. Ф. Шмурло, Б. А. Евреинова, М. А. Иностранцева, Е. Ф. Максимовича, А. В. Флоровского и др. В 1928 г., когда отмечался юбилей окончания войны, вполне естественным было появление работ об итогах войны. Мирные договоры, завершившие войну, нашли отражение в статьях М. А. Циммермана «Сан-Стефано и Берлинский конгресс 1878 г.» («San Stefano a Berlinský kongres r. 1878» // «Zahraniční Politika». Praha, 1928) и Е. Ю. Перфецкого «Берлинский конгресс 1878 г. и славянство» («Berlinský kongres r. 1878 a Slovanstvo» // «Prudy». Bratislava, 1929. Sv. 2). Тематика этих статей, написанных учеными-историками на достойном научном уровне, все же не входила в круг их основных исследований. Однако с расстояния в полвека они постарались посмотреть на балканские события 1870-х годов свежим взглядом. И хотя работы носили в основном юбилейный характер, на что обратил внимание один из авторов, в то же время «юбилей дал повод к пересмотру данных об участии России в борьбе за свободу славянских народов на Балканах вообще, Болгарии в частности»⁷.

Одним из активных участников этих юбилейных публикаций и в Болгарии, и в Чехословакии был известный русский историк Антоний Васильевич Флоровский (1884–1968). Для освещения темы войны 1877–1878 гг. и послевоенного периода ученый мог пользоваться не только имевшейся в его распоряжении литературой, но и некоторыми архивными материалами. Осенью 1922 г., после выдворения из России, он несколько месяцев прожил в Софии, где еще раньше поселились его родители и сестра, а также дядя, М. Г. Попруженко. Флоровский надеялся найти там работу, но никаких подходящих вакансий не было. Время ожидания хоть какой-нибудь приемлемой должности он проводил в архиве и библиотеке, где обнаружил богатый материал по периоду войны 1877–1878 гг. и Русского гражданского управления в Болгарии. Ограниченный срок пребывания в Софии не позволил историку собрать обильный архивный «урожай», но он успел произвести обзор документальных материалов. Не найдя работу в Софии, ученый вынужден был переехать в Прагу, где вскоре занялся поисками в чешских архивах документальных свидетельств российско-чешских отношений на протяжении многих веков. Эта проблематика стала одной из центральных в дальнейшем научном творчестве историка. Болгарская тема, которая наверняка получила бы развитие в его исследованиях, если бы он остался жить в Софии, оказалась не столь актуальной в Чехословакии и была если не забыта, то отложена «до лучших времен».

И вот в 1927 г. появился повод вновь обратиться к этой теме. 12 марта он заканчивает написание большого очерка под названием «Русское общественное мнение и Освободительная война 1877–78 гг.», а 8-м мая датирована статья «Россия в борьбе за освобождение славян в 1877–78 гг.»⁸.

В очерке автор не останавливается подробно на боевых операциях и действиях дипломатии – его интересует в первую очередь, как русское общество в целом и представители различных направлений общественного мнения в России реагировали на балканские события 1875–1878 гг. Для этого он использует публицистические материалы и произведения художественной литературы, обильно цитируя их. Флоровский начинает с того, что действия русских военных и политических сил на Балканах, приведшие к освобождению Болгарии, являлись «продолжением старой русской традиции в славянском и восточном вопросе» и отвечали единодушному сочувствию в обществе к страданиям славян, находившихся под турецким господством⁹. Заметим, что историк отделяет «славянский вопрос» от «восточного вопроса», то есть собственно турецкого, имевшего «в русской и общеевропейской политике сложную и переменчивую судьбу, определявшуюся в каждом отдельном этапе своего развития реальным соотношением политических и международных сил». Сочетание этих вопросов на Балканах «отражалось на русской общественной идеологии». Падение Османской империи, освобождение славян, судьба Царьграда и проливы сочетались в разных системах взглядов в различной очередности «в зависимости от основных умонаклонений мыслителя» (Л. 4). Кроме того, и «противоборство европейских политических интересов» усиливало и обостряло внимание к этим проблемам «в русском общественном сознании» (Л. 5). Всякая война, рассуждает Флоровский, имеет свою идеологию. «Идеология русско-турецкой войны 1877–78 годов, – по его мнению, – есть идеология насквозь и целиком славянофильская», которая проявлялась в мотивировке войны, а также предшествовавших и сопутствовавших ей событий (Л. 6).

Свой тезис автор подкрепляет многочисленными выдержками из трудов И. С. Аксакова, которого называет «действительным славянским трибуном». Во главе Московского славянского благотворительного комитета Аксаков был «центром помощи русского народа и общества... балканским славянам в восстании в Герцеговине и в сербско-турецкую войну...» (Л. 7), он формировал русское общественное мнение «в смысле высокого понимания значения и значительности славянского движения на Балканах в 1875 и следующих годах» (Л. 8). Вместе с тем Флоровский отмечает, что Аксаков подчеркивал «славянское происхождение» России, которое в его мировоззренческой схеме тесно связано с другим «элементом ее сущности» – православием как верой славянской. Только православное славянство, по Аксакову,

имеет будущее (Л. 9–10). Такова основная посылка мировоззрения, обуславливающая его последующие историко-политические взгляды, в которых Россия выступает как центр тяготения всего славянского мира (Л. 11–12). В период войны Аксаков обращал особое внимание на единоверие и единокровность балканских славян с русскими (Л. 17) и заверял, что у России нет захватнических замыслов и стремления к политическому преобладанию, а лишь желание дать свободу народам, «остающимся верными славянскому братству» (Л. 18–19).

Но Аксаков, отмечает Флоровский, был не единственным «носителем и проповедником» славянофильского мировоззрения. Подобные идеи выражал и петербургский профессор О. Ф. Миллер («хотя с меньшей четкостью и меньшим блеском») (Л. 21). Этому направлению придерживались почти все русские газеты, среди которых особое влияние на общественное мнение имели «Русские ведомости» и «Новое время» А. С. Суворина, а также «Московские ведомости» М. Н. Каткова, и лишь «Голос» А. А. Краевского «занимал вполне сдержанную и неславянофильскую позицию в этот исторический момент» (Л. 22–23).

Взгляды Ф. М. Достоевского, которого Флоровский называет «пламенным русским патриотом» (Л. 31), он определяет как «уже не чистое славянофильство» – в его философской системе православие «решительно выдвигается на первое место»; историческое призвание России определяется не ее «славянскостью», а сохранением веры (Л. 24). Мессианское предназначение России, по Достоевскому, есть «*всемирное общечеловеческое единение*», и славянский вопрос – лишь первый необходимый этап на пути достижения основной цели (Л. 25–26). Флоровский отмечал, что для Достоевского важнее было единоверие балканских славян с Россией (Л. 26). Борьба за освобождение болгар для него не просто политическое дело, а «действие высокой морали и глубокого религиозного смысла», пусть даже в ущерб собственной выгоде (на что Флоровский замечал в скобках: «а на самом деле никогда не в ущерб»). Таким образом, автор очерка подчеркивал «морально-религиозную мотивировку» русской политики на Балканах, предложенную Достоевским (Л. 27–28). Такой же подход лежал в основе его взглядов на Константинополь, который должен быть русским, поскольку Россия – «духовный центр восточного мира» (Л. 30–31).

Однако, замечает Флоровский, высказывания российских «идеологов славянского движения семидесятых годов не были оценками общепринятыми», не все современники разделяли славянофильские взгляды (Л. 35–36) – отсутствие славянофильского энтузиазма было присуще Л. Н. Толстому и многим другим общественным деятелям и писателям (Л. 37). Если в славянофильской идеологии, пишет Флоровский, «было принципиальное отгал-

кивание от Запада, от Европы с ее государственным укладом, с ее цивилизацией», то «старая западническая идеология и в семидесятых годах сводилась к пониманию России в общей европейской историко-политической перспективе», а ее историческая миссия не связывалась с ее «славянством по преимуществу, и тем более ее православием» (Л. 38). Для представителей этого направления «трезвая политика в интересах России и спокойная, сдержанная мысль были лучшими... путеводителями в жизни и деятельности» (Л. 39). Подобных взглядов, напоминал Флоровский, придерживался журнал «Вестник Европы», на страницах которого утверждалось, что будущность славянства в его собственных руках, что славянское дело не может не вызывать участия, но это дело внешней, а не внутренней политики, и собственные интересы России должны стоять на первом месте (Л. 39–40). Такую позицию разделял журнал «Отечественные записки» и некоторые другие органы периодической печати (Л. 41).

Флоровский отмечал также, что в высказываниях ряда общественных деятелей России подчеркивалась необходимость первостепенного решения назревших внутренних проблем. Так, находившийся в эмиграции М. П. Драгоманов говорил о невозможности освобождать других без предварительного освобождения своей страны от деспотии (Л. 99). Ему вторил К. Д. Кавелин, считавший, что прежде чем осчастливить другие народы, следует устроить счастье своего народа (Л. 100). Как бы продолжая эту мысль, Н. А. Корф полагал, что можно затрачивать сотни миллионов для помощи родственным народам лишь после того, как будут затрачены сотни миллионов на то, чтобы снабдить Россию учительскими семинариями, школами, банками и т. п. (Л. 101). Таким образом, делал вывод Флоровский, для той части общества, которая придерживалась западнической ориентации, славянский вопрос 1870-х годов был вопросом о политической свободе народов «без той особой окраски и осложнения, которое дается у славянофилов», ставящий его в узкие племенные или вероисповедные рамки (Л. 42–43).

Несмотря на то, что русское общество не было едино во взглядах на «славянский вопрос», он, тем не менее, утверждал Флоровский, занял «первое место в государственной политике и в общественном мнении» 1870-х годов, что объяснялось традиционным «в истории русской общественной мысли и национального сознания» сочувствием к славянам. Героическая борьба славян вызвала такой подъем в русском обществе, который иностранные наблюдатели даже сравнивали с народным движением 1812 г. (Л. 44–45). В этом сравнении, по мнению автора, «нельзя не увидеть некоторого преувеличения», но несомненно, что война 1877 г. объединила разные слои населения – «и мужика-простолюдина, и славянофила-патриота, и нигилиста-радикала, и т. д.» (Л. 46).

Флоровский поясняет, что в его задачу не входит подробное описание событий балканского кризиса и русско-турецкой войны (Л. 48). Он приводит для иллюстрации лишь несколько примеров помощи балканским славянам в их борьбе со стороны русского народа и общества. Так было во время восстания в Герцеговине в 1875–1876 гг. и сербско-турецкой войны 1876 г., когда помощь оказывалась и материальная, и личным участием в борьбе (добровольческие отряды М. Г. Черняева) (Л. 50–52). В добровольческом движении русская публицистика усматривала не только положительные, но и отрицательные моменты. «Однако, – пишет Флоровский, – было бы совершенной ошибкой предполагать, что в нем было одно своекорыстие, одна распущенность и недисциплинированность, и не было духовного подъема, жертвенного порыва и альтруистического восторга. В каждом массовом явлении высокое соединяется с низким, возвышенное с низменным...». Так и в рядах добровольцев «можно было видеть людей с повышенным нравственным чувством, с обостренной душевной чуткостью», таких как В. М. Гаршин (Л. 53–54). Автор особо подчеркивает «живое сочувствие славянской борьбе» со стороны оппозиционно настроенных к власти кругов, которые «революционной борьбой пытались перевести ее [Россию. – Е. А.] на рельсы социального и политического прогресса» (историк М. П. Драгоманов собирает средства для помощи герцеговинцам, революционер А. И. Желябов организует комитет помощи балканским народам, народник Д. А. Клеменц в рядах добровольцев в Сербии, сестры милосердия в среде восставших) (Л. 59–61). И в этом случае, считает историк, чувство возобладаало «над холодным рассудком, который, может быть, и не оправдал бы в глазах революционера это увлечение славянской идеей», но борьба на Балканах была «борьбой за свободу, которую так возлюбила радикальная среда» (Л. 61).

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. была, по мнению Флоровского, продолжением и развитием общественного движения предыдущих лет. Он утверждал, что объявление Россией войны Турции в 1877 г. произошло «под влиянием русского общественного мнения» (Л. 56–57), которое при всем несходстве предпосылок, мотивировок, оценок, идей, выдвигавшихся на первый план – народность, единоверие, политическая и социальная свобода и т. п., – в целом служило одной «идее освобождения балканских славян» (Л. 62). Огромные жертвы русских в этой войне оправдывались тем, что это были жертвы «за други своя», за защиту креста, за освобождение угнетенных, и хотя, отмечает Флоровский, это «не есть оправдание войны и кровопролития в общей форме, но есть оправдание исторического явления народной и освободительной борьбы русских и России за славянство в 1876–78 годах» (Л. 68–69, 72–73). Высокие цели войны, мимоходом замечает автор,

сочетались с некоторой «надеждой на моральное и реальное благо для России» (Л. 73).

О событиях на театре войны в России узнавали из официальных сводок и телеграмм, из частных писем и депеш военных корреспондентов. Само развитие института военных корреспондентов, отмечает Флоровский, «есть показатель живейшего интереса... к событиям с фронта». Корреспондентами различных изданий становятся Вл. С. Соловьев, Г. К. Градовский, Вас. И. Немирович-Данченко (его сообщения «из разных углов Болгарии привлекали всеобщее внимание современников событий») и др. На городских улицах и площадях вслух читали газеты и телеграммы с театра военных действий (Л. 75–78). В ходе войны, пишет Флоровский, продвижение вперед порой сменялось вынужденным отступлением, успехи – тяжелыми жертвами. Трудные условия похода, нехватка военного снаряжения, злоупотребления в деле снабжения армии продовольствием – эта оборотная сторона войны разочаровывала общество, которое с тем большим восторгом встречало вести о героическом переходе через Балканы, защите Шипки, взятии Плевны, походе на Адрианополь, приближении к Константинополю (Л. 79–80).

«Мир в Сан-Стефано, – утверждает Флоровский, – был достойным завершением всех великих моральных и военных усилий русского народа и России», которая «пожертвовала тысячами своих верных сынов» ради освобождения Болгарии (Л. 80–81). Весь русский народ радовался успешному окончанию войны (Л. 82). Однако Сан-Стефанский договор не был осуществлен. «Международная ситуация, – замечает автор, – не благоприятствовала реализации такого блистательного достижения России, и триумф русского оружия у самых стен Константинополя был омрачен международным трактатом в Берлине». Берлинский договор содержал в себе явное «стремление Европы пресечь развитие успехов России, урезать их значительность и унижить самую Россию» (Л. 83–84). Историка в данном случае не интересуют «причины и виновники такого поворота событий» – для него важна реакция общества, которая выразилась в разочаровании, единодушном переживании и неудовлетворенности результатами войны (Л. 86). Особенно сильно недовольство сказывалось в радикально настроенных кругах общества, которые в исходе войны видели новые доказательства «невозможности связывать с наличным русским государственным строем надежд на преуспевание России». В 1878 г. стали вновь набирать силу «революционные и террористические акты» (Л. 87–88). С возмущением восприняли итоги Берлинского конгресса славянофилы – «проповедники, пророки и идеологи» славянской войны, для которых, как отмечал Флоровский, «Берлинский трактат был подлинным крушением всех великих славянских замыслов...» (Л. 89–90).

Однако каким бы дипломатическим актом ни завершилась война, подчеркивает Флоровский, она могла наполнить русскую душу «чувством высокого удовлетворения», поскольку «именно от нее ведет свое бытие политическая независимость Болгарии (хотя и не в границах Сан-Стефанского акта), свобода болгарского народа и воскресение его к новой самостоятельной жизни» (Л. 95–96).

Другая статья А. В. Флоровского на ту же тему – «Россия в борьбе за освобождение славян в 1877–78 гг.» – носит общий, обзорный характер и является, по сути, кратким вариантом написанного ранее очерка. Статья начинается, практически, с того, чем заканчивался очерк: русско-турецкую войну автор называет «знаменательнейшим и важнейшим моментом в истории длинной борьбы великого славянского государства – России за освобождение подъяремных славянских племен Балканского полуострова»¹⁰. Автор уделяет внимание внешнеполитическому фактору, влиявшему на «точный вопрос», который был «сложным узлом политических отношений» – в нем «сплетались интересы едва ли не всех европейских государств, стремившихся к политическому преобладанию на Ближнем Востоке»¹¹. Опасения роста политического влияния России на Балканах, продолжает историк, со стороны Англии, Австро-Венгрии, Германии привели к решению судьбы балканских славян в «неокончательной форме». Власть Турции в болгарских и сербских землях представлялась европейским державам удобной преградой для развития там российского влияния¹². Но несмотря на «политические соглашения и дипломатические обязательства», Россия «выступила в защиту угнетенных славян. События на Балканах вызвали широкое сочувствие в русских людях к славянским братьям и реальную помощь (личным участием, денежными и материальными пожертвованиями)¹³. Преодолев все трудности и препятствия, русская армия «победоносно продиктовала своему противнику условия мира», которые предполагали возможность «независимого и свободного развития болгарской и сербской государственности». И хотя эти условия, измененные позднее усилиями европейской дипломатии, не вошли в жизнь, но, заключает Флоровский, «вошла в жизнь и историю повесть о великом и самоотверженном подвиге России» ради спасения славянских братьев¹⁴.

Неполный текст еще одной статьи, «Архив русского гражданского управления в Болгарии. 1877–79 гг.»¹⁵, хранящийся в фонде А. В. Флоровского, не имеет даты, но, скорее всего, был написан по итогам работы историка в софийских архивах¹⁶. Зато по теме этот материал мог бы быть естественным продолжением рассмотренных выше статей. Однако автор дает лишь архивоведческий обзор документальных материалов, найденных им в Софии, оставляя будущим исследователям подробное изучение русского

присутствия в Болгарии. Только объективное изучение документов делопроизводства русских учреждений того периода, считает автор, «может дать прочное основание для суждений о целях и результатах русского управления в Болгарии»¹⁷. Одним из таких исследований стала, например, работа М. Г. Попруженко «Русское управление в Болгарии в 1877–1879 гг.» (София, 1928).

50-летие русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и освобождения Болгарии от турецкого ига послужило поводом для русских ученых-эмигрантов обратиться не только к балканским событиям второй половины 70-х годов XIX в., но и к истории «восточного вопроса» и отношению к нему официального Петербурга и общества. Роль России в освобождении балканских славян вызывала в них гордость и патриотические чувства. Но от них не ускользала и обратная сторона войны и ее итогов. Далеко не все архивные материалы той эпохи даже спустя полвека были доступны для исследователей, и имевшиеся к тому времени издания не восполняли всех пробелов в изучении судьбоносных событий балканской истории. Поэтому попытка ряда ученых русской эмиграции осветить как частные, так и более общие вопросы обширной проблемы является, безусловно, плодотворной, и в большинстве своем научно-популярный характер работ несколько не снижает их достоинств. Это наглядно демонстрируют, в частности, статьи А. В. Флоровского, в которых он со всей тщательностью исследователя подошел к освещению поставленных задач. Таким образом, в историографии «восточного вопроса» и русско-турецкой войны 1877–1878 гг. свое место занимает и русская эмигрантская научная литература.

Примечания

¹ В.М. Гаршин (1855–1888) в день объявления войны добровольцем вступил в действующую армию в качестве рядового, затем был произведен в офицеры. В одном из боев был ранен. Выйдя в отставку, занялся литературным трудом. Личные впечатления, почерпнутые во время боевых действий, легли в основу таких рассказов писателя, как «Четыре дня», «Денщик и офицер», «Аяслярское дело», «Из записок рядового Иванова, о походе 1877 года», «Трус» и др.

² См.: Хроника культурной и литературной жизни русской эмиграции в Болгарии (1919–1940). Сост. Г. Петкова // Юбилейный информационный альманах Русского зарубежья в Болгарии 1877–2007 гг. Пловдив, 2010. С. 275, 276, 277, 280, 285, 288.

³ См.: *Флоровский А. В.* Русская историческая (эмигрантская) литература. Отчет (1927–1929) // Архив Российской Академии наук (далее – АРАН). Ф. 1609. Оп. 1. Д. 37. Л. 131.

⁴ См.: Там же. Л. 126.

⁵ Работа М. Г. Попруженко под таким же названием ранее была опубликована на болгарском языке в журнале «Българска мисл» (1926. Кн. 6–8).

⁶ Состав сборника см.: *Флоровский А. В.* Русская историческая (эмигрантская) литература... Л. 126–127.

⁷ См.: Там же. Л. 125.

⁸ Первая из работ опубликована в пражском сборнике, место публикации второй установить не удалось. В том и другом случаях мы пользуемся рукописными автографами, хранящимися в фонде А. В. Флоровского. См.: АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 19. 101 л.; Д. 14. 7 л.

⁹ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 19. Л. 3. Далее ссылки на листы данного дела приводятся в скобках в тексте статьи.

¹⁰ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 14. Л. 2.

¹¹ Там же. Л. 3.

¹² Там же. Л. 4.

¹³ Там же. Л. 4–5, 6.

¹⁴ Там же. Л. 6–7.

¹⁵ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 105. 2 л. Рукопись, автограф.

¹⁶ На первой странице рукописи автор упоминает одно из «недавно вышедших исследований» Э.Д. Грима, которое было опубликовано в 1922 г., следовательно, и саму рукопись можно отнести к концу 1922 г.

¹⁷ АРАН. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 105. Л. 1.

М.М. Фролова
(Институт славяноведения РАН, Москва)

**«Любите исторический источник»:
к юбилею Л.В. Гориной, заслуженного профессора
Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова**

Abstract:

Frolova M.M. *“Do Love the Historical Source: for the Anniversary of L. V. Gorina, a Professor of the History Faculty of the Lomonosov Moscow State University.*

The article describes the life and activities of the Professor L. V. Gorina, her studies at the History Faculty of the Moscow State University, her many years of work as a professor of the Department of the History of Southern and Western Slavs. The article emphasizes not only her organizing activity, but her own research as well. Professor Gorina is the author of six monographs and various other research works.

Ключевые слова: Л.В. Горина, С.А. Никитин, кафедра истории южных и западных славян, М. Дринов, Болгарский хронограф.

Юбилейные даты в жизни и деятельности любого ученого являются своеобразными вехами на его творческом пути, когда можно оглянуться, оценить достигнутое и наметить новые рубежи научных исследований. Подобные знаменательные события позволяют научному сообществу принести свои искренние, теплые поздравления и вновь вспомнить заслуги и успехи юбиляра на научном поприще. Такие чествования становятся к тому же и прославлением самой науки «История», которой с античных времен покровительствует муза Клио.

Именно к таким замечательным событиям этого, 2013 года следует отнести юбилей Людмилы Васильевны Гориной, заслуженного профессора Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Научная и преподавательская деятельность Л.В. Гориной тесно связана с образованной в 1939 г. кафедрой истории южных и западных славян: здесь она училась в качестве студентки (1951–1956) и аспирантки (1961–1964), здесь в 1966 г. защитила кандидатскую диссертацию «Социально-экономические отношения во Втором Болгарском царстве (XIII–XIV вв.)», написанную под руководством профессора С.А. Никитина. В 1965 г. она стала сотрудником родной кафедры и с тех пор без усталы трудится здесь, пройдя путь от старшего лаборанта до заслуженного профессора Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, почетного доктора Софийского университета им. Св. Климента Охридского. В 1986 г. Л.В. Горина защитила докторскую диссертацию «Марин Дринов – историк и общественный деятель», а в 1989 г. получила звание профессора.

В 60-е годы XX в. перед вступившей в новый период своего развития кафедрой истории южных и западных славян стояли важнейшие задачи создания учебника по истории зарубежных славянских народов с древнейших времен до середины 60-х годов XX в. и учебников по историографии и по источниковедению истории южных и западных славян¹, для чего потребовалась значительная предварительная работа, в которую активно включились молодые преподаватели. Л.В. Горина разработала курс лекций по истории и культуре средневековой Болгарии, курсы по историографии истории Болгарии (изучение истории средневековой Болгарии в русской дореволюционной и болгарской историографии), по источниковедению истории Болгарии, по южнославянской кирилловской палеографии. Затем ею были написаны соответствующие разделы в учебниках и пособиях, которые выпустила за эти годы кафедра.

Л.В. Горина вырастила не одно поколение историков. Важно отметить, что на сегодняшний день почти все специалисты по истории Болгарии, продолжающие профессионально заниматься исследованием истории этой страны, в разные годы являлись студентами Л.В. Гориной: они посещали читаемый ею общий курс по истории Болгарии, спецсеминары, спецкурсы. Среди дипломников и аспирантов Гориной было немало «болгарских питомцев», которые, закончив обучение в МГУ, продолжают сохранять теплые отношения со своим преподавателем.

Кафедра истории южных и западных славян, интенсивно развивая международные связи с зарубежными научными и учебными центрами, направляла своих преподавателей в продолжительные заграничные командировки и на стажировки. Л.В. Горина не раз читала спецкурсы на Историческом факультете Софийского университета. У нее установились прочные и плодотворные связи с преподавателями этого учебного заведения, а также учеными из Института истории Болгарской академии наук: акад. Д. Ангеловым, акад. В. Гюзелевым, доц. Элкой Дросневой и многими другими. Научное сотрудничество со многими болгарскими коллегами благодаря обаянию Л.В. Гориной быстро переросло рамки только профессионального общения, превратившись в искреннюю многолетнюю дружбу. Но самые душевные отношения у Л.В. Гориной сложились с профессором Софийского университета Марией Велевой.

Немало сил и времени Л.В. Горина отдала научно-организационной работе в двусторонней Комиссии историков Советского Союза и Народной Республики Болгарии. В сложные 90-е годы XX в. деятельность этой комиссии прервалась, но убежденность ученых двух стран в необходимости и плодотворности научных контактов и сотрудничества содействовала ее восстановлению на новом уровне. И ныне Л.В. Горина является членом Россий-

ско-болгарской комиссии, активно участвуя в различных проектах, научных обсуждениях, конференциях, публикациях.

В 1988 г. Л.В. Горина стала одним из инициаторов и организаторов проведения в Харькове торжеств, посвященных 150-летию со дня рождения профессора Марина Дринова (1838–1906), который более 30 лет проработал на кафедре славянской филологии в Харьковском университете. Это знаменательное мероприятие имело счастливую будущность, поскольку положило начало проведению международных Дриновских чтений. В октябре этого года состоится уже 7-е по счету Дриновские чтения, которые проводит Центр болгаристики и балканских исследований им. М. Дринова, образованный в 2006 г. при Харьковском национальном университете им. В.Н. Каразина.

Многогранную преподавательскую и научно-организационную работу Л.В. Горина успешно сочетает с собственно научными изысканиями. Ею написаны более сотни работ, в числе которых шесть монографий. В 1972 г. была опубликована первая книга Л.В. Гориной – «Социально-экономические отношения во Втором Болгарском царстве», выросшая на материалах кандидатской диссертации. Будучи ученицей профессора С.А. Никитина, который огромное внимание уделял поиску и анализу исторических источников, что обуславливало исключительную фундаментальность его научных трудов, Л.В. Горина выявила значительный круг новых документов по социально-экономической истории Второго Болгарского царства, определила их подлинность, установила время возникновения многих из них. Из обширного комплекса проблем истории Болгарии XIII–XIV вв. она выделила наиболее существенные – аграрные отношения и феодальный город. В ходе исследования Горина пришла к заключению, что болгарский феодализм достиг в XIII–XIV вв. высокой степени развития. Но на него сильно влияние оказывала Византия: сказывалось близкое соседство и почти двухвековое ее господство. Византийский образец положен в основу организации системы управления Болгарии, налогообложения населения и других институций страны. Болгарскому феодализму было свойственно определенное отставание по сравнению с феодальным строем развитых западноевропейских стран. Однако «болгарский феодализм XIII–XIV вв. не обнаружил каких-либо признаков разложения»², – таков был общий вывод автора.

Книга Гориной была сразу замечена ученым сообществом. Известный болгарский медиевист В. Гюзелев в своей рецензии высоко оценил ее как «один из фундаментальных трудов, посвященных обширной и сложной теме, который намечает пути для дальнейших исследований»³. Современный болгарский ученый М. Каймакова отмечает, что и сегодня первая работа

Л.В. Гориной не потеряла своей актуальности. В последние годы снова возрождается научный интерес к экономическим проблемам средневековых обществ⁴.

В 1986 г. в издательстве МГУ вышел в свет новый труд Л.В. Гориной – «Марин Дринов – историк и общественный деятель». Автор, верная главному принципу в своей исследовательской работе – любви к историческому источнику, ввела в научный оборот солидный пласт самых разнообразных архивных документов. Это позволило восстановить жизненный путь историка, годы учебы в России, его педагогическую и научную деятельность в Харьковском университете, работу в качестве председателя Болгарского Научного Общества, вице-губернатора г. София, министра просвещения и духовных дел Княжества Болгарии. Глубокая и основательная медиевистическая подготовка Л.В. Гориной помогла ей проникнуть в сложный мир ученого, в его творческую лабораторию и в целом вынести оценку историческим трудам Дринова, рожденным потребностями болгарского национального Возрождения и общественно-культурного развития освобожденной Болгарии и посвященным таким сложнейшим проблемам, как становление болгарского государства и формирование болгарской народности, роль Болгарии в Юго-Восточной Европе в X в., развитие Болгарии в период XI–XIV вв., история болгарских земель под властью Османской империи и др. Под пером Гориной воссоздан притягательный образ М. Дринова – ученого, педагога, политика, общественного деятеля. Автором прослежена эволюция мировоззрения М. Дринова, показана его роль и место в истории русской и болгарской исторической наук, в общественно-политической жизни в период становления болгарской государственности.

Изучение свидетельств по болгарской истории в Русском хронографе (1512), начатое еще в конце 70-х годов XX в., привело в конечном итоге к изданию очередной монографии Л.В. Гориной – «Болгарский хронограф и его судьба на Руси» (София, 2005). Это первая научная попытка целостной реконструкции самого раннего обширного болгарского сочинения, посвященного всемирной истории. Оригинал Болгарского хронографа, который являл собой первые шаги болгарской средневековой историографии и в то же время был одним из ее высших достижений, не сохранился. Но его очевидные следы, которые содержатся в важнейших памятниках русской исторической литературы XI–XV вв., давали веское основание их исследователям – А.Н. Попову, М.А. Оболенскому, арх. Леониду, А.А. Шахматову и др. – еще во второй половине XIX – начале XX вв. не сомневаться в его существовании. Опираясь на их результаты и преодолевая гиперкритицизм В.М. Истрина по отношению к выводам Шахматова о существовании древнеболгарской исторической энциклопедии времени царя Симеона, Л.В. Горина

вновь обратилась к выявлению и изучению этих следов. Она находит доказательства того, что Болгарский хронограф, созданный в «золотом веке» болгарской литературы, был активно использован русскими авторами при составлении подобных хронографов. Л.В. Горина определяет структуру и содержание Болгарского хронографа, ищет и приводит доказательства в пользу реальности существовавшего болгарского произведения, восстанавливает основные блоки, из которых был построен корпус Болгарского хронографа, рассматривает его идеологические и образовательные функции, определяет время его создания, прослеживает его судьбу на Руси. Книга снабжена приложением, в котором представлены тексты Болгарского хронографа, сохранившиеся в русских и других славянских переписях.

Болгарский историк М. Каймакамова, прекрасный знаток болгарского рукописного наследия, дала высокую оценку новому труду Л.В. Гориной. Позволим себе привести обширную цитату из ее статьи: «Вопрос о существовании Болгарского хронографа и его судьбе в России исключителен по своей значимости. Потому и монографию проф. Л. Гориной, посвященную его успешному решению, можно оценить не только как личное достижение автора, но и как исключительно важное достижение для болгарской медиэвистики. Развивая далее точку зрения русских ученых конца XIX – начала XX вв., незаслуженно забытых в последние десятилетия, Л. Горина добавляет новые доказательства фундаментального значения Болгарского хронографа, который превращается в олицетворение элитарной болгарской исторической культуры и образец, которому следуют древнерусские литераторы. Именно в этом состоит наибольшая ценность новой монографии Л. Гориной. Сделанные ею выводы и наблюдения становятся ключом к ответам на ряд важных вопросов об объеме, характере и участии болгарской исторической литературы в развитии русского летописания и хронографии»⁵.

В 2006 г. в Софии вышла монография Л.В. Гориной «Марин Дринов: Историк и общественный деец», приуроченная к 100-летию со дня смерти ученого. В основу этой книги была положена докторская диссертация Гориной, существенно переработанная и дополненная в свете новых достижений исторической науки. Книга была рассчитана на широкого болгарского читателя, поэтому была переведена на болгарский язык.

В 2009 г. на свет появилась монография Л.В. Гориной «Профессор Марин Дринов – основоположник болгарского академического славяноведения», опубликованная в издательстве Болгарской Академии наук одновременно на болгарском и русском языках. Эта книга была посвящена 140-летней годовщине основания Болгарской Академии наук. В структурном отношении материал сконцентрирован в 3-х главах, в которых раскрывается весь славистический цикл деятельности Марина Дринова. Здесь также ана-

лизируются лекционные славистические курсы Дринова, прочитанные в Харьковском университете в 1873–1905 гг., и определен его вклад в славяноведение. Труд Гориной о болгарском профессоре основан на впервые вводимых в научный оборот материалах личного архива М. Дринова, сохраняемого в Софии, в Национальной библиотеке «Св.Св. Кирил и Методий». В приложении к книге публикуется часть архивного наследия профессора М. Дринова, в частности его научная библиография и вступительные лекции в Харьковском университете.

В 2011 г. издательство Болгарской Академии наук опубликовало книгу «Шедевры болгарской книжности на русской земле», которая была написана Л.В. Гориной в соавторстве с доцентом Софийского университета Б. Даскаловой. В соответствующих разделах книги рассказывается о появлении памятников болгарской книжности в Болгарии в средние века, о сокровищах болгарской письменности в России, которая явилась преемницей и хранительницей книжного наследия, созданного в Болгарии, и о научных открытиях российских ученых XIX в. фрагментов болгарских шедевров в важнейших памятниках русской исторической литературы XI–XV вв. Книга обильно снабжена иллюстрациями.

Деятельность Л.В. Гориной на ниве просвещения молодежи и многолетнее ее служение науке высоко оценены: она является лауреатом Ломоносовской премии, номинирована как заслуженный профессор МГУ, удостоена почетного знака Исторического факультета Софийского университета «Синяя лента», провозглашена *doctor honoris causa* Софийского университета (1996), награждена высшей наградой Болгарской Академии наук – «Почётным знаком Марин Дринов» и медалью города Панагюриште (2008).

Но за солидным «послужным списком» нередко не видно самого человека. Поэтому для достижения полноты раскрытия личности при создании «Портрета ученого» нами было решено обратиться к самой Людмиле Васильевне, чтобы она рассказала о себе то, что, как правило, никогда не фигурирует в официальных справках, но зримо воспроизводит эпоху и человека в ней.

В настоящее время позволено обращаться к генеалогическому древу и стали актуальны ныне известные слова А.С. Пушкина: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие». Людмила Васильевна, расскажите, пожалуйста, о своих родителях.

– Моя мама, Мария Алексеевна Анфиногенова, в замужестве Горлова, была бухгалтером – профессия в то время очень скромная. Она происходила из дворянского рода Леоновых, получивших грамоту о дворянском достоинстве от самого Ивана Грозного. Имена Леоновых располагались в Тульской

губернии близ Винёва. Но в советское время об этом предпочитали не говорить.

Мой отец, Горлов Василий Иванович, прошел большой трудовой путь, стал видным металлургом. Накануне Великой Отечественной войны он руководил главком цветных металлов. Во время войны его послали на Урал строить заводы, производившие авиационную технику. За ним на Урал последовала и его семья, и мы жили в поселке Изумруды, в очень засекреченном в то время месте.

В какой школе Вы учились, какой из школьных предметов Вам больше всего нравился?

– Я училась в московской женской школе № 81, которая была расположена на Красной Пресне. Поначалу я хотела стать филологом, поскольку очень любила литературу. У нас была необыкновенная учительница по литературе – Софья Андреевна Котлярова, она хорошо пела, так что художественные произведения мы постигали и через музыку. Изучение, например, «Евгения Онегина» шло и в виде арий. Даже преподаватель по физике, у которого я имела единственную «4», приходил ее послушать. К тому же, в 9-м классе я заняла 2-е место на городской олимпиаде по литературе. Помню, что в том же 9-м классе нам было задано сочинение по повести В. Катаева «Дорогие мои мальчишки». Мое сочинение понравилось преподавателю литературы, и она заставила меня прочитать его перед всем классом. Но не это главное: самое главное, что случилось событие, которое и сейчас трудно объяснить. Я почувствовала особое духовное состояние, состояние некоего погружения и одновременно осенения. Это точно было не мое обычное состояние, а момент озарения. Это состояние возвращалось ко мне и позже – всего несколько раз в моей жизни, в тех случаях, когда мне удавался мой авторский текст.

В это время в школе появился новый преподаватель по истории – Евгения Михайловна Тупицына. Это была очень талантливая, обаятельная, многознающая женщина, которая быстро переориентировала мои интересы с филологии на историю, что было легко сделать, так как это были родственные предметы.

Почему Вы выбрали историю Болгарии?

– История Болгарии началась с того, что в мою школу пришли письма наших сверстников из Болгарии. Их авторами были не только девочки, но и мальчики. И все они прислали свои фотографии. Естественно, завязалась переписка, из которой я много узнала о Болгарии. И для меня уже не было никаких сомнений, что я буду специализироваться по истории Болгарии. Тогда на Историческом факультете МГУ специализация начиналась с 1-го курса. Полагая, что я уже очень много знаю о Болгарии, я достаточно уве-

ренно переступила порог кафедры истории южных и западных славян в 1951 г. На пороге меня, студентку, встретил очень серьезный, не улыбающийся, с первого взгляда не приветливый профессор С.А. Никитин, который спрашивал всех прибывавших на кафедру о выборе. Я гордо сказала, что «иду на Болгарию». Так началась моя болгарская Одиссея.

Почему Вы выбрали средневековую историю Болгарии?

– Заниматься средними веками Болгарии мне предложил С.А. Никитин, аргументируя тем, что она плохо изучена, особенно сюжет социально-экономических отношений во Втором Болгарском царстве. Я тогда пришла в ужас, меня влекли больше сюжеты не экономического свойства, а иные. Никитин, которого я чрезвычайно боялась (его все побаивались), но на сей раз улыбаясь, убедил меня в том, что социально-экономические отношения – это самая важная тема и что ею надо заниматься. Моя кандидатская диссертация была защищена именно на эту тему.

Что Вам запомнилось из Вашей студенческой жизни в МГУ кроме учебы?

– Что можно вспомнить из моей студенческой жизни? Практик не было, студенческая жизнь, как ее обычно представляют (походы, вечера, веселые компании), прошла мимо. Любовь меня буквально накрыла на 1-м курсе. Передо мной появился студент 1-го курса Иван Горин, статный красавец в военной форме, с широко распахнутыми голубыми глазами и завораживающим голосом. Он резко выделялся на фоне студенчества, так как был старше нас и воевал в Великой Отечественной войне на Западном фронте. В 1951 г. он демобилизовался и решил учиться на Историческом факультете МГУ, так как здесь было отделение искусствоведения и общежитие. Прожив более недели на московских вокзалах, он сдал экзамены и поступил на Истфак. Я вышла за него замуж на 2-м курсе, и в начале 4-го курса у нас с Иваном родился ребенок. Но с однокурсниками мы встречались регулярно, испытывая самые теплые чувства друг к другу. Сейчас на Истфаке продолжают работать мои однокурсники: Л.Г. Захарова, доктор исторических наук, заслуженный профессор МГУ и О.С. Евангулова, доктор искусствоведения, профессор, специалист в области истории русского искусства XVIII – начала XIX вв.

В мое время Истфак славился своими преподавателями. Здесь работали И.С. Галкин, А.В. Арциховский, С.А. Никитин. Естественно, что в огромном количестве нам преподавалась история КПСС. Влияние идеологии было чрезвычайно велико. Изучая историю КПСС, мы были уверены, что все правильно, и смерть И.В. Сталина потрясла в буквальном смысле не только старшее поколение, но и нас. Это была наша страна, наша эпоха. Трудно объяснить сюжет – огромное влияние на жизнь факультета и кафедр

ры истории партии. Тогда не было диссидентов, они пошли потом, когда было уже можно.

Были ли какие-нибудь запоминающиеся происшествия на Истфаке, разумеется, и смешные?

– Исторический факультет в годы моей учебы находился на улице Герцена, дом 5, в самом центре Москвы. При факультете состояла лошадь, которая возила книги от Истфака до библиотеки им. Ленина и обратно. Путь пролегал по знаменитому переулку Грановского, т.е. правительственному, «режимному» месту. Кому-то из сильных мира сего не понравилось, что после лошади на асфальте остаются зримые следы ее жизнедеятельности. Она была «уволена», что очень огорчило студентов, которые ее любили и с удовольствием делились с нею своими бутербродами и пирогами, несмотря на достаточно трудные времена в смысле продовольствия. Но лошадь мы все же откормили: она была толстая.

Было ли распределение после окончания Исторического факультета?

– После окончания Истфака я получила распределение в аспирантуру, начала готовиться к экзаменам, но в конце лета вышел указ, что для поступления в аспирантуру необходим 2-летний стаж работы. Я пришла в Книжную палату библиографом, и здесь значительно продвинулась по работе, поскольку мне было предложено заведовать отделом, что грело честолюбие «молодого создания». Однако к концу 1950-х годов, проработав 5 лет вместо положенных 2 лет, я поняла, что без науки не могу жить. В 1961 г. я поступила в аспирантуру, в 1966 г. защитила кандидатскую диссертацию.

Как начиналась Ваша преподавательская деятельность?

– В 1965 г. я была зачислена на кафедру истории южных и западных славян старшим лаборантом, а через несколько месяцев стала младшим научным сотрудником, и мне было доверено читать общий курс, что на первых порах являлось серьезным испытанием. У меня, естественно, был страх перед большой аудиторией, тем более, что студенты были не намного старше меня. В числе слушателей моего первого общего курса были: Ефим Пивовар, ныне ректор Российского государственного гуманитарного университета, профессор, чл.-корр. РАН, и Сергей Карпов, декан исторического факультета, профессор, академик РАН. Трогательно, что Пивовар при каждой встрече со мной в стенах МГУ напоминает, что он хранит свою студенческую работу, написанную на заданную мною тему.

Так началась моя преподавательская жизнь на кафедре истории южных и западных славян. В 1972 г. я стала доцентом, в 1989 г. после защиты докторской диссертации – профессором.

Во время Вашей учебы в аспирантуре было ли какое-нибудь экстраординарное событие?

– Во время учебы в аспирантуре произошло событие, которое выбило из колеи С.А. Никитина, моего научного руководителя. Он, как известно, являлся заведующим кафедрой истории южных и западных славян и одновременно заведовал сектором истории зарубежных славянских народов периода феодализма и капитализма в Институте славяноведения АН СССР. Вышел указ о запрете совмещения должностей. Никитин избрал тогда Институт. Он настоятельно рекомендовал мне поменять место аспирантуры и идти работать в его сектор. Меня охватило чувство ужаса, так как я твердо решила сказать «нет», поскольку избираю МГУ. Передо мной сидел мой огорченный учитель, который предложил мне такую перспективную работу. Но на его вопрос: «Вы хорошо подумали?» я все-таки твердо ответила: «Да». И никогда не пожалела о своем выборе!

Вместо перешедшего в Институт славяноведения Никитина заведующим кафедрой стал Иван Александрович Воронков (1961–1973), сыгравший большую роль в судьбе кафедры. Он был не просто известным полонистом, но и человеком, умеющим сплачивать родственные души буквально во всем, например, оказать помощь проголодавшимся коллегам. Никогда не забуду, как длинной вереницей шагали за ним голодные преподаватели кафедры, и даже порой студенты, так как в профессорскую столовую МГУ можно было попасть только благодаря профессорскому пропуску, каковой имел Иван Александрович.

Случались ли экстраординарные события в Вашей преподавательской деятельности?

– Истекал 1968 год, наступал год 1969. На кафедре истории южных и западных славян был написан учебник по истории, куда впервые в советские времена вошел раздел по Македонии. Поскольку я была в течение 6 месяцев в Болгарии на стажировке, то я взяла часть тиража и отвезла на Балканы. Протесты посыпались сразу со всех сторон, особенно резко выступали правящие круги Болгарии и Югославии. Авторы учебника, а я была одним из них – как раз по разделу «История Македонии», вызвали на заседание Комиссии ЦК КПСС. Мы должны были объяснить наше «поведение», так взбудоражившее балканскую общественность. Первое, что пришло в голову И.А. Воронкову, что у нас отберут партийные билеты, что в те времена было равносильно увольнению с работы. Однако нам дали задание: в кратчайшие сроки написать новый учебник. И действительно в течение года мы написали «Лекции по истории южных и западных славян», в которых Македонии уже не было. А тот первый учебник просто пошел «под нож».

Как Вы выбирали темы для Ваших монографий?

– Мне трудно объяснить происхождение темы докторской диссертации: мне приснился герой моей работы Марин Дринов тогда, когда я болела

жесточайшим гриппом. По выздоровлении я принялась за дело. Диссертацию я защитила на историческом факультете МГУ в 1986 г.

Что Вы считаете главным в работе преподавателя?

– Преподавательская жизнь, как известно, включает в себя множество составляющих, в их числе руководство курсовыми, дипломными работами, а также кандидатскими диссертациями, чтение общего курса, различных спецкурсов, проведение спецсеминаров. Главное в работе преподавателя – это общение с юными историками, которые вырастают и произрастают на глазах. Испытываешь чувство удовольствия, когда видишь, что твои труды не пропали даром. Число моих дипломников перевалило за 150 человек. Число аспирантов, которые защитили диссертации, равно 12, было и несколько докторантов.

За Вашу многолетнюю работу преподавателем запомнилась ли особо какая-нибудь группа студентов?

– Очень запомнилась группа, в которой учился покойный Борис Билунов. Он привел с собой еще 6 студентов, которые также выбрали историю Болгарии. В тот год у меня было 7 дипломников. При этом один из моих учеников был мне представлен самым необычным образом. Борис Билунов спросил меня: «А можно ли, чтобы на ваши лекции ходил мой лучший друг, только он чуть-чуть старше меня?». Борису было тогда 17 лет, а его другу было «всего 69 лет». Этот друг ходил ко мне на лекции несколько раз.

Моим студентом был Виктор Косик. При первой встрече со мной он заявил, что его больше всего заинтересовала личность Любена Каравелова. А его биография и творчество были темой Бориса Билунова, который в 1974 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Публицистическая деятельность Любена Каравелова в русской периодической печати 60-х годов XIX века». Я начала говорить, что эта тема уже изучена, уже написаны работы, на что Виктор мне сказал: «А я напишу по-своему». И написал.

Когда Вы в первый раз читали курс лекций в Софийском университете?

– Первый раз я читала курс лекций по источниковедению в Софийском университете в 1969 г., когда была на стажировке. Я еще плохо владела болгарским языком, путала болгарские и русские слова. Но аппетит приходит во время еды. И скоро я самонадеянно решила, что могу читать на болгарском языке. Мой «болгарский» язык поразил тогдашних студентов, о чем мне порой напоминают мои бывшие студенты, выросшие в известных учебных. Аудитория тогда была всегда заполнена, студенты сидели даже на лестнице. Без сомнения, дело заключалось в том, что читал преподаватель из МГУ, читал курс, которого тогда в программе Софийского университета не было, и читал на «прекрасном» болгарском языке. Запомнилось, что при

сдаче экзамена по этой дисциплине я всем поставила «5». Это был курс в 60 человек. Потом меня часто приглашали в Софийский университет с лекциями, но обычно чтение совпадало и с другими задачами.

Какие нынче студенты пошли?

– Мое восприятие студенчества таково, что с каждым годом оно становится все лучше, умнее и просвещеннее.

Что Вы хотите пожелать нынешним и будущим студентам Исторического факультета МГУ?

– Пожелание студентам только одно: любите исторический источник. При всех переменах в гуманитарном цикле исторический источник вас не подведет, он утешит, обрадует, огорчит, сделает вас живым, потому что он сам живой. Поэтому я была невероятно счастлива, когда мне удалось после многих лет изучения болгарских источников обнаружить следы Болгарского хронографа.

Р.С. Дорогая Людмила Васильевна, от всех болгаристов, балканистов и славистов примите самые искренние поздравления и пожелания «Многая лета» в Ваш юбилей!

Примечания

¹ Историография истории южных и западных славян. М.: Изд-во МГУ, 1987; Источниковедение истории южных и западных славян: феодальный период. М.: Изд-во МГУ, 1999.

² Горина Л.В. Социально-экономические отношения во Втором Болгарском царстве. М., 1972. С. 147-148.

³ Гюзелев В. Горина Л.В. Социально-экономические отношения во Втором Болгарском царстве. М., 1972. 158 с. // Века. 1973. Кн. 3. С. 90-94.

⁴ Каймакамова М. О Людмиле Гориной и ее новой книге // Горина Л.В. Болгарский хронограф и его судьба на Руси. София, 2005. С. 216.

⁵ Там же. С. 226.

II. Проблемы восприятия «другого» – формы взаимодействия друг с другом

Ю.В. Костяшов

(Балтийский федеральный университет имени Г. Канта,
Калининград)

Сербы в Королевстве Венгрия глазами иностранцев

Abstract:

Kostyashov Y.V. *Serbs in the Kingdom of Hungary Viewed by Foreigners.*

Using diaries, travel stories and memoirs of the foreigners as a basis, the author describes the life of Serbs in Hungary from the 2nd half of the 17th to the beginning of 19th century. The impressions of British, Russian and German travelers permit to have an idea about the situation, occupations and lifestyle of Serbian colonists coming from Turkish-held areas and follow the process and the results of their 'Europeization' in their new homeland.

Ключевые слова: Венгрия, сербы, иностранцы, путешественники, граничары, XVII – XIX вв.

Вызванная турецким вторжением на Балканы и длившаяся несколько столетий миграция сербов на север привела к существенному расширению территории их расселения. К концу XVII в. сербские поселения оказались разбросанными на большом пространстве южных и центральных областей Венгрии, прежде всего на территории современной Воеводины. Посетивший эти земли в 1669 г. английский путешественник доктор Браун записал в своем дневнике, что здесь в основном говорят по-славянски, и «многие семьи и жители разных местечек живут под землей». Он имел в виду землянки, которые стали первым прибежищем для сербских переселенцев. Автор записок также заметил противоречивые, если не сказать враждебные, чувства, которые испытывали друг к другу сербы и венгры. При посещении Мохача он записал в дневнике: «Венгры и сербы хотя и живут в одной стране, но в жизни очень плохо ладят друг с другом»¹.

Переселенцы, осевшие в городах, образовали в них самостоятельные общины. Большая колония сербов появилась в Буде, где они заселили несколько кварталов, называвшихся «нижний город Табан», или «Сербская варош». Посетивший Буду в 1715 г. другой английский путешественник Симон Клемент насчитал до двух тысяч сербских домов, отметив, что «Сербская варош так многолюдна, что, говорят, насчитывает 20000 душ, среди которых есть много богатых людей. Сербы оказались рассеяны по этим краям и всегда живут отдельно от венгров и немцев, поселяясь по две или три семьи вместе в жалких и малых лачугах, чтобы всегда быть готовы-

ми в эти беспокойные времена двинуться в путь со своего места»².

Еще один англичанин Е. Милс, проезжавший по этим краям в 1736 г., так охарактеризовал сербов: «Они укрылись в Венгрии от турецкого насилия и чрезвычайно размножились, так что едва ли найдется хоть один город, особенно в Южной Венгрии, где бы они не жили в большом числе... Сербь суть большие невежды, священники понимают греческий, но не знают латинский. А народ не говорит ни на одном другом языке, кроме сербского, который является диалектом старославянского... Некоторые из них весьма богаты... Мужчины все черные, в два или три раза хуже венгров; будучи такими же ленивыми, они гораздо подлее и грубее. Они нечистоплотны и неряшливы, а священники выглядят хуже всякого из них»³.

Особенностью региона, бросающейся в глаза иностранцам, было то, что он был зоной разнообразных этнокультурных контактов. Помимо венгерского, славяно-сербского и немецкого начал, в нем заметную роль играли греческий, румынский, восточный (турецкий), еврейский и русский компоненты. Все они перемешивались, взаимодействовали, давая причудливую смесь, которая так поражала иностранцев. «А язык здесь, – писал в 1726 г. только что прибывший в эти края знаменитый русский учитель Максим Суворов, – турецко-немецко-греческо-сербский. Невозможно человеку ничего разобрать»⁴.

Занятия и образ жизни сербов

Хозяйство, занятия и нравы сербов (иллиров) подробно описаны австрийскими чиновниками Ф.В. Таубе⁵ и Ф. С. Энгелем⁶ на основании собственных впечатлений, которые были результатом их многомесячных путешествий по Южной Венгрии в 1776 и 1786 гг.

Таубе называет этот район «благословенной землей»: «...плодородие почвы здесь таково, что земле нужен только один лучик солнца, чтобы она уродилась всевозможными плодами... Часами можно ехать вдоль обработанных полей, на которых зреет столько пшеницы, кукурузы, проса, гороха, дынь и других плодов, что всю Германию в случае неурожая можно было ими снабдить в изобилии». Единственным недостатком этих мест Таубе считал слишком жаркий климат и нездоровый воздух в бассейнах больших рек: «Из-за этого здесь распространяется лихорадка, которая косит такое количество людей, особенно иностранцев, что Осиек и Петроварадин называют «могилой для немцев»⁷. По словам Ф. Энгеля, сербы живут в «так щедро наделенной Богом и природой земле, что здесь без особого труда и мучений произрастает все, что хоть немного потребно как для пропитания, так и для удобства человеческой жизни»⁸.

Основной отраслью сельского хозяйства у сербов было животноводство. «Коров и свиней, а также лошадей, ослов, овец и другую живность, – пишет Ф. Таубе, – иллиры ни зимой, ни летом, ни днем, ни ночью не загоняют в стойла», оставляя их «на милость волкам и медведям». Чуть подросших поросят просто загоняли в лес на пропитание: «Когда урожаем желудей большой..., в дубовых рощах все кишит от свиней. В это время ни одна собака не смеет в лесу показаться, так как ее свиньи просто растерзают. И даже проезжать через такие места на повозке не вполне безопасно»⁹.

Развитым было виноградарство, а Ф. Таубе заметил также, что сербы из всех плодовых деревьев отдают предпочтение сливам: «...из них изготавлиется специальная эссенция, которая под именем ракии или шливовицы (Raky oder Schlivavicza) является любимейшим каждодневным напитком иллиров в турецких и венгерских землях»¹⁰.

Местные власти предпринимали чрезвычайные усилия, чтобы приобщить сербских крестьян к шелководству: были созданы питомники по разведению тутовых деревьев, посадочный материал и семена раздавались бесплатно, также бесплатно проводилось обучение всех желающих способом выращивания шелковичного червя; в Славонии даже появились «фабрики по разматыванию шелка». Стремительное развитие шелководства Ф. Энгель связывал с его высокой доходностью, благодаря чему крестьяне имели дополнительный заработок. Ф. Таубе со свойственным ему сарказмом основную причину успеха усматривал в том, что «разведение червей не слишком обременяет крестьян и вполне соответствует исключительной природной лениости иллиров»¹¹.

«Все иллиры, – писал Таубе, – показывают огромный талант в торговых делах, в которых они весьма искусны, хотя и похожи немного в этом на евреев». Бурное развитие торговли он объяснял не только характером народа, но и благоприятным географическим положением населенных сербами земель, которые, по его словам, располагаются «на границе Турции и Венгрии, недалеко от Адриатического моря, с трех сторон их обрамляют три мощные судоходные реки, которые сливаясь несут свои воды в Черное море»¹².

Главным продуктом вывоза был скот. В качестве товара он имел то преимущество, что его можно было переправлять к месту продажи своим ходом. По наблюдениям Таубе, «большинство выращиваемых в Славонии волов гонят в Германию потихоньку (!), чтобы они в дороге не похудели». Он же сообщает, что на втором месте находятся свиньи, вывоз которых еще выгодней: «Пара хороших жирных свиней стоила в Славонии в 1777 г. от 30 до 34 фор., а в Вене продавалась по 40 фор. Но затраты и опасности в пути не малые. Многие свиньи по дороге болеют, калечатся идохнут, а то еще и умудряются сбежать, потому что остаются полудикими». Процветала и

транзитная торговля. Купленный в Белградском пашалыке скот переправлялся через несколько пограничных переходов на реке Саве, проходил карантин от 3 до 6 недель, чистился, осматривался ветеринаром, который давал разрешение на дальнейшую транспортировку. Обычно из Сербии ввозились тощие свиньи, мало чем отличавшиеся от диких вепрей. В Среме и Славонии они отмывались, откармливались и перегонялись дальше на север¹³. По сведениям Ф. Энгеля, «более половины всех славонских и турецких свиней колют и поедают в австрийских землях; остальных сбывают в Баварию, Францию и через Чехию поставляют в Саксонию»¹⁴.

Весьма неоднозначны отзывы о характере и деловых качествах сербов-иллиров. «Любовь к дикой свободе, привычка к безделию и склонность к неумеренному питию – природенные свойства иллира, – пишет Ф. Энгель. – А кроме того, еще и чрезмерная приверженность к дурным привычкам, каковые они выдают за религиозные обряды». Отмечая далее гостеприимность, взаимовыручку, бесстрашие и выносливость сербов, автор насчитывает гораздо больше пороков: «глубочайшее невежество, суеверие, знахарство, колдовство, пьянство, отсутствие трудолюбия, задиристость и склонность к грабежу». По мнению Таубе, «природная леность этого народа, особенно мужчин, такова... , что иллир не начнет работать, пока его к этому не вынудит голод», а кроме того, они «изворотливы, лукавы и умеют лицемерить». «И все-таки можно сказать, – делает вывод чиновник, – что по сравнению с хорватами и далматинцами они просто ангелы»¹⁵.

Оба автора поражаются, как далеко еще этой богатой земле до стандартов европейской цивилизации. По словам Таубе, эта дикая страна «существует без домов для убогих и престарелых, больниц и лазаретов, без исправительных домов и домов для сумасшедших, без гостиниц и сиротских приютов, без родильных домов и пожарных команд». Его удивляют жестокие наказания и примитивность судопроизводства, при котором «прокуроры и адвокаты поумирали бы с голоду». Дома славонцев «из-за грязи очень похожи на жилища американских (!) дикарей: всего одна комната, в которой не найдешь ни окон, ни зеркала, ни столов, стульев или лавки, ни кровати, ни печи». Со своими детьми, продолжает Таубе, иллиры не нежничают: «Каждый глава дома посылает детей пасти скот, такие дети и растут как скоты по лесам и пустошам... Дети каждый денькупаются в реках, а зимой целыми днями гоняются по снегу и льду безо всякой одежды за исключением легкой рубашки. Когда наполовину замерзшие и окоченевшие они приходят домой, мать дает им выпить ракии»¹⁶.

Граничары

И. Бартенштейн в своем «Кратком описании иллирийского народа» (1761 г.), написанном для будущего императора Иосифа II, отводил сербам не только роль живого щита против турок, но и надежного противовеса венгерскому сепаратизму. В начале XVIII в. сербские военные поселения образовали основу обороны границы с Османской империей, а затем граничарские полки составили половину численности вооруженных сил всей Австрии¹⁷. Побывавший в 1737 г. в Военной границе принц Саксен-Гильдбургхаузен так описал свои впечатления: «Везде я видел воинственный, храбрый народ, суровых безыскусных сыновей природы. Несмотря на плохую и простую пищу, они сплочены совместным трудом и общими стремлениями, тверды как дубы в лесах, отличаются высоким ростом и крепким телосложением, своенравны и дики, суеверны и преданы законам военной чести; они хорошо знакомы с опасностями войны и склонны к грабежам, которые считают наградой за свою храбрость»¹⁸.

В 1747 г. российский посол Л. Ланчинский впервые был приглашен на смотр граничарских полков в Вене, о чем рассказал в реляциях царице Елизавете Петровне: «Баталион состоял в 870 человек... Кашкеты (фуражки. – Ю.К.) имели кожанья черныя, с золоченными орлами, с черным же пером... Народ от большой части вельми крупен и силен. Мундир лазоровый да епанчи красныя, добрыя и обоюдное оружие изрядно ж». Пригласивший посла на смотр Саксен-Гильдбургхаузен, произведенный к этому времени в фельдмаршалы, по свидетельству Ланчинского, о граничарах был самого высокого мнения: «Нацию вельми хвалил, особливо в том, что с самого начала его команды ни один человек к неприятелю не дезертировал, а хотя-де которыя и отлучились, то в домы и деревни свои пришли, не пропали. Народ-де здоровый и маршируют скоро». Современники всегда подчеркивали высокие боевые способности граничар, которые, по словам посла, «проворнее немцев» и «никому пардону не дают, но всем, которые им в руки попалятся, головы отрубили, то очень мало пленных приведется»¹⁹.

Иностранцы отмечали и происходившие с граничарами изменения. По словам И. Бартенштейна, у сербов «меньше стало грубости, а среди их офицеров найдется немало таких, которые по умению держать себя в свете нисколько не уступают другим во всем, что касается учтивости и изысканности манер»²⁰.

Подробное описание особенностей граничарской службы было дано А.С. Кайсаровым и А.И. Тургеневым, посетившими Южную Венгрию в 1804 г. В дневнике А.С. Кайсарова говорится, что граничар должен «всякую седьмую неделю идти в караул на границу и быть там неделю, на часах стоять по 2 часа; должен иметь на свой щет мундир; когда бывает война, то берутся из трех один, а иногда из двух один; поселившись один раз в воен-

ном округе, не могут они его оставить; всякий из них, служащий и неслужащий, должен иметь длинные волосы; если отец стар, то посылает вместо себя служить сына; семействам делиться запрещено, иногда бывают по 70 человек в одном доме... Офицер здесь всё: и военный начальник, и судья гражданский». В свою очередь, А.И. Тургенев написал о том, что сербы на границе с Турцией «отправляют две гражданские совершенно различные должности: хлебопашца и солдата. Они, может быть, не одному австрийскому дому приносят важнейшую услугу, но всей Европе, предохраняя ее от турецкой язвы. Кордон сей или, лучше сказать, подвижная стена, протянут от самого Адриатического моря до другого конца австрийских владений. Им вместо жалованья дается земля, которую они сами и обрабатывать должны»²¹.

Русские о сербах

Впечатления русских путешественников от встречи с венгерскими сербами отличались неподвзятостью и искренней симпатией к своим единоверным братьям. Прошедший в 1724 г. всю Венгрию пешком русский паломник В.Г. Григорович-Барский записал в дневнике, что в Буде «православная сербская церковь и сербов много живущих». Здесь с ним случился любопытный казус: местные сербы «из-за одежды пельгримской» приняли его сначала за «папезиста» и не пускали на ночлег. Но когда узнали, что он и его спутники из России, оказали им радушный прием, а по указке архимандрита велено было «в местной церкви собравшемуся народу сложити нам милостыню, и даде кийждо по силе своей, и собрася нам мылостыня не мала»²².

Образ единоверной России-защитницы не утратил своей притягательности и позже. «Народ сей, – писал в 1781 г. обучавшийся в Пеште И. Фальковский, – простосердечный, веселый, храбрый и наипаче россиян любящий»²³. Русские путешественники неизменно отмечали большие надежды сербов на заступничество «восточного царя». В «Записках» 1864 г. о путешествии по славянским землям известный славист В.И. Ламанский рассказал об услышанной им сербской песне об осаде Вены 1683 г., из которой следовало, что победа над турками Европа обязана не Яну Собескому, а «москвою кралю»²⁴. На протяжении многих десятилетий можно проследить присутствие в сербской среде культа Петра I. Посетивший Фрушку Гору в 1878 г. русский славист В.В. Качановский обнаружил в монастыре Ремете большой портрет царя и записал широко распространенные у тамошних сербов предания о благодеяниях Петра, якобы случившихся во время его тайной поездки по сербским монастырям²⁵.

О фрушкогорских монастырях, «замечательных не столько древностью их основания, сколько нынешним устройством, значительностью находящихся в них библиотек и просвещением живущих в них иноков», с восхищением писал Н.И. Надеждин, бывший в 1841 г. проездом в Сремских Карловцах и окрестностях. «Здесь, – отмечал ученый, – находится средоточие духовной жизни для всех австрийских православных, в особенности для сербов; сюда стекается юношество со всех краев империи, ибо здесь находится полная гимназия, в которой впрочем науки преподаются на латинском и немецком языках, и главная архи-дieceзальная семинария»²⁶. В том же году более скептически настроенный И.И. Срезневский назвал фрушкогорские монастыри «менее или более богатыми», в которых «монахи живут, как коты в масле», «народ весел, поет и пьян», театр в Нови-Саде «вроде конного аттракциона», а «русские вещи ценятся и берегутся более всех других»²⁷.

Русских путешественников всегда поражали разумно спланированные и регулярно застроенные города, уютные крестьянские поселения с добротными домами, хозяйственными постройками, ухоженными полями, садами и виноградниками. Бросались в глаза необычная «латинская» архитектура здешних православных храмов и внешний вид духовенства. И. Фальковский записал в 1781 г.: «Сербские церкви во многих знатных Венгрии местах богаты, а извне наподобие католических выстроены». Описав одеяние сербских архиереев и священников, далекое от канонов русской церкви и похожее на «французское платье», он добавляет: «Среди головы у них великое кружало выголено скафейкою (бритвой. – Ю.К.) в подражание католикам, на которую шляпы или брила, но с двух сторон распущенные, надевают»²⁸. Посла Л. Ланчинского возмущало, что сербский патриарх Арсений IV и все его дворовые «зело охотно табак употребляют»²⁹. А побывавших в гостях у митрополита Стефана Стратимировича в Сремских Карловцах А.С. Кайсарова и А.И. Тургенева больше всего развеселил вид хозяина «с пудренною головою»³⁰.

Все это были приметы тех изменений, которые произошли с «европеизированными» сербами – единственным в своем роде осколком православного славянского мира, которому было уготовано судьбой в течение более чем двух столетий развиваться в русле западной (центральноевропейской) социальной, политической и культурной традиции.

Примечания

¹ Белешке доктора Брауна из српских земаља од године 1669 // Споменик Српске Краљевске Академије (ССКА). 1891. Бр. 9. С. 35-42.

- ² Gjorgjivić T.R. Putovanje Simona Klementa kroz severno-zapadne krajevi naše zemlje 1715 godine // Гласник Историјског друштва у Новом Саду (далее – ГИДНС). 1929. Књ. 2. Св. 2. С. 290.
- ³ Енглеz Јеремија Милс о својим путним белешкама 1736 о Хрватској, “Рашанима” и Мађарима // ГИДНС. 1935. Књ. 8. Св. 1. С. 100-101.
- ⁴ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. СПб., 1869. Т. 2. Ч. 1. Приложение. С. 345.
- ⁵ Taube F.W. Historische und geographische Beschreibung des Königreiches Slavonien und Herzogthumes Syrmien. Leipzig, 1777–1778. Bd. 1–3.
- ⁶ Енгл Ф.Ш. Опис краљевине Славоније и војводства Срема // Зборник Матице Српске за књижевност и језик. 1971–1974. Бр. 19–22.
- ⁷ Taube F.W. Op. cit. Bd. 1. S. 2–4; Bd. 3. S. 48–54.
- ⁸ Енгл Ф.Ш. Op. cit. Бр. 21. Св. 1. С. 117.
- ⁹ Taube F.W. Op. cit. Bd. 1. S. 28–38.
- ¹⁰ Ibid. S. 5–7.
- ¹¹ Taube F.W. Op. cit. Bd. 1. S. 19–23; Bd. 2. S. 22–24; Bd. 3. S. 54–57; Енгл Ф.Ш. Op. cit. Бр. 21. Св. 1. С. 120.
- ¹² Taube F.W. Op. cit. Bd. 2. S. 24–26.
- ¹³ Ibid. Bd. 1. S. 27–36; Bd. 2. S. 29–30, 93–98.
- ¹⁴ Енгл Ф.Ш. Op. cit. Бр. 21. Св. 2. С. 333.
- ¹⁵ Енгл Ф.Ш. Op. cit. Бр. 19. Св. 2. С. 308; Св. 3. С. 509; Taube F.W. Op. cit. Bd. 1. S. 64–65; Bd. 2. S. 17–18.
- ¹⁶ Taube F.W. Op. cit. Bd. 1. S. 59; Bd. 2. S. 19, 88, 92; Bd. 3. S. 72–73.
- ¹⁷ См.: Костяшов Ю.В. Сербские граничары // Вопросы истории. 1997. № 5. С. 140-145.
- ¹⁸ Цит. по: Семјан М. Историја крајишника и кућне задруге у ратној држави // Споменик Српске Академије наука и уметности. 1960. Бр. 108. С. 70.
- ¹⁹ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 32. Оп. 1. Д. 5. Л. 35, 37, 96 об.; Д. 4. Л. 408–409.
- ²⁰ Bartenstein J. Kurzer Bericht von der Beschaffenheit der zerstreuten zahlreichen illyrischen Nation. Leipzig, 1802.S. 104–105.
- ²¹ Путешествие А.И. Тургенева и А.С. Кайсарова по славянским землям // Архив братьев Тургеневых. Вып. 4. Пг., 1915. С. 43, 76.
- ²² Странствования Василия Григоровича-Барского по святым местам Востока. Ч. 1. СПб., 1885. Ч. 1. С. 24–26.
- ²³ Грађа за српску историју из руских архива и библиотека // ССКА. 1922. Бр. 53. С. 14.
- ²⁴ Ламанский В. Сербия и южно-славянские провинции Австрии. СПб., 1864. С. 22-23.
- ²⁵ Качановский В. Петр Великий в Сербии // Древняя и Новая Россия. 1879. Октябрь. С. 17–19.
- ²⁶ Надеждин Н. Записка о путешествии по Южно-Славянским странам // Журнал Министерства народного просвещения. 1842. Ч. 34. № 4-6. Отд. II. С. 96.

²⁷ Путевые письма Измаила Ивановича Срезневского из славянских земель. 1839–1842. СПб., 1895. С. 246–248, 262.

²⁸ Грађа за српску историју... С. 15–16.

²⁹ АВПРИ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 4. Л. 441.

³⁰ Путешествие А.И. Тургенева и А.С. Кайсарова... С. 36.

Михаил Андреевич Балугьянский:
«Свой» среди «чужих», «чужой» среди «своих»*

Abstract:

Dronov M.Y. *Mikhail Andreevich Balugyansky: "At Home Among Strangers, A Stranger At Home"*.

The article is dedicated to M. A. Balugyansky (1769–1847), the first rector of the University of St. Petersburg, a well-known economist, an associate of M. M. Speransky. A special attention is given to the identity of the scholar.

Ключевые слова: Балугьянский, идентичность, русины.

«Один народ, от которого можно нам желать ученых – есть Карпатороссы, говорящие одним с нами языком и сохраняющие веру предков наших...»¹. Эти слова, приписываемые в литературе то князю А.Н. Голицыну, то попечителю Казанского учебного округа М.Л. Магницкому², относятся к 20-м гг. XIX в. и касаются небольшого славянского этноса, который сегодня чаще всего известен под именем карпатских русинов. Впрочем, не так уж принципиально, кто конкретно является автором цитаты. Важно, что именно «карпатороссы», русинские уроженцы Венгерского королевства под скипетром Габсбургов, представлялись российской образовательной элите как оптимальные партнеры в деле просвещения собственной империи. Являясь восточными славянами по языку и восточными христианами по вере (пущай, и в вынужденной церковной унии с Римом), русины-интеллектуалы в то же время обладали плодами европейской учености. Таким образом, «карпаторусские» профессора, благодаря своим этноконфессиональным данностям и приобретенному научному багажу, становились ценнейшими кандидатурами для развития отечественной науки и образования. К плеяде приглашенных из Венгрии ученых принадлежал и Михаил Андреевич Балугьянский (1769–1847) – первый ректор Санкт-Петербургского университета, видный российский экономист, сподвижник реформатора М.М. Сперанского.

Диапазон деятельности М.А. Балугьянского в России впечатляет. В страну он был приглашен по рекомендации своего земляка Ивана Семеновича Орлая (1770–1829), который упомянул его в «Записке о некоторых карпато-русских профессорах» (1803)³. Предложение было как нельзя выгодным и своевременным: Балугьянский являлся активным деятелем тайного яковинского «Общества свободы и равенства», поэтому в наступивший

---

* Авторская работа выполнена по гранту РГНФ № 12-01-00202.

период репрессий против якобинцев он находился в отчаянии и страхе за свое будущее⁴. Согласившись приехать лишь на три года, ученый затем неоднократно продлевал свой контракт и, в результате, прожил в российской столице вплоть до собственной кончины.

По приезде в 1804 г. Балугьянский сразу же занял пост профессора политэкономии Санкт-Петербургского педагогического института и параллельно с этим приступил к службе в министерстве юстиции и министерстве финансов. Важной заслугой Балугьянского в первые годы пребывания в России стала разработка русской юридической терминологии. В 1813–1817 гг. ученый являлся одним из преподавателей великих князей – Николая Павловича (будущего императора) и Михаила Павловича. В 1814 г. Балугьянский представил Александру I проект нового финансового плана и четырехтомную записку по вопросу об освобождении крестьян от крепостной зависимости. В 1816 г. он стал деканом философско-юридического факультета Главного педагогического института. В 1819 г. ему посчастливилось стать первым ректором основанного на базе института Санкт-Петербургского университета. Должность ректора он занимал до 1821 г., а после своего смещения вплоть до 1824 г. оставался в штате.

В 1822 г. Балугьянскому было поручено исполнять функции арбитра от России при решении споров между Великобританией и Соединенными Штатами. Кроме этого именно он вел на латыни дипломатическую переписку между Российской империей и Китаем. В том же 1822 г. Балугьянский стал членом комиссии по составлению законов в области финансов. Уже в 1826 г. он возглавил Второе отделение «Собственной Его Императорского Величества канцелярии», которое занималось кодификацией законов. Тем самым он стал ближайшим сотрудником Сперанского, являвшегося «главноуправляющим» отделения. В 1832 г. вышли 15 томов Свода законов России, введенного в 1835 г. Работу по его составлению Балугьянский считал наиболее ответственной деятельностью, которой ему довелось заниматься в России. В 1835 г. он вновь вернулся в Санкт-Петербургский университет, возглавив в нем экзаменационную комиссию. В 1836 г. Балугьянский стал членом-корреспондентом статистического отделения министерства внутренних дел. В 1837 г. род Балугьянских был сопричтен к потомственному российскому дворянству. Свою службу Михаил Андреевич окончил как сенатор и тайный советник⁵. Отметим, что детальное перечисление всех инициатив и достижений ученого в России едва ли возможно в рамках небольшой статьи.

Однако личность М.А. Балугьянского интересна не только своей многогранной научной и общественно-политической деятельностью. Его судьба, как, впрочем, и других «карпатороссов», в течение жизни была связана

сразу с несколькими регионами и культурами, в том числе изначально пограничными и гетерогенными. Именно поэтому его собственная идентичность поддается современной расшифровке с большим трудом. Но как раз на ней, по нашему мнению, и можно обосновать принципиально новую роль Балугьянского в контексте культур Центральной и Восточной Европы.

Балугьянский родился 26 сентября 1769 г. в семье греко-католического священника в селе Вышня Ольшава Земплинской столицы тогдашнего Венгерского королевства (ныне – территория Словацкой Республики). Примечательно, что предки и родственники ученого были известны как Балудянские, а не Балугьянские. Тем не менее, сам Михаил Андреевич вошел в историю именно как Балугьянский (эта транскрипция основана на специфическом прочтении венгерской формы *Bálu gyánszky*)⁶. Подобно многим другим священническим семьям региона, род Балудянских происходил из соседней Галиции. По-видимому, его фамилия образована от названия лемковского села Балутянка Саноцкого повета. Однако исследования львовского историка Ивана Красовского показали, что носители такой фамилии были сосредоточены в другом селе, расположенном неподалеку, – Завадке Римановской. Поэтому, вероятнее всего, именно оттуда происходят отдаленные предки Балугьянского⁷.

Несмотря на русинские корни, взросление будущего ученого проходило в подчеркнuto мультикультурной среде различных центров монархии Габсбургов. Среднее образование Балугьянский получил в гимназии монахов-паулинов г. Шаторальяуйхей и в Королевской академии в г. Кошице. Позднее он продолжил обучение на юридическом факультете Венского университета, который окончил в 1789 г. Ввиду очевидных способностей выпускника его пригласили стать профессором в недавно учрежденной Гражданской академии в г. Надьварад (Великий Варадин, ныне – Орадя, Румыния), где Балудянский читал политические науки, полицейское, финансовое и торговое право. В 1796 г. он получил степень доктора права, а в 1802 г. возглавил юридический факультет Пештского университета. В том же году Балугьянский женился на венгерской дворянке немецкого происхождения Антонии Анне Юлии фон Гегер⁸. Исходя из этого можно утверждать, что в годы своей молодости Балугьянский был связан не столько с близкими славянскими, сколько с венгерским, латинским и немецким языками. Последние в «лоскутной монархии» являлись средством межэтнической коммуникации. А владение ими одновременно повышало социальный статус тех, кто не был от рождения мадяром или немцем.

В свете сказанного крайне показательна идентификация Балугьянского в России. Как уже было сказано, в нашу страну он попал как «карпаторосс». Однако сам ученый предпочитал именовать себя «венгерцем». Примеча-

тельно, что он сознательно закрепил за собой написание своей фамилии, основанное на понятной для русских транслитерации ее венгерского написания, хотя вполне мог бы вновь стать Балудьянским (впрочем, именно так его упорно именуют в своих текстах русинские и украинские исследователи).

Впрочем, можно было бы предположить, что «венгерская» идентичность Балугьянского была связана с принадлежностью Венгерскому королевству (все жители которого были известны как *Hungari*⁹), а не к венгерскому народу в современном понимании. Так, например, ближайшие соседи венгров и бывшие подданные Венгрии, словаки, до сих пор разделяют в своем языке прилагательные *uhorský* (относящееся также к словацким землям в прошлом) и узко национальное *mad'arský*. Однако оставившая воспоминания дочь Балугьянского баронесса Мария Медем сочла нужным уточнить следующее: «Есть основание предполагать, что по происхождению он (ее отец. – М.Д.) Славянин, а не Венгерец, как он называл себя»¹⁰. Таким образом, получается, что многие окружающие вкладывали в слово «венгерец» именно этнический смысл.

Хотя русинское наречие и церковнославянский язык были знакомы полиглоту Балугьянскому с детства, по свидетельству современников, русская литературная речь давалась ему достаточно тяжело. По словам его дочери, сравнивавшей своего отца с его ближайшим коллегой, «Сперанский имел выгоду Русского языка, чего был совершенно лишен Михаил Андреевич, бумаги которого вчерне писались или по-латыни, или по-французски, а только в последствии он освоился с чуждым ему языком. Они были в беспрерывных сношениях и вели часто переписку и разговоры по-латыни»¹¹. Исходя из этого, можно предположить, что определенные языковые сложности также препятствовали большей актуализации у Балугьянского «карпаторусской» или просто «русской» идентичности. В этом, по-видимому, он заметно отставал от других служивших в России своих земляков. Например, для сравнения можно привести упоминавшегося И.С. Орлая, который написал историческую работу о русинах под красноречивым названием «История о Карпато-Россах, или о переселении Россиян в Карпатские горы и о приключениях с ними случившихся» (1804)¹².

Интересное свидетельство о менталитете Балугьянского-петербуржца оставил основоположник российской болгаристики русин Юрий Иванович Венелин (Гуца, 1802–1839). В одном из писем М.П. Погодину за 1830 г. он отмечал: «В прошедшее воскресенье обедал у Балугьянского; чувствовал, что не нахожусь на своем месте, несмотря на землячество: это меня бесило: это не в характере карпатороссов»¹³. Несмотря на свою якобинскую молодость и демократизм по отношению к непосредственным подчиненным, сын

бедного священника Балугьянский в Петербурге стремился приблизиться к высшему обществу, вольно или невольно дистанцируясь от простонародной среды, из которой сам вышел. Как известно, это ему вполне удалось.

Однако все «карпатороссы», оказавшиеся в России, хотя и тесно привязались к новому отечеству, все равно в той или иной степени тосковали как по своей малой карпатской родине, так и по давшему им путевку в жизнь Венгерскому королевству. В качестве наглядного примера можно привести воспоминания литератора Нестора Кукольника (1809–1864), сына русина Василия Григорьевича Кукольника (1765–1821), о венгерской постановке «Эмерик» в их семейном театре. Вспоминая о спектакле, он писал: «Желая сделать отцу приятный сюрприз, Александр Васильевич (брат Нестора. – М.Д.) откопал где-то вид Оффена или Буды, расспрашивал батюшку о разных особенностях местности, не давая заметить цели... В день представления на венгерскую трагедию натурально были приглашены все карпатороссы: и Орлай, и Балудьянский (Балугьянский. – М.Д.), и П.Д. Лодий (философ Петр Дмитриевич Лодий (1764–1829). – М.Д.). Дошло до пятого акта. Подымается занавес... Карпатороссы, несмотря на свои лета, вскакивают с места и первый П.Д. Лодий кричит с восторгом: “Буда, Буда!!”»¹⁴. Позволим себе предположить, что культурный западник Балугьянский, столь многим обязанный Венгрии, получил особенное удовольствие от этого домашнего представления.

В каком-то смысле можно утверждать, что Венгрия, даже в самом узком понимании, ее культура и язык всегда оставались в сердце М.А. Балугьянского. Проживая в Петербурге, он вел обширную переписку с венгерскими учеными, что вызывало беспокойность самого венского двора. В России Балугьянский поддерживал тесные контакты с другими уроженцами Австрийской империи, причем далеко не только с «карпатороссами», упомянутыми выше. Он неоднократно (1807, 1812) пытался посетить Венгрию, однако в этом ему противодействовали австрийские придворные круги, подозревавшие в нем русского эmissара. Не прибавляло доверия и якобинское прошлое. Однако ему все-таки удалось вновь побывать в Габсбургской монархии: в 1828 г. – на лечении в Карловых Варах, в 1845 г. – с посещением одного из городов своей юности, Пешта, и в 1846 г., незадолго до кончины, вновь на лечение. Визит уже пожилого Балугьянского в Венгрию вызвал особенно большой интерес у общественности. Современники отмечали то, что он сумел сохранить хороший венгерский язык. Сам Балугьянский прощался с Пештом со слезами на глазах¹⁵.

Венгерские элементы пронизывали петербургский быт ученого. По воспоминаниям М. Медем, в минуты отдыха он не отказывал себе в стаканчике токайского, которое «всегда развеселяло его и напоминало его роди-

ну», а из музыкальных произведений любил, в частности, «Венгерский танец» (по-видимому, чардаш или связанный с ним вариант краковяка – так называемую венгерку¹⁶). Хотя, конечно, эти второстепенные факты лишь дополняют, но самостоятельно не определяют картину. В противном случае, основываясь на том, что любимой песней Балугьянского являлось малороссийское произведение «Їхав козак за Дунай»¹⁷, его можно было бы без натяжки причислить к украинцам.

Так или иначе, посмертная этнокультурная идентификация М.А. Балугьянского исследователями действительно крайне сложна. Наглядное резюме этого на конкретных примерах подает в своей книге о «закарпатоукраинской интеллигенции» в России словацкая исследовательница русского происхождения Тамара Байцура: «Венгерский ученый Л. Тарди, автор обширной монографии о М.А. Балугьянском и брошюры об И.С. Орлае, называет их венграми. Словацкий ученый и библиограф М. Федор, полемизируя с Л. Тарди, причисляет М.А. Балугьянского к словакам»¹⁸. Если задуматься, обе эти точки зрения имеют свой резон. С одной стороны, как было показано выше, Балугьянский не только называл себя «венгерцем», но и искренне любил мадьярскую культуру. С другой стороны, его родное село находится на территории современной Словакии, причем относительно далеко от словацко-венгерской границы. Большинство жителей Вышней Ольшавы, несмотря на русинские этнические корни и доминирование в селе греко-католической церкви, в рамках современных переписей называют себя именно словаками¹⁹. При этом, однако, игнорируется, что сам Балугьянский вряд ли предвидел в будущем образование Словацкой Республики (хотя и поддерживал контакты со словацкими и чешскими деятелями). Являясь же греко-католиком, он едва ли мог относить себя в первой половине XIX в. к словакам.

Не все складывается просто и с русинской, казалось бы, особенно логичной, идентификацией, восходящей корнями к «карпаторусскости». Контакты Балугьянского с русинской средой, в том числе со своими родственниками, не были чересчур интенсивными. Как отметил венгерский русинист Михаил Капраль, «хотя М. Балудянский не внес никакого вклада в родную культуру, его достижения на ниве науки, просвещения и управления в России стали предметом гордости среди русинов»²⁰. Только этим можно объяснить, почему сегодня портрет Балугьянского украшает, например, агитационные материалы русинских организаций перед переписями. В случае же, если не признавать самостоятельный этнонациональный статус русинов (как это официально делается на Украине, где они считаются лишь этнографической группой украинцев), Балугьянский автоматически становится украин-

ским ученым. Естественно, подобные трактовки не могут удовлетворить исследователя, хотя они и весьма востребованы широкой общественностью.

К сожалению, наши современники часто игнорируют то, что реконструировать идентичности прошлого, при этом найдя их эквиваленты в настоящем, едва ли полностью посильная задача. Тем более, когда речь идет о человеке с такой необычной биографией, как у Балугьянского. Сложно не согласиться со взвешенным выводом Т. Байцуры: «... все попытки установить, кем были они (Балугьянский и его земляки. – М.Д.) в современном понимании слова – украинцами, венграми или словаками, представляются модернистскими, поскольку происходит перетасовка понятий, возникших в совершенно другое время и в иной обстановке»²¹.

К слову, не менее дискуссионным является и вопрос о конфессиональной принадлежности М.А. Балугьянского. Известно, что, как сын греко-католического пастыря, он был весьма набожен. Покинув родительский дом, Балугьянский воспитывался римско-католическими монахами-паулинами, которые укрепили у мальчика знания католической теологии (единой для римо- и греко-католиков, различающихся, в первую очередь, обрядовыми формами). Перебравшись в православную Россию, ученый практически в течение всей своей службы оставался верным греко-католической конфессии, даже несмотря на ее официальную ликвидацию в большинстве западных губерний в результате Полоцкого собора 1839 г. Несомненно, он также сохранял близость и католичеству в его господствующей латинской форме. Известен случай, когда, находясь в 1845 г. за рубежом, Балугьянский даже пустился в теологический спор с одним из лидеров так называемых «новых католиков», увещевая его вернуться в лоно Римско-католической церкви. Именно на латыни родные читали ему Библию на смертном одре. Однако последнее причастие он получил все же из рук православного священника (впервые он причастился в православном храме за две недели до смерти)²². Тело ученого, скончавшегося 3 апреля 1847 г., придали земле на подчerkнуто православном погосте – монастырском кладбище Троице-Сергиевской приморской пустыни²³. Кто знает, возможно, предсмертные еклeзиологические раздумья униата Балугьянского просто опередили свое время в вопросе поиска общего знаменателя для ближайших христианских конфессий.

В целом, при размышлениях о личности М.А. Балугьянского, невольно напрашивается мысль, что светлая память об этом человеке сплaчивает соседние народы. В той или иной степени «своим» (хотя одновременно отчасти «чужим») он и сегодня остается для венгров, русинов, русских, словаков и украинцев. Точно так же волею судьбы Балугьянский незримо соединяет три ветви христианства – католичество обоих обрядов и православие. Повидимому, подобная сложность порой доставляла ученому при жизни неко-

торый дискомфорт. Однако в современном глобализированном мире такие фигуры как Балугьянский, напротив, могут выступать в качестве символов диалога культур – незримых посредников между соседними народами и вероисповеданиями.

В заключение хочется привести яркий пример межкультурного единения вокруг личности М.А. Балугьянского. 29 апреля 2010 г. в Северной столице России состоялось торжественное открытие мемориальной доски, посвященной этому сыну русинских Карпат. Идея установки его барельефа на ректорском флигеле СПбГУ была выдвинута Генеральным консульством Словакии в Санкт-Петербурге. Художественную реализацию проекта взял на себя скульптор с венгерской фамилией Сабо...

Примечания

¹ Чума А., Бондар А. Українська школа на Закарпатті та Східній Словаччині (Історичний нарис). Ч. І. Пряшів, 1967. С. 48.

² Там же. С. 48–49.

³ Енциклопедія історії та культури карпатських русинів / Укладачі П.Р. Магочій, І. Поп. Переклад з англійської мови Н. Кушко. Ужгород, 2010. С. 562.

⁴ Мольнар Л.В. Деятельность педагогов-выходцев из Венгрии в России (1703–1848) // *Studia Slavica Hungarica*. 2004. № 3–4. С. 328–329.

⁵ Вархола М., Дубовицка Л. Вклад первого ректора Санкт-Петербургского университета Михаила Балугьянского в развитие науки и образования // *Збірник наукових праць Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка. Серія педагогічна*. Вип. 15. Кам'янець-Подільський, 2009. С. 187–190.

⁶ Байцура Т. Закарпатоукраинская интеллигенция в России в первой половине XIX века. Братислава; Пряшів, 1971. С. 6.

⁷ Красовський І. Прізвища галицьких лемків у XVIII ст. Львів, 1993. С. 30; Красовський І. Діячі науки і культури Лемківщини. Довідник. Торонто; Львів, 2000. С. 83.

⁸ Вархола М., Дубовицка Л. Указ. соч. С. 190.

⁹ Хаванова О.В. Венгерский Миллениум 1896 года: между «Потемкинкой деревней» и «Градом Китежем» // *Национализм в мировой истории*. М., 2007. С. 381.

¹⁰ Медем М.М. М.А. Балугьянский. Мои воспоминания об отце моем Михаиле Андреевиче Балугьянском // *Русский архив*. Кн. 3. М., 1885. С. 415.

¹¹ Там же. С. 431.

¹² Аристов Ф.Ф. Литературное развитие Подкарпатской (Угорской) Руси. М., 1995. С. 17–18.

¹³ Ученое пугшествое Ю.И. Венелина в Болгарии (1830–1831) / Публикация подготовлена Г.К. Венедиктовым. М., 2005. С. 65. П. 26.

¹⁴ Кужольник Н. Мои воспоминания // *Исторический вестник*. 1891. № 7. С. 79.

¹⁵ Косачевская Е.М. Михаил Андреевич Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX века. Л., 1971. С. 191–194.

¹⁶ Краткий словарь танцев / Под ред. А.В. Филиппова. М., 2006. С. 39–40.

¹⁷ Медем М.М. Указ. соч. С. 430.

¹⁸ Байцура Т. Указ соч. С. 11.

¹⁹ Красназвичий словник русинів-українців. Пряшівщина / Головний редактор Ф. Ковач. Пряшів, 1999. С. 408–409.

²⁰ Енциклопедія... С. 39.

²¹ Байцура Т. Указ соч. С. 13.

²² *Медем М.М.* Указ. соч. С. 423, 428–429.

²³ *Косачевская Е.М.* Указ. соч. С. 269.

Н.Н. Мурзакевич и русско-болгарские культурные связи в 30–50-е годы XIX в.

Abstract:

Frolova M.M. *N.N. Murzakevich and Russian-Bulgarian Cultural Ties in 1830s-1850s.*

When the Russian-Bulgarian cultural ties were being established and developed, N. N. Murzakevich (1806–1833) was successful as a mediator between the Bulgarian community in Odessa and Moscow scholars who developed the Slavic studies. Thanks to Murzakevich, an extremely rich collection of Bulgarian books was assembled in Moscow. Many of his pupils studied in the Moscow University. Murzakevich's activities in research and instruction aimed at educating the Bulgarian people and strengthening the interest of Moscow scholars to the past and the present of Bulgarians.

Ключевые слова: Н.Н. Мурзакевич, О.М. Бодянский, А.Д. Чертков, В. Априлов, С.Н. Палаузов, Ришельевский лицей, болгарская возрожденческая книга.

Москва в 30–50-е годы XIX в. становится одним из центров славистических исследований в России. Здесь успешно действует Общество истории и древностей российских, на заседаниях которого постоянно присутствует славянская тематика. На страницах изданий Общества все чаще появляются исследования по истории и литературе славянских народов. В Московском университете в 1835 г. была учреждена кафедра истории и литературы славянских наречий, которую в 1842 г. занял возвратившийся из научной командировки О.М. Бодянский (1808–1877). В Москве жил Ю.И. Венелин (1802–1839), книга которого «Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам» (М., 1829) произвела огромное впечатление на болгар, пробудив во многих подлинную «любовь к национальности», что засвидетельствовал болгарский купец из Одессы В. Априлов (1789–1847), бывший ревностным эллинофилом и являвшийся в 1828–1830 гг. членом греческого училищного настоятельства в Одессе. Ослабление болгаро-греческих культурных связей в 20–40-е годы XIX в.¹ сопровождалось становлением и развитием русско-болгарских культурных отношений, и в этом процессе достойное место принадлежало Н.Н. Мурзакевичу.

Научная и общественная деятельность Николая Никифоровича Мурзакевича (1806–1883) неотделима от истории г. Одессы, превращения его в центр культурной и научной жизни активно осваиваемого Новороссийского края. С именем Мурзакевича связано создание в 1839 г. и плодотворная работа Одесского Общества истории и древностей (ООИД), редактирование фундаментальных 12 томов Записок ООИД, организация исторических му-

зеев в Одессе и Феодосии, реорганизация публичной библиотеки Одессы и основание библиотеки в Тифлисе. Мурзакевич плодотворно занимался историей России XV–XVIII вв., историей Новороссийского края и Бессарабии, археологическим изучением античных и средневековых памятников Причерноморья и обеспечением их охраны, нумизматикой, эпиграфикой, что отразилось в его работах, число которых достигает до 130 наименований. Именно эти аспекты деятельности Мурзакевича отражены в дореволюционной и современной историографии². Внимание исследователей привлекают также взаимоотношения Мурзакевича с графом М.С. Воронцовым, с митрополитом Евгением, чешскими учеными П.Й. Шафариком и В.В. Ганкой³. Но только российский исследователь Б.Н. Билунов в краткой статье в библиографическом словаре «Славяноведение в дореволюционной России» отметил важное значение научно-педагогической деятельности Мурзакевича для развития болгарского просвещения⁴. Болгарский историк Л. Минкова, изучая болгарские штудии в научном творчестве преподавателя Московского университета О.М. Бодянского, его взаимоотношения с деятелями Болгарского возрождения, не могла не обратить внимание на личность Н.Н. Мурзакевича, письма которого сохранились в архиве Бодянского. Но поскольку в центре исследования Л. Минковой стоял не одесский историк, то ею не ставилась задача рассмотреть его деятельность в контексте Болгарского возрождения⁵. Привлечение же переписки Мурзакевича с московскими коллегами – М.П. Погодиным, О.М. Бодянским, А.Д. Чертковым, как опубликованной, так и неопубликованной, позволяет обогатить биографический очерк Мурзакевича новыми данными и дополнить картину развития русско-болгарских культурных связей в первой половине XIX в.

Николай Никифорович Мурзакевич родился в 1806 г. в г. Смоленске в семье дьякона Успенского кафедрального собора. Отец его был знатоком Смоленска и его окрестностей и составил первую историю родного города. Богатая его библиотека пополнялась дарами от ректора Московского университета И.П. Тургенева и канцлера графа Н.П. Румянцева, с которым он состоял в переписке. Николай Никифорович рано научился читать. «Охота к чтению, со дня на день увеличиваясь, вытеснила механическое школьное заучивание уроков»⁶, – писал он впоследствии. Любовь отца к родной старине не могла не увлечь и Николая, который еще в детстве загорелся желанием «...отыскать сложенные старинные архивы, ...открыть древние склады оружия и монет»⁷. Позднее неутомимые поиски Мурзакевича привели к открытиям Псковской Судной грамоты (изд. 1847 и 1869 гг.), подлинных писем царевича Алексея Петровича (изд. 1849 г.), нескольких вариантов «Русской Правды» и др. В смоленской семинарии Мурзакевич проучился 7 лет и в 1825 г. поступил в Московский университет на этико-политическое отде-

ление философского факультета. По окончании университета (1828 г.) он, прослужив некоторое время домашним учителем, приехал в 1830 г. в Одессу по приглашению своего университетского товарища М.М. Кирьякова (1810–1839), отец которого долгое время возглавлял одесскую таможенную. Но служба в таможенном ведомстве, обеспечившая определенный достаток, не привлекала Мурзакевича. Душу свою он отводил в ученом кружке, который в начале июля 1831 г. посетил Ю.И. Венелин, возвращавшийся в Москву из своей известной ученой командировки по Болгарии и Молдавии (1830–1831), где собирал славянские памятники. Кирьяков, совершивший путешествие по Западной Европе и побывавший, в частности, в Галиции, Силезии, Моравии, Богемии, Венгрии, рассказывал о знакомстве с чешским ученым Й. Шафариком и с академиком, санскритологом Сталем.

В 1831 г. Мурзакевич поступил на работу в Ришельевский лицей, в котором прослужил 27 лет, начав с должности помощника учителя в младших классах и надзирателя за пансионерами или внутренними воспитанниками. В 1838 г., после защиты в Московском университете магистерской диссертации «История генуэзских поселений в Крыму», он был утвержден адъюнктом, в следующем году – профессором по кафедре российской истории и статистики. В 1852 г. Мурзакевич стал ректором лицея, но в 1857 г. вышел в отставку из-за разногласий с попечителем Одесского учебного округа Н.И. Пироговым.

Выбор Одессы местом жительства определил и направление научных изысканий Мурзакевича, который согласно решению членов ученого кружка взялся обработать древнюю историю Новороссийского края. Первая его работа была посвящена описанию античных монет собственной коллекции, что послужило причиной знакомства ее автора во время его поездки в Москву в 1835 г. с известными нумизматами – графом С.Г. Строгановым (1794–1882), попечителем Московского университета (1835–1847) и председателем Общества истории и древностей российских (1835–1848; 1857–1874), и с А.Д. Чертковым (1789–1858), с 1836 г. вице-президентом, а с 1848 по 1857 гг. президентом Общества истории и древностей российских (ОИДР). Мурзакевич встретил радушный прием у Черткова, который показал одесскому коллеге свою библиотеку и нумизматическую коллекцию, причем, коллекция русских монет Черткова оказалась ему единственной в своем роде.

Мурзакевич был приглашен на заседания ОИДР, поскольку Общество старалось объединить ученых, любителей, коллекционеров не только Москвы, но также привлечь к сотрудничеству людей, увлеченных историей, со всей России. «Этому Обществу я признателен за то, что оно после митрополита Евгения первое меня поощрило к занятиям по отечественной исто-

рии»⁸, - вспоминал с благодарностью Мурзакевич, ставший в 1836 г. действительным членом ОИДР.

В 1837 г., в очередной свой приезд в Москву, Мурзакевич познакомился с О.М. Бодянским. С.Г. Строганов предложил Мурзакевичу в спутники до Киева магистра О.М. Бодянского. В том году последний издал и защитил магистерскую диссертацию «О народной поэзии славянских племен» и был послан в заграничную командировку по «Австрии, Турции, Италии, Германии, Пруссии, а также и в Варшаву»⁹ сроком на 2 года с тем, чтобы по возвращении занять кафедру истории и литературы славянских наречий в Московском университете. Между молодыми учеными установились теплые отношения, которые впоследствии поддерживались многолетней перепиской. Бодянский сообщил Мурзакевичу план своего путешествия, который предусматривал посещение славянских земель Османской империи, и тот вызвался помочь с рекомендательными письмами к болгарам, проживавшим там.

К этому времени у Николая Никифоровича уже установились широкие контакты с представителями болгарской колонии в Одессе, начало которых, вероятно, следует видеть в одном событии в жизни Мурзакевича, одновременно характеризующем общее состояние болгаристики и степень представлений о турецких болгарях даже у людей, закончивших университет. Как известно, в 30-х годах XIX в. Одессе была уже значительная болгарская колония, но болгарские семейства предпочитали посылать своих детей на учебу в греческое коммерческое училище. И только в 1832 г. болгарские ученики впервые появились в Ришельевском лицее. В своей автобиографии Мурзакевич писал: «Болгары с 1833 г. стали обращать на себя мое внимание. Имея в 3-м классе гимназии трех братьев Мутевых, случайно спросил, какой они нации? – отвечали: болгаре. Привыкнув с Университета считать болгар потомками болгар волжских, следовательно мусульманами, обратился к лучшему из них Дмитрию: каким языком пишут у вас и читают? – Почти таким, как и русские! На другой урок они принесли мне печатные церковнославянские книжечки и этим разрушили мое понятие о их татаро-турецком происхождении и, напротив, убедили в славянском нашем единоплемстве»¹⁰.

Для Бодянского, желавшего во время своего путешествия по славянским землям посетить и Болгарию, Мурзакевич побеспокоился о получении от одесских болгар рекомендательных писем к соплеменникам, проживавшим в Османской империи. 25 апреля 1838 г. Мурзакевич писал ему: «Здесь в Одессе живут многие болгары, и между ними два просвещенные купца, покровители болгарской учености. Если поедете на их сторону, уведомьте меня, чтобы я уведомил их о том, для предварительного оповещения ими

своим единоверцам, что, конечно, будет для вас бесполезно. Болгаре крепко недоверчивы к путешественникам: это испытал Венелин»¹¹. Этими «просвещенными купцами» были Николай Палаузов и Васил Априлов. Таковыми же рекомендациями благодаря хлопотам Мурзакевича был снабжен и магистр Казанского университета В.И. Григорович (1815–1876), посетивший болгарские земли во время своей заграничной командировки 1844–1847 гг.

Одним из основных вопросов, проходивших через всю сохранившуюся переписку Мурзакевича с московскими учеными, прежде всего, с Бодянским и Чертковым, является вопрос книгообмена. В одном из своих первых писем к Бодянскому (от 18 февраля 1838 г.) Мурзакевич предлагал выслать известному чешскому ученому П.Й. Шафарику просимую им Болгарскую грамматику Неофита Рильского (1835), но он собирался это сделать после 24 февраля 1838 г., т.е. когда Одесса будет открыта после снятия карантина в связи с чумой¹². Был отправлен Шафарику и Бодянскому в бытность его в славянских землях редкий «Букварь с различными поучениями» («Рыбный букварь») П. Берона, изданный в Брашове (Румыния) в 1824 г. В письме от 25 апреля 1838 г. Мурзакевич сообщал, что он составит и перешлет Бодянскому список «всех доселе напечатанных болгарских книг. Они большей частью буквари, грамматики и богослужебные»¹³.

Мурзакевич не был славистом, но он прекрасно понимал огромное значение для болгарского народа этих книжечек – учебников (буквари, грамматики), педагогических и богослужебных книг, большей частью переводных брошюр. Российский ученый Г.К. Венедиктов подчеркивает, что возрожденческая болгарская книга – это «особый историко-культурный феномен», поскольку «книга, прежде всего печатная, не просто была носителем, выразителем и распространителем определенного содержания (информации) или средством воспитания, а стала мощным осознанным орудием (инструментом) борьбы за освобождение народа от иноземного духовного и социального, а затем и политического гнета, за создание национальной школы, развитие на родном языке просвещения, литературы, периодической печати и других атрибутов самобытности и самостоятельности возрождающейся нации»¹⁴.

Важно отметить, что подобные мысли прозвучали в статье Мурзакевича «Нынешнее состояние просвещения у болгар», которая была помещена в «Журнале министерства народного просвещения» в 1838 г. В ней он писал о вытеснении славянского языка греками при запрещении турецкого правительства заводить высшие училища, что должно было бы привести «к падению» болгарского языка, если бы не усилия некоторых светских лиц и представителей духовенства по организации болгарских школ и переводу на

болгарский язык и публикации учебников. Мурзакевич подчеркивал, что в ученом отношении эти издания не имеют значения, но для просвещения болгар они чрезвычайно важны. Одесский историк, как свидетельствуют его письма и статья, всегда был неплохо осведомлен о намерениях болгарских авторов. В данном случае он сообщал читателям о подготовке к печати «Нового Завета» в переводе на новоболгарский язык иеромонаха Неофита, Болгарской грамматики А. Кипиловского и других книг. Мурзакевич призвал соотечественников к содействию в распространении образования и просвещения в болгарском народе. К статье был приложен каталог изданных болгарских книг¹⁵.

В Москве профессиональный интерес к болгарским книгам проявлял А.Д. Чертков. Он задумал создать библиотеку, «посвященную познанию России и славянства в историческом, археологическом, литературном и других ученых отношениях». Мурзакевич, всецело разделяя идею Чертковой библиотеки, взял на себя труд доставлять в Москву издания на болгарском языке. Если в каталоге Чертковой библиотеки, изданном в 1838 г., не было ни одного названия на новоболгарском языке, то во «Втором прибавлении» (1845 г.) указано уже 6 изданий: «Новый завет», в переводе с греческого Петра Сапунова (Бухарест, 1828); «Новый завет», переведенный Неофитом Рыльским (Смирна, 1840); «Краткая священная история и краткий катехизис», переведенные с русского языка студентом Одесского лицея Н. Геровым (Одесса, 1843), и др. В каталоге они преимущественно вошли в раздел «редких сочинений [в России – М.Ф.]»¹⁶.

Однако поиски и доставка болгарских книг были делом весьма нелегким. Так, о Евангелии в переводе Неофита Рыльского Николай Никифорович, выполняя просьбу Шафарика, хлопотал целых 2 года. Вероятно, в Одессу все же было привезено несколько экземпляров, потому что Мурзакевич в письме к Бодянскому от 19 октября 1842 г. предложил достать этот перевод и для него. 26 октября 1842 г. Мурзакевич писал Черткову: «У меня имеется «Новый завет» болгарский, изданный в 1840 г. в Смирне. Константинопольский патриарх его не возлюбил и строго запретил употреблять в своей пастве. От этого же книга и редкая. В следующий раз буду иметь удовольствие препроводить один экземпляр для Вашего употребления»¹⁷. 15 февраля 1843 г. Мурзакевич сообщил Бодянскому, который пожелал иметь эту книгу, что со следующей почтой ему будет отправлен «Новый Завет». «Он и в Одессе более чем редок»¹⁸, – отметил он. Болгарский исследователь З. Маркова высказала мнение, что запрет, наложенный Константинопольским патриархом на обладание и употребление «Нового Завета» в переводе Неофита Рыльского, являлся следствием борьбы церкви с влиянием протестантизма¹⁹. Как известно, в Смирне (Измире) обосновалось Британское биб-

лейское общество, и в 1819 г. в Стамбуле была создана цензура Константинопольской патриархии для предохранения богословской литературы от проникновения идей протестантизма. В 1840 г. Британское библейское общество снабдило греческую типографию в Смирне славянским шрифтом для того, чтобы был напечатан на болгарском языке «Новый Завет». В 1844–1846 гг. К. Фотинов (1790–1858), учитель и автор учебников (например, «Общо землеописание». 1843.), издавал в этой типографии журнал «Любословие» (1844–1846), который, как известно, открыл эру болгарской журналистики.

Если «Новый Завет» Неофита Рыльского не вызвал никаких замечаний со стороны Мурзакевича, то содержание журнала «Любословие» возмутило одесского историка. В письме к Черткову от 21 июля 1844 г. он сетовал на то, что в Смирне издается «под влиянием англичан каким-то безграмотным Фотиновым журнал. Пускай Бодянский полюбуется возрождающеюся грамотностью безграмотных», - восклицал ученый. «Этим же Фотиновым издавна преглупая “География” по-болгарски. В ней говорится о Пруссии, Англии и проч. И наравне с турками, персианами о русских. Каково!»²⁰. В 1838 г. Николай Никифорович, сообщая об успехах болгарского просвещения, подчеркивал, что они совершаются под русским влиянием²¹. Но в 1844 г. Мурзакевич сожалел о чрезмерной осторожности в отношении с болгарями: «и чрез нее утратим всякое влияние на преданную нам единоверную массу, а англичане потихоньку и влекут к себе». «Стараюсь экземпляры “Географии” приобрести для Вас и Бодянского»²², - заканчивал свое письмо Мурзакевич.

В 1845 г. Мурзакевич отправил в Москву Черткову и Бодянскому «препорядочную карту» Болгарии, изданную в Страсбурге «одним болгаринном» в 1843 г. Однако первая посылка с этой картой в Одессу «с кораблем погибла в декабре у устья Дунайского». Мурзакевич писал 12 февраля 1845 г. Черткову: «Жду другой уже сухопутной присылки и тот час представлю эту прелюбопытную новость»²³.

Следует сказать, что еще в 1838 г. к Мурзакевичу обратился Шафарик с просьбой уточнить у одесских болгар правильность названий болгарских населенных пунктов в составляемой им карте к труду «Славянское народописание»²⁴. Мурзакевич передал этот список «для надлежащего исполнения» болгарам из Одессы. Кроме того, список был послан «в самую Болгарию, и там, на месте, означатся не только имена селений, но если будет возможно, то и число жителей в тех селах, и расстояние одно от другого». Впрочем, Мурзакевич по совету одесских болгар рекомендовал Шафарика не торопиться с изданием карты, а подождать результатов организованной им и одесскими болгарями статистической и топографической работы. В

своем письме к Бодянскому от 24 июля 1838 г., уверяя его в ответственном отношении болгар к этому поручению, он добавлял: «Люди добрые и честные, можно положиться»²⁵. О неусыпном внимании Мурзакевича к сбору подобных данных сообщает его письмо к Черткову от 24 апреля 1844 г., в котором одесский историк писал об ожидании в конце мая из Болгарии новостей, которые должен был привезти один из его слушателей, проживший в Болгарии целый год и получивший поручение от Мурзакевича собрать «топографические, этнографические, палеографические сведения и материалы»²⁶. Мурзакевич побуждал своих учеников и к поиску в Болгарии раритетных книг и рукописей. 21 августа 1844 г. он писал Черткову: «Жду из Болгарии своего ученика... Он везет с собой несколько рукописных и печатных, вероятно, церковных книг. О любопытном извещу»²⁷.

В свою очередь, Мурзакевич тогда же, в 1838 г., собрал данные о болгаргах, живших в Новороссийском крае, которые он выслал Шафарику. Однако, исполняя пожелание Шафарика, он поспешил в составлении этого списка. Спустя несколько лет, в письме от 15 февраля 1843 г., он сообщил Бодянскому, что отправил ему «новый и исправленный список болгарских селений, которые имеются в Новороссии. Эти селения исключительно обитаются болгарами»²⁸.

Мурзакевич был страстным библиофилом, но из-за ограниченности денежных средств не мог позволить себе личное книжное собрание. Он избрал иной путь, когда в 1843 г. принял очень лестное предложение новороссийского генерал-губернатора графа М.С. Воронцова (1782–1856), оценившего подвижническую деятельность историка в Одесском обществе истории и древностей, – занять место библиотекаря в городской библиотеке с высоким окладом, квартирой и с сохранением места в лицее. «Не имея способов составить собственную библиотеку сообразно желаниям, хочу улучшить городскую, и потому детски радуюсь всякому ее приращению»²⁹, – делился он с Чертковым. Свои болгарские книги он передал в Одесскую городскую библиотеку, которую принял весьма в плачевном состоянии. В 1843 г. Мурзакевич писал Бодянскому о любимом своем детище, что библиотека «уже красуется 18 названиями разных болгарских книг», среди которых была очень редкая книга – «Кириакодромион, сиреч Неделник», изданная в 1806 г. Софронием Врачанским. Об этой книге Мурзакевич сообщал и Черткову³⁰. «Хочу при библиотеке составить отделение чисто славянское: в него войдут все попадающиеся мне в руки книги болгарские, сербские, чешские и всякие другие. Да будет одесская книжница рассадницею славянства»³¹. С просьбой о присылке дубликатов славянских книг он обратился к Черткову, Бодянскому, Погодину и другим москвичам. 13 декабря 1843 г. Мурзакевич писал Черткову: «Буду просить о вспомоществовании Шафарика и Ганку.

По этому плану я бы желал хоть для образца иметь хоть один из Ваших дубликатов глаголитских. Впрочем, если угодно будет прислать «Меч духовный»³², *Moscouiter wunderbare Historien, Basel 1567*³³, Добровского *Lehrgebände*³⁴ и некоторые другие, буде Вам угодно, то я обязуюсь доставить взамен болгарские книги, которые повремененно являются на свет. В Москве они редкость, а для меня приобретение их дело нетрудное»³⁵. Таким образом, новоболгарская литература благодаря Мурзакевичу приобрела «статус» особой ценности и значимости в библиографическом мире, который позволял ему получать для Одесской библиотеки дубликаты редких книг из московских книжных собраний. Заботами Мурзакевича книжное собрание Одесской библиотеки за первые 5 лет его заведования удвоилось. Улучшение работы библиотеки немедленно отразилось на количестве посетителей – с 400 человек в 1843 г. до 2659 человек в 1848 г.³⁶, что свидетельствовало об эффективности усилий нового библиотекаря по превращению ее в подлинный центр просвещения.

Мурзакевич, как уже упоминалось, был знаком со многими болгарскими, проживавшими в Одессе. А в июне 1838 г. именно ему, ехавшему в Москву, В. Априлов поручил передать Ю.И. Венелину список «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского, который специально сделали со списка, присланного из Дряново³⁷. Этот список (Венелинский) ныне хранится в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки в фонде историка. Значение «Истории славяноболгарской» (1762) для духовного пробуждения болгарского народа непреходяще, ее автор первым сформулировал программу задач, стоявших перед складывавшейся болгарской нацией: распространение образования и просвещения среди болгар через национальные школы и литературу. Личности Паисия Хилендарского и его творению, высоко почитаемым в Болгарии, посвящен огромный массив исследовательской литературы. И тем не менее многие стороны «дела Паисия» остаются не до конца проясненными³⁸, например, вопрос о списках «Истории славяноболгарской».

Благодаря сведениям Г.С. Раковского (1821–1867), который в 1858–1859 гг. находился в Одессе и немало времени провел в ее публичной библиотеке, стало известно, что именно у Мурзакевича после смерти В. Априлова остался Жеравненский список «Истории славяноболгарской», который был найден в Жеравне, у некоего Димитра, бывшего там учителем, в 1838 г. Анастасом Дукияди, выполнявшим поручение Априлова по поиску «драгоценных рукописей»³⁹. Этот список был написан на лощеной турецкой бумаге in 4°. Мурзакевич взял у Априлова этот список, чтобы сделать с него копию для Черткова, о чем сообщил последнему в письме от 21 июля 1844 г.: «Думаю, что эта копия будет иметь у Вас какой-либо интерес. Не мешает,

если ее просмотрит О.М. Бодянский»⁴⁰.

Мурзакевич невысоко оценил «Историю славяноболгарскую», отмечая, что она «неважная в ученом отношении». Подобного мнения о труде Паисия Хилендарского держался и сам обладатель рукописи В. Априлов. Чертков, оценив патриотический пафос этого произведения, решил опубликовать «Историю» как первую работу по истории Болгарии, написанную болгарин⁴¹. Но он не успел. Чертковский (Московский) список «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского сейчас хранится в Чертковском собрании в Отделе рукописей Государственного исторического музея⁴².

В 1858 г. Мурзакевич также попытался издать Жеравненский список и сам снял с него новую копию слово в слово, букву в букву. И его мотивация такой публикации была сходна с Чертковской: «для водворения в болгарях нынешних старой их грамотности». Не располагая необходимыми средствами, 17 апреля 1858 г. он обратился к О.М. Бодянскому, секретарю ОИДР и редактору «Чтений»: «В руках моих давно имеется летопись болгарская, писанная на турецкой лощенной бумаге in 4° чистым церковным почерком... По настоящем времени весьма полезно бы ее напечатать». Мурзакевич предложил напечатать ее сначала в «Чтениях», журнале ОИДР, а затем сделать до 600 экземпляров особых оттисков. «Много обяжете меня и болгар, если уладите это дело. За особые оттиски и бумагу я готов заплатить. Когда дело это можно по желанию устроить, список я немедленно вам перешлю»⁴³.

Одесский ученый хотел издать и доставленное ему болгарями с Афонской горы харатейное болгарское Евангелие XI или XII в., Апостола, привезенного из Зографского монастыря. Мурзакевич продумывал варианты публикаций рукописей или в Праге, во избежание «прицепок и медлений цензурных», или в Москве. Он просил Бодянского, владевшего старым шрифтом, принять участие в этом деле. Затем, «когда цензура не помудрит над Евангелием», тогда Мурзакевич планировал напечатать Апостол из Зографского монастыря⁴⁴. Но эти планы остались нереализованными. В настоящее время местонахождение Жеравненского списка «Истории славяноболгарской», а также копии, снятой с него Мурзакевичем, не известно.

Мурзакевич, чье подвижничество на ниве просвещения в Одессе, городе эмигрантов и купцов, равнодушных в то время к искусству и науке, заслуживает восхищения, стремился поднять на должный уровень преподавание в Ришельевском лицее. 14 августа 1842 г. он писал Черткову: «В Одессе придумал ученую роскошь – читал в лицее отдельно русские древности – когда всюду читают греческие и римские, почему ж в России не хотят знать свою, пора, давно пора изучать собственное, родное. Молодая Одесса очень бедна учеными пособиями, и преимущественно для русской

истории»⁴⁵. В курс по русской истории Мурзакевич включил сведения из средневековой истории Болгарии.

Мурзакевич внимательно следил за разработками истории Болгарии. Узнав о решении Общества истории и древностей российских опубликовать Московский список болгарского перевода (XIV в.) летописи Константина Манассии (XII в.), за что взялся было Бодянский, Мурзакевич немедленно поддержал это начинание. 20 июня 1841 г. он просил Черткова изложить содержание летописи – «Нет ли в ней чего нового для истории болгар? В Одессе много живет болгар, истинных любителей своей отчизны, и потому содержание труда Манассиина было бы для них небезынтересно»⁴⁶. С вышедшей в 1842 г. книгой Черткова «О переводе Манассииной летописи на словенский язык, с очерком истории болгар» Мурзакевич сначала познакомил одесских болгар. «Хватают наперерыв»⁴⁷, – писал он Бодянскому. Чертков щедро одарил своей книгой Одессу: Мурзакевич сообщал, что все гимназические библиотеки Одесского округа ее получили. «Болгары с восторгом приняли труд Ваш. Пошлю в Бессарабию: там живет более 60000 болгар, пускай там читают историю своего народа»⁴⁸.

О книге Черткова – «Описание похода великого князя Святослава Игоревича на болгар и греков в 967–971 годах» (1843) – Мурзакевич писал следующее: «Важным трудом Вашим Вы наполняете значительный промежуток в нашей древней истории; я с большою пользою для себя и моих слушателей воспользуюсь результатами ученых Ваших исследований... 3 экземпляра книги я раздал, а 3 послал в самую Болгарию. Если милость Ваша будет, то присылка еще 10 или 12 экземпляров была бы кстати. Постоянные и скорые пароходные сообщения и эти экземпляры отвезли бы в разные болгарские училища»⁴⁹. Сообщая Черткову об отзыве болгар на его книги, Мурзакевич присовокуплял, что после Венелина они признают Черткова «двигателем своего просвещения и национальности»⁵⁰.

Мурзакевич, будучи в курсе научных исследований в области болгарской истории и стремясь содействовать их разработке, тем не менее себя не считал специалистом в этом вопросе. Примечательно его признание в одном из писем к Бодянскому, в котором он просил московского коллегу регулярно помещать рецензии на присылаемые им из Одессы болгарские книги, «за исключением “Нового Завета”, о коем не следует разглаговльствовать, в “Москвитяине”. Да будет этот журнал единственным вещателем славянизма! Самому и недосужно, да и мало знаю по этой части. Ученому же и книги в руки»⁵¹.

Большой вклад в развитие болгарского просвещения внес Николай Никифорович на педагогическом поприще. Среди учеников Мурзакевича мы видим имена многих деятелей болгарского Возрождения, оставивших в

истории своего народа яркий след. Это Спиридон Палаузов, Найден Геров, Добри Чинтулов, Иван Богоров и другие. Познав, особенно в студенческие годы, нужду и лишения при страстном желании учиться, Мурзакевич прилагал все усилия, чтобы помочь одаренным юношам получить образование. Так, узнав о свободной вакансии в Московском университете после смерти казенного студента болгарина Георгия Бусилина из Батака (приблизительно 1820–1845), Мурзакевич поспешил порекомендовать учившегося в одесской гимназии Ивана Василева Шопова (вероятно 1820–1853), уроженца Калофера. «Это было бы доброе дело!», - заканчивал Мурзакевич свое письмо к Бодянскому от 6 апреля 1845 г.⁵². Благодаря письмам Мурзакевича сохранилась информация о Шопове. Он учился сначала в афинской гимназии, в 1844 г. поступил в VI класс одесской, а также изучал частным образом русский язык, математику и латынь. Шопов приехал в Москву осенью 1845 г., но сложности с выделением казенной стипендии не позволили ему закончить Московский университет. Отправившись в Прагу, он выбрал медицинский факультет.

Учился у Мурзакевича и С.Н. Палаузов, которому именно Николай Никифорович, как полагает Л. Минкова, посоветовал отправиться в Москву, чтобы там под руководством Бодянского подготовиться к научной работе⁵³.

Мурзакевич старался не терять со своими бывшими питомцами связи, не раз интересовался у Бодянского о судьбе и занятиях своих учеников. Так, в письме от 6 апреля 1845 г. он спрашивал Бодянского о Палаузове: «Что он подделывает и что рассказывает?»⁵⁴. Палаузов занимался славистикой и выдержал экзамен на степень кандидата философских наук при историко-филологическом отделении Московского университета в 1845 г. Он искал место в Азиатском департаменте, а А.Д. Чертков «был так добр», что дал ему «по этому случаю рекомендательное письмо к Льву Григорьевичу Сеньяину»⁵⁵, сослуживцу Черткова по лейб-гвардии Конному полку, с которым он прошел заграничные походы 1813–1814 гг. В 1862 г. Палаузов был избран в действительные члены Одесского Общества истории и древностей. Мурзакевичу выпала и печальная миссия – написать в 1875 г. некролог своего бывшего ученика Палаузова, в котором прослежена его судьба на фоне развития национального самосознания у одесских болгар.

Заботам Бодянского, Черткова и Погодина Мурзакевич поручил Хаджи Захария Княжеского, который кончил курс в одесской духовной семинарии, принял русское подданство и направлялся в Москву, чтобы в Синодальной типографии выучиться набору книг и по возвращении на родину «там водворить это полезное дело». Мурзакевич охарактеризовал Княжеского как доброго человека, поведения честного, ревнителя славянства. «Гра-

мотность этого человека в Болгарии известна по маленьким брошюрам, изданным английским обществом миссионеров». Княжеский, по уверению одесского историка, мог сообщить москвичам «об успехах болгарской книжности и о болгарщине» более основательно, чем те, которые уже нечто им пересказывали⁵⁶.

Княжеский также «хотел выпросить для предполагаемых им училищ несколько полных собраний всех учебных книг, употребляемых в наших гимназиях», с чем и приехал в Петербург. Список книг ему помог составить Ю.Ф. Самарин (1819–1876), служивший тогда в министерстве юстиции. Но Княжеский не имел возможности видаться с министром народного просвещения графом С.С. Уваровым, поэтому попросил А.Д. Черткова, также оказавшегося по делам в Петербурге, «взять на себя доставление списка кому следует и приложить свои старания и ходатайства»⁵⁷. Чертков 17 января 1846 г. обратился с письмом к Уварову, зная, что тот был в дружеских отношениях с графом Н.А. Протасовым, обер-прокурором Св. Синода, и передал ему просьбы болгар о присылке для продажи русских церковных книг в Константинополь, в русское консульство. Чертков напомнил Уварову о том, что в бытность в Москве в гостях у Черткова хозяин имел честь показать ему издававшийся в Смирне журнал для болгар «Любословие», который печатался «на средства англичан, старавшихся посредством его действовать на мирных, но еще малопросвещенных болгар» с целью усилить свое воздействие в этом регионе. Чертков разделял беспокойство Мурзакевича, о котором было сказано выше, по поводу культурной экспансии англичан на фоне бездействия России. Чертков писал Уварову: «Иностранцы, иноверцы англичане или североамериканцы, лютеране, методисты, кальвинисты, пропагандисты и проч. и проч. издерживают деньги, заводят типографии, печатают книги на нашем церковном языке, издают журналы, и все это для привлечения на их сторону единоверных нам словен, а мы даже не ссужаем их готовыми православными книгами, за которые они еще предлагают платить ту сумму, которую назначат». Чертков заканчивал свое письмо рекомендацией З. Княжеского, в покровительстве которому со стороны Уварова Чертков не сомневался⁵⁸. Министр народного просвещения сообщил о содержании письма «по принадлежности» обер-прокурору Св. Синода, о чем уведомил Черткова 26 января 1846 г.⁵⁹. В министерство народного просвещения и Св. Синод за помощью в снабжении учебниками и книгами болгарских школ обращались и другие болгары: Н. Геров, А. Экзарх, Н. Стоянович. С 1846 по 1852 гг. из России было отправлено в Болгарию около 2000 книг⁶⁰.

С рекомендательными письмами Мурзакевича к москвичам ехал через Москву в Петербург архимандрит Рильского монастыря С. Ковачевич, который с разрешения Синода собирался хлопотать об «испрошении пособий на

счет учреждения типографии церковной в Рильском монастыре»⁶¹. Знакомство с ним, по мысли Мурзакевича, было бы не бесплодно и для науки.

Поездки в Москву и знакомство с учеными, занимавшимися исследованиями в области славяноведения, а также установление прочных контактов с одесской болгарской колонией придали новый аспект научной, педагогической и общественной деятельности Мурзакевича, ставшего подвижником на ниве болгарского просвещения. О развитии просвещения у славян Мурзакевич думал даже перед смертью, включив в проект своего завещания пункт о передаче части своих ценных бумаг в правление Московского университета для учреждения именных стипендий по 300 рублей для студентов-христиан⁶².

Обучая болгарское юношество в стенах Ришельевского лицея, талантливый педагог возбуждал в своих учениках стремление изучать прошлое и настоящее своего народа, служить своему отечеству. К поиску изданий на болгарском языке он привлек широкий круг болгарской эмиграции, которая также озаботилась сбором статистических, этнографических сведений о своем народе. Будучи в курсе болгарских новостей, Мурзакевич с тревогой указывал на усиливавшуюся тенденцию в процессе развития болгарского просвещения, связанную с ростом влияния Великобритании при одновременном умалении русского воздействия.

Практическое содействие Мурзакевича в снабжении московских ученых, таких как Чертков, Бодянский, Погодин, а также чешского историка Шафарика изданиями, вышедшими из-под пера болгарских авторов, действительно неосценимо. Каждая болгарская книга, посланная Мурзакевичем в Москву, является своеобразным удостоверением культурных контактов болгарской общины Одессы и московскими учеными. Важно подчеркнуть, что болгарская книга не затерялась в личных библиотеках Белокаменной столицы. Бодянский, преподаватель Московского университета, обращался к ней во время своей педагогической деятельности. Чертковская библиотека, которая всегда была доступна для ученого сообщества Москвы, стала после смерти А.Д. Черткова согласно его завещанию первой бесплатной публичной библиотекой Москвы. Немалая заслуга принадлежит Мурзакевичу в том, что Москва с ее библиотеками, «после Софии, Пловдива и, вероятно, некоторых других университетских центров Болгарии», обладает в настоящее время самой богатой коллекцией возрожденческой книги⁶³.

Примечания

- ¹ Злыднев В.И. Болгарская культура // Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху Просвещения. М., 1988. С. 265.
- ² Мурзакевич Н.Н. (некролог) // Журнал министерства народного просвещения (далее – ЖМНП). 1883. № 12. С. 81-89; *Брун Ф.* 30-летие Одесского Общества истории и древностей, его Записки и археологические собрания. Одесса, 1869; *Марков А.К.* Императорское Одесское Общество истории и древностей. Обзор его деятельности за 1839-1888 гг. Одесса, 1888; *Дабига В.Д.* Н.Н. Мурзакевич (1806-1883). СПб., 1886; *Юргевич В.* Черновой проект завещания, найденный в бумагах бывшего вице-президента Общества Н.Н. Мурзакевича // Записки Одесского Общества истории и древностей (далее – ЗООИД). Т. 15. 1889. С. 844-846.
- ³ *Левина Р.Ш.* Митрополит Евгений и Н.Н. Мурзакевич // Археологические вести. 1999. № 6. С. 479-488; *Чертняков И.Т.* 150 лет Одесскому Обществу истории и древностей. 1839-1989. Одесса, 1989.
- ⁴ *Билунов Б.Н.* Мурзакевич Н.Н. // Славяноведение в дореволюционной России. М., 1979. С. 244-245.
- ⁵ *Минкова Л.* Осип Максимович Бодянски и Българското възраждане. София, 1978.
- ⁶ *Мурзакевич Н.Н.* Автобиография. СПб., 1889. С. 33.
- ⁷ Там же. С. 35.
- ⁸ Там же. С. 217.
- ⁹ *Лантева Л.П.* Славяноведение в Московском университете в XIX – начале XX века. М., 1997. С. 44.
- ¹⁰ *Мурзакевич Н.Н.* Автобиография. С. 126.
- ¹¹ Материалы для истории императорского Общества истории и древностей российских. Переписка гг. действительных членов Общества. Письма Н.Н. Мурзакевича к О.М. Бодянскому (1838-1866 гг.) // Чтения в Обществе истории и древностей российских. Кн. 1. 1887. С. 189.
- ¹² Там же. С. 187.
- ¹³ Там же. С. 189.
- ¹⁴ *Венедиктов Г.К.* Первые болгарские возрожденческие книги в Москве // Болгария и Россия (XVIII-XX вв.): взаимопознание. М., 2010. С. 202.
- ¹⁵ *Мурзакевич Н.Н.* Нынешнее состояние просвещения у болгар // ЖМНП. 1838. Ч. 18. № 4. С. 123.
- ¹⁶ *Чертков А.Д.* Всеобщая библиотека России. М., 1845. С. 117-119, 381-382.
- ¹⁷ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее – ОПИ ГИМ). Ф. 445. Д. 305. Л. 220.
- ¹⁸ Материалы для истории... С. 192, 193.
- ¹⁹ *Маркова З.* Българското църковно-национално движение до Кримската война. София, 1976. С. 60.
- ²⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 267.
- ²¹ *Мурзакевич Н.Н.* Нынешнее состояние... С. 123.
- ²² ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 267.

- ²³ Там же. Л. 278 об.
- ²⁴ *Шафарик П.Й.* Славянское народописание. М., 1843.
- ²⁵ Материалы для истории... С. 190-191.
- ²⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 264 об..
- ²⁷ Там же. Л. 270 об.
- ²⁸ Материалы для истории... С. 192, 193.
- ²⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 306. Л. 9 об. 18 января 1846 г. Одесса.
- ³⁰ Там же. Д. 305. Л. 250 об. 12 июля 1843 г.
- ³¹ Материалы для истории... С. 195.
- ³² *Баранович Лазарь.* Меч духовный... или книга проповедей слова божьего... Киев: Тип. Киево-Печерской лавры, 1666.
- ³³ *Herberstein S.* Moscouiter wunderbare Historien. Basel, 1567. (*Герберштейн Сигизмунд.* Записки о Московии).
- ³⁴ *Dobrovsky Joseph.* Ausführliche Lehrgebäude der Bohmischen Sprache, zur gründlichen Erlernung derselben für Deutsche, zur vollkommenern Kenntniss für Böhmen. Prag., 1809.
- ³⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 256 и об.
- ³⁶ Одесская городская публичная библиотека // Новороссийский календарь на 1849 г. Одесса, 1848. С. 408.
- ³⁷ *Ангелов Б.* Паисий Хилендарски. София, 1985. С. 110.
- ³⁸ *Динеков П.* Паисий Хилендарски // Паисий Хилендарски. Славяно-българска история. Под ред. П. Динеков. София, 1963. С. 7.
- ³⁹ *Раковский Г.С.* Няколко речи о Асеню Първому, великому царю българскому, и сину му Асеню Второму. Белград, 1860. С. 118. Прим. 35.
- ⁴⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 266.
- ⁴¹ *Мурзакевич Н.Н.* А.Д. Чертков (некролог) // ЗООИД. 1860. Т. 4. С. 422.
- ⁴² *Шульгина Э.В., Черниловская М.М.* Описание рукописей собрания Черткова. Новосибирск, 1986. С. 74-75.
- ⁴³ Материалы для истории... С. 210-211.
- ⁴⁴ Там же. С. 211.
- ⁴⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 302 об.
- ⁴⁶ Там же. Л. 200.
- ⁴⁷ Материалы для истории... С. 194.
- ⁴⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 242.
- ⁴⁹ Там же. Л. 264. 24 апреля 1844 г. Одесса.
- ⁵⁰ Там же. Л. 267.
- ⁵¹ Материалы для истории... С. 193.
- ⁵² Там же. С. 197, 200.
- ⁵³ *Минкова Л.* Осип Максимович Бодянски... С. 112.
- ⁵⁴ Материалы для истории... С. 197.

- ⁵⁵ *Палаузов С.* Избрани трудове. Т. 2. София, 1977. С. 752. 4 марта 1846 г.
- ⁵⁶ Материалы для истории... С. 199; ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 306. Л. 10.
- ⁵⁷ Два письма Ю.Ф. Самарина к С.П. Шевыреву. 1846 г. СПб. // Русский архив. 1907. Кн. III. С. 430.
- ⁵⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 296. Л. 52, 53.
- ⁵⁹ Там же. Д. 295. Л. 17.
- ⁶⁰ История на България. Т. 5. София, 1985. С. 299.
- ⁶¹ Материалы для истории... С. 205.
- ⁶² *Юргевич В.* Черновой проект завещания... С. 846.
- ⁶³ *Венедиктов Г.К.* Указ. соч. С. 213.

Россия и Черногория: некоторые исторические уроки взаимодействия*

Abstract:

Iskenderov P.A. *Russia and Montenegro; Certain Lessons of Past Cooperation.*

The article is devoted to the history of the Russo-Montenegrin relations on the eve of World War I. The author pays particular attention to the bilateral military convention of 1910. It was suspended after the Balkan wars of 1912–1913 because of King Nicolas' attitude towards Russia. On the other hand Russian political and military leadership was interested in cooperation with Montenegro in pre-war context. Moreover there were various opinions towards matter under discussion within Russian Foreign Ministry as well as Russia Army General Staff. As a result the problem of military convention prolongation got important geopolitical aspect.

Ключевые слова: Россия, Черногория, Балканы, Австро-Венгрия, военно-политическое сотрудничество, Первая мировая война.

Внутренне противоречивый характер отношений России со своими балканскими и славянскими союзниками как нельзя более наглядно демонстрирует история российско-черногорского взаимодействия (прежде всего, военного) накануне Первой мировой войны. Сегодня, сто лет спустя после тех событий, представляется еще более важным проанализировать их с точки зрения лучшего понимания нынешнего состояния и перспектив взаимоотношений России со странами региона. Не случайно в наши дни налицо новый всплеск интереса в обществе и к самой Первой мировой войне, и к проблемам ее предыстории.

В центре проблематики российско-черногорских отношений оказался вопрос возобновления военной конвенции 1910 г., приостановленной российской стороной после начала Первой Балканской войны (начатой Черногорией без предварительного согласования этого вопроса с Санкт-Петербургом, как то обязывал документ).¹

Впервые вопрос о целесообразности продолжения военной помощи Черногории был поставлен в донесении российского военного агента в этой стране генерал-майора Н.М. Потапова от 17 марта 1913 г. в отдел генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба, в котором указывалось на все более определяющуюся вероятность заключения сербо-черногорского соглашения о проведении совместной военной политики.

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта РГНФ («Великая Албания: прошлое, настоящее, будущее»), проект № 11-01-00259а.

Начало военному объединению двух государств было, по его мнению, фактически положено во время боевых действий на фронтах Балканской войны и, в частности, принятием черногорскими войсками под Шкодером (Скадаром) сербских артиллерийских инструкторов, а также их общим подчинением сербскому генералу. В связи с этим Потапов указал на настоятельную необходимость немедленно приступить к подготовке вывода российских военных инструкторов из Черногории, «дабы сама ликвидация произошла впоследствии незаметно, иначе единовременное отозвание всех инструкторов после войны может принять вид или враждебной демонстрации нашей по отношению к Черногории, или же обидного для нас отказа Черногории иметь наших инструкторов».² Одновременно, по его мнению, в связи с осуществленной на днях русско-австрийской демобилизацией, отпадает необходимость пребывания российских военных представителей в этом районе Балканского полуострова с точки зрения общеполитической обстановки в Юго-Восточной Европе.³

Данная позиция была подтверждена Потаповым в донесении от 9 мая 1913 г., в котором он рекомендовал ускорить разрешение вопроса о нахождении российских военных инструкторов в Черногории в связи с переходом черногорской армии на мирное положение, а также началом практической деятельности только что сформированного кабинета генерала Я.Вукотича, что делало пребывание военных специалистов с каждым днем все более неопределенным не только с точки зрения иностранных представителей в Цетинье, но и в глазах самих черногорцев.⁴

Более подробный анализ истории и настоящего положения русско-черногорского военного сотрудничества с точки зрения командования российской армии был дан в послании военного министра В.А. Сухомлинова на имя министра иностранных дел России Сазонова от 18 мая 1913 г. Автор указывал, что приостановка со стороны военного ведомства выдачи Черногории ежегодной военной субсидии, а также фактическое прекращение деятельности российских офицеров-инструкторов (что было предусмотрено положениями русско-черногорского военного соглашения) были вызваны началом военных действий между Черногорией и Турцией и происшедшими вследствие этого нарушениями условий данного соглашения со стороны черногорского правительства.⁵ В сложившейся ситуации, исходя из близкого окончания войны, а также выясняющейся возможности реализации на практике объединения Черногории и Сербии в военном отношении, министерство, по словам Сухомлинова, поддерживает положения, содержащиеся в телеграммах российского военного агента, и просит министерство иностранных дел сообщить, считает ли оно целесообразным - с внешнеполитической точки

зрения – оставить в силе русско-черногорское военное соглашение, в прямой зависимости от чего находится решение вопросов о продолжении российской военной субсидии и инструкторской деятельности в Черногории.⁶

Данная точка зрения была поддержана председателем совета министров России В.Н. Коковцовым в письме на имя Сазонова от 28 мая 1913 г. Он отмечал, что заключение русско-черногорской военной конвенции было обусловлено неблагоприятным для интересов России изменением политической обстановки на Балканах после аннексии Боснии и Герцеговины и преследовало цель противодействовать попыткам Австро-Венгрии укрепить свое экономическое и политическое влияние в Черногории. Несмотря на точное и добросовестное выполнение Россией своих обязательств по данному договору, король Никола, в прямое нарушение соответствующей статьи конвенции, начал военные действия против Турции без согласия и даже ведома российского правительства, а затем, в ходе военных действий, «совершенно не считался с нашими указаниями и даже не останавливался перед такого рода действиями (речь идет в первую очередь о Шкодринском кризисе – П.И.), которые создавали для русской дипломатии весьма нежелательные осложнения». ⁷ На этом основании председатель совета министров находил нецелесообразным сохранение военного соглашения, тем более, что «наблюдаемое ныне сближение между Черногорией и Сербией в значительной степени устраняет невыгодное для нас подчинение Черногории австрийскому влиянию». ⁸ Если же, тем не менее, продолжал автор послания, будет признано предпочтительным, исходя из общеполитических соображений, возобновить действие соглашения, то было бы желательно предусмотреть определенные гарантии добросовестного выполнения черногорской стороной его условий, «дабы соглашение это не только обеспечивало серьезные преимущества Черногории, но отвечало бы и интересам русской политики на Балканском полуострове». ⁹

Данную позицию разделял и российский посланник в Черногории А.А. Гирс, но его аргументация была несколько иной. В своей телеграмме, отправленной 7 июня 1913 г. из Дармштадта, он отмечал, что действия черногорского короля Николы за время Балканской войны со всей определенностью свидетельствовали о том, что он при заключении военной конвенции, в первую очередь, намеревался использовать ее в качестве источника получения денежной субсидии для оснащения и содержания армии, одновременно оставляя за собой известную свободу действий и возможность прямого неподчинения указаниям и требованиям России. Что же касается российских офицеров-инструкторов, то их деятельность по

подготовке военных кадров имела для него более чем второстепенное значение. По свидетельству Гирса, офицеры постоянно жаловались на вмешательство короля в дело обучения и организации армии с требованиями, не имевшими ничего общего с вопросами военной техники и тактики. Это часто приводило к прямому блокированию их трудов и в известной мере сказалось на плачевном исходе военных операций черногорской армии под Скадаром. Что же касается перспективы, то, по мнению российского дипломата, не существует никаких серьезных оснований ожидать перемен в отношении короля Николы к делу обучения своей армии.

Кроме того, продолжал Гирс, «ввиду племенных особенностей сербов Черногории, образующих скорее клан, чем государство, мы вряд ли добьемся образования из них боевой единицы, отвечающей всем современным требованиям военной техники и нашим военно-политическим задачам, существенно изменяющимся с удалением турецких войск из пограничных с Черногорией областей, и с новой разверсткой сербских земель». ¹⁰ В данных условиях единственным выходом для монарха будет, по его мнению, приглашение сербских инструкторов, несмотря на его недоверие и даже вражду к сербской династии и правительству. Важную роль в этом случае должен будет сыграть сам черногорский народ, «под Скутари (Шкодер – *П.И.*) торжественно братавшийся с сербским войском», а также члены правительства Черногории, которые будут вынуждены поддерживать народные требования. ¹¹

В этих обстоятельствах, при усиливающемся стремлении черногорского населения к скорейшему политическому объединению с Сербией, а также продолжающемся подспудном общественном недовольстве действиями короля Николы в период войны, черногорцы, по мнению посланника, не будут сожалеть об уходе российских инструкторов. Россия же, со своей стороны, избавится от «задачи самой по себе трудной и неблагодарной, которая при изменившемся положении вещей в этих краях и при невыяснившемся еще ближайшем будущем их, могла бы создать нам всякого рода осложнения, не исключая и таких, которые возбудились бы на почве возможных расчетов короля Николы и его династии с его подданными». ¹²

Иной была позиция по данному вопросу поверенного в делах России в Черногории Н.А. Обнорского, изложенная им в депеше от 16 июня 1913 г. в ответ на запрос министерства иностранных дел по поводу его взглядов на проблему дальнейшей инструкторской деятельности и в целом сохранения в силе военного соглашения между Россией и Черногорией. Соглашаясь с тем, что черногорская сторона нарушила взятые на себя обязательства, и что

данное обстоятельство должно естественно подвести к мысли о нецелесообразности сохранения указанного соглашения, российский дипломат подчеркивает, что, независимо от судьбы договора, полезная для Черногории деятельность России могла бы быть продолжена. В данном случае конвенцию, по его мнению, следовало бы заменить на простое техническое соглашение о статусе российских инструкторов, лишенное какой бы то ни было политической окраски, учитывая то обстоятельство, что «при более продолжительной и поставленной в более практические условия инструкторской деятельности русских офицеров могут быть нами достигнуты полезные результаты».¹³ Принятие же решения об отзыве инструкторов после войны, обнаружившей многочисленные недостатки в организации черногорской армии, вызванные как «некоторой теоретичностью в постановке нами здесь военного дела на новых началах, так и, в гораздо большей мере, крайней отсталостью и некультурностью черногорского населения», имело бы серьезные негативные последствия для самой России.¹⁴ Не говоря о потере многих миллионов рублей, уже вложенных в дело реорганизации армии, данный факт был бы воспринят как бегство русских, пришедших к убеждению о провале своей миссии, и имел бы крайне негативные последствия для авторитета России в балканских государствах вообще и в Черногории в особенности.

Что же касается получившей в Черногории определенное распространение (в связи со слухами об отзыве российских инструкторов) мысли о возможности приглашения сербских военных специалистов, то такой вариант представлялся Обнорскому едва ли осуществимым и по политическим, и по чисто техническим соображениям, по крайней мере, в ближайшем будущем. В частности, против данного шага была резко отрицательно настроена Австро-Венгрия, усматривавшая в нем, по словам австрийского дипломатического представителя в Белграде барона В. Гизля, «первый и, быть может, роковой для политической самостоятельности черногорцев шаг к тесному политическому сближению обоих сербских государств».¹⁵ В связи с этим, австро-венгерское правительство предпочитало видеть в Черногории российских инструкторов и в этих целях осуществляло по дипломатическим каналам воздействие на короля Николу, который, со своей стороны, из династических соображений, также опасался слишком тесных контактов своих подданных с сербами.

С другой стороны, подчеркивает российский поверенный в делах в Цетинье, и сама Сербия, в нынешних экономических условиях, вряд ли могла взять на себя сопряженное с крупными расходами ведение военного дела в Черногории, которая не в состоянии сама содержать свою армию. Что же касается позиции черногорского правительства по данному вопросу, то

Обнорский сослался на проходившую незадолго до этого его беседу с министром иностранных дел Черногории П. Пламенацем, который осторожно затронул вопрос об инструкторах, дав понять российскому представителю, что правительство, признавая некоторые обнаружившиеся за время войны недостатки в организации обучения черногорских войск и целесообразность его осуществления на большей практической основе, тем не менее, «находит желательным избежать ухода российских инструкторов из Черногории».¹⁶

23 июня 1913 г. Обнорский имел беседу с королем Николой, который, указав на торжественность переживаемого его страной момента в силу подписания мирного договора с Турцией, попросил довести до сведения российского правительства, что «король черногорский выражает искреннее сожаление, что под влиянием не зависевших от его воли причин его величеству пришлось начать войну вопреки советам России, но что на будущее время его величество твердо намерен в точности следовать советам и указаниям государя императора и императорского правительства, памятуя, что Черногория может быть сильной лишь в единении с Россией».¹⁷ Одновременно, король просил Обнорского ходатайствовать от его имени о возобновлении военной субсидии и восстановлении деятельности российских инструкторов, «в которых Черногория будет нуждаться еще в течение долгого времени».¹⁸

В этой связи заслуживает быть также отмеченным донесение Обнорского от 30 июня 1913 г., в котором автор подробно излагает свои соображения относительно принципов взаимоотношений России со своими балканскими союзниками и, в частности, с Черногорией. Он указывает, что Россия на собственном горьком опыте последних лет убедилась в том, насколько можно придавать веры заявлениям как самого черногорского короля, так и «прочих, более или менее случайных руководителей ее политики».¹⁹

Безусловно, продолжает автор, российское правительство в целом может рассчитывать на координацию своих дипломатических усилий с союзными балканскими государствами, однако, тем не менее, нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что «если балканские славяне и являются солидарными с Россией в основных чертах своей внешней политики, то в отдельных ее задачах они, как государства молодые и еще далеко не завершившие своего естественного развития, долго еще будут склонны ко всякого рода политическим авантюрам и, следовательно, уклонениям от твердого курса славянской политики, руководимой Россией».

Вот почему всякие политические и в особенности военно-политические соглашения между нашим великим, уже давно сложившимся

и ведущим мировую политику отечеством, и еще развивающимися отдельными славянскими государствами на Балканах представляются, по моему скромному мнению, продолжает Обнорский, весьма для нас неудобными и едва ли целесообразными.

Установившийся среди хорошо сложившихся культурных наций принцип международной этики по отношению к договорам, сформулированный в свое время одним из величайших исторических народов – римлянами – «*pacta servanda sunt*» («договоры должны выполняться» – П.И.), по-видимому, долго еще будет чужд культурно слабым и не особенно твердым в морали народам Балканского полуострова».

Что же касается конкретной организации инструкторского дела, то, по мнению Обнорского, необходим продуманный подбор кадров на место инструкторов, ибо для несения данной службы нужны специалисты, не склонные «видеть в столь ответственной перед Россией и задачами русской политики командировке лишь источник своих личных карьерных комбинаций, легко осуществимых в исключительной обстановке черногорского двора».²⁰

В течение сентября и первой половины октября 1913 г. ситуация вокруг русско-черногорского военного сотрудничества еще больше осложнилась. Обострение сербо-албанских отношений и стремление короля Николы любыми способами вмешаться в данный конфликт с целью добиться для себя каких-либо территориальных приобретений (что проявилось в издании им указа об объявлении мобилизации нескольких бригад черногорской армии) побудили российское правительство продлить мораторий на действие конвенции 1910 г. и не отправлять в Черногорию уже заготовленные для нее военные грузы, получение которых могло бы быть расценено черногорским населением, уставшим от непрерывных войн, как «поощрение более серьезных по адресу албанцев замыслов своего господаря, не прекращающего подавать населению надежду на то, что тем или иным путем он добьется завладения областью, непосредственно прилегающей к Скутари».²¹

В середине октября 1913 г. совет министров Черногории предъявил королю Николу специальный меморандум, посвященный вопросам сербо-черногорских и русско-черногорских отношений следующего содержания:

«1) в целях восстановления существовавшего порядка оказания Россией материальной помощи, желательно приложить к тому все усилия до покаянной поездки в Петербург включительно. 2) установление самых тесных отношений с Сербией, подкрепленных «письменным» с ней соглашением по делам дипломатическим, экономическим и военным. 3)

поддержание корректных отношений с австрийским правительством и назначение в Вену, если окажется возможным, дипломатического представителя».²²

Изложение данной программы в письменной форме было неодобрительно встречено королем Николой, который упрекнул министров в том, что они стремятся «увековечить память о себе в архивах».²³

Тем не менее, король был вынужден обсудить с министрами положения данного документа, по итогам которого он сделал на нем собственноручную пометку «одобряю».²⁴

Однако сами министры довольно скептически отнеслись к возможности изменения общего курса короля, объясняя его согласие соображениями чисто тактического плана, связанными с предстоящим созывом скупщины, членами которой министры не являлись.²⁵

Тем не менее, совместное обращение членов совета министров произвело определенное впечатление на черногорского короля, и он пригласил к себе на аудиенцию российского поверенного в делах в Цетинье Обнорского, которая состоялась 28 октября 1913 г. и была посвящена обсуждению основных вопросов, затронутых в меморандуме. Никола подробно ознакомил Обнорского с тяжелым положением Черногории после двух войн, причем не только финансовым, но и психологическим, и высказал свое твердое намерение впредь неукоснительно следовать советам России, «без могущественной поддержки которой Черногория нормально существовать и развиваться не может».²⁶ При этом король поделился с российским представителем своим тайным намерением отправить собственноручное письмо Николаю II с подробным объяснением причин, вынудивших Черногорию прибегнуть в последнее время к действиям, не всегда следовавшим указаниям российского правительства.

Спустя несколько дней, король Никола еще раз пригласил к себе Обнорского и вновь выразил свое искреннее желание искать пути к восстановлению традиционно близких отношений с Россией. По очереди коснувшись вопросов о военной субсидии, инструкторах и деятельности функционировавшего в Черногории при российском финансовом содействии Мариинского института, Никола в завершение беседы отметил, что сознавая допущенные им прискорбные недоразумения в отношениях с российским правительством, он стесняется о чем-либо просить его, но с искренней благодарностью примет все, что Россия нашла бы необходимым сделать для его страны. При этом, подчеркнул Никола, его единственным ответом на любые советы и указания России будет слово «слушаюсь».²⁷

Обнорский подчеркнул в своей депеше от 2 ноября 1913 г., что окончательное прекращение деятельности российских инструкторов в

Черногории, равносильное сдаче позиций России, поставило бы и короля Николу, и его подданных в крайне затруднительное положение и могло бы «повлечь за собой весьма серьезные внутренние и внешние политические осложнения и замешательства в этой маленькой славянской стране, хотя бы и ставшей, с падением турецкого режима на Балканах, своего рода политическим анахронизмом, но имеющей, благодаря своим историческим заслугам и не раз понесенным кровавым жертвам, право на спокойное существование и развитие».²⁸

Кроме того, сохранение военного сотрудничества с Черногорией имело бы, по мнению Обнорского, позитивное значение для нормализации международных отношений на Балканах и вместе с тем сохранения принципа статус-кво «от новых сюрпризов со стороны короля Николая и его правителей, которые, как теперь выясняется, были бы доведены до полного отчаяния окончательным отказом в помощи со стороны России».²⁹ Наконец, присутствие в Черногории армейского корпуса, обученного российскими офицерами и преданного России, само по себе играло бы роль сдерживающего фактора по отношению, прежде всего, к Австро-Венгрии.³⁰

После изучения данного вопроса, как на основании сообщений российских представителей в Сербии и Черногории, так и с учетом общеполитической обстановки в Европе, министр иностранных дел России С.Д. Сазонов направил письмо на имя военного министра, датированное 5 декабря 1913 г., в котором изложил позицию своего министерства по указанной проблеме. Он подчеркнул необходимость продолжения военного сотрудничества России с Черногорией, но высказался за изменение условий его осуществления в целях добиться большей самостоятельности российских офицеров-инструкторов в деле осуществления ими своих обязанностей. Кроме того, по мнению Сазонова, русско-черногорское соглашение должно включать в себя перечень условий, неисполнение которых черногорской стороной автоматически будет иметь следствием немедленное, полное и окончательное прекращение всякой военной помощи этой стране.³¹

Данные положения были также изложены Сазоновым во всеподданнейшей записке от 24 декабря 1913 г., получившей одобрение Николая II.³²

Одновременно министр иностранных дел дал указание поверенному в делах в Черногории заявить королю, в форме личного мнения, что Россия, «быть может не откажет в этой помощи при непрременном однако изменении нынешних ее условий».³³

3 февраля 1914 г. в российском Генеральном штабе состоялось совещание, посвященное обсуждению будущего русско-черногорского

военного сотрудничества. Повестка дня совещания, в работе которого принимали участие, помимо представителей военного ведомства, товарищ министра иностранных дел России А.А. Нератов и начальник Ближневосточного отдела министерства иностранных дел князь Г.Н. Трубецкой, включала следующие вопросы:

1) следует ли возобновить военное соглашение между Россией и Черногорией;

2) в случае утвердительного ответа - в каком виде и размере желательна военная помощь Черногории в отношении:

А) денежной субсидии;

Б) снабжения черногорского правительства военными материалами;

В) командирования инструкторов;

Г) открытия кадетского корпуса.³⁴

На совещании представителями российского военного руководства были обнародованы расчеты, согласно которым, в случае продолжения участия России в реорганизации черногорской армии, представлялось необходимым образовать в Черногории шесть дивизий общей численностью 60.000 человек; что же касается денежных расходов, то они составили бы 2 миллиона рублей на содержание армии, 2 миллиона - на военно-техническое снабжение и ежегодно 500.000 рублей в качестве оплаты деятельности российского офицерского инструкторского корпуса. Кроме того, данными расчетами предусматривалась необходимость одновременного выделения еще 15 миллионов рублей на создание артиллерийской базы и снабжение достаточным количеством военных материалов. Признавая, однако, невозможность получения согласия Государственной Думы на выделение столь значительных сумм, представители военного ведомства высказали сомнения в целесообразности вообще оказания какой-либо военной помощи Черногории.³⁵

Со своей стороны, участвовавшие в работе совещания представители министерства иностранных дел отметили, что при нынешнем экономическом и политическом положении Черногории численность ее армии в 60.000 человек является преувеличенной и соответствует, в первую очередь, исходным данным и пожеланиям самой Черногории. Между тем, с точки зрения интересов России, по их мнению, не представляется желательным создавать из черногорской армии значительную самостоятельную боевую единицу; наоборот, гораздо предпочтительнее «поставить ее в возможно тесную связь с сербской армией, совместно с которой она только и способна была бы к сколько-нибудь значительным военным операциям».³⁶ Такая постановка вопроса позволила бы значительно уменьшить размеры российской военной помощи Черногории и продолжать

оказывать ее приблизительно в тех же масштабах, что и ранее. С другой стороны, представители внешнеполитического ведомства поставили вопрос о том, что в случае отказа России продолжать военное сотрудничество с Черногорией, ее правительство может обратиться с аналогичным ходатайством к какой-либо другой державе, что может быть невыгодно для интересов России.³⁷

Сообщая об итогах совещания в Генеральном штабе в российскую миссию в Черногории, Сазонов предложил поверенному в делах в этой стране изложить свои соображения по поводу расчетов военного ведомства, что и было им сделано в депеше от 23 февраля 1914 г.³⁸

Обнорский поставил под сомнение точку зрения военных экспертов о нежелательности для России продолжать военную помощь черногорскому правительству, ибо возможная в таком случае передача инструкторского дела Сербии вызовет крайнее раздражение черногорского короля, который уже получил от российской миссии сообщение о принципиально положительном решении данного вопроса, а также породит противодействие со стороны Австро-Венгрии, не желающей допускать какого-либо присутствия Сербии в черногорских делах и слишком поспешного процесса их политического сближения. Что же касается финансовой стороны дела, то, соглашаясь с мнением военного ведомства о необходимости организации 60-тысячной черногорской армии, он указывает, что, с учетом состояния черногорской казны, на долю России придется два с небольшим миллиона рублей. Однако, по его мнению, финансирование реорганизации черногорской армии может быть осуществлено не путем единовременной субсидии, а в течение нескольких лет, что существенно облегчит все финансовые операции. Кроме того, согласно расчетам Обнорского, в мирное время Черногории достаточно располагать 6-тысячной армией. Количество необходимых инструкторов также, по сведениям черногорской стороны, может быть уменьшено по сравнению с оценками российского Генерального штаба, составив 17 офицеров и 60 унтер-офицеров, что потребует ежегодных ассигнований 300.000 рублей в год. В целом, по мнению российского поверенного в делах, и единовременное выделение 15 миллионов рублей является чрезмерным.

Обнорский полагал, что Россия должна «оберегать как Сербию, так и родственную ей Черногорию от скороспелых планов их политических деятелей, хотя бы и талантливых как г. Пашич, но почти всегда страдающих отсутствием широкой перспективы, вследствие некоторого провинциализма политической мысли, столь присущего деятелям мелких государств».³⁹

Этим провинциализмом российский дипломат и объясняет не раз им

наблюдавшееся явление, когда «даже наиболее выдающиеся балканские деятели в интеллектуальном отношении значительно уступают среднеодаренным европейским дипломатам.

Вот почему, оказывая поддержку и помощь мелким государствам, с слабым культурным бытом, великодержавные государства, – как всегда и поступает наше отечество, – не должны выпускать из своих рук общее руководство и инициативу», – заключает Обнорский.⁴⁰

Находившийся в этот период в Санкт-Петербурге Гирс также представил свои соображения в связи с обсуждением указанного вопроса на уровне военного ведомства и министерства иностранных дел России. Его программа решения вопроса русско-черногорского военного сотрудничества предусматривала следующие шаги: 1. Направление в Россию из Черногории отобранных на основании рекомендаций российского военного агента в этой стране группы черногорских офицеров для их подготовки к самостоятельному осуществлению инструкторской деятельности у себя на родине, путем их прикомандирования к военным частям и военным учебным заведениям в России. 2. Отказ от командирования в Черногорию российских унтер-офицеров, ибо их пребывание в рядах черногорской армии, «доселе не усвоившей истинных понятий воинской дисциплины и весьма склонной к политиканству, может неблагоприятно отозваться на самих инструкторах».⁴¹

Через два-три года получившие военное образование черногорские офицеры смогут сами образовать корпус инструкторов, что освободит Россию от различного рода трудностей и издержек, связанных с организацией в больших масштабах инструкторской деятельности своих офицеров. На ближайшее же время численность черногорской армии должна быть сведена к минимуму, необходимому для поддержания обороноспособности страны, что явится значительным облегчением для черногорского населения и воспрепятствует осуществлению королем Николой каких-либо авантюрных планов, связанных с проведением военных операций, в первую очередь, против формирующегося Албанского государства. Сама же материальная помощь должна, по мнению Гирса, отпущаться не в денежной форме, а исключительно в виде поставок военного снаряжения, причем не по требованиям черногорского правительства, а лишь по запросам и под контролем военного агента России в Черногории. Что же касается открытия в Черногории кадетского корпуса, о чем также шла речь в ходе обсуждения указанного вопроса, то это, по мнению Гирса, не является настоятельно необходимым; но если, тем не менее, данное мероприятие будет признано таковым, то контроль над деятельностью корпуса должен быть возложен на особый училищный совет,

находящийся под председательством того же военного агента.⁴²

Все вышеприведенные соображения были доложены Сазоновым руководству военного ведомства, с дополнительной оговоркой о том, что, по мнению МИД, управление черногорским военным министерством также должно быть поручено российскому офицеру.⁴³

13 апреля 1914 г. в Генеральном штабе состоялось еще одно совещание, посвященное вопросу о возобновлении Россией военной помощи Черногории. В его работе приняли участие начальник Генерального штаба генерал-лейтенант Н.Н.Янушкевич (председатель совещания), от министерства иностранных дел - Нератов, князь Трубецкой и Гирс, от Главного управления Генерального штаба - генерал-квартирмейстер Генерального штаба, генерал-лейтенант Ю.Н.Данилов и помощник 1-го обер-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба генерал-майор Н.А. Монкевиц. В результате длительного обсуждения участники совещания пришли к выводу о необходимости, для обеспечения военных интересов России на случай возникновения военного столкновения с Австро-Венгрией, наличия в Черногории сильной и боеспособной армии. К этому мнению в итоге присоединился и Нератов, первоначально отстаивавший точку зрения, что вопрос о русско-черногорском военном сотрудничестве не связан с какими-либо военными интересами России и должен рассматриваться исключительно на основе общеполитических соображений, что позволило бы ограничиться минимальными средствами, отпускаемыми на подготовку черногорской армии.⁴⁴

В итоге члены совещания пришли к заключению, что «разрешение вопроса о продолжении русской военной деятельности в Черногории в том или ином виде желательно было бы установить путем обмена мнений между главами соответствующих министерств и внесения затем этого вопроса в совет министров».⁴⁵

Тем не менее, несмотря на, в целом, позитивное отношение в министерстве иностранных дел России и в российском военном ведомстве к вопросу о возобновлении русско-черногорского военного сотрудничества, конкретное решение указанного вопроса затянулось и не получило своего действительного наполнения вследствие происшедших в конце июня 1914 г. событий, ставших прологом к Первой мировой войне.

Примечания

¹ По вопросу о характере русско-черногорского военного сотрудничества и перспективах его возобновления после Балканских войн в историографии существуют различные точки зрения. По мнению черногорского исследователя Н.Шкеровича, инициатива в вопросе о возобновлении действия конвенции принадлежала российскому Генеральному штабу, а не черногорскому правительству или королю – См.: Шкеровић Н. Из односа Црне Горе и Русије: Војна конвенција 1910. // Историјски записи, 1959. Књ.ХVI. Св.3-4. В то же время сербский историк Й.Йованович указывает на определяющую роль в этом отношении Николая II, утверждая, что руководящие военные круги России занимали как раз противоположную позицию - См.: Јовановић Ј. Русија и Црна Гора // Записи. 1933. Књ.ХII. Иных взглядов придерживался Ю.А.Писарев, полагавший, что впервые вопрос о возобновлении действия российско-черногорской конвенции был поставлен королем Николой в ноябре 1913 г.; однако российский Генеральный штаб также положительно отнесся к необходимости оказания Черногории материальной помощи // Ю.А.Писарев. Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985.

² Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф.Политархив. Оп.482.

Д.3341. Л.1.

³ Там же.

⁴ Там же. Л.3.

⁵ Там же. Л.4. Российско-черногорская военная конвенция, подписанная 30 ноября 1910 г., предусматривала оказание Россией содействия в развитии черногорских вооруженных сил путем предоставления ей ежегодной военной субсидии, военных материалов, а также непосредственного направления российских военных специалистов. Согласно статье седьмой данной конвенции, черногорское правительство взяло на себя обязательство «не предпринимать никаких военных действий без предварительного соглашения с императорским правительством, а также не заключать военные соглашения с каким бы то ни было иным государством без согласия его императорского величества» // Историјски записи. Титоград, 1959. Књ.16. Св.3-4. С.115.

⁶ АВПРИ. Ф.Политархив. Оп.482. Д.3341. Л.4.

⁷ Там же. Л.7.

⁸ Там же. Л.8.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л.12.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л.14.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л.15.

¹⁷ Там же. Л.26.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л.27.

²⁰ Там же. Л.28.

²¹ Там же. Л.65.

²² Там же. Л.66.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Л.67.

²⁷ Там же. Л.71.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

- ³⁰ Там же.
³¹ Там же. Л.85.
³² Там же. Л.157.
³³ Там же.
³⁴ Там же. Л.94-95, 116.
³⁵ Там же. Л.98.
³⁶ Там же. Л.98-99.
³⁷ Там же.
³⁸ Там же. Л.99, 102-104.
³⁹ Там же. Л.103-104.
⁴⁰ Там же. Л.104.
⁴¹ Там же. Л.108.
⁴² Там же. Л.107-109.
⁴³ Там же. Л.112, 158.
⁴⁴ Там же. Л.131-134.
⁴⁵ Там же. Л.134.

Черногорские традиции в контексте модернизации рубежа XIX–XX вв.

Abstract:

Khlebnikova V. B. *Montenegrin Traditions in the Context of the Modernization of the Frontier.*

The article demonstrates how the ancient tribal Montenegrin traditions and customs interweaved with the new social events caused by the modernization and the build-up of the state. The issue of traditions in the era of renovation does not have an unequivocal answer.

Ключевые слова: Черногория, модернизация, патриархальный уклад, обычаи, государственное строительство.

В гуманитарных науках существуют две точки зрения на то, какую роль играют исторические традиции в эпоху модернизации. В одном случае исследователи смотрят на традицию как на помеху, встающую на пути прогресса, как на некий пережиток старины, который следует преодолеть во имя обновления. Вторая точка зрения отвергает этот упрощенный взгляд. Ученые, особенно востоковеды, утверждают, что историческая традиция – это культурная универсалия, хранящая в себе механизм передачи и воспроизведения исторического наследия. Более того, в период модернизации традиции становятся особенно важны, так как выполняют две исключительно полезные функции: селекционную и адапционную. То есть отсекают чуждые, неприемлимые в данном обществе формы, и приспособляют к национальным условиям то, что может ускорить поступательное развитие народа. Проблема изучения традиционного общества в эпоху модернизации заключается в том, что под натиском индустриальных цивилизаций оно быстро деформируется и исчезает. Часто наука просто не успевает зафиксировать стартовое состояние общества и изменения, которые произошли по ходу реформ. В этом смысле черногорская история представляет собой счастливое исключение. Благодаря подвижнической жизни русского слависта П.А. Ровинского (1831–1916) в Черногории на рубеже XIX–XX вв., был тщательно собран и систематизирован уникальный этнографический материал, дающий возможность проверить, как сталкивались и переплетались нововведения и традиции в княжестве, делавшем стремительный переход от племенного к авторитарному, а вскоре и конституционному устройству. Кроме того, в Архиве внешней политики Российской империи сохранились обстоятельные аналитические записки, обзоры, донесения российских дипломатов, работавших в княжестве, и в них содержится не менее надежная

историческая информация. Дошедшие до нашего времени материалы позволяют детально рассмотреть взаимодействие старого и нового во всех сферах общественной жизни Черногории – экономике, политике, культуре.

Начнем с экономики, на протяжении нескольких столетий носившей замкнутый характер. Противостоя Османской империи, черногорские племена оказались изолированными от внешнего мира и выключенными из европейской производственной системы, поэтому были обречены вести самое примитивное хозяйство. Скотоводство и земледелие носили натуральный характер, как писали иностранные наблюдатели, «семьи сами производили то, что нужно для жизни, остальное приобреталось путем грабежа». ¹ Передовой техники черногорцы не знали, их инвентарь не менялся на протяжении веков. Главным экономическим занятием до XIX в., по мнению П.А. Ровинского, была война, дававшая в качестве добычи многое из того, что необходимо для жизни. Черногорский народ довел до совершенства этот вид деятельности, превратился в сообщество, почти не принимающее никакой профессиональной ориентации, кроме военной. Стрелять, сечь врага, побеждать его в рукопашном бою черногорец мог, как никто другой в Европе. Однако оборотной стороной такой «специализации» стало специфическое, можно сказать нигилистическое отношение к ремеслу и торговле. Мирные профессии не пользовались уважением в княжестве, считались недостойными юнака, ими должны были заниматься представители соседних народов, но не сами черногорцы. Это стало причиной мучительного хозяйственного застоя в начале XX в., названного современником «экономическим крушением Черногории». ² Через 28 лет после международного признания княжества не намечилось значительного сдвига в отношении народа к производственной деятельности. Российский поверенный в делах Е.Ф. Штейн в донесении 1906 г. писал: «...Сельское хозяйство ведется тем же первобытным способом, к предметам вывоза: скоту, козам, рыбе, оливкам и сумaku за это время не прибавилось ничего, да и сами предметы эти ... продолжают вывозиться в сыром виде; продукты же из них приобретаются теми же черногорцами от иностранцев, главным образом от австрийских коммерсантов, за двойную, иногда за тройную цену. Сама торговля развивается исключительно в сторону ввоза...». ³ Неравноценный характер товарообмена с соседними странами объяснялся сохранением старинных предрассудков в отношении торговли. «...Сбыт излишка считался неприличным, так как свидетельствовал о нужде семьи, а следовательно, и о неспособности хозяина к доставлению средств к жизни. Такое понятие почти всецело удержалось в Черногории и теперь», – писал в 1912 г. российский дипломат А.А. Гирс. ⁴

В начале XX в., когда войны не было несколько десятилетий, героизм бывших воинов явно трансформировался в желание сделать карьеру в госу-

дарственном аппарате, стать чиновником-начальником во что бы то ни стало. Промышленность, банковское дело и торговля по-прежнему оставались малопрестижными. «Поэтому в Черногории ремесленник и торговец – парии, и быть и тем, и другим для гордого черногорца унижение», – заключал П.А. Ровинский.⁵ Княжеское правительство, само оставаясь патриархальным, редко задумывалось над тем, как преодолеть эти стереотипы и пробудить у своих граждан интерес к промышленной или коммерческой деятельности. Предпринимались неуверенные попытки создать земледельческую школу, ремесленные мастерские, но все начинания упирались в нехватку денег и специалистов. Князь Никола иногда публично брался за рабочие инструменты, чтобы показать, что никому не зазорно овладеть ремеслом. Но то, что прощали князю, не позволялось простому человеку. Острые на язык черногорцы насмешничали над теми, кто был готов заниматься тяжелым физическим трудом, чтобы прокормить семью. Общественное мнение по-прежнему было на стороне величавших себя «господином», тех, кто за символическую плату, не выплачиваемую месяцами, проводил время в многочисленных и довольно бесполезных канцеляриях. Предпринимательство, которое могло бы дать неплохой доход, казалось менее достойным, чем бюрократический чин, обрекавший на полуголодное существование чиновников невысокого ранга. Нежелание заниматься хозяйством, перекладывание домашнего труда на женские плечи, имели побочное моральное действие. Мужчины, за редким исключением, «стали проводить свое время в кофейнях за картами. Кофеен этих расплодилось множество. Так, в местечке, имеющем всего 60 домов, я насчитал 27 кофеен», – отмечал А.А. Гирс.⁶ В Черногории появилось пьянство, о котором ни разу не упоминалось в описаниях иностранцев-путешественников XVIII – первой половины XIX вв. Когда же жизнь окончательно ставила черногорца в экономический тупик, он покидал родину и отправлялся в США, где на рудниках и фабриках занимался той самой тяжелой физической работой, которую отказывался выполнять дома. Исход черногорцев в эмиграцию принял такой размах, что у российского военного ведомства возникли сомнения в оправданности денежной субсидии на содержание княжеской армии. В результате, страна так и не смогла вырваться из чудовищной нищеты, оказалась несостоятельным должником-банкротом; рыночная экономика оставалась в зачаточном состоянии. На этом примере исследователь-прогрессист мог бы смело утверждать, что укоренившиеся хозяйственные традиции оказались непреодолимым препятствием для экономического развития страны.

Однако и в этой безрадостной картине можно увидеть позитивные примеры взаимодействия старины и новизны. В начале XX в. черногорское правительство, не сумевшее организовать хозяйственный подъем страны,

пошло по пути повышения налогов с населения и заимствований в европейских банках. Внешняя задолженность росла так стремительно, что несколько раз Черногория оказывалась на грани банкротства. На помощь приходила Россия, бравшая на себя труд реструктурировать черногорские долги. Но и сами черногорцы не оставались пассивными в этой кризисной ситуации. В критические моменты «проснулись» и пришли в движение древние демократические племенные механизмы контроля над властью. Глава российской миссии в Цетинье П.М. Власов в 1900–1901 гг. обратил внимание на удивительное событие. Из внутренних областей страны были отправлены в столицу представители племен, старейшины, посмевшие начать с князем обсуждение весьма чувствительной темы: почему государство находится в состоянии финансовой катастрофы, в то время как народ регулярно выплачивает немалые налоги. По мнению Власова, это было своего рода требование дать отчет в расходовании государственных средств. Он считал, что в народную среду «проникает сознание необходимости преобразований».⁷ Через год П.М. Власов вернулся к этой истории. В депеше от 2 января 1902 г. он сообщал о поездке черногорского монарха за границу и подчеркивал: «В бесцельном пребывании князя Николая в Ницце здесь (в Цетинье – В.Х.) усматривают стремление его избежать или отсрочить обычное ежегодное свидание с главарями, которые могут поставить его королевскому высочеству неприятный вопрос о том, почему до сего времени он не сдержал формального обещания, данного им в 1900 г., ввести в княжестве административные и судебные реформы».⁸ Следовательно, простые черногорцы, хотя и медленно, но приходили к осознанию того, что относиться пренебрежительно к хозяйственной жизни больше невозможно, что безалаберность правительства требует от них самостоятельности и активности в финансовых, а, значит, и в экономических вопросах. Еще не забытая историческая традиция самоуправления наполнилась новым прагматическим содержанием – власть снизу получала толчок к модернизации.

Политическая жизнь Черногории после международного признания менялась крайне медленно. Долгое время сохранялся привычный догосударственный порядок управления на местах; по словам П.А. Ровинского, черногорец «все еще больше руководствуется своими старыми племенными понятиями и инстинктами».⁹ В конце XIX в. работавший в княжестве сербский юрист В. Богишич проводил своего рода социологические опросы, выясняя отношение народа к тем или иным новым институтам, в том числе к госу-

* Сначала князь Никола принял титул королевского высочества, а королем он стал только в 1910 г. Титул «королевского высочества» он выхлопотал себе для того, чтобы его старший сын смог жениться на внучке английской королевы Виктории в 1901 г. (АВПРИ, Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3322. «Принятие князем Николаем королевского титула»).

дарству. Ответы были весьма красноречивыми: «Черногорский народ не знает другой государственной формы кроме той, во главе которой стоит государь, будет то владыка, князь или кто другой, но при всем этом считает, что при нем должно быть несколько отличных людей – сенаторов, которые чинили бы народу суд, а ему помогали управлять страной. И княжескую власть считают для себя законом и охотно исполняют всякое приказание его и его органов, если только уверены, что он дал им отличие не на основании пристрастия и интриги, а по правде. В противном случае они, конечно, и покоряются, но только из страха перед силой, а не вследствие того, что не хотели бы тем сделать негодное князю», – комментировал П.А. Ровинский результаты опроса В. Богишича.¹⁰ Таким образом, судя по наблюдениям ученых, принимая монархическую форму правления, черногорцы не проявляли склонности к ее сакрализации. Превыше всего они ценили справедливость власти, ее умение вести диалог с народом через самых достойных представителей. Самоуправство, произвол, неудачные управленческие решения власть имущих осуждались обществом. «Тешко је ногама под лудом главом» («тяжело ногам под сумашедшей головой»), «с главе риба смрди» («рыба тухнет с головы»), – говорили в таких случаях. Столь рациональное и демократическое видение власти, хотя и родилось в недрах племенного уклада, вполне соотносилось с европейскими представлениями о государстве, как о продукте общественного договора. Демократические тенденции, нараставшие в политической жизни европейских стран в начале XX в., и древние патриархальные ценности черногорцев совпали по времени.

Традиционный взгляд черногорцев на власть выражался прежде всего в особом отношении к монарху и племенным вожакам. На князя Николу смотрели как на патриарха, мудрого отца, гаранта общественной справедливости. Он сам культивировал такое отношение к себе отчасти искренним, отчасти показным демократизмом. В монографии П.А. Ровинского можно найти романтические описания поездок князя по стране, его открытость и доступность, готовность выслушать любого, кто обращается за помощью. Он действительно был хорошо знаком с народной жизнью, знал многих своих подданных в лицо, по отцовски вникал в их проблемы. Это несколько не мешало монарху быть гневливым и быстрым на расправу, сурово наказывать провинившихся, возвышать одних и отправлять в опалу других. Этим Никола не отличался от любого абсолютного монарха, несмотря на то, что правил полуплеменной страной. «Военная дисциплина, под которой живет весь черногорский народ, устраняет возможность всяких протестов», – считал П.А. Ровинский.¹¹ Не будет преувеличением сказать, что князь эксплуатировал старинное уважительное отношение народа к старшему члену общества, привычку послушания вождям и митрополитам, чтобы построить

в стране вполне современный авторитарный политический режим. Здесь традиция помогала внедрению бюрократических новшеств, а не сдерживала их развитие. Современному исследователю очевидно, что князь, может быть даже интуитивно, использовал старину не столько для ускорения государственного строительства, сколько для укрепления своей единоличной власти. Маскировавшаяся под отцовскую абсолютная власть монарха породила всеобщее заблуждение в народе, что в случае затруднений и несправедливости необходимо обращаться к самому князю, который примет нужное решение вопреки приговорам любой судебной инстанции, созданной им же самим. Никола старательно поддерживал этот стереотип, вмешивался в судебные тяжбы, пересматривал приговоры по своему усмотрению, подрывая авторитет судей и повышая свой собственный.

Получалось, что в вопросах государственного строительства князь занимал противоречивую позицию. С одной стороны, он приложил немало усилий к созданию полноценного государственного аппарата европейского типа. Монарха не остановила даже острая нехватка денежных средств, он делал огромные долги за границей, лишь бы его страна стала вровень с другими европейскими народами. Не жалели финансов и на репрезентативные цели. Празднование юбилеев и свадеб, торжества по случаю провозглашения королевством в 1910 г. – все это было организовано на высоком уровне, если вспомнить, что еще недавно никто не знал ни дворцового этикета, ни государственного протокола. Однако эти усилия создавали только фасад монархии, но не повлекли за собой постоянной и кропотливой работы по повышению профессионального уровня управления.

С другой стороны, на протяжении долгого правления Никола так и не смог привыкнуть смотреть на власть с государственной точки зрения. По мнению нерасположенных к нему иностранных, в том числе российских дипломатов, он оставался помещиком, эксплуатировавшим свой народ. Ощущая себя отцом народа, а не высшим должностным лицом, Никола показывал пример государственного скептицизма, неверия в возможности им самим созданного госаппарата. В его сознании патриархальная составляющая оказалась сильнее модернистской, и своим собственным поведением князь тормозил развитие государственных навыков у черногорцев. Особенно ярко проявилось это противоречие в мировоззрении монарха в 1905–1908 гг., когда на почве введенной им конституции возникли острые политические конфликты в обществе. В частных беседах князь говорил российским дипломатам о том, что Скупщина и ее депутаты, несомненно, будут ему послушны.¹² Видимо, он полагал, что благодарность подданных за дарованные свободы станет гарантией их вечной лояльности короне. Каково же было изумление князя, когда выяснилось, что в стране существует поли-

тическая оппозиция, что у нее есть поддержка за рубежом, что критика режима находит живой отклик в среде учащейся молодежи, то есть тех, на кого государство должно опереться в будущем. Сначала правитель поступил как рассерженный отец семейства, посадив неугодных под арест и позволив разгромить оппозиционную газету «Народна мисао» («Народная мысль»). И только увидев неэффективность репрессий, всерьез занялся политическими комбинациями по подкупу и расколу оппозиции, которые позволили преодолеть сопротивление недовольных авторитарными порядками в стране. В этом было несомненное достоинство господаря, его мировоззрение было патриархальным, но методы политической борьбы он использовал самые современные. Очевидно в этой способности быстро учиться и перестраиваться крылся успех Николы на внутри- и внешнеполитической сцене.

Приблизительно такие же наблюдения можно сделать, анализируя поведение рядовых депутатов Скупщины и простых избирателей. Будучи неискушенными в вопросах политической тактики, они сначала вели себя достаточно прямолинейно, как на племенном собрании. Резко критиковали правительство, устраивали обструкции непопулярным министрам, требовали провести ревизию государственных финансов и т.д. Молодые представители оппозиции, подвергшиеся тюремному заключению и другим наказаниям, не долго думая схватились за оружие и составили знаменитый заговор бомбистов («бомбашка афера»). В то же время, от внимательного наблюдателя П.А. Ровинского не ускользнула такая важная деталь: депутаты первых созывов без труда овладевали новыми для них парламентскими протоколом, регламентом, процедурами. Славист считал, что на помощь пришли старинные обычаи: «Внешнюю сторону парламентаризма черногорская скупщина усвоила себе очень легко, может быть, благодаря тому, что у черногорцев исстари существовали скупщины, на которых всегда был порядок и совершенно свободные отношения между ее членами без различия, были то главари или простые черногорцы...».¹³ Следовательно, древние порядки, еще не забытые обществом, приходили на помощь в новой политической ситуации, которая менялась так быстро, что общественное сознание не всегда успевало ее «переварить». В оценке политической жизни княжества нельзя утверждать однозначно, что племенные пережитки были тормозом, в определенных ситуациях они были скрытым резервом только что родившегося государства.

Такая же сложная ситуация наблюдалась в вопросах влияния новых веяний, современных тенденций общественной жизни на традиционный семейный уклад. Вспомним самое специфическое качество черногорской патриархальной семьи – ее подчиненность племенному строю. Опираясь на поддержку своего племени и рассчитывая на его защиту, семья была вынуж-

ждена отказаться от значительной части собственной автономии, жить по общеплеменным правилам, даже если эти предписания вступали в противоречие с интересами семейства. Самый яркий пример такого противоречия – обычай кровной мести, сохранившийся в Черногории до XIX в. Он становился причиной многих затяжных межплеменных столкновений, нередко приводя к гибели целые семьи. «Само собой разумеется, что обида, нанесенная одному из членов племени, считается обидой целому племени и наоборот: за обиду, совершенную одним из его членов, целое племя является ответчиком», - писал Ровинский.¹⁴ Сын, отец, родные и двоюродные братья, побратимы должны были в течение года обязательно отомстить за гибель или за оскорбление близкого человека. Племя не позволяло затягивать с мстью, создавая атмосферу общественного осуждения и недовольства, которые могли демонстрировать и женщины, что было особенно невыносимо для черногорца. В прошлом обычай кровной мести, по мнению слависта, приводил к серьезной убыли населения: «Бывало разнузданное убийство, когда из-за пустяков кидались друг на друга, и тут падали десятки жертв».¹⁵ В XIX в. обычай кровной мести вступил в противоречие и с началами государственной жизни. С середины XIX в. правители только что провозглашенного княжества стали создавать систему судов и законодательства, упорно настаивая на решении споров с помощью государственных институтов. Законник князя Данилы 1855 г., первый более-менее систематизированный свод норм обычного и нового государственного права, категорически запретил защищать в своем доме того человека, которого власть намерена арестовать. Однако древний обычай предписывал брать под защиту любого гостя, переступившего порог черногорского дома. Если хозяин дома не выполнял предписания писаного закона и брался за оружие, представители власти имели право его убить.

Тем не менее, усилия государства не приносили должных результатов до тех пор, пока не начинали работать внутренние племенные механизмы самосохранения. Такой механизм описан в монографии П.А. Ровинского под названием «умирение крови». Этот обычай, такой же древний, как и сама мечь, уже почти исчез в Черногорском княжестве к концу XIX в., но сохранился в отдаленных уголках побережья Далмации, отданной в 1815 г. под власть Австрии. Поскольку это были пограничные с Черногорией земли, а авторитет П.А. Ровинского среди черногорцев был исключительно высок, его пригласили принять личное участие в обряде примирения двух племен в местечке Грбаль в 1890 г. Некий Иво Бойкович совершил два убийства и сам погиб, остался его сын, которому должен был отомстить сын погибшего. Однако племя не хотело нового витка насилия, кровник также не проявлял желания мстить. Поэтому старейшины стали вести переговоры о проведении

обряд примирения крови и в конце концов договорились о том, как произойдет эта процедура. Судя по описанию слависта, сложный и, можно сказать, мрачный обряд был выстроен таким образом, чтобы во-первых, вовлечь в него как можно больше людей – от грудных младенцев, которых матери несли в колыбелях, до старейшин, строго следивших за соблюдением малейших деталей. Во-вторых, обряд должен был произвести на всех неизгладимое моральное впечатление. Самый драматический момент наступил тогда, когда представители провинившейся стороны должны были передать пострадавшим свое оружие. Было собрано немалое количество старинных пистолетов и более современных револьверов, украшенных серебром и являющихся едва ли не единственной ценностью тех, кто был задействован в церемонии. По словам П.А. Ровинского, хотя заранее было договорено, что все вернут прежним хозяевам, напряжение достигло своего апогея. Выпустить из рук даже ненадолго оружие, которое из поколения в поколение передавалось в семье, было непосильной эмоциональной травмой для участников этого исключительного события. Закончился обряд подписанием специальных грамот о примирении и большим угощением, приготовленным для помирившихся сторон. Весь этот сложный и напряженный церемониал не был, по мнению П.А. Ровинского, простым театральным действием. Его воспитательное назначение состояло в том, чтобы показать, к каким тяжким последствиям приведет нарушение данных клятв, как много людей пострадает, если хотя бы один член сообщества не сдержит данного слова. Самому нарушителю грозили изгнание и разорение дома¹⁶. Такой на первый взгляд архаический механизм регулирования общественных конфликтов, по наблюдению российского ученого, действовал в конце XIX в. эффективнее, чем новоиспеченные государственные предписания и суды, работа которых была еще не на высоте. Старина как будто компенсировала недостаток современности, традиция помогала привить навык сдержанности и дисциплины, необходимый для новой государственной жизни.

Можно увидеть причудливое переплетение старого с новым и в других важных вопросах семейной и общественной жизни. Для патриархальной семьи было характерно четкое разделение ролей и довольно суровая власть старших над младшими. «Дети, хотя бы и имели уже своих детей, слушаются своих отца и матери до смерти их так же, как слушались, бывши сами еще детьми», – отметил П.А. Ровинский.¹⁷ Он неоднократно подчеркивал, что военно-патриархальный быт требовал беспепеляционной власти старших и безусловной покорности младших.¹⁸ Хозяин дома (домаћин) в мирное и в военное время решал судьбу своих домочадцев: распределял между ними домашнюю работу, вел сыновей на войну, совершал любые сделки с имуществом по собственному усмотрению, обращаясь за советом к близким только

тогда, когда считал нужным. При этом телесные наказания в черногорской семье были большой редкостью, иногда, рассердившись, мать могла шлепнуть шалуна, отец же практически никогда не бил детей. Скорее можно было увидеть, как разгневанный глава семьи выгоняет из дома палкой провинившегося взрослого сына. Для сравнения отметим, что если муж не обходился сурово с женой и не бил ее, то соседи могли подумать, что он просто боится своей половины. Бить детей не было принято, а женщин наоборот. Особенно тяжелым для черногорской молодежи было право старших без учета их чувств заключать браки. Часто бывало, что молодые люди не видели друг друга до свадьбы. Нередким было принуждение к браку со стороны родителей, чему попустительствовали православные священники. Государство старалось запретить подневольные браки, в своде законов князя Даниила 1855 г. содержалось предписание священникам обязательно выяснять за три дня до венчания, согласна ли невеста выйти замуж за выбранного родственниками жениха. Это новое предписание должно было заменить старую практику, когда родители, узнав о невыносимой семейной жизни дочери, забирали ее у жестокого мужа и даже могли выдать замуж вторично. Поскольку свобода разводов не согласовывалась с нормами канонического семейного права, Законник Даниила требовал искать развода только по церковным правилам.

У девушки и у юноши, судьбу которых решили родители, почти не было возможности избежать навязанной участи. Невесту брали из другого племени, сговор старших означал, что обратной дороги нет. Отказаться вступить в брак – означало нанести оскорбление всему племени. Народный эпос сохранил немало сюжетов, связанных с несчастными браками, а также с соперничеством племен за право брать в жены лучших девушек из самых влиятельных родов. Вообще, судя по устному народному творчеству, свадьба у черногорцев чем-то напоминала военную экспедицию. Представители соседнего племени могли отнять невесту по дороге в дом жениха. В результате пальба и гибель всех участников торжества, включая юную жену. Может быть, поэтому свадебные торжества по-разному воспринимались в черногорских семьях. Выдавая дочь замуж, родные печалились, так как почти теряли ее.¹⁹ Никто из близких родственников не провозжал невесту в дом жениха, она сама могла посетить родных после свадьбы лишь спустя долгий промежуток времени. «Всякая связь прерывается круто, сразу», – писал П.А.Ровинский, приводя народное выражение: «Девојка је туђи ручак» («девушка – чужой обед»). В доме жениха, напротив веселились как после военной победы. Племя, по словам П.А. Ровинского, было с «добычей». Покидая дом родителей, невеста не должна была оглядываться назад, за этим строго следили сопровождавшие ее братья жениха, иначе, по поверью, потомство

будет похожим на род жены, а не мужа. Когда девушка переступала порог дома жениха, ей давали в руки мальчика-младенца, чтобы в молодой семье рождались мальчики, а не девочки. Так начинавшаяся семейная жизнь не оставляла места любви и нежности. Верхом неприличия считалось проявление мужем заботы о жене и даже упоминание ее имени. Ни одна жена не смела при людях обратиться к мужу, не смела горевать и плакать, когда он уезжал на войну, оплакивать его на похоронах, хотя траур по мужу вдова носила до самой смерти.

Почти неограниченная власть старших над молодежью проявлялась и в том, что до конца XIX в. не приветствовались семейные разделы. П.А. Ровинский описывал два типа семьи – большую (задружна) – артельная) и малую («инокосна» – буквально одинокая), отметив, что предпочтение черногорцев отдавалось первой по экономическим и военным соображениям: «...В прежнее время, когда постоянно угрожала опасность, как со стороны внешнего неприятеля, так и от внутренних междоусобий, народ по необходимости переносил большую скученность в семье».²⁰ Славист лично был знаком с семейством, в котором было 57 человек. Чем младше был член большой семьи, тем труднее и бесправнее его положение, тем меньше у него возможности принимать самостоятельное решение. Младший брат должен был получать разрешение не только у отца, но и у старшего брата. «Это было нечто вроде военной дисциплины, вытекавшей из вечного военного положения. Но это вечное военное положение почти уже миновало, народ вышел или выходит из патриархальности, с которой никак не согласуются ни новые взгляды видевшей свет молодежи, ни новые формы государственной жизни», – считал П.А. Ровинский²¹. На рубеже XIX–XX вв. начались семейные разделы, только что сложившиеся молодые парные семьи нередко настаивали на праве жить самостоятельно. По мнению слависта, стремление отделиться и жить своей малой семьей было для молодежи равнозначно стремлению к свободе.²² Этот «молодежный бунт» начала XX в. вызвал некоторое замешательство в еще традиционном обществе. Государство заняло противоречивую позицию в конфликте поколений. В 58 параграфе Законника Данилы были прописаны довольно суровые наказания за непослушание старшим – штрафы, тюремное заключение, лишение наследства.²³ Однако в повседневной судебной практике чаще приходилось «одергивать» старшее поколение: «...Замечая со стороны отца злоупотребление своим старейшинством в ущерб остальным младшим членам семьи или со стороны мужа над женой, суд берет под защиту слабейшую сторону», – замечал П.А. Ровинский.²⁴ Он пришел к интересному выводу: «Случается, что черногорский суд решает дело вопреки Законнику Даниила и отделяет сына вопреки воле отца, наделяя его имущественными правами наравне с другими членами се-

ми».²⁵ Подобные судебные решения показывали границы применения обычая в эпоху перемен. Модернизация нуждалась в том, чтобы в спорной ситуации она могла опереться на традицию, но недостаточно эластичный обычай приходилось отменять или ограничивать его применение.

Больше всего патриархальный и военизированный характер черногорской семьи проявлялся в отношениях полов. О положении черногорской женщины на рубеже XIX–XX вв. не раз писали европейцы. П.А. Ровинский счел необходимым осветить этот сюжет со всех сторон и показать несправедливость однобоких оценок. Как в любом традиционном обществе, потомство в черногорской семье считалось знаком благополучия, бездетность Божьей карой. «Бездетная сноха смотрит какой-то сиротой и несчастной, и муж ее за то меньше любит, потому что и ему это служит укором», – делился своими наблюдениями славист.²⁶ Правда, в начале XX в. стала проявляться тенденция к снижению рождаемости, дипломат Е.Ф. Штейн заметил, что «многочисленное потомство начинает представляться многим черногорцам уже не как благословение свыше».²⁷

Однако, как бы ни радовало увеличение семейства, рождение сына и дочери имели диаметрально противоположное значение для черногорца. Появление на свет сына сопровождалось шумными празднествами, стрельбой из огнестрельного оружия, становилось предметом особой гордости. П.А. Ровинский утверждал: «Хвалится дом, когда в нем рождается много мальчиков. Тут отчасти выражается военный характер Черногории, а главное родовой взгляд: семейное имя, фамилия, держится только в мужском поколении».²⁸ Рождение дочери – факт, который предпочитали не афишировать, поэтому поздравления мать новорожденной в лучшем случае получала от самых близких родственников, а в худшем случае не получала совсем; ей не давали отдохнуть после родов, сразу нагружали тяжелой работой.

Так же резко отличалось воспитание мальчиков и девочек. В раннем возрасте девочка становилась помощницей по дому, к моменту совершеннолетия она – главная рабочая сила в доме, «если нет снох». Мальчик с раннего возраста пас скот, а все свободное время проводил в обществе взрослых мужчин, слушая их рассказы о героических походах. В 12–14 лет ему давали оружие, «да и до того времени он все хватает оружие отцовское, отчего нередко бывают и несчастья, особенно с того времени, как пистолеты заменили револьверы», – сетовал П.А. Ровинский.²⁹ С 14–16 лет юноша вместе с отцом отправлялся в военные походы, а с 18 лет военное дело становилось для него обязательным. В противном случае ни одна девушка не выйдет за него замуж. Совместное участие в военных действиях несколько уравнивало отца с сыном. Кстати, женщины тоже не оставались в стороне, когда началась война. Многие из них следовали за войсками, неся тяжелые грузы,

под пулями собирали раненых, уносили их с поля боя в безопасное место, выхаживали. Но на их социальный статус такая самоотверженность влияла мало.

В мирное и военное время основная домашняя работа лежала на женщинах, от которых в полной мере зависело благополучие в семье. Кроме того, переноска любых тяжестей, начиная с военной амуниции и кончая товарами, предназначенными на продажу, считалась исключительно женской работой. Иностранцы с удовольствием посещали Черногорское княжество во второй половине XIX в., считая такое путешествие приятным экзотическим приключением, не сопряженным с высокими рисками. Каково же было их изумление, когда навстречу шли группы женщин, несущих тяжелую поклажу, например, строительные материалы. А рядом шли мужчины с оружием в руках и вели беседы друг с другом. Кстати, переноска грузов неплохо оплачивалась и была источником семейного дохода. На эту «работу» посылали и юных девушек, и даже девочек-подростков. П.А. Ровинский описал случай с пятнадцатилетней девочкой, которая едва не погибла зимой, потому что не смогла донести до нужного места бочонок вина. Обессиленная девочка сидела на дороге и буквально замерзала. Ее спас проходивший мимо иностранец, который донес злополучную ношу, причем все, кто наблюдал за этой сценой, едко шутили на его счет. Исследователь расспросил местных жителей, чем бы все закончилось, если бы не подвернулся чужак. Черногорцы отвечали, что ребенок мог замерзнуть, что на подмогу могли бы прислать других женщин, и на крайний случай, двое мужчин отнесли бы бочонок на палке, не прикасаясь к нему руками.³⁰ П.А. Ровинский без труда нашел в истории страны рациональное объяснение этому, прямо скажем, негуманному обычаю. Мужчины не брали в руки тяжестей потому, что их руки всегда должны быть свободны для перестрелки, для того, чтобы дать отпор в случае неожиданного нападения. По мнению слависта, в старой Черногории, постоянно находившейся на полувоенном положении, мужчины и женщины были по сути равны: «Чрезмерное обременение черногорской женщины трудом уравнивается со стороны черногорца и его мучительными военными экспедициями, сопряженными с различного рода лишениями и страданиями, и с риском жизнью».³¹ Получалось, что в прежнем племенном быту было четкое ролевое разделение полов, мужчины и женщины поровну разделили тяготы военной жизни, обеспечивая жизне-способность общества в целом.

Однако ученому пришлось тут же признать, что старинный уклад уже не соответствовал новым условиям. Война ушла в прошлое, Черногория много лет не воевала, а ролевое и статусное разделение в семье не менялось. Подзадержавшаяся старина начала оказывать негативное воздействие на

семейные нравы, что не ускользнуло от внимания П.А. Ровинского. Неохотно (он вообще избегал негативных оценок, особенно когда речь шла о народных традициях) исследователь признавал, что «черногорец, опираясь на свое исключительное военное положение, злоупотребляет им, так сказать, балуется и не хочет работать как следует...».³² Таким образом, старинная традиция незаметно и плавно перетекала в новое качество – черногорский мужчина стал выступать в роли эксплуататора женщины.

И в этой новой социальной ситуации можно увидеть как начали действовать государственные институты, пытаясь решить проблему, с которой племенное общество прежде не сталкивалось. С одной стороны, государство брало под защиту женщин, карая за жестокое обращение с ними. Особенно много в этом направлении сделал последний правитель Черногории Никола. Он лично наказывал тех, кто грубо обращался с женами. «Николай помог значительно поднять женщину в глазах своего народа», – утверждал П.А. Ровинский.³³ С другой стороны, власть сама стала ущемлять слабый пол. В старые времена овдовевшая черногорка, которая одна воспитывала детей, имела полное право свободно распоряжаться семейной собственностью. Также обычай оставлял за замужней женщиной право поступать с личным имуществом, наследством так, как ей хотелось, без вмешательства мужа. Однако в 1888 г. в силу вступил «Имущественный законник Черногории», составленный В. Богишичем, и в нем говорилось, что без согласия мужа женщина не может распоряжаться своей собственностью. В случае длительного отсутствия мужа, она должна была обращаться в суд, чтобы получить разрешение на операции с недвижимостью. Таким же образом ограничивались имущественные и опекунские права вдовы. Она не имела права принимать важные решения без обращения в суд или к местным властям.

Это наводит на мысль о том, что социальный статус женщин снизился по сравнению с догосударственной эпохой. Ранее самостоятельная во всех домашних делах женщина-вдова в конце XIX в. попала под контроль административных и судебных органов. В монографии П.А. Ровинского утверждалось, что в племенном быту женщины, несмотря на внешние признаки неравенства (не садились в присутствии мужчин, целовали каждому пришедшему в дом мужчине руку, обмывали мужчинам ноги и т.д.), были равны с мужчинами в главном – вели хозяйство, воспитывали детей, в некоторых случаях могли выступать на народных собраниях. В прошлом женщины нередко являлись посредницами в деле примирения враждующих племен. Они не знали затворничества, пользовались полной свободой перемещения, что не всегда бывает принято в традиционном обществе. Обычай защищал жизнь, честь и достоинство женщины в любом месте наравне с мужчиной. Выходило, что в племенной жизни женщины обладали большим обществен-

ным весом и авторитетом. Это был парадокс модернизации. Современники-юристы объясняли этот парадокс тем, что черногорское правительство в своем правотворчестве формально заимствовало чужие нормы романо-германского права, автоматически отказалось от славянской специфики, состоявшей в более широких имущественных правах жен, и тем самым невольно снизило правовой статус женщин. Однако можно предложить и другую гипотезу. В обновляющейся Черногории срабатывали старые стереотипы, в соответствии с которыми женщины нуждаются в защите, но раньше это была защита от врагов, а теперь от себя самих, от необдуманных поступков. Руководители страны – носители патриархального сознания, как будто не очень верили в то, что в новой жизни женщина сумеет принять правильное решение и не нанести урона семье. Возможно, в этом проявилась некоторая дезориентация и растерянность черногорской элиты в условиях стремительного социального обновления. В целом, во всех семейных подвижках мы видим, как сочетаются действия государственно-правовых и традиционных институтов, причем иногда древний механизм работал успешнее, чем современный. Процесс обновления общественной и семейной жизни был достаточно противоречивым, некоторые его стороны выглядели как движение вперед, некоторые как возвращение назад. В одних случаях привлекательнее казались государственные мероприятия, в других – старинные обычаи и традиции.

В любом модернизирующемся обществе повышенное внимание уделяется сфере образования и просвещения, но особенно это было актуально для страны, пребывавшей пять столетий в культурной изоляции. П.А. Ровинский считал, что Черногория рубежа XIX–XX вв. «вступила на новый путь» в культурном отношении, стала «учеником и воспитанником» Европы.³⁴ Славист, много лет наблюдавший ярко выраженное стремление черногорского юношества повысить свой образовательный уровень, особо подчеркнул поддержку, которую оказывало в этом деле молодым старшее поколение: «Каждому дому приятно иметь хоть одного грамотного, который умел бы прочитывать что-нибудь и записать».³⁵ Небогатые семьи готовы были отдать последние сбережения сыну, решившемуся ехать на учебу за границу. Правительство поддерживало тягу к знаниям, открывая новые школы и посылая своих подданных получать высшее образование за рубежом. Но и в вопросах просвещения наблюдалось затейливое соотношение старых, идущих из прошлого, и новых, порожденных реформами, мотиваций, заставлявших получать образование. Иностранцы, помогавшие в XIX в. развивать систему народных школ в княжестве, отметили потрясающий энтузиазм учащейся молодежи. М. Костич, ректор богословской школы, открывшейся в Цетинье в 1867 г., вспоминал: «...Может быть, ни в одном учебном заведении, ни в

каком государстве Европы не было таких старательных, таких трудолюбивых учеников, какими были эти молодые люди в черногорской богословской школе! ... Они учились от зари до полного мрака». Заболевшего ученика преподаватели не могли уложить в постель, буквально отнимали у него учебники. Любовь к чтению была так велика, что дети воинов и пастухов основали школьное литературное общество под названием «Борац»». М. Костиц утверждал: «Чем больше они читали и знакомились с тем, что делалось у других народов Европы, тем больше сознавали, как во всем отстало их отечество и как поэтому они должны трудиться, чтобы сколько-нибудь продвинуть вперед умственное развитие своего народа».³⁶ Такая оценка делала честь черногорцам и могла вызвать искреннее восхищение, хотя на деле процесс просвещения народа был не так однозначен и прост, как казалось первым учителям княжества.

Во-первых, страстное желание учиться не избавило многих черногорцев от племенного эгоцентризма. Одна из самых трудных проблем, с которой столкнулись в XIX в. педагоги в княжестве, это межплеменная разнь среди учеников. Директор богословской школы М. Костиц и преподаватель единственной гимназии в Цетинье С. Матавуль (позже ставший известным писателем) вспоминали, как часто случались ссоры и драки между школьниками.³⁷ С. Матавуль насмешливо заметил, что враждующие между собой ученики сами поделились на «простых» и «знатных» («кућићи» и «никоговийи»), «грызлись как желтые муравьи», а наставники не успевали их мирить. М. Костиц считал, что драки были вызваны повышенной воинственностью школьников, «а также вечным трением между отдельными племенами, причем каждое племя хочет возвыситься над другим».³⁸ Враждебное отношение учащихся друг к другу в школе чаще всего удавалось преодолеть, но потом, когда черногорцы шли на государственную службу, племенной сепаратизм время от времени напоминал о себе.

Во-вторых, побудительные мотивы, заставлявшие молодежь упорно учиться, были разными. Довольно быстро выяснилось, что некоторые юноши мечтали стать высокообразованными не только для того, чтобы профессионально заняться наукой или просвещением. Диплом представлялся наиболее подходящим способом достигнуть положения «вожака», «господина», человека, занимающего высокую ступень на социальной лестнице. Уже отмечалось, как велико было стремление черногорца к такому статусу. Закончивший гимназию молодой человек не допускал мысли о том, что он останется в прежней социальной среде. «При врожденном стремлении черногорца к положению господина школа для него становится привлекательной не расширением знаний и умственного развития, а тем, что ведет его к занятию должности, освобождающей его от физического труда и суровой жизни

своих отцов. Высшее образование поэтому возбуждает и высшие вождедения, которым иногда и не в состоянии удовлетворить их отечество, вследствие чего они покидают его и ищут ожидаемого вне его пределов», – с горечью отмечал П.А. Ровинский.³⁹ Страна страдала от нехватки образованных людей, но получившие диплом черногорцы зачастую были нацелены не на культурный подъем своей родины, а на собственный карьерный рост, личное благополучие. Судьба отчизны отходила на второй план, погоня за успехом пришла на смену племенному самосознанию, так и не превратившись у некоторых в современный государственный патриотизм. Конечно, это относилось только к определенной части молодых специалистов, рядом с ними были и те, кто самоотверженно служил своему народу. Однако тенденция своего рода «карьерного космополитизма» была налицо. В Черногории постепенно формировалась прослойка образованных людей, которые могли бы стать носителями нового сознания, но эту немногочисленную просвещенную часть общества можно было упрекнуть в тех же слабостях, что были свойственны княжеству в целом. «Весь этот контингент шел в ряды чиновников и наполнял канцелярии, благодаря чему на развалинах патриархального быта водворяется канцелярщина, которая и завладела всецело народной жизнью»; «духом чиновничества прониклись даже священство и учительство», – писал П.А. Ровинский.⁴⁰

Возможно, такой приземленный подход к просвещению помешал преодолеть культурную отсталость страны. Современники отметили очевидные успехи княжества в деле ликвидации неграмотности, по общему признанию иностранных наблюдателей, младшее и среднее мужское население страны почти поголовно умело читать и писать. С большим трудом, но все же продвигалось и женское образование. Однако система среднего специального и высшего профессионального обучения так и не сложилась к началу Первой мировой войны. Конечно, главная причина этого – бедность и экономическая отсталость Черногории. Вместе с тем, «непрестижность» педагогической и просветительской деятельности, острая нехватка учителей, «чиновничьи» предпочтения молодежи тоже тормозили культурную модернизацию.

Таким образом, черногорская история рубежа XIX–XX вв. подтверждает правоту тех исследователей, которые отказались от негативной оценки старины, традиций и обычаев и призвали видеть в них полезный и гибкий общественный механизм. Традиции помогали народу не потерять в одночасье коренные ценности, сохранять свою идентичность в условиях бесконечных перемен и нововведений. Поскольку большая часть этих новшеств шла сверху, насаждалась властью (причем, самими суровыми методами), народ как будто искал опору в древних устоях, держался за них до тех пор, пока

сам не убеждался в необходимости обновления. Старинные обычаи на первый взгляд казались слишком громоздкими, театрализованными, часто негуманными, но при более внимательном рассмотрении они оказывались полезными и обществу и государству. Государство опиралось на них, когда ему не хватало профессионализма и опыта. Народ прибегал к ним тогда, когда государственные институты не справлялись с возникавшими конфликтами. При всей наивности и очевидной архаичности обрядовой стороны традиции, она была своего рода социальной защитой от неосторожных экспериментов и грубого давления извне.

Примечания

¹ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 5293. Л. 65.

² Там же. Л. 66.

³ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3334. Л. 264.

⁴ Там же. Д. 5293. Л. 65.

⁵ *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Государственная жизнь (1851-1907). Т. III. Петроград, 1915. С. 68.

⁶ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 5293. Л. 67.

⁷ Там же. Д. 3334. Л. 58 об.

⁸ Там же. Д. 3349. Л. 182 об.

⁹ *Ровинский П.А.* Указ. соч. Т. II. Ч. 1. СПб., 1897. С. 389.

¹⁰ Там же. С. 390.

¹¹ *Ровинский П.А.* Указ. соч. Т. III. С. 73.

¹² Архивско одељење Народног музеја Црне Горе (далее – АОНМЦ). Ф. Приновљени рукописи. 1907. фасцикула LVIX. Деша П.В. Максимова № 12 от 27 февраля 1907 г.

¹³ *Ровинский П.А.* Указ. соч. Т. III. С. 132.

¹⁴ Там же. Т. II. Ч. 1. С. 141.

¹⁵ Там же. Т. II. Ч. 2. СПб., 1901. С. 399.

¹⁶ *Ровинский П.А.* Указ. соч. Т. II. Ч. 2.

¹⁷ *Ровинский П.А.* Указ. соч. Т. II. Ч. 1. С. 204.

¹⁸ Там же. С. 218.

¹⁹ Там же. С. 239.

²⁰ Там же. С. 196.

²¹ Там же. С. 218.

²² Там же. С. 202.

²³ Там же. С. 264.

²⁴ Там же. С. 279.

²⁵ Там же. С. 280.

²⁶ Там же. С. 211.

²⁷ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 3334. Л. 264.

²⁸ *Ровинский П.А.* Указ. соч. Т. II. Ч. 1. С. 193.

²⁹ Там же. С. 217.

³⁰ Там же. С. 225.

³¹ Там же. С. 222.

³² Там же. С. 223.

³³ Там же. С. 232.

³⁴ Там же. С. XXII.

³⁵ Там же. С. 416.

³⁶ Там же. Т. III. С. 291-292.

³⁷ *Матавуљ С.* Биљешке једног писца. Београд, 1953. Сабрана дела. Т. IV. С. 92.

³⁸ *Ровинский П.А.* Указ. соч. Т. III. С. 291.

³⁹ Там же. Т. II. Ч. 1. С. 417.

⁴⁰ Там же. Т. III. С. 62.

Регионализм и централизм между двумя войнами (на примере Югославии). Взгляд из Венгрии

Abstract:

Biro L. *Regionalism and Centralism between the Two Wars (on the Example of Yugoslavia). A View from Hungary.*

The inter-war Kingdom of Yugoslavia and Tito's Socialist Yugoslavia both had an urgent task to integrate the territories with very different characteristics. In the first case, the centralism was chosen; in the second, the federalism. But it proved impossible to overcome the centrifugal tendencies: state and political traditions as well as the level of social and economic development varied too much from one region to another. During the inter-war period, these differences were deepened by economic reasons.

Ключевые слова: королевская Югославия, интеграция, централизация, автономия, регионы.

После Первой мировой войны на обломках великих империй Восточной Европы появились новые государства, такие как Чехословакия, Югославия (с воссоединением польских земель после почти полутора столетий небытия была восстановлена в качестве самостоятельного государства также Польша). Отдельные части образовавшихся стран – особенно это касается Югославии – принадлежали раньше различным империям, между ними было мало связей, более того, во многих случаях можно сказать: абсолютно никаких связей не было. Регионы, включенные в новые государства, находились на разных ступенях экономического и культурного развития, имели разный опыт и традиции организации политической жизни, унаследовали резко различающиеся между собой политические и административные институты, а также институциональные системы (речь идет об экономической, налоговой, таможенной системе, системе правосудия и народного образования)¹.

Перед новыми государствами стояла очень нелегкая задача – интегрировать воссоединенные, сильно различающиеся по многим своим характеристикам регионы в единое целое, организовать из унаследованных систем и территорий целостный, живой и хорошо функционирующий организм. Работа шла на многих уровнях. Предстояло сформировать единую политическую, экономическую, финансовую, таможенную, административную систему, единую систему народного образования.

В принципе перед новыми государствами стояли разные альтернативы там, где дело касалось строительства новой системы государственного управления. Одна из возможностей – полная интеграция, точнее централи-

зация, при которой надо было создать единые институты, распространяющие свое действие на всю страну. В этом случае никакая территория не могла бы получить автономию и практически никакие вопросы не должны были решаться на локальном уровне. В основе подобных представлений лежала концепция, в соответствии с которой после Первой мировой войны было создано в новых границах мононациональное государство (nation state), в котором все жители страны принадлежали к одной нации. Но была и другая возможность: сохранение некоторых форм автономного управления. В этом случае некоторые вопросы (в основном культурные и социальные) должны были решаться на локальном уровне. Только дела, напрямую связанные с единством государства и его целостностью, относились к компетенции центральных властей: речь идет в основном о внешней политике, внешней торговле, обороне (при этом могли быть использованы такие формы общественного устройства как федерация, конфедерация).

Проблема внутренней политической системы

До появления новых государств мало кто думал об их внутреннем устройстве. Иначе и быть не могло, поскольку вплоть до последних лет Первой мировой войны только утописты и мечтатели думали всерьёз о кардинальном изменении всей карты Средней и Восточной Европы, то есть о распаде Австро-Венгрии. В конце августа 1914 г. была образована комиссия, в которую вошел ряд выдающихся сербских учёных. Они должны были определить цели Сербии в войне. Комиссия пришла к выводу, что на Балканском полуострове надо создать большое, крепкое государство, которое обеспечит мир и равновесие в этом регионе. Сербия, само собой разумеется, думали, что такой страной будет Сербия, но в гораздо более широких границах – к ней надо было присоединить Боснию, Герцеговину, Далмацию, Хорватию, Истрию, Словению, а также территории Южной Венгрии (Воеводина). Правительство и сербский парламент приняли предложения комиссии и определили целью Сербии в войне расширение государства. О внутреннем устройстве послевоенного государства и методах интеграции различных унаследованных систем речи не было ².

Ход международных событий привёл к тому, что в декабре 1918 г. воплотились югославские национальные устремления и было создано Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС). К самостоятельной Сербии и Черногории (соединившейся с Сербией только в последние дни ноября 1918 г.) присоединились и некоторые части бывшей Австро-Венгрии (Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, Воеводина). Последние составляли 58% территории нового государства.

Вопрос о будущей политической системе и государственном устройстве обсуждался перед образованием нового югославского государства. Летом 1917 г. начались первые серьёзные переговоры между сербским правительством и представителями хорватской эмиграции³, а по сути дела эта дискуссия продолжалась на протяжении всего периода существования первой или королевской Югославии⁴.

Обобщённо говоря: сербы хотели централизовать новое государство, организовать его внутренний строй теми же методами, как они это сделали на территориях Южной Сербии (в частности, в Косове и Македонии, присоединённых к Сербии по итогам Балканских войн). Сербия после 1913 г. просто декларировала, что ее законы распространяют свое действие на вновь присоединённые территории. Однако хорваты и словенцы хотели достичь автономии в новой стране. Ещё перед созданием нового государства на переговорах с представителями Сербии их представители всегда утверждали, что каждая часть вновь образованного государства должна пользоваться определенной автономией, поскольку речь по сути дела идет о самостоятельных нациях. Кроме того, хорваты настаивали на том, чтобы конституция была принята после заключения соглашения между нациями, то есть квалифицированным большинством в парламенте.

В конце концов вопрос о внутреннем политическом порядке Королевства СХС решила так наз. Видовданская конституция 1921 г. Конституционная ассамблея начала свою работу в декабре 1920 г., специальная комиссия приняла решение о том, какой проект будет обсуждаться парламентом. Представленные проекты конституции отражали различные представления о внутреннем управлении. Существовали как централизующие, так и децентрализующие (федеративные) проекты. В основе королевского предложения лежал централизующий проект, поддержанный более крупными и влиятельными сербскими партиями. В соответствии с ним страну предстояло разделить на 35 (33) административных единиц без учета более ранних исторических границ. Административные органы новых единиц (областей) должны были иметь очень узкую компетенцию. Другие проекты, представленные хорватскими, словенскими партиями, а также бывшим премьер-министром Стояном Протичем, предлагали создать в стране несколько (6-8) единиц (провинций, покраин), имевших свои законодательные органы, правительства, внутреннюю автономию в культурных, социальных, экономических делах. Эти крупные административные единицы совпадали бы с прежними историческими границами, в основном разграничивавшими территории проживания отдельных народов (наций). В этих проектах Сербия, Хорватия, Словения, Босния и Герцеговина, Черногория, Воеводина всегда представляли собой отдельные единицы⁵.

Сербские партии добились того, чтобы, вопреки прежним обещаниям и договоренностям, конституция была принята не квалифицированным, а лишь простым большинством голосов. Им удалось также достичь того, чтобы за новую конституцию кроме сербских партий голосовали мусульмане Боснии и Южной Сербии⁶. Первая конституция нового королевства не признавала никакой автономии, ни территориальной, ни этнической. Была подтверждена централизованная, унитарная политическая система. Она закрепила ведущую роль сербской династии во главе с королём Александром Карагеоргиевичем. Король назначал премьер-министра, командовал вооружёнными силами. Страна в административном отношении делилась на 33 области, административные единицы, которые не были образованы в соответствии с этническим принципом либо границами исторических регионов⁷.

Вскоре после принятия новой конституции правительства и парламенты в разных провинциях (в Хорватии, Боснии и Герцеговине, Воеводине, Далмации) прекратили свою деятельность. Таким образом, все территории и народы, имевшие до тех пор какую-либо автономию, были лишены своих законодательных органов и внутренней административной автономии, которыми они владели в Австро-Венгрии. Это оказалось особенно большим ударом для хорватов, располагавших до 1918 г. полной внутренней автономией. Позиции хорватской национальной элиты ухудшились, ее влияние уменьшилось. Не менее существенно, что Хорватия во времена дуализма, по всей вероятности, получала больше денег от государства, чем та доля, которую она должна была вносить в центральный бюджет. После 1918 г., в совместном государстве, ситуация изменилась, хорватские территории теперь вносили больше средств в общегосударственную казну. Хорваты пришли к выводу, что попали в менее благоприятное положение.

Централизованную, унитарную систему поддерживали королевский двор, сербские политические партии, а в некоторые важные периоды (например, во время создания Югославии) сербы, жившие в Хорватии, а позже, в 30-е годы, самая влиятельная словенская партия. Для сербов Югославия явилась воплощением их национальной мечты. Это государство впервые в истории объединило почти все сербское население. Сербы не хотели, чтобы между разными группами их этноса, жившими в разных частях страны, появились опять какие-то границы.

Новое государство со своей политической системой не обрело межэтнического мира. Быстро обнаружилось, что идеология югославизма не может создать единый югославский народ (или нацию), элиты отдельных народов и в дальнейшем представляли интересы своих народов и территорий. На всем протяжении короткой истории королевской Югославии происходила непрерывная политическая борьба между централистами-унитаристами и

федералистами, то есть между управлявшими страной сербскими кругами из Белграда и представителями национальных элит из Загреба, Любляны, Сараева⁸.

Об автономии некоторых провинций или народов сербы долгое время не хотели даже слушать. Только весной 1939 г. были начаты переговоры между двором и представителями самой влиятельной хорватской партии. В августе стороны сошлись на том, что будет создана автономная хорватская провинция (Бановина). Решающую роль в достижении компромисса сыграли международные факторы, изменение внешнеполитической обстановки. Вследствие аншлюса Австрия перестала быть самостоятельной страной, а Мюнхенское соглашение показало, что западные великие державы не могут защитить своих союзников, малые страны Средней Европы. Двор и правительство Цветковича хотели избежать распада Югославии, они думали, что договоренность с хорватами предотвратит их стремление к выходу из Югославии.

В соответствии с указом о хорватской Бановине предусматривалось создание новой, особой административной единицы. В нее были включены территории, на которых преобладало хорватское население. Бановина получила свой законодательный орган и свое правительство с относительно широкими компетенциями, особенно в культурной, экономической, социальной жизни⁹. В 1939 г. начался новый период в истории королевской Югославии. Но эта новая эпоха продлилась совсем недолго, всего два года. В 1941 г., после нападения Германии и соседних стран Югославия распалась на разные части.

Меры по унифицированию разных институциональных систем

За 10-15 лет все важные государственные институты были унифицированы. В ходе реализации экономической программы первоочередными задачами явились введение новой единой валюты, образование национального банка Югославии, запрещение использования иностранных денег. В январе 1920 г. был принят закон о создании Национального банка Королевства СХС. Большинство акционеров было из Сербии, и этот факт позже, во время мирового экономического кризиса, приобрёл большое значение, потому что финансовая политика Югославии была предопределена сербскими интересами. До конца 1921 г. было введено новое средство платежа (динар). Обменный курс (1 динар равен 4 прежним австрийским кронам) был установлен невыгодно для тех частей страны, которые принадлежали до 1918 г. Австро-Венгерской империи¹⁰.

В 1918 г., на момент образования Королевства СХС, в многонациональной стране существовало 5 разных систем прямого налогообложения. К 1930-м годам, приблизительно за 10 лет, постепенно была введена единая налоговая и таможенная система. Прямые налоги составляли 10-20% государственного дохода, а пошлина – 9-16%¹¹. Современники много спорили о том, какая часть страны платит больше налогов. На основании имеющихся данных можно утверждать, что в период 1918–1929 гг. в Словении и Воеводине платили (на одного человека) в 3-5 раз больше прямых налогов, чем в южных районах страны, а в Хорватии в 1,5 раза больше, чем в Сербии. После унифицирования системы налогов картина незначительно изменилась: в Словении и Воеводине налог был теперь в 1,5 раза больше на одного человека, чем в среднем по стране, и в 3-4 раза больше, чем на юге¹². Разница в уплате налогов была обусловлена экономическим потенциалом отдельных регионов страны. Думая об источниках пополнения бюджета, правительство не торопилось выравнять налоговую систему. Но в такой сложной и неоднородной стране, как межвоенная Югославия, народы и территории, платившие больше налогов, считали систему несправедливой, задерживающей их развитие.

В каждом государстве бывают различия в уровне развития между регионами, но это не всегда приводит к большим напряжениям. Однако в многонациональных странах все экономические и социальные проблемы неизбежно приобретают этническую окраску, становятся конфликтами между народами и таким образом возникает проблема лояльности отдельных народов к общему государству, а также солидарности с другими народами. В конце 1928 г. в Королевстве СХС противоречия между народами стали настолько острыми, что король Александр боялся распада страны. После переговоров с руководителями разных партий и иерархами православной церкви он решил осуществить государственный переворот, распустив парламент и ввёл режим личной власти. Король запретил партии и организации на национальной основе. В прокламации от 6 января 1929 г. он подчеркнул, что его целью является именно сохранение единства государства и народа. 3 октября 1929 г. он издал закон, которым упразднилось прежнее административное деление государства и вводилось новое, на бановины, полностью игнорировавшее национальный принцип и интересы отдельных национальностей. Королевство сербов, хорватов и словенцев было переименовано в Королевство Югославия¹³.

По мнению короля Александра, в целях сохранения государственного единства необходимо было укреплять югославское национальное сознание граждан. Король полагал, что спустя 10 лет после образования Югославии не только может быть, но должно быть сформировано общее национальное

сознание. Он считал, что путем административных мер можно заменить этническое сознание отдельных народов югославским сознанием. По официальной идеологии югославизма южные славяне составляли этническое единство.

Принятие нескольких законов о просвещении было направлено на то, чтобы и школы также участвовали в насаждении идеологии интегрального югославизма. В законе об основных народных школах, принятом в декабре 1929 г., отмечалось, что задача школ состоит не только в том, чтобы обучать детей читать и писать, они должны воспитывать их в духе югославизма и государственного единства. Кроме того, закон предписывал преподавать 14 предметов (в том числе историю) по единой для всей страны программе. Языком обучения стал официальный язык государства (так наз. «сербо-хорватско-словенский» язык)¹⁴.

Меры по выравниванию социального и экономического уровня разных регионов

Важнейшие государствообразующие системы к 1930-м годам были унифицированы. Процесс унификации был тесно связан с постоянным стремлением властей к централизации страны. Однако Югославия так и не стала единой страной. Отдельные ее части сохранили свои специфические черты и большие региональные различия. Можно сказать, что общество Югославии было «крестьянским океаном», поскольку приблизительно 70–75% населения работало в сельском хозяйстве, только Словения была исключением в этом плане (около 60%)¹⁵. Более традиционные общества находились в южной части страны. Этот более традиционный порядок отражался во многих планах, например, в южных частях страны девушки раньше выходили замуж, обычно в 20–25 летнем возрасте, тогда как в Словении одна четверть женщин вообще не вышла замуж¹⁶. На юге рожали больше детей – в Сербии, Косове, Боснии и Герцеговине на одинаковое число населения приходилось в четыре раза больше детей, чем в Воеводине или Словении¹⁷. Рост численности населения на южных территориях был намного быстрее. Во времена королевской Югославии население Косова выросло на 69,7 %, тогда как в северных частях страны только на 17–20 %¹⁸.

Одновременно рост населения был большим на территориях, где условия сельскохозяйственного производства оказались намного хуже. Согласно исследованиям, миллионам крестьян перед Второй мировой войной понадобилось покупать продовольствие до получения нового урожая, потому что собственные хозяйства не смогли обеспечить людей продуктами. Особенно тяжелой была обстановка в горных районах, в Герцеговине, Черногории,

Хорватии – там пропорция таких «дефицитных» крестьянских хозяйств достигала 60-70%¹⁹.

Система образования была менее развита на южных территориях, там было меньше школ и больше людей, которые не умели читать и писать (см. таблицу 1)²⁰. На северных территориях было в 1,5-2 раза больше школ, чем на юге (например, в Словении приходилось 1404, в Хорватии 1587, а в Боснии и Герцеговине 2550 учеников на одну школу)²¹. В Словении, Воеводине, Белграде, некоторых частях Хорватии почти каждый ребёнок посещал школу, тогда как в Боснии и Герцеговине, Косове, Македонии только 40% детей. На южных горских территориях деревни были меньше по размеру и маленькие села не были в состоянии поддерживать школу. В королевской Югославии система финансирования школ не способствовала выравниванию образовательных стандартов на разных территориях. Более развитые регионы – поскольку они платили больше налога – получали больше денег на образование²².

Таблица 1.

Неграмотные по бановинам – 1921, 1931 (%)

Бановина	1921			1931		
	мужчины	женщины	вместе	мужчины	женщины	вместе
Дравская	8,9	8,9	8,9	5,26	5,79	5,54
Савская	25,7	40,1	31,1	19,57	35,15	27,67
Дунайская	24,5	43,0	34,1	17,52	39,56	28,87
Приморская	53,3	77,2	67,2	44,11	69,76	57,46
Врбаская	76,1	91,4	83,5	59,89	85,81	72,60
Дринская	52,6	78,0	65,4	43,24	81,02	62,11
Моравская	53,5	86,6	70,8	38,83	83,72	61,96
Зетская	59,5	86,8	73,5	48,80	82,90	66,04
Вардарская	71,8	90,3	81,3	55,70	85,50	70,86
Белград	11,5	18,8	14,1	7,10	15,32	10,87
Югославия	42,2	60,3	51,5	32,27	56,40	44,61

Три четверти промышленного потенциала, три четверти капитала банков, три четверти торгового оборота приходились на северные территории, принадлежавшие ранее Габсбургской монархии. Национальный доход на одного человека в Воеводине был в 2-3 раза выше, чем в южной Сербии (см. таблицу 2)²³.

Таблица 2.

**Отношение национального дохода на 1 человека
в соотношении к средней величине по Югославии (%)**

Территория	Сельское хозяйство	Промышленность	Остальное	Вместе
Словения	90,8	317,3	177,1	160,5
Воеводина	175,5	107,7	125,7	146,0
Хорватия	120,2	123,0	141,5	128,3
Далмация	74,7	180,9	94,0	99,8
Сербия	88,1	45,6	70,4	74,5
Босния и Герцеговина	72,0	71,3	62,4	68,4
Южная Сербия	71,0	6,1	49,3	52,2
Черногория	46,7	3,2	32,2	34,1
Королевство СХС	100	100	100	100

Таким образом, в экономическом плане не произошло выравнивания разных регионов, различия между регионами даже стали еще больше. Из логики свободного рынка следовало, что капиталовложение и развитие хозяйства протекали интенсивнее и быстрее на более развитых территориях. Одно исключение, впрочем, всё-таки существовало: это Белград, столица страны, где быстро развивалась промышленность, а с середины 1930-х годов концентрировался банковский капитал.

Во время первой (королевской) Югославии государством мало было сделано для выравнивания экономического уровня разных регионов. Здесь следует отметить три важные меры. 1) Только в 1938 г., но все же был создан специальный фонд, из которого менее развитые регионы дополнительно

получали средства (например, Босния и Герцеговина, Черногория, Косово, Македония, Сербия). 2) Некоторые меры колонизаторского характера, принятые во время аграрной реформы, способствовали развитию более бедных регионов. Приблизительно 20-22 тыс. семей (80-90 тыс. человек) переселились на южные территории страны и получили там землю. Государство строило там новые деревни, дома, колодцы, школы. Оно тратило на одного колониста на юге в 3-4 раза больше средств, чем на севере²⁴. 3) С постройкой железных дорог государство стремилось развивать менее развитые территории и включить их в систему внутренних экономических связей страны. Железнодорожная сеть на северных территориях была намного гуще. Главная проблема состояла в том, что эти линии в основном вели к бывшим центрам, к Вене, Будапешту, а также к Салоникам. Таким образом, одной из важнейших задач было прокладывание линии Белград–Загреб, чтобы облегчить транспортную связь между двумя крупнейшими городами страны, а также между Сербией и Хорватией. Во время первой Югославии некоторые линии были построены в горных регионах, в Боснии, Косове и Македонии. Однако самый масштабный план – линия между Белградом и Адриатическим морем – так и не был реализован. Несмотря на это, можно сказать, что новые железнодорожные линии содействовали уменьшению региональных различий. Однако обширные территории остались почти без железных дорог (Черногория, Герцеговина)²⁵.

Как мы видели, унаследованные региональные различия во время первой, королевской Югославии в основном сохранились. И вот возникает вопрос более общего порядка, не только применительно к Югославии, уже не существующей: можно ли успешно интегрировать территории с различными уровнями экономического и социального развития, можно ли уменьшить различия отдельных регионов? Автор статьи не является в этом плане большим оптимистом.

Первая, королевская Югославия старалась не допустить никакой автономии для отдельных регионов. Другая, социалистическая Югославия была построена по иному, федеральному принципу. В ней были созданы союзные республики, которые обладали широкой автономией. Были предприняты также попытки выравнивания экономического уровня отдельных частей государства. В 1965 г. был создан специальный федеральный фонд помощи отстающим регионам, были приняты и другие меры. Но поставленной цели достичь не удалось. Остались огромные различия между территориями в национальном доходе и в прибылях, получаемых на одинаковые суммы капиталовложений (см. таблицу 3)²⁶.

Таблица 3.

Развитие отдельных территорий в эпоху социализма

Территория	Рост	Национальный доход.		Доход
		1947	1990	
Словения	4,0	163	201	18,9
Хорватия	4,0	104	127	17,2
Центральная Сербия	3,6	100	105	18,2
Воеводина	4,0	100	122	19,4
Косово	1,6	49	22	8,8
Босния и Герцеговина	2,9	86	67	14,4
Черногория	2,9	94	72	10,2
Македония	3,3	70	64	15,9
Югославия	3,5	100	100	17,0

Перевод автора под редакцией А.С. Стыкалина

Примечания

¹ Подробно об организации и унификации разных систем в Югославии между двумя войнами см.: Bíró L. A jugoszláv állam (1918–1939). Budapest, 2010.

² Janković D. Niška deklaracija (Nastanje programa jugoslovenskog ujedinjenja u Srbiji 1914. godine) // Istorija XX. veka. Zbornik radova. X. 1969. S. 95–98; Trgovčević Lj. Naučnici Srbije i stvaranje jugoslovenske države 1914–20. Beograd, 1986. S. 29–32.

³ Подробно см.: Janković D. Jugoslovensko pitanje i Krfska deklaracija 1917. godine. Beograd, 1967.

⁴ Обобщённо об истории Югославии, с разными подходами, см.: Petranović B. Istorija Jugoslavije 1918–1988. I. Kraljevina Jugoslavija 1914–1941. Beograd, 1988; Dimić Lj. Srbija i Jugoslavija. Novi Sad, 2001. (Istorija srpske državnosti. III. Urednik Popov Č.); Matković H. Povijest Jugoslavije (1918–1941). Hrvatski pogled. Zagreb, 1998; Goldstein I. Hrvatska 1918–2008. Zagreb, 2008; Sokcevič D. Horvátország. A 7. századtól napjainkig. Budapest, 2011; Borak N. – Čepić Z. – Fischer J. Slovenska novejša zgodovina. Ljubljana, 2005; Vodopivec P. Od Pohlhrove slovnice do samostojne države. Slovenska zgodovina od konca 18. stoletja do konca 20. stoletja. Ljubljana, 2006; Lampe J.

Yugoslavia as history. Twice there was a country. Cambridge, 1996; Sundhaussen H. Geschichte Serbiens. 19–21. Jahrhundert. Wien–Köln, 2007.

⁵ Popović O. Oblik državnog uredjenja prema nacrtima parlamentarne opozicije u Kraljevini SHS u vreme donošenja prvog jugoslovenskog ustava // Anali pravnog fakulteta u Beogradu. 1987. S. 384–404; Petranović B.– Zečević M. Jugoslovenski federalizam: ideje i stvarnost. Tematska zbirka dokumenata. I. 1914–1943. Beograd, 1987. S. 79–127.

⁶ Gligorijević B. Parlament i političke stranke u Jugoslaviji 1919–1929. Beograd, 1979. S. 99–109.

⁷ Ustavi i vlade Kneževine Srbije, Kraljevine SHS i Kraljevine Jugoslavije (1835–1941). Beograd, 1988.

⁸ Романенко С. А. Югославия: Кризис, распад, война. М., 2000. С. 60–61.

⁹ Banovina Hrvatska. Politička, administrativna i ekonomska struktura. Priredio V. Pavlaković. Zagreb, 1939; Boban Lj. Sporazum Cvetković–Maček. Beograd, 1965.

¹⁰ Kosijer Lj. St. Narodna banka Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca 1884–1924. Zagreb, 1924; Ugričić M. Novačni sistem Jugoslavije, Beograd, 1967. S. 97–105; Lampe J. Unifying the yugoslav economy, 1918–1921: Misery and early misunderstandings // The creation of Yugoslavia 1914–1918. Ed. D. Djordjević. Santa Barbara–Oxford, 1980. P. 139–156; Hadži-Pešić J. Novac Kraljevine Jugoslavije 1918–1941. Beograd, 1995. S. 10–29.

¹¹ Ministarstvo Financija Kraljevine Jugoslavije 1918–1938. Beograd, 1939. S. 54–97.

¹² Statistički godišnjak, X. (1940.) S. 467. Рудольф Бичанич на основании данных министерства финансов определил по отдельным историческим регионам цифры, в соответствии с которыми на одного человека в 1936 г. приходилось: Воеводина – 290 динаров, Словения – 240, Хорватия – 199, Сербия и Черногория – 112, Босния и Герцеговина – 66, Далмация – 61 динар. См.: Bičanić R. Ekonomska podloga hrvatskog pitanja. Zagreb, 1938. S. 139.

¹³ См. прокламацию: Čulinović F. Jugoslavija između dva rata. Zagreb, 1961. II. S. 7–8.

¹⁴ Isić M. Osnovno školstvo u Srbiji 1918–1941. Beograd, 2005. II. S. 18–57.

¹⁵ Tasić D. J.: Socijalno-demografska slika Jugoslavije // Socijalni arhiv, VI. 1940/4–6. S. 65–89; Definitivni rezultati popisa stanovništva 1931. IV. Prisutno stanovništvo po glavnom zanimanju. Beograd, 1938–40.

¹⁶ Statistički godišnjak, VI. (1936). S. 45–49.

¹⁷ Между 1921–1931 гг. на 1000 человек: Косово – 22,8 детей, Сербия – 21,8, Босния и Герцеговина – 20,4, Македония – 16,1, Черногория – 14,5, Хорватия – 10,0, Словения – 7,3, Воеводина – 5,5 детей. В целом в Югославии – 14,8. См.: Simeunović V. Stanovništvo Jugoslavije i socijalističkih republika 1921–1961. Beograd, 1964. S. 30–32.; Statistički godišnjak, V. (1935). S. 40–41.

¹⁸ Косово – 69,7, Босния и Герцеговина – 46,1, Македония – 42,9, Черногория – 39,6, Сербия – 26,6, Словения – 19,9, Воеводина – 19,0, Хорватия – 17,1%. В целом по Югославии – 29,6 (Ibid.).

¹⁹ Kukoleča S. Analiza privrede Jugoslavije pred drugi svetski rat. Beograd, 1956. S. 61–62; Isić M. Seljaštvo u Kraljevini Jugoslaviji // Jugoslovenska država 1918–1998. Beograd, 1999. S. 406.

- ²⁰ Statistički godišnjak, I. (1929). S. 70–71., Statistički godišnjak VI. (1934–35).
- ²¹ Mayer M. Elementarbildung in Jugoslawien (1918–1941). Ein Beitrag zur gesellschaftlichen Modernisierung? München, 1995. S. 100.
- ²² Calic M.-J. Bildung als Entwicklungsproblem in Jugoslawien (1918–1941) // Allgemeinbildung als Modernisierungsfaktor. Zur Geschichte der Elementarbildung in Südosteuropa von der Aufklärung bis zum Zweiten Weltkrieg. Hg.: Reiter, N.–Sundhaussen, H. Berlin, 1994. S. 103–125; Dimić Lj. Kulturna politika u Kraljevini Jugoslaviji 1918–1941. II. Škola i crkva. Beograd, 1996.
- ²³ Jakir A. Dalmatien zwischen den Weltkriegen. Agrarische und urbane Lebenswelt und das Scheitern der jugoslawischen Integration. München, 1999. S. 141–142.
- ²⁴ Gaćeša N. Kolonizacija Srba i Crnogoraca u Kraljevini Jugoslaviji i FNRJ (1918–1848) // Seobe Srpskog naroda od XIV do XX veka. Zbornik radova posvećen tristagodišnjici velike seobe Srba. Beograd, 1990. S. 111–125.
- ²⁵ Lazić M. Investiciona politika Kraljevine Jugoslavije u železničkom i drumskom saobraćaju 1919–1941 // Jugoslovenska država 1918–1998. Beograd, 1999. S. 375–387.
- ²⁶ Таблица содержит данные о росте национального дохода на человека в 1947–1990 гг. (%), при этом национальный доход в регионах сравнивается со средней величиной по Югославии (100) и доходом на 100 динаров капиталовложений в 1952–1991 гг. См.: Miļković D.–Nikolić M. Razvoj republika SFR Jugoslavije 1947–1990 godine. Beograd, 1996. S. 9–10.

III. Славяне вне исторической родины

И.Ф. Макарова

(Институт славяноведения РАН, Москва)

Российские диаспоры как элемент этнодемографической карты Дунайского вилайета (60-е годы XIX в.)

Abstract:

Макарова И.Ф. *Russian Diasporas as an Element of the Ethnic and Demographic Map of the Danube Vilayet in 1860s.*

The article shows the impact of mass migration from Russia to Turkey on the ethnic and demographic situation in the Danube Vilayet of the Ottoman Empire in 1860s. The author is inclined to see the migratory flow from Russia as symmetrical to the one that proceeded from Ottoman Empire to the Southern Russian territories.

Ключевые слова: Россия, Османская империя, Дунайский вилайет, Добруджа, старообрядцы, некрасовцы, молokane, мухаджирy, крымские татары, черкесы.

В историографии принято называть Дунайский вилайет болгарской провинцией Османской империи или же просто Болгарией. Это административно-территориальное образование, созданное в 1864 г., охватывало огромную территорию к югу от Дуная: от реки Тимок на западе до Черного моря на востоке. Согласно материалам османской статистики, к 1864 г. население вилайета составляло 1 994 827 человек, из которых 819 226 были мусульманами, а 1 175 601 – представителями иных вероисповеданий¹. Более детальную картину дают итоги официальной переписи, проведенной в 1866 г. и опубликованной болгарским историком Н. Тодоровым. Эта перепись учитывала мужчин-налогоплательщиков в пунктах с населением более 3 тыс. жителей. Согласно полученным данным, из выявленных 1 610 040 человек на долю христиан приходилось 727 300 душ, мусульман – 653 200, переселенцев-мусульман – 70 250, цыган-мусульман – 38 750, цыган-христиан – 14 850, армян-григориан – 20 990, иудеев – 50 710, католиков и прочих – 33 990².

При анализе материалов османской статистики в болгарской исторической науке, включая новейшие исследования³, существует тенденция к отождествлению христиан Дунайского вилайета главным образом с болгарами. Не оспаривая тезис о доминирующем положении болгарской этнической общности среди христиан региона, хотелось бы, однако, обратить внимание на иную сторону вопроса, а именно на статистику, указывающую на присутствие в данной провинции большого количества выходцев из России. Сведения об этой категории налогоплательщиков можно обнаружить в руб-

риках «христиане» (т.е. православные), «прочие» и «переселенцы-мусульмане». В литературе по отношению к российским переселенцам нередко употребляется термин «диаспоры», что представляется вполне уместным, учитывая масштабы их концентрации в некоторых районах вилайета.

В османских налоговых регистрах стратификация всех налогоплательщиков осуществлялась по конфессиональному принципу, не являлись исключением и представители российских диаспор. Из их числа лишь относительно небольшая часть имела шансы быть занесенной в рубрику «христиане», т.е. православные. Вместе с православной паствой Дунайского вилайета – болгарами, греками, сербами, влахами, молдаванами и гагаузами в данный контингент попадали в основном беглые крестьяне из южных губерний Российской империи (преимущественно малороссы) и потомки запорожских казаков. Отдельный сегмент занимали русские старообрядцы, делившие вместе с католиками, униатами, протестантами и гонимыми на исторической родине сектантами, почетное место в рубрике «прочие», предназначенной для приверженцев нетрадиционных для Османской империи конфессий. Отдельную категорию составляли выходцы из районов Крыма и Северного Кавказа, имевшие вместе с переселенцами-албанцами особые налоговые льготы мусульманских беженцев (мухаджиров).

Налоговая перепись 1866 г. четко определяет основные места концентрации переселенцев из России в городах и поселках Дунайского вилайета. Подавляющее большинство мухаджиров было зарегистрировано в Балчике, Провадии, Варне, Хаджиоглу-Пазарджике, Тульче, Бабадаге, Мачине, Меджидии, Сулине, Манкалии⁴, т.е. на территории Добруджи. Лишь небольшое их количество, скорее всего, вынужденных переселенцев из Сербии – 2020 человек, обнаруживается в трех населенных пунктах центрального и северо-западного округа – Орхание, Кюстендиле, Радомире⁵. «Прочих», т.е. приверженцев нетрадиционных конфессий, перепись выявила исключительно в той же Добрудже, а именно в Тульче, Мачине, Сулине, Хаджиоглу-Пазарджике⁶. Учитывая крайне незначительное количество в этом районе Балкан католиков, униатов и протестантов⁷, цифра 33 990 может указывать на приблизительную численность мужской части русских переселенцев из числа старообрядцев и сектантов. Если же принять во внимание размер семей, типичный для этих категорий населения, это число вырастет в разы.

Таким образом, материал вышеприведенной статистики, свидетельствуя о значительной концентрации переселенцев из России, позволяет поставить вопрос об их влиянии на этнодемографическую ситуацию в Дунайском вилайете.

По единодушному мнению историков, демографов и этнографов, в середине XIX в. именно Добруджа – район предпочтительного расселения

представителей российских диаспор, отличалась особой этнической пестротой. На ее территории проживали не менее 12 народностей (болгары, турки, греки, гагаузы, вlahи, молдаване, албанцы, венгры, татары, русские, украинцы, горцы Северного Кавказа), при этом удельная плотность населения в целом и болгарского этноса в частности была минимальной⁸.

Среди представителей российских диаспор Добруджи в числе первопроходцев были старообрядцы. Хотя первые сведения о присутствии донских казаков в Подунавье относятся к концу XVII в., начало массовой миграции старообрядцев в Османскую империю и вассальные по отношению к ней земли Крымского ханства и Дунайских княжеств относится, скорее всего, к первым десятилетиям XVIII в.⁹. После подавления в 1708 г. восстания Кондрата Булавина донским казакам под предводительством атамана Игната Некрасова было разрешено обосноваться на землях крымского хана, откуда они впоследствии расселились по территории Малой Азии и в устье Дуная. В новейшей историографии нет единого мнения относительно времени водворения казаков-некрасовцев в Добрудже. Однако большинство исследователей склоняется к мнению о наличии двух основных переселенческих волн: 40-х годов XVIII в. и 1770 – начала 1780-х годов¹⁰.

Главным центром размещения некрасовцев в Добрудже стал район между лиманами Разельм и Головиц и земли в долине р. Слава. Промышляли они преимущественно рыбной ловлей, в городах не селились. По информации, собранной в 1845 г. чиновником российского Министерства внутренних дел Н.И. Надеждиным, на тот момент их наиболее крупными станицами считались Сарикиой, Слава и Журиловка, составлявшие закрытый для внешнего мира анклав, в котором проживали около 8 тыс. казаков¹¹. Однако в количественном отношении некрасовские поселения, как и старообрядцев в целом, стабильностью не отличались. Для данной категории населения была характерна высокая степень мобильности, определяемой, в значительной степени, внешнеполитическим фактором – военными действиями в регионе и государственной принадлежностью пограничных территорий. Большие сложности при определении количественного состава некрасовцев и старообрядцев связаны также с чрезвычайной скудостью источниковедческой базы и фактором неопределенности при их дифференциации. Например, в 1806 г. численность некрасовцев в Добрудже достигала, по данным русской разведки, 15 тыс. человек (около пятой части населения региона), в 1828–1829 гг. офицеры русского Генерального штаба определяли их численность в 3 тысячи, в 40-х годах. XIX в. речь шла более чем о 10 тысячах старообрядцев, а выборочная статистика второй половины 50-х годов указывает о наличии лишь в нескольких некрасовских станицах (Сарикиой, Журиловка, Слава, Гиздар-Киой, Камень) около 900 домохозяйств¹². Невоз-

можно при этом достоверно определить в каком случае речь действительно шла о некрасовцах, а в каком просто о русских старообрядцах.

На землях Османской империи некрасовцы жили обособленными общинами, доступ в которые был закрыт для всех иных категорий населения, в том числе и для прочих старообрядцев¹³. Их общины имели особый привилегированный статус полуавтономных военизированных поселений, на территории которых действовали законы Кубанского войска и функционировал институт внутреннего самоуправления¹⁴. Являясь приверженцами дониконновской формы обрядности, они отвергали юрисдикцию константинопольского патриарха и обладали полной автономией в вопросах церковно-административного характера. Их социальная льгота предусматривала и освобождение от обязательного для всех иноверцев подушного налога. Обусловлена она была обязательством казаков служить в турецкой армии (в составе османского войска, но в качестве отдельных подразделений во главе со своими атаманами). Свои привилегии некрасовцы сохраняли вплоть до 1864 г. Намерение Порты превратить их эпизодическую воинскую повинность в регулярную привело тогда к официальному отказу некрасовских общин от особого статуса и переходу казаков в категорию рядовых налогоплательщиков, относящихся к рубрике «прочие». Изменение социального статуса не привело, однако, к размыванию их этноконфессиональной идентичности. Современные исследователи отмечают, что даже в настоящее время их потомки составляют особую общность, фольклорный багаж и обычаи которой восходят к старообрядческой культуре Дона¹⁵.

Кроме некрасовцев в Добрудже нашли себе приют приверженцы многочисленных староверческих толков и согласий. На Балканах за всеми ними (поповцами и беспоповцами, последователями или противниками Белокриничкой иерархии) закрепился в XIX в. единый конфессионим – липоване. Этимология этого слова не вполне понятна и вызывает споры. Наиболее убедительным представляется предположение, что в его основе могло оказаться самоназвание одного из староверческих согласий – филиппоны, появившегося на Балканах в числе первых поселенцев¹⁶.

В середине 40-х годов XIX в. общее количество староверов в Добрудже, Македонии, Молдавии, Бессарабии, Валахии и на Буковине составляло, по агентурным данным российского Министерства внутренних дел, более 30 тыс. человек. Из них порядка 10 тыс. приходилось на Добруджу, около 20 тыс. на Дунайские княжества и приблизительно 4 тысячи на Буковину (ставшую к тому времени владениями Австрийской империи)¹⁷. Согласно тем же данным, среди горожан наибольшими размерами выделялась липованская община Тульчи¹⁸. В 1866 г., согласно переписи Дунайского вилайета, распределение по городам так называемых «прочих» налогоплательщи-

ков было следующее: в Халджиоглу-Пазарджик – 27 160 человек, в Мачине – 5 780 (или 38,6 % от общего числа жителей), в Сулине – 1 090 (или 31,5 %), в Тульче – 49,5 %¹⁹.

Необходимо, однако, оговориться сразу. Данная статистика охватывала лишь жителей относительно крупных населенных пунктов, а основной контингент липован – крестьяне, были разбросаны по сельской местности. Среди наиболее крупных липованских сел Добруджи современники единодушно называли в середине 40-х годов XIX в. Татарицу под Силистрой (по преданиям, основанную в конце XVIII в. на земле, арендованной у татарских ханов)²⁰.

Одной из основных причин массовой миграции староверов на земли турецкого султана была политика веротерпимости османских властей. Ее базовые установки обуславливались функционировавшей в государстве системой миллетов (системой конфессионально-юридической и церковно-административной автономии)²¹. Концепция миллетов предопределяла невмешательство османов в те области повседневной жизни своих иноверных подданных, которые не были подчинены законам шариата. Регулирование этих сфер возлагалось на параллельные исламу церковные структуры, которые наделялись судебными и отчасти судебно-исполнительскими функциями. Конкретно-организационным проявлением деятельности миллетов выступали институты ограниченного самоуправления, действовавшие на базе церковно-территориальных общин, сформированных по принципу религиозно-территориального размежевания населения. Поскольку старообрядческие общины (вне зависимости от их внутреннего деления на толки и согласия) не подпадали под юрисдикцию ни одного из иноверческих миллетов (православного, армяно-григорианского, иудейского), то оставались в церковно-административном отношении автономными.

Социальный статус липован не отличался от положения рядовой христианской райи, однако вполне их устраивал, так как освобождал от воинской повинности, обеспечивал свободой в вопросах вероисповедания, а кроме того, не противоречил принятому в их среде принципу расселения (изолированными конфессиональными общинами). В условиях османских реалий староверы приобретали легитимную возможность формирования социума, члены которого могли существовать в условиях максимальной изоляции от внешнего мира, бережно сохраняя язык, обычаи, фольклор и полный комплекс этнодифференцирующих признаков²².

Еще более высокая степень закрытости была характерна для русских сектантов: хлыстов, скопцов, молокан и духоборов²³. Общины молокан и духоборов, относящихся к категории так называемых духовных христиан, близких по своему учению к протестантизму, существовали в Добрудже на

легальном положении и открыто вели пропаганду своего учения²⁴. Точных данных об их количественном составе нет. Известно лишь, что в 1865 г. количество их семей в окрестностях Тульчи значительно превышало сотню. Об этом, в частности, свидетельствуют материалы дипломатической переписки российского МИД²⁵. Основной анклав духовных христиан располагался в тот период на территории Дунайских княжеств, где они также имели официальный статус. В частности, по данным Бессарабского статистического комитета, в 1861 г. в Аккермане числилось 233 молоканина²⁶.

Что касается хлыстов и скопцов, то в налоговых регистрах Дунайского вилайета их последователи вряд ли могли попасть в рубрику «прочие». Хотя в современной историографии становление хлыстовщины и скопчества принято соотносить с мистико-аскетическими движениями внутри русского раскола и даже причислять к старообрядцам²⁷, в рассматриваемый период их последователи были вынуждены скрываться на территории Османской империи под маской православных прихожан. До середины XIX в., по свидетельству современников, количество хлыстов и скопцов в Добрудже было значительным²⁸. Существовавший у российских властей обычай сдавать проходивших судебным процессам сектантов в солдаты, привел к распространению еретических учений в армии, а многочисленные русско-турецкие войны конца XVIII – первой половины XIX вв. позволили им благополучно закрепиться вместе с дезертирами в местах временной дислокации русских войск. Последнее крупное пополнение скопческих общин Добруджи произошло именно после пребывания здесь русских войск в период войны 1828–1829 гг.²⁹. С наступлением в Османской империи эпохи реформ (40-е годы XIX в.) представители этих сект столкнулись с гонениями, поэтому их основная масса была вынуждена или затаиться, или перебраться на левобережье Дуная³⁰. В 60-е годы XIX гг., по свидетельству русского писателя В.И. Кельсиева, их небольшие группы, хотя и имелись в Добрудже, но вынуждены были держаться скрытно³¹.

Особняком от русской старообрядческой диаспоры жили православные украинцы. Местное население называло их в середине XIX в. руснаками³². В XX в. это имя стало нередко употребляться в Болгарии и по отношению старообрядцев, хотя их единоверцы в Румынии официально продолжали сохранять название «липоване» или «руси липоване»³³.

Изначально организационным ядром малороссийской диаспоры были запорожские казаки, переселившиеся за Дунай после разорения в 1775 г. Запорожской сечи. По преданиям, к турецкому султану тогда ушли 5 тыс. сечевиков³⁴. Обосноваться на землях Османской империи им было разрешено на тех же условиях, что и некрасовцам: предоставление автономного военизированного статуса в обмен на службу в составе турецкого войска³⁵.

В начале XIX в. поселки запорожцев составляли в дельте Дуная некое подобие федерации самоуправляемых рыболовецких общин, объединенных в казачье войско. Вокруг них исторически группировались слободы, населенные беглыми крестьянами из южных областей Российской империи (Новороссии, Херсонщины, Черниговщины, Киевщины). Их жилища, располагавшиеся по соседству с казацкими поселениями, представляли собой самостоятельные административные единицы, но находились в подчинении Сечевого коша, который выполнял посреднические функции в контактах с турецкой администрацией. После того как в 1828 г. Задунайская сечь была ликвидирована, а казаки переведены на положение рядовой православной райи, произошло слияние потомков запорожцев с жителями этих слобод и формирование единой этноконфессиональной общности руснаков.

В 80-х годах XIX в. малороссийскую диаспору Добруджи обследовал румынский этнограф, профессор Бухарестского университета И. Лупулеску³⁶. По его наблюдениям, ее члены продолжали сохранять украинский язык, обычаи, фольклор, однако бытовой изоляционизм не был для них типичен. Руснаки поддерживали доброжелательные отношения со всеми категориями местного населения. В их среде нередко были даже случаи смешанных браков с русскими молочанами³⁷. Исключение составляли лишь некрасовцы, вражда с которыми вела свое начало с времен противостояния донских казаков с запорожцами за контроль над рыболовецкими промыслами дельты Дуная³⁸.

К сожалению, не представляется возможным определить даже приблизительный количественный состав данной диаспоры. Принятый в османской документации конфессиональный принцип стратификации населения не выделял их из общей массы православных подданных султана. С полной уверенностью можно лишь утверждать, что к моменту образования в 1864 г. Дунайского вилайета число руснаков в данном регионе было близко к историческому минимуму. Сохранилась информация о двух массовых исходах украинцев на историческую родину, которые непосредственно предшествовали рассматриваемому периоду. Первый пришелся на начало Крымской войны: в 1853 г. после распоряжения русского правительства о приеме в солдаты всех беглых, по Дунаю поползли слухи об освобождении ополченцев от крепостной зависимости. Тогда из руснацких сел за одно лето ушли в Россию более 1800 бурлаков (одиноких мужчин)³⁹. Апогея миграционная волна достигла в 1861 г. после водворения на Балканах крымских татар (совпавшего с актом отмены в России крепостного права). Массовое переселение украинцев на историческую родину состоялось организованно, в рамках акции российских властей по заселению опустевших земель Таврической губернии (август-сентябрь 1861 г.)⁴⁰. Тогда, согласно отчету Мини-

стерства государственных имуществ, было вывезено морем из Добруджи в Одессу 387 семей и 500 человек одиночек из числа бывших российских подданных⁴¹. Расселение осуществлялось на землях Симферопольского, Перекопского и Мелитопольского уездов Таврической губернии. Дополнительно сухопутным путем (из состава того же контингента) было переправлено в Россию 269 семей числом 1088 человек, и, кроме них, оставлено на зимовке в Таврической и Херсонской губерниях 408 семей в количестве 1524 душ⁴².

Это были те потенциальные налогоплательщики, преимущественно из православного сегмента российских диаспор, которых недосчитался в 1866 г. Дунайский вилайет. Впрочем, если говорить о диаспоре в целом, то 1866 год был отмечен не сокращением, а ее резким количественным увеличением. С середины 50-х годов XIX в. именно Дунайский вилайет стал одним из основных регионов расселения российских мухаджиров – крымских татар, этнически близким им ногайцев и многочисленных горских племен Северного Кавказа, получивших на Балканах печальную известность под именем черкесы.

В историографии нет единого мнения относительно общего количества этих переселенцев. Мнения варьируются в пределах от нескольких сот тысяч до полутора миллиона человек⁴³. По данным официального органа Дунайского вилайета газеты «Дунав», общее число мухаджиров данной волны на территории Османской империи превышало к январю 1866 г. 1 млн. человек⁴⁴. Беженцы размещались турецкими властями в провинциях Малой Азии, Балкан, Ближнего Востока, Аравийского полуострова и даже Египта. По подсчетам специалистов, из этого количества более 300 000 человек нашли себе приют именно на землях Дунайского вилайета, главным образом в Добрудже и на границе с Сербией⁴⁵.

Крымско-татарская диаспора имела на Балканах глубокие исторические корни. В историографии принято соотносить начало ее оформления с фактом установлением в 1475 г. вассальных отношений между Крымским ханством и Османской империей⁴⁶. Сохранились свидетельства очевидцев, что к концу XVII в. в Добрудже имелось около 200 татарских сел⁴⁷. В XVIII – первой половине XIX вв. основные волны массовых переселений татар совпадали с этапами военного противостояния между Россией и Турцией. По данным турецких историков, только за период 1815–1829 гг. общее число крымско-татарских беженцев составило около 200 000 человек⁴⁸. К середине XIX в., по информации австрийского консула в Рушук Э. фон Реслера, в Добрудже жили более 100 000 татар⁴⁹. Однако в налоговых переписях 1866 г. они не могли попасть в рубрику «переселенцы-мусульмане». Данная графа учитывала лишь мухаджиров последнего десятилетия, имевших право на

особые налоговые и социальные льготы, т.е. беженцев периода Крымской войны (1853–1856) и заключительного этапа Кавказской войны (1859–1864).

Накопленный отечественной и зарубежной историографией материал со всей очевидностью показывает, что заинтересованность Петербурга и Порты в переезде мусульман из пограничных районов северной части Причерноморья в Османскую империю была в рассматриваемый период обоюдной. Для России укрепление своих позиций в Крыму и на Кавказе имело стратегическое значение, связанное с обеспечением безопасности южных границ и свободного доступа к Черному морю. Порта надеялась восполнить посредством мусульманских мигрантов из-за рубежа людские потери, понесенные страной за годы Крымской войны, а также решить проблемы безопасности в приграничных районах Балкан⁵⁰.

Конкретным воплощением государственной политики Порты в данном направлении стал Закон о мухаджирстве, принятый 9 марта 1857 г. Согласно этому закону, для мусульманских беженцев устанавливались следующие льготы: они обеспечивались земельными участками и освобождались от уплаты поземельного налога сроком на 10 лет, на них распространялось освобождение от рекрутской повинности – в Румелии на 6 лет, в Анатолии на 12 лет (однако эта привилегия не запрещала мухаджирам записываться в армию в качестве добровольцев)⁵¹.

Одной из непосредственных причин принятия Закона о мухаджирстве стала необходимость урегулирования правового статуса татарских беженцев, потянувшихся в Турцию на заключительной фазе Крымской войны. По приблизительным оценкам, в 1855 – начале 1857 гг. эта цифра могла варьироваться в пределах 20-30 тыс. человек⁵². Первая партия переселенцев состояла в основном из жителей окрестностей Керчи, Еникале и Евпатории, вынужденных спасаться от невзгод военного времени под защитой оккупационной армии союзников. Проблема их размещения и пропитания превратилась в Крыму для союзников в неразрешимую задачу, вынудив их приступить в начале 1855 г. к эвакуации части голодающих в Варну с дальнейшим их размещением в Бабадагской области⁵³. Вторая партия попала на Балканы вместе с турецкими войсками. Порта организовала перевозку беженцев на военных транспортных судах вместе с своей армией. После высадки в гавани Балчуга мухаджиров временно размещали в армейских палатках, обеспечивая провиантом и минимальной суммой денег вплоть до дальнейшего водворения⁵⁴.

В Петербурге действия Порты раздражения не вызвали. На доклад новороссийского генерал-губернатора графа А.Г. Строганова, затрагивающего тему ухода крымских татар в Турцию, император Александр II отозвался, что не находит причин препятствовать их тайному или даже явному пересе-

лению, более того, по его мнению, «надлежит рассматривать представляющийся в настоящих обстоятельствах случай к добровольному переселению весьма благоприятным для освобождения края, хотя бы от этого вредного населения»⁵⁵.

Последний и наиболее массовый исход татар из Крыма накрыл Османскую империю весной-летом 1860 г. По официальной статистике губернско-го статистического комитета, за 1860 год из Таврической губернии выселились 192 360 душ обоего пола, т.е. больше половины местных мусульман (вместе с татарами ушли почти все ногайцы), опустели 784 деревни и аула⁵⁶, 1 098 531 десятин земли оказались заброшенными⁵⁷. По материалам, собранным героем обороны Севастополя генерал-адъютантом Э.И. Тотлебенем, командированным летом в 1860 г. в Крым для выяснения обстоятельств массового ухода мусульман, на полуострове осталось всего 30-40 тыс. татар (преимущественно на южном побережье), поля стояли необработанными, промышленность замерла, соляные промыслы встали, дороги обезлюдели⁵⁸.

В отечественной историографии принято увязывать основную причину массового исхода татар с агитацией турецких эмисаров и исламского духовенства, произволом со стороны чиновников, мурз и местных землевладельцев, в западной – акцентировать внимание на теме геноцида⁵⁹. Однако тот факт, что весной-летом 1860 г. эмиграция активно поощрялась российскими должностными лицами, не вызывает, пожалуй, сомнений ни у кого.

Появление на Балканах огромного количества мусульманских беженцев вызвало необходимость серьезного участия государства в их обустройстве. В 1860 г. в Стамбуле была сформирована Верховная комиссия по делам мухаджиров, которая входила в ведение министерства торговли, отвечая за их расселение и выделение материальной помощи. Летом 1861 г. она получила независимый статус, собственный бюджет, штат служащих и право отдавать распоряжения местным органам власти. В соответствии с решениями Верховной комиссии и ее региональных представительств на местное население легли значительные тяготы по обустройству переселенцев: участие в постройке для них жилья и обеспечении продовольствием.

В количественном соотношении распределение татар на территории Восточной Румелии было приблизительно следующее: 6 тыс. человек власти расселили во Фракии, 13 тысяч в окрестностях Силистры и Видина, 12 тысяч в районе Софии и Ниша, 10 тысяч в околиях Свищова, Никополя и Оряхово⁶⁰. На территории будущего Дунайского вилайета основным местом водворения стала Добруджа и окрестности Видина⁶¹. В центральной части Добруджи султан Абдул-Меджид специально построил для татар новый город, названный его высочайшим именем – Меджидия⁶². Особо высокой

концентрацией татарской диаспоры отличались окрестности Хаджиоглу Пазарджика и Кюстенджи⁶³. К 1880 г. общее количество татарского мужского населения составляло на территории северной и южной части Добруджи более 40 000 человек⁶⁴.

Крымские татары и ногайцы исключительно удачно вписались в экономику северо-востока Балкан, степи которых напоминали природные условия их исторической родины. На новом месте основным занятием переселенцев остались земледелие, овцеводство, отхожий промысел⁶⁵. Как и в Крыму, татары отличались непритязательностью в быту (средняя налоговая оценка их домов втрое уступала в 70-х годах XIX в. жилищу болгар и турок⁶⁶), а также редким трудолюбием. По поводу их последнего качества российский вице-консул в Варне В.И. Нягин писал в декабре 1867 г. буквально следующее: «Здесь край только начинает развиваться в коммерческом отношении благодаря переселившимся из России крымским татарам, а до того богатая почва Добруджи оставалась невозделанной и представляла собой пустую степь, способную только для пастбища»⁶⁷.

Крымско-татарская диаспора Добруджи сохранила вплоть до настоящего времени ярко выраженное этническое самосознание, историческую память, собственный язык, обычаи и фольклор⁶⁸. До 70-х годов XX в. смешанные браки с местным населением, даже с турками, были явлением редким⁶⁹. Однако конфликтностью эта диаспора не отличалась. До 1878 г. некое подобие социального напряжения было зафиксировано в связи с ней лишь один раз. В 1861 г. на фоне массового водворения татар проявилось недовольство христиан, вызванное тяготами по их обустройству и необходимостью выделения для мухаджиров земли. Данный фактор явился основанием для формирования встречного миграционного потока в Россию. В этот процесс, в частности, оказались втянуты летом 1861 г. около 1,5 тыс. болгарских семей Видинского санджака и несколько десятков семей молочан Добруджи⁷⁰. Однако подавляющее большинство болгар уже на следующий год благополучно возвратились на родину, а о новых конфликтах историкам ничего не известно. Подтверждением тезиса о мирном сосуществовании татар с коренным населением могут служить и относительно низкие масштабы их миграции из Добруджи в Турцию после 1878 г. В 1930 г. татарская диаспора продолжала оставаться в этом регионе достаточно крупной, насчитывая в своем составе более 22 тыс. душ мужского пола⁷¹.

Принципиально иначе сложилась на Балканах судьба кавказских мухаджиров. До 1859 г. горцы обычно эмигрировали во владения турецкого султана под видом паломников-хаджи. Российские власти препятствий им не чинили: хаджи дозволялось свободно, без лишних объяснений продавать все имущество и брать с собой не только членов семьи, но и челядь⁷². В ав-

густе 1859 г. (после пленения имама Шамиля) сопротивление горцев Чечни и Дагестана было сломлено. В ноябре того же года на совещании командования Кавказской армией был принят разработанный командующим войсками Кубанской области генерал-адъютантом Н.И. Евдокимовым план дальнейшего покорения Кавказа, предусматривавший вытеснение горцев на равнины с последующим переселением в Оренбургскую губернию или в Османскую империю. Освободившиеся земли предназначались для колонизации. К портам Азовского моря и Керчи потянулись толпы беженцев, которым беспрепятственно выдавался заграничный паспорт до Трапезунда или Константинополя⁷³.

Однако массовый исход начался несколькими годами позднее, в последний год Кавказской войны. По подсчетам дореволюционного историка А.П. Берже, в 1864–1865 гг. в Османскую империю было официально выселено с Кавказа 384 529 человек, общее же количество выехавших в Турцию, начиная с 1858 г., достигало 493 194 человек⁷⁴. Из этого количества, по данным российского МИД, к июню 1865 г. в Добрудже было водворено 80 тыс. черкесов⁷⁵.

С российской стороны дипломатическая подготовка к началу массовой депортации горских племен была проведена осенью 1863 г. 5 декабря 1863 г. временно исполнявший обязанности российского посланника в Стамбуле Е.П. Новиков сообщил начальнику Главного штаба Кавказской армии А.П. Карцову о завершении переговорного процесса. Порты не отказывала в приеме кавказских мухаджиров, но выдвигала два условия: право самой выбирать районы для их водворения и не начинать выселения до мая 1864 г. (чтобы иметь возможность подготовиться к приему)⁷⁶.

Однако вопреки достигнутым договоренностям неподготовленное переселение огромных масс людей началось в декабре 1863 г. Их переезд в Османскую империю осуществлялся, по признанию российского вице-консула в Трапезунде А.Н. Мошнина, множеством нанятых им мелких каботажных судов⁷⁷, абсолютно не приспособленных к плаванию в зимнее время. Как и следовало ожидать, в Трапезунде – главном пункте приема беженцев – практически мгновенно сложилась тяжелейшая антисанитарная обстановка, сопровождавшаяся эпидемией тифа, оспы, чешотки и, как следствие, ужасающей смертностью – в день умирали до 40-60 человек⁷⁸. Стремясь избежать гуманитарной катастрофы, турецкие власти были вынуждены срочно перенаправить часть потока беженцев в порт Варны.

Судя по документам, первые два парохода с горцами, доставившие 850 и 980 человек, прибыли в Варну уже 11 и 14 декабря 1863 г., в январе были доставлены еще более тысячи душ обоего пола⁷⁹. Сохранились несколько дипломатических донесений с описанием событий тех дней⁸⁰. Вот что за-

свидетельствовал, например, управляющий российским вице-консульством в Варне А.А. Ольхин: «Турецкие власти сперва встретили своих единоверцев очень ласково. Так, например, когда везли переселенцев в Варну, погода была холодная, то турки развели на пристани несколько костров, чтобы согреть замерзших на пароходе. Но коль скоро лодочники начали высаживать пассажиров – голых, босых, истощенных, больных и едва полуживых, когда, наконец, вывезли около 46 трупов умерших за одну ночь на пароходе черкесов, то турки испугались и стали говорить: «Не привезут ли к нам наши гости из Азии заразных болезней» и начали обращаться хладнокровнее с переселенцами. По распоряжению местной карантинной службы, прибывшие были размещены вдали от города в старых, плохо приспособленных для жизни и, главное, практически лишенных отопления армейских казармах, где им было выдано списанное воинское обмундирование, специально присланное для этой цели из Стамбула. И хотя раз в сутки их посещал врач, смертность оставалась очень высокой – 12-20 человек в день.

В мае 1864 г. переселенческая волна с Кавказа получила новый импульс. По признанию генерал-майора М.Т. Лорис-Меликова, ему удалось договориться с осетинским генералом М.А. Кундуховым о распространении среди горцев слухов о необходимости срочного ухода в Турцию. С этой целью им была передана для перевода на русский язык и тиражирования единственная имевшаяся в наличии прокламация Порты, призывавшая горцев к переселению⁸¹. Тогда же, в мае 1864 г., российское военное ведомство смогло, наконец-то, торговаться с Русским обществом пароходства и торговли об относительно выгодных условиях перевозки беженцев в Турцию. Основными пунктами их приема были назначены порты Варны и Кюстенджи⁸². 30 июня 1864 г. Е.П. Новиков писал на Кавказ А.П. Карцову: «Переселение продолжается деятельно. Главным высадочным пунктом остается Кюстенджи, откуда по железной дороге препровождают их в местности по сербской границе»⁸³. На тот момент, согласно статистике специально сформированной Черкесской комиссии, численность беженцев составляла 160 тыс. человек, из них умерли 30 700 душ, а 12 300 были отправлены в Варну⁸⁴.

Хотя прием мухаджиров был связан для Порты с огромными денежными затратами, вынудив ее, в частности, позаботиться о заключении летом 1864 г. крупного денежного займа в размере миллиона турецких лир (около 6 млн. руб. серебром)⁸⁵, от приема мусульманских переселенцев она не отказывалась. В ее намерения входила, в частности, реализация плана генерал-губернатора Дунайского вилайета Мидхат-паши, предусматривавшего создание военизированных черкесских поселений для защиты всей приграничной зоны от устья Дуная до Косово⁸⁶. Решению именно этой задачи служил, скорее всего, и выбор основных пунктов водворения: Добруджа (район

Тулчи, Бабадага, Силистры), причерноморская зона (районы Кюстенджи и Варны), линия вдоль Дуная (Рушук, Никополь, Видин), окрестности Софии, Ниша и, наконец, Косово поле⁸⁷. Первоначально турецкие власти пытались расселять мухаджиров отдельно от коренных жителей, строя для них особые поселки размером в 70-80 и 100-150 домов, однако смешанная система расселения вскоре возобладала⁸⁸.

В среде местного населения не только Балкан, но мусульман Малой Азии черкесы быстро заслужили крайне дурную репутацию. В июне 1864 г. А.Н. Мошнин сообщал А.П. Карцову из Трапезунда, что грабежи в регионе стали явлением повсеместным, что «суда на черкесов нет, и местные власти их боятся», что «поселение черкесов во внутрь пашалыка заставляет многих покинуть свои земли и удалиться от столь опасного соседства», что многие христиане начали наводить у него справки, «что думает делать с завоеванными землями русское правительство и не дозволит ли им селиться там»⁸⁹. В Румелии резкое недовольство христиан привело к требованиям о прекращении водворения, подкреплявшимся угрозами о возможном переселении в Россию («на места, оставленные горцами») ⁹⁰. Летом 1864 г. начали зондировать почву на предмет переезда в Амурский край молокане Добруджи, в феврале 1865 г. они подали соответствующее прошение российскому вице-консулу в Тульче⁹¹. Подъем интереса к идее переселения отмечал в среде болгар весной 1865 г. российский консул в Видине М.А. Байков⁹². В обоих случаях жители напрямую увязывали свои намерения с водворением кавказцев. Молокане откровенно жаловались, что «с появлением черкесов положение христианского населения стало невыносимым: оно обязано строить им жилища, обрабатывать поля, но не ограждено от грабежей этих дикарей и кровавых стычек с ними. Многие уже лишились рабочей скотины из-за воровства, посредством которого пришельцы обзаводятся лошадьми и скотом. Вооруженные нападения на некоторые христианские селения навели всеобщий страх на мирных поселян и они, оставляя свои усадьбы и поля, спешат искать убежище в Придунайских княжествах»⁹³.

Расчет османских властей на использование военного потенциала кавказских мухаджиров для обеспечения безопасности на территории Румелии полностью оправдал себя. Именно башибузуки из числа горцев отличились особой жестокостью и грабежами в процессе подавления в 1876 г. так называемого Апрельского восстания болгар. Данный инцидент стал для России поводом для постановки вопроса о выселении черкесов с Балкан в азиатские провинции Турции. В частности, этот вопрос официально поднимался русским послом в Стамбуле Н.П. Игнатьевым в ходе работы Константинопольской конференции (декабрь 1876 – январь 1877). Запрет на использование на территории Болгарского княжества вооруженных формирований черкесов

российской стороне удалось включить отдельным пунктом в текст Сан-Стефанского мирного договора и Берлинского трактата. После 1878 г. кавказская диаспора Дунайского вилайета полностью прекратила свое существование.

В заключение статьи хотелось бы отметить, что представленный материал свидетельствует о полноценном участии российских диаспор в формировании этнодемографической карты если не всего Дунайского вилайета, то, по меньшей мере, его северо-восточной части. Если исходить из османской налоговой статистики, обнародованной Н. Тодоровым, в середине 60-х годов XIX в. суммарное количество различных категорий мужчин-налогоплательщиков – выходцев из России, могло достигать в поселениях городского типа Добруджи порядка 100 000 человек. На фоне этой цифры поток массовых переселений XVIII–XIX вв. из России в Турцию выглядит симметричным по отношению к встречному движению из Османской империи в южнорусские губернии. Несмотря на различия в причинах и особенностях формирования этих потоков, в них прослеживается общее: они объективно способствовали формированию в приграничных областях крупных иноэтничных диаспор, в значительной степени определявших этнокультурную специфику региона.

Примечания

¹ Михов Н. Населението на България и Турция през XVIII и XIX в. Т. 2. София, 1924. С. 28.

² Тодоров Н. Балканският град. XV–XIX век. Социално-икономическо и демографско развитие. София, 1972. С. 328.

³ Тодоров Н. Балканският град; Димитров Стр., Жечев Н., Тонев В. История на Добруджа. Т. 3. София, 1988; Todorova M. Balkan Family and European Pattern Demographic Developments in Ottoman Bulgaria. The American University Press, 1993; Драганова Сл. Селското население на Дунавски вилает. София, 2005; Тафрова М. Танзиматът, вилаетската реформа и българите. Администрация на Дунайския вилает (1864–1876). София, 2010; Щерионов Щ. Демографско развитие на българските земи през Възраждането. Велико Търново, 2012.

⁴ Тодоров Н. Балканският град. С. 327-328, 333-334.

⁵ Там же. С. 327-328.

⁶ Там же. С. 327-328, 333-334.

⁷ Кирилл, патриарх Болгарский. Католическата пропаганда сред българите през втората половина на XIX в. Т.1. 1859–1865. София, 1965. С. 253; Еленков И. Католическата църква по източен обряд в България по време на нейното учредяване с присъединяване на част от българския народ к Рим през 1860 г. до средата на XX век. София, 2000. С. 75; Бонева В. Българското църковнонационално движение. 1856–1870. София. 2010. С. 292, 508, 736, 995. 1002; Генев Г.

Американският принос за възраждането на българщината, с особен поглед към личността на Илайъс Ригс // Исторически архив. 2000/2001. №9/10. С. 44.

⁸ *Щерионов Щ.* Демографско развитие... С. 270; Димитров Стр., Жечев Н., Тонеев В. История на Добруджа. Т. 3. С. 189-192.

⁹ Подробно см.: *Пригарин А.А.* Русские старообрядцы на Дунае. Формирование этноконфессиональной общности в конце XVIII – первой половине XIX вв. Одесса-Измаил-Москва, 2010. С. 29-96.

¹⁰ *Бачинский А.Д.* Некрасовские поселения на нижнем Дунае и в южной Бессарабии // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса, 1971; Смирнов И.В. Некрасовцы // Вопросы истории. 1986. №8; Волкова Н.Г., Заседателева Л.Б. Казаки-некрасовцы: основные этапы этнического развития // Вестник МГУ. Серия № 8. (История). 1986. № 4; Феноген С. Сарикей. Страницы истории. Бухарест, 1998; Феноген С. Несколько вопросов добруджанского этапа некрасовской истории // Культура русских липован в национальном и международном контексте. Вып. 4. Бухарест, 2006; Sizoï I. Nekrasovite Cossacks in Dobrudja (1740-1864) // Dobrudja: A Cross Cultural Pool. A Multi-Ethnic Space. Târgoviște, 2007.

¹¹ *Надеждин Н.И.* О заграничных раскольниках // Сборник правительственных сведений о раскольниках. Т.1. Лондон, 1860. С. 125.

¹² *Пригарин А.А.* Русские старообрядцы на Дунае. С. 152, 174.

¹³ Sizoï I. Nekrasovite Cossacks in Dobrudja (1740-1864). P. 25-26.

¹⁴ Подробно см.: *Макарова И.Ф.* Русские подданные турецкого султана // Славяноведение. 2003. №. 1; Она же. Старообрядцы на землях Османской империи: пути миграции, система расселения (XVIII в. – 70-е гг. XIX) // Миграция и эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII–XIX вв. Сохранение национальной идентичности и историко-культурного наследия России. СПб., 2011.

¹⁵ *Критска-Иванова Е.Ф.* Типология и эволюция свадебного обряда и фольклора в Болгарии (села Татарица и Казашко) // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С.216; *Атанасова Е.* Старообрядците в България. Мит – история - идентичност. София, 1998. С.45-85.

¹⁶ *Сайко М.Н.* Возникновение старообрядческих поселений на Буковине (70-80-е. годы XVIII–XIX вв.) // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып.1. М., 1994. С. 32.

¹⁷ *Надеждин Н.И.* О заграничных раскольниках С. 135.

¹⁸ Там же. С. 123-124.

¹⁹ *Тодоров Н.* Балканският град. С. 327-328, 333-334.

²⁰ *Надеждин Н.И.* О заграничных раскольниках. С. 124.

²¹ Christians and Jews in the Ottoman Empire. The Functioning of a Plural Society. V.1-2. N.Y., 1982; Karpat K. An Inquiry into the Social Foundations of Nationalism in the Ottoman State: from Social Estates to Classes, from Millet to Nations. Princeton, 1973.

²² *Кирилъ Ф.* Русская липованская община в Румынии // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Африки. Новосибирск, 1992; Леонидова М. Один восточно-славянский диалект в южно-славянском окружении

- // Славистични изследвания. Т.3. София, 1973.; Романска Ц. Фолклор на русите некрасовци от с. Казашко, Варненско // Годишник на Софийски университет. Историко-филологически факултет. 1959. № 2; Кауфман Н. Песни на казаците некрасовци от България // Българска музика. 1963. № 5; *Узенева Е.С.* Движение в пространстве как способ сохранения идентичности казаков-некрасовцев в Болгарии // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянская идентичность – новые факторы консолидации. М., 2008; Она же. Способы выражения оценки в речи старообрядцев Болгарии // Славянский мир в третьем тысячелетии. Межкультурный и межконфессиональный диалог славянских народов. М., 2011; *Еролова Й.* Добруджа. Границы и идентичност. София, 2010 С. 229-250; *Пригарин А.А.* Русские старообрядцы на Дунае. С. 299-446.
- ²³ Подробно см.: *Макарова И.Ф.* Очевидцы о русском расколе в нижнем Подунавье (середина XIX в.) // Россия – Болгария: векторы взаимопонимания. XVIII-XXI вв. Российско-болгарские научные дискуссии. М., 2010.
- ²⁴ *Сырку П.А.* Русские мистические секты в Румынии // Христианское чтение. 1879. №.1. С. 68.
- ²⁵ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 450. Д. 67. Л.289 об., 298, 297 об.
- ²⁶ *Абакумова-Забунова Н.В.* Русское население городов Бессарабии XIX в. Кишинев, 2006. С. 130, 93.
- ²⁷ Подробно см.: *Панченко А.А.* Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М., 2002. С.8.
- ²⁸ *Надеждин Н.И.* О заграничных раскольниках. С.124.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ *Кельсиев В.И.* Святорусские двоеверы. Богиня Авдотья // Заря. 1869. Октябрь.
- ³² *Лутулеску И.* Русские колонии в Добрудже (историко-этнографический очерк) // Киевская старина. 1889. № 3. С. 701.
- ³³ *Еролова Й.* Добруджа. С. 16-17.
- ³⁴ *Кондратович Ф.* Задунайская сечь (по местным преданиям и рассказам) // Киевская старина. 1883. № 1. С. 27.
- ³⁵ Подробно см.: *Скальковский А.* История Новой Сечи или последнего коша Запорожского. Т. 1-3. Одесса, 1886.; *Бачинский А.Д.* Січ Задунайська 1775-1828: Историко-документальный нарис. Одесса, 1994; *Макарова И.Ф.* Русско-турецкая война 1828-1829 гг. и конец Задунайской сечи // Война, открывшая эпоху в истории Балкан. К 180-летию Адрианопольского мира. М., 2009.
- ³⁶ *Лутулеску И.* Русские колонии в Добрудже (историко-этнографический очерк) // Киевская старина. 1889. № 1, № 2, № 3.
- ³⁷ *Лутулеску И.* № 3. С. 692.
- ³⁸ *Лутулеску И.* № 2. С. 331-333.
- ³⁹ *Лутулеску И.* № 1. С. 153.

- ⁴⁰ Подробно см.: *Макарова И.Ф.* Между Россией и Балканами: задунайские молokane в миграционных потоках 60-х гг. XIX в. // *Славяноведение*. 2013. № 4.
- ⁴¹ Журнал Министерства государственных имуществ (ЖМГИ). 1862. № 3. С. 250-251.
- ⁴² ЖМГИ. 1862. №2. С. 318.
- ⁴³ *Тодорова М., Тодоров Н.* Проблеми и задачи на историческата демография на Османската империя // *Балканистика*. Т. 2. София, 1987. С. 18-46; Антонов С. Татарите в България. Добрич, 2004. С.61-62; Водарский Я., Елисеева О., Кабузан В. Население Крыма в конце XVIII - XX веков (численность, размещение, этнический состав). М., 2003. С. 87; Белозеров В. Этническая карта Северного Кавказа. М., 2005. С. 35-40; Маккарти Дж. Смерть и изгнание. Этническо прочистване на османските мюсюлмани. 1821-1922. София, 2010. С. 51-53; Mejer J.H. Immigration, return and the politics of citizenship: Russian Muslims in the Ottoman Empire, 1860-1914 // *International Journal of Middle East Studies*. 2007. V.39. P. 15-32; Isla Rosser-Owen S. The First "Circassian Exodus" to the Ottoman Empire (1853-1867) and the Ottoman Response, Based on the Accounts of Contemporary British Observers. A Maaster Thesis. Universiti of London, 2007. P. 14-26; Karpat K. Ottoman Population 1830-1914. Demographic and Social Characteristics. Wisconsin. P. 66-69; Pinson M. Ottoman Colonization of the Circassians in Rumili after the Crimean War // *Etudes Balkaniques*. 1972. № 3. P. 75.
- ⁴⁴ Дунав. 1866. №48. 26 января.
- ⁴⁵ *Мучинов В.* Основни насоки в миграционната политика на османската власт в Дунавския вилает през 60-те – 70-те години на 19 век // *Списание на Българската Академия на науките*. Кн. 4. 2012. С. 33.
- ⁴⁶ *Мутафчиев П.* Избрани съчинения. Т. 4. Добруджа. София, 1947. С. 76; Димитров Стр., Жечев Н., Тонеев В. История на Добруджа. Т. 3. С. 37; Бешков Л. Добруджа през вековете. Добрич, 1999. С. 19.
- ⁴⁷ *Първеев Г.* Полски пътеписи за българските земи от 1677 г. // *Известия на българското историческо дружество*. 1972. Т. 28. С.354.
- ⁴⁸ *Еролова Й.* Добруджа. С. 32.
- ⁴⁹ *Ников П.* Едно неизвестно описание на българския черноморски бряг от XVIII век // *Годишник на Софийски университет. Историко-филологически факултет*. 1932. Т. 28. С. 135.
- ⁵⁰ *Dursun S.* Population policies of the Ottoman state in the Tanzimat era: 1840-1870. Istanbul, 2001. P. 30; Karpat K. Ottoman Population 1830-1914. P.35; Karpat K.H. Ottoman Urbanism: the Crimean Emigration to Dobruca and the Founding of Mecidiye. 1856-1878 // *Karpat K. Studies on Ottoman Social and Political History*. Brill, 2002. P.205.
- ⁵¹ *Бързедж Н.* Изгнание черкесов. Майкоп, 1996. С. 115-116.
- ⁵² *Кырымлы Х.* Крымские татары и Османская империя во время Крымской войны // *The Crimean War 1853-1856. Colonial Skirmish or for World War? Empires, Nations and Individuals*. Warszawa, 2011. С. 350.
- ⁵³ *Кырымлы Х.* Крымские татары... С. 343.
- ⁵⁴ Там же. С. 345, 347.

- ⁵⁵ *Маркевич А.Н.* Переселение татар в Турцию в связи с движением населения в Крыму // Известия АН СССР. Отд. Гуманитарных наук. 7 ряд. Л., 1928. С.395.
- ⁵⁶ *Маркевич А.Н.* Переселение татар в Турцию ...С. 403.
- ⁵⁷ *Вольфсон Б.М.* Эмиграция крымских татар в 1860 г. // Исторические записки. 1940. № 9. С. 192.
- ⁵⁸ *Тотлебен Э.И.* О выселении татар из Крыма в 1860 году. Записки генерал-адъютанта Э.И. Тотлебена // Русская старина. 1893. № 6. С. 546, 542-547.
- ⁵⁹ Подробно см.: *Возгрин В.Е.* Исторические судьбы крымских татар. М., 1992; Кабузан В.М. Эмиграция и реэмиграция в России. XVIII-XX вв. М., 1998; Pinson M. Russian Policy and the Emigration of the Crimean Tatars to the Ottoman Empire, 1854-1862 // Güney-Doğu Avrupa Araştırmaları Dergisi. 1972. № 1; Williams B.G. Hijra and Forced Migration from Nineteenth-Century Russia to the Ottoman Empire. A Critical Analysis of the Great Crimean Tatar Emigration of 1860-1861 // Cahiers du Mond russe. 2010. Vol. 41. № 1.
- ⁶⁰ *Тодоров Н., Косев К.* Българското общество през трета четвърт на XIX в. Демографски процеси // История на България. Т. 6. Българското възраждане. 1856-1878. София, 1987. С. 80.
- ⁶¹ *Ташева М.* Татарите в село Дебово, Плевенско // Векове. 1975. №4; Драганова С. Някои статистически данни за татарите в Шуменска и Силистренска каза през 70-те години на XIX в // Известия на държавните архиви. 1979. Т. 36; Pinson M. Russian Policy and the Emigration of the Crimean Tatars to the Ottoman Empire, 1854-1862 // Güney-Doğu Avrupa Araştırmaları Dergisi. 1972. № 1; Karpat K. The Crimean Emigration of 1856-1862 and the Settlement and Urban Development of Dobruca // Passe tuco-tatar, present sovietique: etudes offertes Alexandre Bennigsen. Paris, 1986; Антонов Ст. Татарите в България. Добрич, 2004.
- ⁶² *Karpat K.H.* Ottoman Urbanism: the Crimean Emigration to Dobruca and the Founding of Mecidiye. 1856-1878 // Karpat K. Studies on Ottoman Social and Political History. Brill, 2002. P.202-235.
- ⁶³ *Стоилов А.* Окръг Кюстенджа – територия и население // Научна експедиция в Добруджа. София, 1994. С. 290-306.
- ⁶⁴ *Антонов Ст.* Татарите в България. С. 70
- ⁶⁵ *Драганова Сл.* Селското население на Дунавски вилает. София, 2005. С. 56.
- ⁶⁶ Там же. С. 174.
- ⁶⁷ Русия и българското национално-освободително движение. Документи и материали. Т.3. София, 2002. Док. № 73. С. 149.
- ⁶⁸ *Еролова Й.* Добруджа. С. 47-99.
- ⁶⁹ Там же. С. 76-77.
- ⁷⁰ Подробно см.: *Фролова М.М.* Русское консульство в Видине и переселение болгар в Россию (1861 г.) // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянские народы: векторы взаимодействия в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 2010; Макарова И.Ф. Между Россией и Балканами: задунайские молokane в миграционных потоках 60-х гг. XIX в. // Славяноведение. 2013 №4.

- ⁷¹ *Andrescu G. Tătarii din România: tema identitare. București. 2005. P. 117-118.*
- ⁷² Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70 гг. XIX в.). Сборник архивных документов. Сост. Т.Х. Кумыков. Нальчик, 2001. С. 85-86.
- ⁷³ Там же. С. 86.
- ⁷⁴ *Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Эмиграция северо-кавказских народов в Османскую империю (вторая половина XIX – начало XX в.). Махачкала, 2000. С. 10-11.*
- ⁷⁵ РГВИА. Ф. 450. Д. 67. Л.300.
- ⁷⁶ Проблемы Кавказской войны... Док. № 178. С. 235-236.
- ⁷⁷ Там же. Док. № 197. С. 261-263.
- ⁷⁸ Там же. Док. № 186. С. 248-249.
- ⁷⁹ Там же. Док. №. 185. С. 247; Док. № 193. С. 254.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Там же. С. 20.
- ⁸² Там же. Док. № 202. С. 267-268; Док. № 216. С. 279-280.
- ⁸³ Там же. Док. № 243. С. 305.
- ⁸⁴ Там же. Док № 219 С. 283.
- ⁸⁵ Там же. Док № 243. С. 305.
- ⁸⁶ Дзидзария Г.А. Мухаджирство и проблемы истории Албании в XIX столетии. Сухуми, 1975. С. 232.
- ⁸⁷ Karpat K. *Ottoman Population 1830-1914. P. 66-69.*
- ⁸⁸ Мучинов В. Основни насоки в миграционната политика на османската власт ... С.33-34.
- ⁸⁹ Проблемы Кавказской войны ... Док. № 235. С. 298-299; Док. № 238. С. 300-302.
- ⁹⁰ Там же. Док. № 201. С. 266-267.
- ⁹¹ РГВИА. Ф. 450. Д. 67. Л. 288-288 об.
- ⁹² Русия и българското национално-освободително движение. Документи и материали. Т.2. София, 1990. Док. №. 81. С. 176-177; Док. № 89. С. 188-189.
- ⁹³ РГВИА. Ф. 450. Д. 67. Л.298 об. 299.

Грамотность болгар Российской империи по данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г.

Abstract:

Manasieva I. *Literacy among the Ethnic Bulgarians of the Russian Empire according to the First General Census of 1897.*

Analyzing the materials of the General Census of 1897, the author refutes the opinion of N. S. Derzhavin who, in his 1914 work, characterized the Bulgarians as people “deprived of education and considerably retarded in their culture” compared to other ethnic groups living in Novorossia (the northern coast of the Black Sea). The author proves that the literacy among Bulgarians was on the same level with the rest of the Orthodox population of Novorossia.

Ключевые слова: Российская империя, Новороссия, Бессарабия, перепись населения, диаспора, болгары, грамотность.

На рубеже XIX и XX вв. в России вышел обширный труд под заглавием «Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей» под редакцией Вениамина Семенова-Тян-Шанского и под общим руководством его отца – знаменитого Петра Семенова-Тян-Шанского. С 1899 по 1914 гг. в свет вышло 11 из 22 запланированных томов. Каждый том содержал сведения о населении определенного края. Занимаясь историей болгар Российской империи, я заинтересовалась вышедшим в 1910 г. 14-м томом «Новороссия и Крым (Бессарабская, Херсонская, Таврическая, Екатеринославская губернии и область войска Донского)». И там, в разделе о грамотности населения, о болгарях я прочла следующее: «Почти полное отсутствие образования является причиной косности болгар, придерживающихся до сих пор старых общеславянских суеверий и обычаев»¹. В энциклопедическом двухтомнике «Болгарские колонии в России» Н. Державин характеризует болгар как население «лишенное просвещения и значительно отставшее в своей культурности сравнительно с другими группами народностей, населяющих Новороссийский край»².

Эти фразы меня заинтересовали, и в поисках информации о грамотности болгарского населения Российской империи я решила поискать более старые сведения. И мне удалось найти вышедшее в 1887 г. сочинение бывшего таврического и симферопольского епископа Гермогена «Таврическая епархия», где автор в нескольких местах описывает болгар как народ «мало развитый»³. В «Материалах для географии и статистики России», вышедших в 1863 г., я прочла следующее: «Болгары до сих пор сохранили свои: язык, обычаи, предрассудки и одежду. Грамотность между ними мало раз-

вита, и они не имеют к ней большой склонности, равно как и ко всякому обучению, требующему приобретения познаний от неболгар... На образование они смотрят так же как на средство уменьшения их благосостояния, вследствие развития больших потребностей»⁴. Поскольку грамотность является показателем уровня развития и культуры любого народа, я решила заняться изучением этого вопроса.

Ценным источником, позволяющим проследить уровень грамотности населения России, является Общая перепись населения Российской империи, проведённая 28 января 1897 г. путём непосредственного опроса всего населения, в соответствии с высочайше утверждённым в 1895 г. «Положением о Первой всеобщей переписи населения Российской империи». Ее результаты были опубликованы в 89 томах (119 книг). Целью переписки являлось собрание 14 признаков о каждом лице, проживавшем на территории империи: 1) имя, 2) семейное положение, 3) отношение к главе хозяйства, 4) пол, 5) возраст, 6) сословие или состояние, 7) вероисповедание, 8) место рождения, 9) место приписки, 10) место постоянного жительства, 11) родной язык, 12) грамотность, 13) занятие, 14) физические недостатки.

По данным переписи, в России проживало 172 726 болгар, из них: 171 474 человека – в губерниях европейской части России, 700 чел. – в Привисленской губернии, 468 чел. – на Кавказе, 43 – в Сибири и 41 – в Средней Азии. Компактно болгары проживали в Бессарабской, Таврической и Херсонской губерниях, в так наз. Новороссии, где их насчитывалось 170 170 человек. Во всех остальных 40 губерниях (поскольку из 50 губерний европейской части России болгары не проживали лишь в Архангельской, Вологодской, Калужской, Костромской, Курляндской, Олонецкой, Рязанской) их насчитывалось от 2 до 269 человек⁵.

Исследуя данные о болгарях Российской империи, мы должны иметь в виду тот факт, что при определении народности за основу был взят языковой фактор, а не происхождение. Что касается грамотности, то ей посвящалась 12 графа. Она содержала два вопроса об анкетированном: первый – умеет ли он читать. Для тех, кто умел читать по-русски, вписывалось слово «да»; для тех, кто не умел читать ни на каком языке, слово «нет»; для тех, кто читал не по-русски, а на другом языке, к слову «да» должно было быть прибавлено название этого языка, например, «да, по-болгарски». Применительно к детям до 5 лет ставился прочерк. Второй вопрос – где обучается или обучался⁶. Подобная формулировка вопросов затрудняет анализ полученных данных. Во-первых, можно ли назвать грамотным человека, умеющего лишь читать? Во-вторых, из ответов не становилось ясно, закончил ли человек курс обучения. В-третьих, «национальная» грамотность отмечалась лишь тогда, когда человек заявлял, что не может читать по-русски. Поэтому

при таком образом поставленных вопросах нам трудно было определить количество болгар, умеющих: а) писать, б) читать на болгарском языке и в) читать как на русском, так и на болгарском языке.

Поскольку абсолютное большинство болгар, как уже отмечалось, проживало в Бессарабской, Таврической и Херсонской губерниях, интерес для настоящего исследования представляют 3-й, 41-й и 47-й тома, посвященные, соответственно, каждой из этих губерний. Наиболее важной для изучения грамотности населения является таблица XV – «Распределение населения по родному языку, грамотности и возрастным группам», поскольку именно она позволяет связать грамотность анкетированных с их национальной принадлежностью.

В Херсонской губернии все население по принципу родного языка делилось на 57 групп, в Бессарабской – на 41 и в Таврической – на 39 ⁷:

Болгарское население трех южных губерний Российской империи

Губерния	Общая численность населения	Общая численность болгар			% болгар ко всему населению
		Мужчин	Женщин	Всех	
Бессарабская	1935412	52806	50419	103225	5,33
Таврическая	1447790	21116	20144	41260	2,85
Херсонская	2733612	13533	12152	25685	0,94
Всего	6116814	87455	82715	170170	2,78

Для каждой обособленной на основании родного языка категории населения данные записывались отдельно для каждой возрастной группы. Для детей моложе года фактор грамотности не учитывался, поэтому возрастных групп 7: 1-9; 10-19; 20-29; 30-39; 40-49; 50-59 лет; 60 и более. Информация о каждой возрастной группе содержала сведения об уровне грамотности мужчин и женщин по отдельности, об умеющих читать по-русски и на других языках и о количестве людей, чье образование выше начального. Данные об уровне грамотности каждой национальности касались как всей губернии в целом, так и каждого из уездов этой губернии и, отдельно, основных городов, что позволяло сравнить уровень грамотности городского и сельского населения. Итак, языком цифр, грамотность болгар Новороссийского края была такова:

Грамотность болгар Новороссийского края Российской империи в цифрах

Губерния	Всех		Из них					
			Грамотных по-русски		Грамотных на других языках		Образование выше начального	
	м	ж	м	ж	м	ж	М	ж
Бессарабская	52806	50419	15808	2612	101	35	576	581
Таврическая	21116	20144	8398	1975	32	2	167	36
Херсонская	13533	12152	5220	1339	58	1	113	23
Всего	87455	82715	29426	5926	191	38	856	640

Грамотность болгар Новороссийского края Российской империи в процентах

Губерния	Всего грамотных		Из них					
			Грамотных по-русски		Грамотных на других языках		Образование выше начального	
	м	ж	м	ж	м	ж	М	ж
Бессарабская	31,21	6,40	29,9	5,18	0,19	0,069	1,09	1,15
Таврическая	40,71	9,99	39,77	9,80	0,15	0,01	0,79	0,18
Херсонская	39,83	11,21	38,57	11,01	0,43	0,008	0,83	0,19
Всего	34,84	7,98	33,65	7,16	0,22	0,05	0,98	0,77

Различался уровень грамотности болгар, проживающих в городах и в сельской местности. Кроме этого, как видно из таблиц, болгары из Бессарабской губернии были более неграмотны в сравнении с болгарами двух других губерний Новороссии.

Уровень грамотности болгар в городах и в сельской местности

Губерния	Города		Уезды без городов	
	м	Ж	м	Ж
Бессарабская	50,23	23,76	28,83	4,18
Таврическая	78,59	45,18	39,62	9,62
Херсонская	72,64	41,31	38,34	10,68

Если же сравнить процентное количество грамотных болгар обоого пола в трех южнорусских губерниях (21,79%) с количеством грамотных по всей империи – 21,1 %, то разница в процентах минимальна, и она – в пользу болгарского населения. Здесь следует отметить, что среди 50 европейских губерний империи Таврическая губерния находилась на 10-м месте по уровню грамотности населения – 27,9 %, Херсонская – на 12-м с показателем 25,9 %, в то время как Бессарабская – на 45-м; здесь процент грамотных был весьма незначителен – всего 15,6 %⁸. Цифры сами по себе говорят многое, однако не отвечают на вопрос, почему на рубеже столетий болгары Российской империи считались народом неграмотным. В связи с этим, пользуясь сведениями, которые предоставляет Общая перепись населения Российской империи 1897 г., я сопоставила данные об уровне грамотности болгар с данными об уровне грамотности всего населения трех губерний.

Грамотность населения Бессарабской, Таврической и Херсонской губернии в процентах:

Губерния	Всех		Из них					
			Грамотных по-русски		Грамотных на других языках		Образование выше начального	
	м	ж	М	ж	м	Ж	м	ж
Бессарабская	21,96	8,83	17,13	5,42	3,77	2,67	1,06	0,70
Таврическая	36,90	17,85	30,89	11,98	4,36	4,33	1,65	1,54
Херсонская	35,01	16,33	30,30	12,44	2,54	2,31	2,17	1,58
Всего	31,37	14,29	26,31	10,09	3,37	2,89	1,70	1,30

Кроме того я сравнила данные о грамотности болгар с грамотностью других народов империи. Для сравнения с болгарам я выбрала русских – самый многочисленный народ в империи, малоросов (украинцев) – преобладающий (или в случае с Бессарабией значительный) элемент населения трех интересующих нас губерний; молдован, которые составляли половину населения Бессарабской и были весьма многочисленны в Херсонской губернии. Также для сравнения я выбрала немцев и евреев, чья судьба была идентична с судьбой болгар Новороссийского края, поскольку водворение инородческого населения в Новороссию как результат миграционной политики на юге империи предусматривало создание именно немецких, болгарских и еврейских колоний. Результаты сравнения таковы:

Уровень грамотности различных народов трех южных губерний Российской империи в процентах:

	Бессарабская		Таврическая		Херсонская	
	М	Ж	м	ж	М	ж
Великорусы	39,88	21,53	41,68	20,24	44,78	25,71
Малорусы	15,31	3,06	30,96	6,45	24,44	6,00
Болгары	31,21	6,40	40,71	9,99	39,83	11,21
Молдоване	10,47	1,74	32,26	3,93	16,16	1,85
Немцы	63,47	62,98	68,36	67,08	62,40	60,95
Евреи	49,61	24,15	64,94	43,61	57,80	31,92

Итак, мы видим, что уровень грамотности мужского населения у болгар (если верить данным переписи) был не намного ниже, чем у русских. Украинцы же и молдоване в этом отношении намного отставали. С другой стороны, немцы и евреи по грамотности значительно опережали болгар. Что касается немцев, то у них не было такой пропасти между грамотностью мужчин и женщин, какая существовала у других народов трех губерний.

Анализируя данные о грамотности, которые предоставляет нам Общая перепись населения 1897 г., трудно согласиться с утверждением, что болгарское население Новороссии отличалось большей неграмотностью в сравнении с другими этническими группами. Скорее можно было бы констатировать, что на рубеже столетий неграмотной была основная масса населения империи, а среди тех, кого все-таки считали грамотными, преобладало начальное образование. Можно выделить ряд факторов, которые повлияли на мнение русских ученых о почти полном отсутствии образования у болгарского населения.

Во-первых, у болгар в конце XIX в. грамотность женщин значительно отставала от грамотности мужчин. Низкий уровень грамотности болгарок можно было объяснить тем, что патриархальное воспитание продолжало быть в почете в болгарских семьях, и в школы отправляли преимущественно мальчиков. Уделом девочек продолжали оставаться семья, дети и ведение домашнего хозяйства, а для этого они нуждались не столько в образовании, сколько в религиозно-нравственном воспитании. Этот вывод подтверждается и тем, что из всех исследуемых мною народов лишь у болгар графа «проституция» в таблице о роде занятий населения осталась незаполненной.

Во-вторых, у болгар к концу XIX в. весьма слабо было развито среднее и высшее образование, тут их показатели отставали от средних показателей по империи в целом. Если в России образование выше начального имели 1,36% мужчин и 0,85% женщин⁹, то для болгар эти цифры были, соответственно, 0,98% и 0,77%. Отличаясь, может быть, излишней замкнутостью и обособленностью, болгары таким образом пытались отстаивать свою идентичность и сопротивлялись русской образовательной политике. Для сравнения, если среди немцев Новороссии грамотность на немецком языке была свыше 31%, то среди болгар трех южных губерний читать и писать по-болгарски могли менее 1%. И если чтение русских книг и газет воспринималось как попытка к ассимиляции, читать болгарские не было возможности, поскольку они отсутствовали. Все это усугубляло общекультурную отсталость болгарского населения в сравнении с другими народами России.

Еще одна деталь, касающаяся образованности болгар, привлекла мое внимание. На глаза мне попались данные о выпускниках гимназии в Болграде. До 1897 г. 7-летний курс обучения окончили 350 чел., среди которых болгар было 261 чел.; из них 203 чел. вернулись в Болгарию¹⁰. Более подробные данные о выпускниках Болградского центрального болгарского училища до 1885 г., когда состоялся последний болгарский выпуск, после которого учебное заведение было преобразовано в классическую гимназию императора Александра III в Болграде, можно найти в книге К. И. Мыславского «Исторический очерк гимназии Императора Александра III в Болграде. Часть I». В ней автор утверждает, что до 1885 г. из 214 выпускников училища (среди которых лишь у 11-ти было неболгарское происхождение) 177 чел. были выходцами из Бессарабской губернии Российской империи. Из них 13 умерли сразу по окончании, не успев реализовать себя. Из оставшихся 164 чел., о 9-ти сведений нет, а 29 – работали по специальности, но у Мыславского нет данных, в какой стране. Четверо жили и работали в Румынии, 26 чел. остались в Российской империи, одного «занесло» в Соединенные Штаты Америки. А 95 чел., или около 58 % выпускников училища, уехали в Болгарию¹¹, чтобы стать строителями молодого государства. Не берусь утверждать, что речь шла об «экспорте» образованных людей в Болгарию, но считаю, что этот вопрос заслуживает дополнительного изучения.

В-третьих, получившие образование болгары не стремились воспользоваться им в жизни, например, для улучшения своего материального благополучия. Это подтверждается и анализом данных таблицы о распределении населения по группам занятий и по народностям на основании родного языка. Из 170 тыс. болгар в трех губерниях лишь трое заявили своим поприщем литературу, науку и искусство. Не увлекались болгары и торговлей – 1159 чел. или 0,68%. Врачебной или санитарной деятельностью занима-

лось 98 чел., учебной и воспитательной деятельностью – 376. 98% болгарского населения принадлежали к крестьянскому и мещанскому сословию.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что болгары трех южных губерний Российской империи были крестьянским населением, занимающимся в основном сельским хозяйством. По уровню грамотности они не отличались от остального православного населения России. Буржуазия и интеллигенция в среде болгар составляла незначительный процент, поэтому среди них просвещение не превратилось в актуальную потребность. Попытки сохранить свой быт, свои традиции, обычаи и язык вылились в пассивное сопротивление русской образовательной политике, что давало поводы обвинять их в косности, необразованности и склонности к суевериям.

Примечания

¹ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга. Под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского. Том 14. Новороссия и Крым. СПб., 1910. С. 199.

² *Державин Н.* Болгарские колонии в России // СБНУ (София). 1914. Кн. 29. С. 53.

³ Таврическая епархия. Гермогена, епископа Псковского и Порховского, бывшего Таврического и Симферопольского. Псков, 1887. С. 396, 439.

⁴ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Санкт-Петербург. Главное управление Генерального штаба. Т. 24. Херсонская губерния. Ч. 1. Сост. Ген. штаба подполковник А. Шмидт, 1863. С. 535-536.

⁵ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по главнейшим сословиям, вероисповеданиям, родному языку и по некоторым занятиям: краткие общие сведения по Империи. СПб., 1905. С. 4.

⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской империи: на основании высочайше утвержденного Положения 5 июня 1895 года: наставление городским счетчикам: обязанности счетчика по производству переписи [Санкт-Петербург: Печатня С. П. Яковлева, 1896]. С. 17.

⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 3. Бессарабская губерния. СПб., 1905; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 41. Таврическая губерния. СПб., 1904; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 47. Кн. 2. Херсонская губерния. СПб., 1904.

⁸ *Рахин А.Г.* Население России за 100 лет (1811-1913). Статистические очерки. М., 1956. С. 308-309.

⁹ Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 18 января 1897 г., СПб. Т. I. С. XVII.

¹⁰ *Дякович Вл.* Българите в Бесарабия. Кратък исторически очерк. София, 1930. С. 25.

¹¹ *Миславски К.* Исторически очерк на гимназията «Император Александър III в Болград». Фототипно издание. София, 1994. С. 217-228.

Венгерские переселенцы в Российской империи

Abstract:

Ptitsyn A.N. *Hungarian immigrants in the Russian Empire.*

The author uses various sources to analyze the main phases of immigration of Hungarian population (including the representatives of ethnic minorities) to Russia in the end of 18th-beginning of 20th century, describing the most important fields of their activities (mostly economic) in Russian Empire.

Ключевые слова: Российская империя, миграция, монархия Габсбургов, Венгрия, диаспора.

Начиная с петровских времен и до Первой мировой войны в Россию прибыло множество европейских эмигрантов. Каждый пятый из них происходил из Австро-Венгерской монархии, превзойти ее по этому показателю смогла лишь Германия. В период с 1828 по 1914 гг. количество переселявшихся в Россию австро-венгерских подданных на 888 тыс. человек превысило число россиян, выезжавших на жительство в Габсбургскую империю¹. Помимо эмигрантов, тысячи жителей Австрии (затем Австро-Венгрии) ежегодно приезжали в нашу страну для торговли, на работу, на учебу, к родственникам и т.д.

Переселенческий поток, направленный в Россию, составлял часть мощного эмиграционного движения из венгерских земель, развернувшегося во второй половине XIX – начале XX вв. Подавляющее большинство покидавших Венгрию людей переезжало в США (их было 2 млн. чел.). Эмиграция из Венгрии была вызвана преимущественно социально-экономическими причинами: высокими темпами роста населения, перенаселенностью аграрных регионов, малоземельем, безработицей и т.д. Представителей венгерских национальных меньшинств к эмиграции подталкивало также существовавшее в этой стране национальное неравенство, а порой и преследования по религиозным и политическим причинам (это касалось, в первую очередь, венгерских русинов).

Из венгерской половины Габсбургской монархии в Россию переезжали как собственно венгры, так и словаки, карпатские русины, сербы, хорваты, румыны и представители других народов, при этом большую часть эмигрантов составляли представители национальных меньшинств. Российская империя предоставляла иммигрантам из перенаселенных и бедных венгерских областей широкие возможности для трудоустройства, заработка, профес-

сионального роста, создания различных предприятий, повышения своего жизненного уровня.

Процесс венгерской миграции в Российскую империю можно подразделить на два этапа. С середины XVIII в. наблюдалась миграция венгерских специалистов (преподавателей, ученых, врачей, офицеров), приглашаемых российским правительством для занятия вакантных мест в различных учреждениях. Во второй половине XIX – начале XX вв. шла уже массовая трудовая миграция из Венгрии в Россию, в которой, наряду со специалистами, приняли участие крестьяне и сельскохозяйственные рабочие, ремесленники, торговцы, предприниматели, художники, музыканты и представители других профессий.

В первую очередь следует сказать о том заметном вкладе, который венгерские педагоги внесли в развитие системы образования России. Нехватку собственных кадров российское правительство восполняло приглашением в вузы и гимназии преподавателей из числа австрийских славян, которые, как предполагалось, могли легко освоить русский язык и преподавать на нем.

Еще Петр I привлек выходца из Венгрии Яноша Зеканя в качестве воспитателя своего внука, будущего Петра II. С 1762 г. в Москве работал венгр Ференц Керестури, ставший профессором и деканом медицинского факультета Московского университета. Разработчиком образовательной реформы, проведенной правительством Екатерины II в 1780-е годы, являлся Федор Иванович Янкович де Мириево (1741–1814), серб родом из Венгрии. Этот педагог был автором «Устава народных училищ» 1786 г., первым директором петербургской учительской семинарии, членом комиссии народных училищ, автором и редактором множества учебных пособий, в том числе букваря, учебников по истории и географии. За свои заслуги он был избран членом Российской академии наук².

В 1791 г. в Россию приехал венгерский русин, врач и педагог Иван Семенович Орлай (1770–1829). Он служил хирургом при императорском дворе и в Генеральном сухопутном госпитале, являлся ученым секретарем Медико-хирургической академии. В 1821–1826 гг. И.С. Орлай был директором Нежинского лицея. Один из его учеников – Н.В. Гоголь – впоследствии высоко оценил деятельность педагога. В последние годы жизни И.С. Орлай являлся директором Ришельевского лицея в Одессе.

В 1803 г. по предложению И.С. Орлая на русскую службу был привлечен ряд преподавателей и ученых венгерского происхождения. Так, профессорами педагогического института в Петербурге стали карпатские русины Михаил Андреевич Балугьянский (политэкономия и право), Петр Дмитрие-

вич Лодий (философия) и Василий Григорьевич Кукольник (физика). Последний известен также как отец известного писателя Нестора Кукольника³.

Яркая карьера ожидала в России бывшего профессора Пештского университета М.А. Балугьянского (Балудьянского) (1769–1847). Он являлся учителем юриспруденции великих князей Николая Павловича (будущего императора) и Михаила Павловича, а в 1819 г. стал первым ректором Петербургского университета (занимал этот пост три года). С 1826 г. и до своей смерти М.А. Балугьянский был начальником Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и под руководством М.М. Сперанского занимался кодификацией российского законодательства, стал тайным советником, статс-секретарем и сенатором. За заслуги М.А. Балугьянского в деле составления 15-ти томного свода законов империи Николай I повелел изобразить цифру «XV» в дарованном ему дворянском гербе⁴.

Преподаватели из Венгрии в начале XIX в. были приглашены также в Харьковский университет. Венгр Дьердь Коритарани занял должность профессора медицины. Серб из венгерского Срема Афанасий Стойкович стал первым профессором физики в Харьковском университете, первым деканом физико-математического факультета и дважды занимал должность ректора (в 1807–1809 и 1811–1813 гг.). В 1829–1830 гг. ректором Харьковского университета являлся другой венгерский серб, философ Андрей Дудорович, приглашенный в Россию в 1811 г. в качестве учителя гимназии, а затем перешедший в университет⁵.

В 1823 г. из Венгрии в Россию переселился выходец из русинско-румынской семьи, жившей в Закарпатье, Юрий Иванович Венелин (его настоящая фамилия Хуца), ставший впоследствии крупным историком, одним из основателей отечественной славистики. В Одесском университете в 1860–1870-е годы работали известные хорватские ученые – юрист Валтасар Богишич и лингвист Ватрослав Ягич. Последний в 1880–1886 гг. являлся профессором Петербургского университета, а в 1881 г. стал членом Российской академии наук⁶.

С середины 1860-х годов российское министерство просвещения стало активно приглашать из Австро-Венгрии учителей древних языков. Острая потребность в них возникла в связи с проводимой в то время реформой, направленной на усиление классического направления в гимназическом образовании. Молодые специалисты из Австро-Венгрии охотно ехали в Российскую империю, где учительский труд оплачивался высоко и пользовался уважением в обществе. Выходцы из Венгрии работали в гимназиях многих российских городов. Среди них были словаки – Эмилий Черный (Москва), Август Шандоры (Харьков), Игнат Станко (Тифлис, затем Уфа), Людовит Мичатек (Новгород), Густав Штур (Варшава, он был племянником знамени-

того словацкого общественного деятеля Людовита Штура), Юлиан Стовик (Воронеж, затем Харьков), Эрнест Полони, русины – Андрей Дешко, Виктор Кимак (Москва, затем Одесса), Юрий Ходобай (Москва), хорват Адольф Якшич (Ставрополь) и др.⁷

В 1876 г. в Россию из-за политических преследований перебрался венгерский адвокат и бывший депутат парламента, русин Эммануил Грабарь. Его сын, знаменитый художник и искусствовед Игорь Грабарь, отмечал в своих воспоминаниях, что «отец, пользуясь знанием иностранных языков, предпочел карьере судебной службу педагогическую и, выдержав экзамен на преподавателя немецкого и французского языков при Московском учебном округе, поехал учителем в городок Егорьевск Рязанской губернии»⁸.

Помимо педагогов, на русскую службу приглашались венгерские врачи. Придворным медиком Елизаветы Петровны, а затем Екатерины II являлся Павел Дёндёши. С 1755 г. в Петербурге работал Христиан Пекен, он был членом медицинской коллегии и автором первых российских лечебника и фармакопеи. Последователь учения Л.Н. Толстого словак Душан Маковицкий с 1904 г. работал врачом в Ясной Поляне, одновременно он являлся секретарем великого писателя. Д. Маковицкий вел подробный дневник под названием «Яснополянские записки», который впоследствии был опубликован и высоко оценен литературоведами.

В XVIII столетии в российскую армию охотно вербовали иноземных офицеров, в том числе уроженцев Венгрии. Один из них, секунд-майор венгр Павел Семенович Эрдели, в 1755 г. получил российское дворянство и поместье в Херсонской губернии. П.С. Эрдели стал основателем известного русского дворянского рода, среди его потомков – множество офицеров, два губернатора и генерал И.Г. Эрдели – один из руководителей Белого движения на юге России. В 1798 г. штаб-ротмистром лейб-гвардии гусарского полка стал Георгий Арсеньевич Эммануэль (Эммануэль) (1775–1837), происходивший из черногорского рода, переселившегося в Венгрию. Он стал одним из героев Отечественной войны 1812 г. (начал полковником, а закончил генерал-лейтенантом), а позднее проявил себя в качестве командующего войсками Кавказской линии и губернатора Кавказской области.

Среди венгерских эмигрантов были представлены и деятели искусства. Самым известным из венгерских художников, работавших в России, был Михай Зичи (1827–1906). В 1847 г. он приехал в Петербург в качестве учителя рисования дочери Николая I Екатерины, а в 1859 г. был назначен придворным живописцем. Его картины и рисунки запечатлели жизнь русского императорского двора на протяжении десятилетий. Пользовались известностью также портреты, выполненные венгерским художником, и его эротические рисунки. Но подлинную славу М. Зичи приобрел в качестве автора ил-

люстраций к литературным произведениям, до сих пор он считается лучшим иллюстратором произведений М.Ю. Лермонтова.

Среди венгерских музыкантов, работавших в России, выделялся скрипач, дирижер, композитор и педагог Леопольд Ауэр (1845–1930). Он происходил из семьи венгерских евреев, но принял христианство, что существенно облегчило ему карьеру в России. Л. Ауэр с юных лет прославился как музыкант-виртуоз. В 1868 г. он был приглашен на должность профессора Петербургской консерватории, затем стал солистом-скрипачом Императорских театров. Л. Ауэр являлся также дирижером симфонических концертов Русского музыкального общества и придворной певческой капеллы, солистом оркестра Мариинского театра. Он воспитал около 300 учеников и получил известность как основатель русской скрипичной школы. После Октябрьской революции музыкант эмигрировал в США⁹.

Помимо специалистов, Россия привлекала студентов славянского происхождения из Венгрии. В российских вузах в XIX в. получили образование десятки словаков, карпатских русинов, венгерских сербов и хорватов. Большинство из них после получения образования оставались в России.

Необычную карьеру сделал один из таких студентов – словак Владимир Кривош (1865–1942). В 1886 г. он поступил на факультет восточных языков Петербургского университета, а после завершения обучения стал служить в Главном управлении почт и телеграфов в должности цензора иностранной корреспонденции. В. Кривош был замечательным полиглотом (знал более 20 языков) и специалистом в области криптографии. Он много и успешно работал над расшифровкой различных документов по заданиям министерства иностранных дел, адмиралтейства и департамента полиции. Так, в годы русско-японской войны 1904–1905 гг. В. Кривошу удалось расшифровать японские дипломатические коды. Словацкий полиглот также активно изучал стенографию, преподавал ее в различных петербургских вузах и разработал соответствующие учебники. С 1906 по 1913 гг. В. Кривош руководил стенографическим бюро при Государственной думе и Государственном совете. После начала Первой мировой войны он стал работать в качестве переводчика в штабе 8-й армии, однако в апреле 1915 г. был обвинен в шпионаже, и, несмотря на то, что обвинения не подтвердились, «в административном порядке» был сослан в Иркутск. После Февральской революции В. Кривош вернулся из ссылки и в конце 1917 г. поступил на службу в советский наркомат иностранных дел, а затем служил в качестве переводчика и шифровальщика в военной разведке и ВЧК. После окончания Гражданской войны он неоднократно арестовывался, и в 1923–1928 гг. являлся заключенным печально известного «Соловецкого лагеря особого на-

значения». После освобождения В. Кривош работал переводчиком и преподавателем иностранных языков¹⁰.

С 30-х годов XIX в. Россию стали посещать торговцы из Венгрии, преимущественно словаки и русины, которые занимались, в основном, разносной торговлей. Странствуя по российским городам и весям, торговцы продавали металлические изделия, керамику, галантерею, ювелирные товары, специи, растительное масло, пивок и т.д. География их «деятельности» была очень широкой и охватывала большинство губерний Европейской России. Уже в 1830-е годы торговцы из Венгрии были отмечены в западных и центральных губерниях страны и проникали даже в северную Олонецкую губернию. Позднее они освоили Поволжье и Кавказ. Так, в течение 1860 г. Ставрополь посетило около 30 торговцев-словаков, которые направлялись в Тифлис, Кутаис, Эривань, Дербент и другие кавказские города¹¹.

Часть венгерских торговцев оставалась в России на постоянное жительство, некоторые из них открывали собственные фирмы. Так, в 1878 г. словаки братья Юрай, Игнац и Йозеф Осаги основали в Варшаве торговый дом, который поставлял на российский рынок товары западноевропейского производства: текстиль, галантерею, резиновые и стальные изделия и т.д. Агенты этой фирмы, бывшие в основном словаками (их насчитывалось до 200 человек), распространяли эти товары в различных российских регионах – вплоть до Дальнего Востока. Расцвет торгового дома в начале XX в. был связан с деятельностью нового главы фирмы Яна Осага, который считался крупнейшим словацким предпринимателем России. В августе 1914 г. он стал членом Совета чехов и словаков России и в качестве представителя словаков участвовал во встрече его лидеров с Николаем II¹².

В середине XIX в. в России появились странствующие словацкие ремесленники (дротари), чинившие посуду и изготавливавшие на продажу различные изделия из жести и проволоки. Они нашли в нашей стране обширный рынок сбыта, отсутствие конкуренции и благожелательное отношение местного населения. Словацкие дротари работали во многих российских губерниях, часть из них осела в российских городах. По подсчетам современных словацких историков, всего в России возникло около 80 дротарских мастерских – в Москве, Петербурге, Киеве, Одессе, Туле, Самаре, Ростове-на-Дону, Баку, Тифлисе, Екатеринбурге, Омске, Иркутске и других городах. Некоторые из них со временем превратились в крупные предприятия. Так, мастерская, основанная в 1868 г. в Москве дротарями Яном Гунчиком и Йозефом Крутошиком и перешедшая впоследствии к их сыновьям Штефану Гунчику и Имриху Крутошику, в начале XX в. представляла собой фабрику с 400 рабочими. В дротарских мастерских были заняты преимущественно

словацкие рабочие. Например, в мастерской Йозефа Белона в Тифлисе в начале XX в. работало 28 словаков¹³.

В Россию из Венгрии переселялись также агрономы, инженеры, техники и представители других профессий. Так, в 1836 г. в Грузию переселился венгерский подданный Бартоломей Иерль – специалист в области виноделия, внедрявший венгерские традиции в этой сфере¹⁴.

В конце XIX в. бродячих венгерских ремесленников и торговцев сменили предприниматели, действовавшие на постоянной основе. Они открывали в различных городах фабрики, мастерские, торговые дома, магазины и т.д. Крупнейшим центром венгерского предпринимательства в России стала Москва.

В 1880 г. в Москву из Будапешта переселился инженер Бела фон Вангель, который занялся новым перспективным делом – бурением артезианских скважин. В 1893 г. он организовал «Московское товарищество повсеместного артезианского водоснабжения, орошения и осушки Б.И. фон-Вангель», которое занималось «устройством артезианских колодцев, буровых скважин и водопроводов и снабжением их трубами и прочими принадлежностями». Основной капитал товарищества составил солидную по тем временам сумму в 360 тыс. руб. Только за три первых года своей деятельности компания пробурила 438 артезианских скважин, из них 174 – в Москве, и построила водопровод в г. Аккермане Бессарабской губернии. На Всероссийской промышленной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде Б. фон Вангель был награжден серебряной медалью. Активы его компании в первые годы XX в. составили 700 тыс. руб., годовая стоимость производства доходила до 100 тыс. руб. Сама компания успешно действовала вплоть до Первой мировой войны. Помимо нее, Б. фон Вангелю принадлежала в Москве деревообрабатывающая фабрика, открытая в 1897 г.¹⁵

Накануне Первой мировой войны венгерские подданные владели в Москве целым рядом небольших предприятий – мастерских, магазинов и торговых фирм. Различные мастерские содержали Степан Дочар (изготовление проволоки), Павел Дьявик («медно-паяльное заведение»), Алексей Генегар (фотоцинкография и художественная печать), Эмилия Сусик (пошив дамских нарядов) и Елена Фратер (изготовление корсетов). Адольф Боген владел магазином одежды на Театральном проспекте, Маргарита Шпира – магазином дамских шляп и нарядов на Большой Дмитровке. Учредителями торговых домов в Москве являлись Ян Рох (продажа типографского оборудования и красок), Людвиг Швейцер (торговля медицинскими товарами), Мария Эрдели и Степан Цаль (совладельцы торгового дома, поставлявшего на российский рынок автомобильные принадлежности и другие товары). Наконец, Эмиль Фодор содержал посредническую контору, представляв-

шую интересы австро-венгерских торговых фирм и Королевско-Венгерского коммерческого музея (который являлся не только просветительской, но и торговой организацией)¹⁶. Судя по фамилиям, предпринимательской деятельностью в Москве занимались представители разных народов Венгерского королевства – венгры, словаки, немцы, евреи. Примечательно, что треть довоенных венгерских бизнесменов в Москве составляли женщины. Такое масштабное представительство «слабого пола» в то время было редкостью.

В довоенном Петербурге работали жестяные мастерские словаков Иосифа Дьявика, Якова Мадая, братьев Иосифа, Юрия и Фабиана Милуцких (Милучков), а венгр Михаил Гонвери осуществлял сделки с ценными бумагами на Петербургской фондовой бирже. Торговлю в Ростове-на-Дону в это время вели венгерские подданные Виктор Фаркаш (глава отделения фирмы «Гольдштюк, Гайнце и К°», занимавшейся экспортом зерна), Амброш Штернталь (представитель Королевско-Венгерского коммерческого музея), Франц Шебештъен (представитель одноименной будапештской фирмы) и Александр Надь (служащий торговой фирмы)¹⁷.

Во второй половине XIX в. в нашу страну стали переселяться в поисках лучшей доли крестьяне и сельскохозяйственные рабочие из Венгрии, преимущественно русины и румыны. В чешских колониях, возникших на Черноморском побережье Кавказа, поселились отдельные словацкие семьи¹⁸.

Была сделана попытка организовать в России колонии карпатских русинов по примеру чешских колоний, но она не имела успеха. В частности, в 1891 г. русин Константин Турков, арендатор поместья Чертеж в Венгрии, обратился к графу С.А. Шереметьеву, главноначальствующему гражданской частью на Кавказе, с предложением организовать в Сухумском округе колонию карпатских русинов. К. Турков писал о том, что «наши люди сейчас толпами выселяются в Америку и там зарабатывают много денег», однако приобрести землю и заниматься привычным крестьянским трудом там не могут. Поэтому, если российские власти предоставят русинам землю на Кавказе, то туда направится поток переселенцев не только из Венгрии, но и из США. Предложение К. Туркова было рассмотрено в управлении кавказского наместника и в министерстве государственных имуществ, после чего он получил ответ об отсутствии «свободных земель для поселения» на Черноморском побережье Кавказа (в действительности, тамошние земли были целыми массивами розданы крупным чиновникам и членам царской семьи и заселялись арендаторами – турецкими армянами и греками)¹⁹.

Приезжавшие из Венгрии крестьяне, главным образом русины и румыны, становились сельскохозяйственными рабочими. С конца XIX в. тысячи таких рабочих ежегодно прибывали в южные и юго-западные губернии

России, а также на Северный Кавказ (трансильванские румыны работали там чабанами). Помимо сельхозработ, рабочие из Венгрии были заняты на лесопильных и сахарных заводах, на строительстве железных и шоссежных дорог. Венгерские рабочие приезжали в Россию как для сезонной работы, так и на постоянное жительство. Всего в России, по данным переписи 1897 г., трудилось 26 тыс. сельскохозяйственных и промышленных рабочих, бывших уроженцами Австро-Венгрии (в том числе 6 тыс. женщин)²⁰.

Особенно заметный рост числа переселенцев из венгерских земель в Россию наблюдался в конце XIX – начале XX вв. Так, по данным городских переписей г. Москвы, количество проживавших там венгров в 1871 г. составило 20 человек, в 1897 г. оно возросло до 96, а в 1902 г. – до 182. В Петербурге в 1881 г. проживало 67 венгров, а в 1897 г. – уже 114²¹.

По данным Первой Всероссийской переписи 1897 г., в России проживало 122 тыс. австро-венгерских подданных. Статистика не показывала, сколько из них прибыло из венгерской половины Габсбургской монархии, приводились лишь данные по отдельным народам. Собственно венгров в нашей стране проживало немного – 961 человек (551 мужчина (57%) и 410 женщин (43%)). Две трети из них (452 мужчины и 202 женщины) вели самостоятельное хозяйство, остальные являлись членами семей (99 мужчин и 208 женщин). Таким образом, венгерская иммиграция имела трудовой характер, и большинство переселенцев приезжало в Россию без семей. Некоторые из них вступали в брак с российскими подданными.

Венгерское население в 1897 г. присутствовало во всех частях Российской империи: 651 человек проживал в Европейской России, 173 – в Царстве Польском, 80 – на Кавказе, 49 – в Сибири, 8 – в Средней Азии. Среди регионов по количеству венгерского населения выделялись следующие губернии: Санкт-Петербургская (119 человек), Московская (98), Варшавская (96), Херсонская (76), Лифляндская (56), Тобольская (46), Петроковская (45), Бессарабская (42), а также Кубанская область (63). Венгры, в отличие от австро-венгерских славян, проживали в России преимущественно в городах (горожан среди венгров было 699 человек, или 73%).

Занятия венгров в России были разнообразными. В промышленном и ремесленном производстве участвовали 243 венгра из числа самостоятельных хозяев (37%). Половина из них (125 человек) была занята обработкой металлов, 28 человек – обработкой животных продуктов, 20 – строительством и ремонтом, 17 – изготовлением одежды, 12 – керамическим производством, 10 – изготовлением продуктов питания и т.д. Примечательно, что в промышленном секторе было занято всего 14 венгерских женщин, и почти все – в швейном производстве. Сельским и лесным хозяйством был занят 41 венгр (6%), торговлей – 100 (15%). В число торговцев были вклю-

чены 23 человека, содержавших трактиры, гостиницы и другие подобные заведения, из них половина была женщинами.

В непроизводственной сфере было занято 230 самостоятельных хозяев венгерской национальности (35%), из них две трети составляли женщины. Службой у частных лиц было занято 59 человек (в том числе 38 женщин), на доходы от капитала, недвижимости и на средства родственников жили 36 человек (в том числе 24 женщины), на средства, получаемые от казны и общественных организаций – 18 (12 женщин). 56 венгров (в том числе 48 женщин) занимались искусством, литературой и наукой. В народном образовании было занято 8 человек (7 женщин), врачебном и санитарном деле – 5 (2 женщины), 7 венгров служили в администрации, суде и полиции, 8 – в российской армии, 4 – в кредитных учреждениях, один являлся священником. Кроме того, 28 венгров занимались проституцией, которая считалась официальным занятием в дореволюционной России.

Остальные венгры относились к категориям «лиц неопределенных занятий» и «не указавших занятия» (всего 7% от числа самостоятельных хозяев). Сюда же были включены 3 венгра, отбывавших наказание в виде лишения свободы. Таким образом, венгры в Российской империи не специализировались в одной профессиональной области, а предпочитали осваивать различные ниши²².

Многие переселенцы из Венгрии, прожив в России пять и более лет, в соответствии с законом подавали прошения о принятии российского подданства, что свидетельствовало об их успешной адаптации. Процесс смены подданства ускорился после начала Первой мировой войны, когда права «подданных враждебных держав» в России стали всячески ограничиваться. По данным министерства внутренних дел, накануне и в годы Первой мировой войны (в 1911-1917 гг.) ходатайства о переходе из австро-венгерского в российское подданство подали 13 венгров (в том числе 2 – с семьей), 643 русина (208 – с семьей), 415 румын (59 – с семьей), 188 словаков (55 – с семьей), 80 сербов (18 – с семьей), 24 хорвата (5 – с семьей)²³.

Принятие российского подданства в военные годы было облегчено для зарубежных славян и румын, венграм же и немцам здесь чинились препоны. Власти рассматривали их как «врагов», следствием этого стали высылание военнообязанных австро-венгерских и германских подданных неславянского происхождения в отдаленные восточные и северные губернии, ликвидация их земельных владений, закрытие принадлежавших им торговых и промышленных предприятий.

После тяжелых испытаний Первой мировой и Гражданской войн часть венгерских переселенцев вернулась на свою историческую родину, остальные остались в России, прочно связав с ней свою судьбу. Таким образом,

эмигранты из Венгрии стали частью многонационального российского социума и смогли оставить свой след в истории нашей страны.

Примечания

- ¹ *Оболенский (Осинский) В.В.* Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М., 1928. С. 108.
- ² *Мольнар Л.* Венгры и русские в зеркале истории контактов (Уроки культурных контактов XVIII века) // Двенадцать столетий венгерско-русских отношений. Будапешт, 2005. С. 45-46.
- ³ Там же. С. 46-47.
- ⁴ *Тебиев Б.К.* Первый ректор Петербургского университета // Высшее образование в России. 2004. № 11. С. 139-145.
- ⁵ *Павлюченко О.В.* Югославяне в общественной, научной и культурной жизни украинского народа (первая половина XIX в.) // Культурные и общественные связи Украины со странами Европы. Киев, 1990. С. 96-97, 102.
- ⁶ Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40-80-е гг. XIX в. М., 1975. С. 60, 554.
- ⁷ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 733. Оп. 169. Д. 230.
- ⁸ *Грабарь И.Э.* Моя жизнь: Автобиография. Этюды о художниках. М., 2001. С. 18.
- ⁹ См.: *Ауэр Л.С.* Моя долгая жизнь в музыке. СПб., 2003.
- ¹⁰ См.: *Зданович А.А., Измозик В.С.* Сорок лет на секретной службе. Жизнь и приключения Владимира Кривоша. М., 2007.
- ¹¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 203; Оп. 7. Д. 457; Государственный архив Ставропольского края. Ф. 101. Оп. 1. Д. 3940.
- ¹² *Голец Р.* Словацкие предприниматели в России накануне Первой мировой войны // Мифы-стереотипы-образы. Восприятие Словакии в России. Братислава–Йошкар-Ола, 2010. С. 31-32.
- ¹³ *Ferko V.* Svetom, moje, svetom (Slovenskí drotári doma i vo svete). Bratislava, 1985. S. 102-107.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 398. Оп. 81. Д. 15183.
- ¹⁵ Альбом участников Всероссийской промышленной выставки в Нижнем Новгороде в 1896 г. Ч. 2. СПб., 1896. С. 4; Указатель действующих в империи акционерных предприятий. СПб., 1903. С. 1334-1335.
- ¹⁶ См.: Германские и австрийские фирмы в Москве на 1914 г. М., 1914.
- ¹⁷ Весь Петербург на 1913 год. СПб., 1913. С. 205, 385, 414; Отчет Австро-Венгерского вспомогательного общества в Ростове-на-Дону за 1911 г. Александровск, 1911. С. 18-24.
- ¹⁸ *Пукиш В.С.* Чехи Северного Кавказа. Годы и судьбы: 1868-2010. Ростов-на-Дону, 2010. С. 293.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 381. Оп. 28. Д. 17699.
- ²⁰ Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 г. СПб., 1905. С. 34.

²¹ Статистические сведения о жителях Москвы по переписи 12 декабря 1871 года. М., 1874. С. 59; Перепись Москвы 1902 г. Ч. 1. М., 1902. С. 224; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1881 г. Т.1. Ч. 1. СПб., 1883. С.243; Общий свод по империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 29 января 1897 г. Т. II. СПб., 1905. С. 29.

²² Общий свод по империи... Т. II. С. 29, 47, 343.

²³ Подсчитано по: РГИА. Ф. 1284. Оп. 243. Ч. 2. Д. 7631-7648.

Русские офицеры Генерального штаба и политическая борьба в эмиграции в 1920-е годы*

Abstract:

Ganin A.V. *Russian Officers of the General Staff in the Political Struggle within the Russian Émigré Communities in 1920s.*

The article examines the involvement of top military officials, the émigré officers of the Russian General Staff, with the political struggle. Different sides of this process are shown, the course of events and special features.

Ключевые слова: военная элита, русская эмиграция, Генеральный штаб, Балканы, Королевство сербов, хорватов и словенцев, политическая борьба.

Политическая активность офицеров-генштабистов в эмиграции была достаточно высока. С первых лет изгнания многие высокопоставленные военные оказались вовлечены в ожесточенную политическую борьбу, которая была вообще присуща эмигрантской среде (в том числе в связи с однообразием существования вне родины). Без особого преувеличения это была борьба «всех против всех». Она велась практически по всем вопросам и во всех направлениях. Постоянные внутренние конфликты и противоречия стали отличительной чертой антибольшевистского лагеря Гражданской войны и одной из причин поражения белых. В эмиграции старые разногласия лишь обострились. Боролись сторонники различных партий, движений, члены различных организаций за лидерство в эмиграции, члены одних и тех же организаций – за власть, монархисты одного и другого толка между собой, монархисты и республиканцы – по вопросу о будущем государственном устройстве, националисты разных толков, представители национальных диаспор – друг с другом, спорили о методах борьбы с большевиками, необходимости использования террора или его прекращения. Кто-то, наоборот, выступал за примирение с Советской Россией. Список можно продолжать. Ко всему этому прибавлялась значительная активность советской агентуры, стремившейся разжигать любые внутренние противоречия в лагере своего противника.

В вопросах лидерства в военной эмиграции всегда значительную роль играли генштабисты. Руководители Русской армии, оказавшейся в беженских лагерях, особенно боялись утратить контроль над войсками. Для подобных опасений имелись основания, в том числе из-за отсутствия обще-

---

* Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 11-31-00350a2 «Военная элита в годы Гражданской войны 1917 – 1922 гг.».

признанных лидеров и безусловных военных авторитетов. Уже в конце 1920 г. острый конфликт разразился в казачьих верхах, когда члены донского Войскового Круга взяли курс на разрыв с генералом П.Н. Врангелем и донским атаманом А.П. Богаевским. Тогда Врангель и Богаевский сумели договориться, но в дальнейшем их отношения из-за политики Богаевского обострились. В лагере на острове Лемнос кубанцы провели выборы войскового атамана, которым избрали генерала В.Г. Науменко. Лемносскую группу войск с 26 марта 1921 г. возглавил генерал Ф.Ф. Абрамов. Донской атаман Богаевский стремился к лидерству в рамках всех казачьих войск, что угрожало полномочиям Врангеля. Конфликтная ситуация усугубилась отсутствием у Врангеля ресурсов для поддержки казачьих администраций и, наоборот, появлением у Богаевского весьма значительных средств донской казны и добычи, награбленной казаками корпуса К.К. Мамантова во время рейда по красным тылам в 1919 г.¹ Именно Богаевский стал председателем Объединенного совета Дона, Кубани и Терека, созданного в январе 1921 г. Однако донской атаман никогда не был особенно популярной фигурой (в 1919-1920 гг. его даже считали марионеткой белого главнокомандующего генерала А.И. Деникина) и отличался большой осторожностью. Тем не менее, Объединенный совет пытался действовать самостоятельно и вопреки Врангелю на переговорах с бывшими союзниками. Однако, в отличие от казачьих политиканов, верность Врангелю сохранили командиры казачьих соединений, в том числе генштабисты. Его настоящей опорой стали командир Донского корпуса генерал Ф.Ф. Абрамов и командир Кубанского корпуса генерал М.А. Фостиков. Благодаря им, отрыва казаков от общей массы русской армии удалось избежать. Врангелю и его штабу также принадлежит заслуга в деле сохранения армии при попытках бывших союзников добиться ее распыления. Благодаря его деятельности был решен вопрос о переброске в 1921 г. армии из беженских лагерей в дружественные белым Болгарию и Сербию.

Контрразведкой в лагере в Галлиполи был, якобы, выявлен проденикинский заговор дроздовцев во главе с выпускником ускоренных курсов Военной академии полковником П.В. Колтышевым. Однако, весьма вероятно, он был выдуман контрразведчиками из цепочки обычных фактов – наличия портрета Деникина в столовой и частных разговоров². Тем более что Деникин в этот период вовсе не претендовал на руководство армией и вообще устранился от всякой общественно-политической деятельности, занявшись написанием своих знаменитых «Очерков русской смуты», над которыми работал шесть лет. Среди ветеранов борьбы с большевиками, конечно же, существовало немалое число сторонников Деникина (и противников сменившего его, не без помощи интриг, Врангеля), доверявших ему и в годы эмиграции и видевших именно его своим вождем. Тем не менее, борь-

ба за лидерство продолжалась и позднее. Деникин выступал против терроризма и диверсий на советской территории. При этом высочайший моральный авторитет генерала не позволил лидерам военной эмиграции отмежеваться от его действий и заявлений.

Немало проблем руководителям военной эмиграции и, прежде всего, казачества доставила деятельность бывшего донского атамана генерала П.Н. Краснова, обладавшего большим авторитетом в казачьей среде и боровшегося с действовавшим донским атаманом Богаевским и другими лидерами казачества. Конфликты в казачьей среде были почему-то особенно острыми. В результате к 1938 г. в эмиграции было, например, уже два действовавших донских атамана – П.Х. Попов и М.Н. Граббе (не генштабист).

Генштабисты активно участвовали в деятельности монархических организаций. Целый ряд офицеров Генштаба приняли участие в российском зарубежном съезде 1926 г. (среди его участников – А.П. Богаевский, П.Н. Краснов, И.Г. Акулинин, А.К. Баиов и другие). Еще один раскол военной эмиграции как раз прошел по линии отношения к двум соперничавшим претендентам на русский престол – великим князьям Николаю Николаевичу-младшему и Кириллу Владимировичу. Как ни странно, в борьбе за гипотетический трон, который мог быть восстановлен только в случае свержения большевистского режима и провозглашения монархии, разгорелись нешуточные страсти. Реально же борьба велась за лидерство той или иной группировки в эмигрантской среде и связанные с его обретением преимущества в виде материальных и нематериальных благ. Сторонников Кирилла Владимировича называли «легитимистами». Среди них были многие генштабисты, в том числе генералы К.В. Апухтин, К.К. Акинтиевский, Н.А. Лохвицкий, В.Е. Флуг, В.А. Брендель, М.Э. Мельгунов, В.Л. Малеванов, А.Я. Ельшин, И.П. Пацковский, Г.Т. Киященко, полковники А.Л. Мариюшкин, Н.Л. Жадвойн и другие³. Врангель отчислял из армии офицеров за поддержку Кирилла Владимировича⁴. Офицеры, поддерживавшие Кирилла Владимировича, состояли в альтернативном врангелевскому Русскому общевоинскому союзу (РОВС) Корпусе императорской армии и флота, где за преданность новоявленному кандидату на престол активно раздавались чины и награды. Те, кто ориентировался на Николая Николаевича, считались «конституционалистами». Среди них было все официальное руководство военной эмиграции первоначально в лице штаба Врангеля, а затем – лидеров РОВС. Соответственно, военные эмигранты, связанные с РОВС, должны были ориентироваться на этого кандидата. К «конституционалистам» примыкал П.Н. Краснов. После смерти в 1929 г. великого князя Николая Николаевича, не оставившего наследников, кандидатура Кирилла Владимировича для части монархистов стала безальтернативной.

Довольно болезненно руководители белой военной эмиграции реагировали на любые проявления инакомыслия. Особенно острой была реакция на проявления приверженности левым идеям. Так, например, ближайший соратник генерала М.В. Алексеева генерал В.Е. Борисов, некоторое время служивший в РККА, а позднее бежавший к белым, в 1921 г. приказом генерала Врангеля был исключен с военной службы и лишен чинов за агитацию в пользу Советов⁵. С 19 марта 1923 г. его исключили и из общества русских офицеров Генерального штаба⁶. Аналогичная участь постигла еще несколько генштабистов, в том числе полковника Ф.Е. Махина. 16 августа 1924 г. в редакцию белградской газеты «Новое время» поступило следующее письмо: «М[илостивый] г[осударь] г-н редактор. Не откажите поместить в Вашей газете нижеследующее разъяснение районного правления общества офицеров Генерального штаба в Королевстве С.Х.С.⁷: Ввиду поступающих в районное правление запросов, - как оно относится к деятельности в Королевстве С.Х.С. Генерального штаба полковника Махина, правление сообщает: 1) Что полковник Махин членом общества офицеров Генерального штаба в Королевстве С.Х.С. не состоит и 2) Что ни в какой связи с районным правлением он не находится и деятельность его ничего общего с деятельностью районного правления не имеет. Председатель Районного Правления генерал от кавалерии Драгомиров»⁸. В августе 1925 г. деятельность Махина обсуждалась на заседании Совета объединенных офицерских обществ в Королевстве СХС. Известно, что на Махина собирались компрометирующие материалы⁹. В условиях замкнутого эмигрантского круга общения такие офицеры были либо обречены на одиночество, становясь изгоями (случай генерала Борисова), либо вынуждены примкнуть к явно враждебным белым течениям (как, например, полковник Махин, вступивший в компартию Югославии¹⁰), либо уезжали в СССР.

Еще одним «отщепенцем» оказался генерал А.К. Келчевский, с 1922 г. редактировавший (с № 4, после генерала М.И. Тимонова – не генштабиста) берлинский журнал «Война и мир». Это издание возникло по инициативе Разведупра Штаба РККА, действовавшего через частное издательство в Германии. Журнал выходил до 1925 г. (вышло 19 томов по 400-450 страниц каждый) и даже распространялся в Советской России, обеспечивая неформальную связь между военными учеными из числа эмигрантов и военными РККА в целях усиления «сменовеховских» настроений в среде военной эмиграции. Соответственно, в журнале печатались те авторы, которые не считали предосудительным такое сотрудничество и не боялись обвинений военной эмиграции в большевизме и «сменовеховстве». Среди них – генералы П.И. Залесский, С.К. Добrorольский, В.Е. Борисов, А.А. Носков (двое последних – близкие сотрудники генерала М.В. Алексеева по службе в

Ставке в годы Первой мировой войны) и некоторые другие. Постоянным рецензентом материалов журнала в Советской России был выпускник ускоренных курсов Г.И. Теодори, опубликовавший свои рецензии в еженедельнике «Военный вестник»¹¹. В апреле 1923 г. Келчевский неожиданно скончался на своей квартире в Берлине после острого политического спора со своим учеником по академии полковником Ф.Е. Махиным о роли эсеров в революции¹².

На посту главного редактора Келчевского сменил полковник В.В. Колоссовский – ветеран украинской армии. Направленность журнала несколько изменилась. Свое кредо в этот период Колоссовский изложил в письме от 22 июля 1923 г. генералу Н.А. Капустянскому – своему товарищу по службе в украинских формированиях (любопытно, что украинские ветераны вели переписку между собой на русском языке). Колоссовский писал: «Вы спрашиваете, каковы мои чаяния? Мне кажется, что сейчас, в это крайне неопределенное время, лучше всего сидеть на месте и “не рипатись”. В будущем все разъяснится и тогда можно будет создать какой-либо план действий. Политикой я сейчас совершенно не занимаюсь, она мне осточертела. Мне приятно, что я работаю в полезном, живом и, главное, нашем родном военном деле, и я чувствую себя вполне удовлетворенным. Я решил в том же направлении и продолжать свою жизнь...»¹³.

По мнению С.Т. Минакова, советская военная разведка через журнал вбрасывала в эмигрантскую среду данные, позволявшие военной эмиграции рассчитывать на скорый бонапартистский переворот в СССР во главе с М.Н. Тухачевским и удерживать белых в этой связи от излишней военно-политической активности, в том числе от подготовки вторжения на советскую территорию¹⁴.

В обществе русских офицеров Генерального штаба в Королевстве СХС расследовалась деятельность некоторых генштабистов, причастных к журналу Келчевского. Так, разбирали дело генерала В.Н. Полтавцева, входившего в редакцию. В итоге он не только вышел из ее состава, чтобы не порвать с корпорацией генштабистов, но был вынужден даже передать свой полученный и неизрасходованный заработок русскому военному агенту, при том, что сам жил в стесненных обстоятельствах¹⁵. Эти факты свидетельствуют о том, что репутация для генштабистов-эмигрантов нередко оказывалась важнее материального положения. В той же плоскости следует рассматривать и поступок полковника В.И. Кавернинского, который предпочел самостоятельно возместить все пропавшее у другого генштабиста имущество, чем доводить дело до серьезного разбирательства, при том, что каких-либо улик, кроме неясных подозрений, в отношении самого Кавернинского не было¹⁶.

Но встречались и генштабисты, безразлично относившиеся к мнению профессионального сообщества. По отношению к ним корпорация проявляла беспощадность. К таким офицерам относился Генштаба полковник В.В. Кривенко, дело которого также рассматривалось вездесущими поборниками коллективной нравственности из общества офицеров Генерального штаба. В эмиграции Кривенко работал землемером, но до членов общества дошли слухи о том, что он, якобы, при этом вымогал деньги. Никаких доказательств у них не было. Тем не менее, офицеру было предложено опровергнуть слухи и оправдаться. Подобное требование не встретило понимания со стороны Кривенко, которому, по всей видимости, было все равно, что о нем говорили. В итоге свое мнение 25 июля 1923 г. изложил один из членов общества полковник П.С. Мясников, который возмущенно писал: «Вообще, отношение п[олковника] К[ривенко] к позорящим его слухам [-] подчеркнуто безучастное, словно ему безразлично, что мы о нем думаем, словно он махнул рукой на мнение целой корпорации»¹⁷. Под корпорацией подразумевалось общество русских офицеров Генерального штаба. Далее следовал безапелляционный вывод, что Кривенко – «глубокий материалист, эгоист и торгаш по натуре»¹⁸.

Наличие изгоев в своей среде и постоянная борьба с советскими спецслужбами пробуждали у эмигрантов болезненную подозрительность, когда всюду мерещились большевистские агенты. Нередко под подозрения попадали и офицеры-генштабисты, например, генерал А.М. Заболотный, по долгу службы отправлявший в Советскую Россию корреспонденцию как сотрудник берлинской конторы «Luftpost»¹⁹. Начавшаяся травля генерала привела к его безвременной смерти в возрасте 58 лет.

Общество офицеров Генерального штаба опасалось проникновения в свои ряды подозрительных людей, поэтому было решено проверять местопребывание каждого нового члена за последние два года перед зачислением²⁰. Бывший офицер с клеймом большевика неизбежно становился изгоем, что в замкнутой среде эмиграции было равносильно обрыву всех связей с прежней жизнью и с Россией, как прошлой, так и будущей, на возрождение которой эмигранты надеялись. Поэтому в некоторых случаях генштабистам было проще пройти через суд чести, чтобы избежать дальнейших преследований со стороны общества, которое в связи с проведением им самостоятельных расследований и судов приобрело вдобавок к социальным и духовным еще и вполне отчетливые полицейские и охранительные функции. Видимо, в этом русле рассуждал полковник Я.А. Яковлев, живший в Дубровнике. Когда его на основе провокационной заметки в газете «Новое время» за октябрь 1922 г. обвинили в работе на большевиков, он потребовал скорейшего расследования. В июле 1923 г. Яковлев прошел через суд чести

штаб- и обер-офицеров Генерального штаба в Белграде, который признал, что серьезные основания для обвинений отсутствовали.

О своих переживаниях в период наиболее острых нападков на него 14 февраля 1923 г. Яковлев писал военному агенту в Королевстве СХС полковнику В.И. Базаревичу: «Совершенно неожиданно для меня вокруг моего имени создалась какая-то темная и грязная сплетня... Я очень хорошо понимаю, что мы живем в исключительно смутное время, когда политический разврат принял ужасающие размеры, и потому ко всякому может быть высказано то или другое недоверие... я покорнейше Вас прошу возможно скорее назначить дознание или следствие надо мной, дабы, - если какие-нибудь подозрения в отношении меня имеются, - разобрать их и освободить меня от той грязи, которая может опорочить мое имя и мою военную репутацию, чистой пронесенную сквозь мерзость смуты, обмана и измены. Докладываю Вам, что я вообще никогда, нигде, даже случайно, не имел никакого дела ни с большевиками, ни с прочей революционной нечистью. Нося в своем сердце образ ЦАРЯ и ничем не изгладимую любовь к России, я отдал все свои силы и всю свою жизнь русскому делу. Борясь всю добровольческую эпопею на фронте, борясь после этого словом и делом, я в результате попал под какое-то гнусное подозрение, о котором мне еще прямо не находят нужным сказать, но дают понять, что это подозрение будто бы разделяете и Вы. Глубоко верю, что Вы не откажете мне в самом подробном расследовании моего дела...»²¹.

Яковлева можно понять, поскольку обвинение в большевизме для многих ветеранов Белого движения было не просто оскорбительным, но наиболее тяжелым. В этом отношении Яковлев представляется кристально чистой фигурой. Достаточно сказать, что он был среди первых добровольцев на юге России еще в декабре 1917 г. и боролся в рядах белых до конца, в том числе участвовал в сопряженной с постоянной опасностью для жизни подпольной работе. В эмиграции он занимался организацией белых офицеров для нового похода на Советскую Россию, сотрудничал с монархистами, за что был выслан по распоряжению президента Латвии из страны. Из опасения репрессий в отношении родственников, оставшихся в России, печатался он под псевдонимом²².

Через суды чести или персональное рассмотрение своих дел, кроме перечисленных выше, прошли также генералы К.А. Моравицкий, Г.С. Рытиков, П.В. Чеснаков, полковники А.С. Преображенский, А.П. Вохмин, Е.Б. Плотников. Из общества в 1922 г. были исключены генерал Н.П. Коломенский и вернувшийся в Россию подполковник Н.Ф. Соколовский. Конечно, не всегда подозрения и упреки были беспочвенными. Так, А.С. Преображенский действительно был для белых подозрительной личностью – именно

вал себя генералом, хотя был лишь полковником, в конце 1922 г. посещал советские миссии в Вене и Берлине, встречался с Келчевским и Колоссовским, лестно отзывался о Красной армии и вел примиренческую по отношению к красным агитацию. К тому же он не состоял в обществе русских офицеров Генштаба²³.

Нередко агрессивная борьба с большевиками в своих рядах, реальными или мнимыми, ставила общество офицеров Генерального штаба в глупое положение. Более того, этим обвинением злоупотребляли и нередко пользовались для сведения счетов. Например, после того, как Генштаба подполковник В.З. Полюшкин подрался за честь женщины с оренбургским казаком, есаулом Г.П. Ереминым (тот в эмиграции вел себя аморально и за поступки, несовместимые с офицерским званием, был уволен из армии по суду чести), последний пожаловался на генштабиста и обвинил его в большевизме²⁴.

Вдали от родины и привычной службы представители дореволюционной военной элиты – офицеры-генштабисты – пытались приспособиться к новым жизненным условиям. Для облегчения этого процесса они создавали собственные организации, занимались научно-исследовательской и издательской деятельностью. Не чуждались они и политической борьбы, которая в замкнутом эмигрантском сообществе нередко превращалась в выяснение отношений и склоку. При этом цели такой борьбы стороннему наблюдателю могут показаться совершенно абсурдными. Продолжение противостояния большевизму диктовало необходимость постоянной самообилизации военных эмигрантов, поиска и выявления врагов – сторонников большевиков в своей среде, своевременного обнаружения «сменовеховцев», стремившихся уехать в Советскую Россию и СССР. Таких людей, пример которых мог быть воспринят их товарищами, изгоняли из корпоративных организаций, подвергали осуждению и шельмованию. Нередко поиски большевиков приобретали характер «охоты на ведьм», отравляя и без того нелегкое эмигрантское существование ни в чем не повинным людям.

Примечания

¹ Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом. М., 1999. С. 159-160.

² Достовалов Е.И. О белых и белом терроре // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв. Вып. 6. М., 1995. С. 670.

³ Белоэмиграция у Югославији 1918-1941. Т. 1. Београд, 2006. С. 382; Арсеньев А.Б. У излуцины Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999. С. 88; Голдин В.И. Русское военное Зарубежье в XX веке. Архангельск, 2007. С. 63.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 1. Л. 7об.-8.

- ⁵ Русская военная эмиграция 20-40-х годов XX века. Док. и мат. Т. 4. У истоков «Русского общевоинского союза». 1924 г. М., 2007. С. 153.
- ⁶ ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 55. Л. 136-137.
- ⁷ Королевстве сербов, хорватов и словенцев.
- ⁸ ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 86. Л. 118.
- ⁹ ГА РФ. Ф. Р-5893. Оп. 1. Д. 24. Л. 84-84об.
- ¹⁰ *Voina Enciklopedia. Drugo izdanje.* Т. 5. Beograd, 1973. С. 208.
- ¹¹ Минаков С.Т. Советская военная элита 20-х годов. Орел, 2000. С. 110-111.
- ¹² Махров П.С. В белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. СПб., 1994. С. 183.
- ¹³ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. Ф. 1075. Оп. 1. Д. 21. Л. 28-28об.
- ¹⁴ Минаков С.Т. Указ. соч. С. 118, 539.
- ¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 55. Л. 37.
- ¹⁶ Там же. Л. 34.
- ¹⁷ Там же. Л. 65.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 86. Л. 90, 101об.-102.
- ²⁰ ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.
- ²¹ ГА РФ. Ф. Р-5945. Оп. 1. Д. 55. Л. 83-84.
- ²² Там же. Л. 87, 92-92об.
- ²³ Там же. Л. 101, 103, 105, 108, 109, 112, 130, 131, 136.
- ²⁴ Там же. Л. 31, 44.

IV. Война в судьбах славянских народов

О.А. Туфанова

(Институт мировой литературы им. А.М. Горького, Москва,
Государственная академия славянской культуры, Москва)

Изображение народа в «Повести о победах Московского государства»

Abstract:

Tufanova O.A. *The Depiction of the People in the “History of the Victories of the State of Moscow”.*

The article explores the specificities of depiction of traitors, ‘warriors’ and simple citizens in the “History of the Victories of the State of Moscow”, whose author, while skillfully using the devices traditional for the Ancient Russian literature, tries for the first time to give different characteristics of different social groups, abandoning the generalized, abstract ‘people’.

Ключевые слова: «Повесть о победах Московского государства», народ, мотив воровства, постоянные эпитеты, контрастно-сопоставительные характеристики.

«Повесть о победах Московского государства», входя в цикл сочинений, посвященных событиям Смутного времени, сильно отличается от других произведений, созданных после 1613 г., ознаменованного восшествием на престол законного царя Михаила Федоровича Романова. Уже название повести позволяет говорить о ее необычности: в ней рассказывается не о поражениях, а о победах, на что неоднократно указывали исследователи, в частности Г.П. Енин¹. Традиционно в памятниках авторы осмысливают причины Смуты², в «Повести о победах...» об этом речь не идет, кроме постоянного и в целом типичного трансцендентного объяснения трагических событий. В большинстве произведений в центре внимания оказываются цари и самозванцы, последовательно сменявшие друг друга; многие авторы начинают рассказ издалека, с краткого упоминания о правлении Ивана Грозного, но практически во всех памятниках представлена относительно полная галерея портретных характеристик законных и незаконных правителей³. В «Повести о победах...» упомянуты только два царя — Василий Шуйский и Михаил Романов, но не они являются главным предметом изображения. Сравнительно развернутые характеристики воевод М.В. Скопина-Шуйского, Козьмы Минина, появляющиеся во второй части, также не составляют ведущей сюжетной линии в повести. В центре внимания автора, в отличие от всех памятников о Смуте, оказывается изображение народа. В.И. Попков, рассматривавший демократические тенденции русской литературы XVII в., писал: «Почти все авторы в той или иной степени касались темы положения

народа, особенно во время голода 1601–1603 гг., тем восстаний крестьянства и городских посадских низов, борьбы с иноземными захватчиками»⁴. Но ни один автор не делал главным героем произведения о Смуте народ, как это наблюдается в «Повести о победах...».

В произведении нет единого образа народа, более того, автор сознательно разграничивает разные категории населения Московского государства, вводя различное, правда не всегда выдержанное от начала до конца именование. Так, в «Повести о победах...» обнаруживаются следующие именованья: «воры» (и вариант — «русские воры») и «государевы изменники», «смоляны», «разных чинов служивые люди», «ратные люди», «государевы люди», «народ града Москвы», «российсти людие», «брянчяня», «арзамасцы», «людие Нижнева Нова града» и т.д. Уже этот неполный перечень именованья разных категорий населения позволяет выделить три основные группы, которые оказываются в центре внимания в «Повести о победах...»: первая — «русские воры» и «государевы изменники», вторая — «ратные люди», третья — народ или люди конкретного города. При этом такие понятия, как «смоляны», «брянчяня» и т.п., входят во вторую группу, поскольку автор «Повести о победах...» так именуется ополчения, «ратных людей» из разных городов, обычные жители обозначены в произведении иначе: «народ» или «людие». В зависимости от того, о ком идет речь в памятнике, меняется и принцип изображения.

Под «ворами» и «государевыми изменниками» подразумеваются, во-первых, руководители крестьянского восстания, бывшего в период правления Василия Шуйского [«вор, холоп Телятевских, именем Ивашко Болотников»⁵ (5), «его же воровской советник, неки вор Юшко Зубцев» (6)], а вторых, их соратники: «своими приборными со многими воры, с украинскими мужики с северы» (5), «множество собравшихся воров русских с северы» (7) и пр. Основной изобразительный мотив этой группы — мотив воровства, который определяет и самих участников восстания, и характеризует их действия. Имена предводителей постоянно сопровождает эпитет «вор»: «вор Ивашко Болотников» (6), «вору Ивашку Болотникову» (7), «предрекомый вор Ивашко Болотников» (7), «неки вор Юшко Зубцев» (6) и т.д. Его приспешники также на протяжении всего текста именуется исключительно «ворами»: «со многими воры ... с воровскими своими умышленники» (6), «многое воровское собрание ... с своими воровскими полки» (7), «окаянни государевы изменники и воры» (8), «воровским своим людем» (8) и пр. Характеризуя их образ действий, автор постоянно упоминает этот же эпитет: «И умысли своим воровством, и прииде под царствующий град Москву...» (5–6), «их злое воровство и умышление» (7), «Той же предрекомый вор Ивашко Болотников, собрався с своими воровскими полки, поиде из Калуги

и засел государев город Тулу, взял из воров своих некотораго вора именем Петрушку и своим воровским умыслом назвал его царевичем...» (7) и пр. Неоднократно автор говорит о соблазнительности «воровской прелести» для многих русских людей, которые по мере разрастания крестьянского восстания примыкали к войску И. Болотникова: «И видя его воровскую прелесть, многие русские люди к ево воровству приложишася...» (7), «И за умножение грех наших тогда восташа множество собравшихся воров ... хотяху тому вору Ивашку Болотникову помощь учинити, и приидоша на государевых людей на Пчелне и многих побили» (7) и т.д. Вся деятельность войска И. Болотникова, по мысли автора, сводилась, с одной стороны, к бунту против «государевых людей», под которыми подразумеваются верные царю Василию Шуйскому «ратные» [«Неки именем Чика, атаман казачей, со многими казаки пристали к воровскому смыслу и востаха на государевых людей» (7), «государевых людей побивати» (7), «...государевы изменники и воры ... нача из града (Тулы. – О. Т.) многи пакости государевым людем творити, из града выходити и побивати» (8) и пр.], с другой – к воровскому разорению городов и уездов: «...начаша разоряти грады и уезды и села своим воровством» (7). Но главная их вина состоит в непокорении воле царя: «их воровское жестокосердие и непокорение ... их воровские козни и непокорство» (8), «государевых изменников и врагов, не покаряющихся его царской державе» (6), в нарушении закона. Не случайно, завершая рассказ о восстании, автор «Повести о победах...» однозначно определяет, за что они были наказаны государем: «Тогда за беззаконие свое вси погибоша, и весь совет их погубе, и суетно сотворися умышление их» (8).

К этой группе по формальным признакам примыкает и упомянутый в произведении «тушинский вор», к которому точно так же, как в свое время к И. Болотникову, «множество русских людей приложишася, к ево прелести» (8). Однако в этом текстовом фрагменте отсутствует подобное изложенному выше акцентирование мотива воровства. Примечательно здесь только упоминание «русских воров», которые вступили в союз с «польскими и литовскими людьми» и «многое разорение» принесли Московскому государству.

В целом, изображение «русских воров» и «государевых изменников» сводится к одному мотиву – мотиву воровства – и призвано показать смуту и разделение, которые существовали внутри русского народа, отсутствие единения.

Вторая группа, условно нами обозначенная как «ратные люди», в отличие от первой, не имеет однозначного именованя. Довольно устойчиво в тексте «ратные» именуются «государевыми людьми» в противопоставление «ворам и государевым изменникам», что означает верность царю Василию Шуйскому. В одном из фрагментов «Повести о победах...» автор, употребив

понятие «государевы люди», далее расшифровывает его: «...со своими государевыми людьми, с смоляны, и з дорогобужаны, и с ростовцы, и з брянчаны, и з беляны» (9). Но такая подробная расшифровка понятия — явление редкое; как правило, в памятнике она носит более узкий характер и сводится к упоминанию смолян и прочих «ратных» из различных городов: «государевы люди, смоляне и иные города» (9), «смоляны, с ратными людьми и с иными города со многими полки» (31) и др.

Как видно из приведенных примеров, автор «Повести о победах...» среди прочих «ратных» особо выделяет смолян. Под смолянами в тексте понимаются воины города Смоленска (28), в повести пояснен даже их социальный состав: это «дворяне и земцы и все ратные люди» (6). По аналогии с этим авторским комментарием можно предположить, что и под «ростовцами», «брянчанами» и другими автор понимал тоже исключительно «ратных» людей, среди которых особо выделял дворянское сословие. Сосредоточенность автора на изображении подвигов именно смолян в годы Смуты, убедительно показанная и доказанная Г. П. Ениным⁶, позволила исследователю прийти к выводу, что замысел автора повести «в том и состоял, чтобы показать чрезвычайные заслуги смоленского дворянства перед русским самодержавием»⁷. Енин справедливо указал на то, что смоляне всегда в тексте первыми упоминаются среди ратных людей, что автор отводит им решающую роль в освобождении Москвы и вообще всей страны от всякого рода своих и чужих «воров», интервентов, в том числе и в составе нижегородского ополчения, возглавляемого Мининым и Пожарским, особо подчеркивает верность смолян Василию Шуйскому, их мужество, храбрость, бесстрашие в боях. Продолжая эту характеристику, следует отметить, что смоляне, по сравнению со всеми остальными упомянутыми в «Повести о победах...» «ратными» людьми, проявляют невероятную активность, высокую гражданскую сознательность и самостоятельность. Так, узнав о восстании Ивана Болотникова, что «царь Василий Иванович в велицей печали и Московское государство в великом разорении», «начаша в Смоленске дворяне и земцы и все ратные люди совет совещати, како бы им государю царю помощи подати, и государство Московское очистити от тех воров, и от Москвы отгнати» (6). Болезненно переживая взятие Смоленска интервентами, «смоляне»-воины «всю печаль свою и разорение забывающе, токмо пекущися о православной христианской вере и о очищении Московскаго государства» (28), отправляются в Нижний Новгород, где собирает ополчение для борьбы с интервентами К. Минин.

На протяжении всего текста автор не устает создавать вокруг смолян ореол победоносной харизматичности. Их непобедимость подчеркивается в «Повести о победах» емкой, но весьма показательной в содержательном

плане глагольной формулой «поидоша ... побили», например: «И приидоша полския люди и государев град Дорогобуш взяша. Смолене же уведав и поидоша под Дорогобуш, и, пришедши, полских людей побили, и город государев от них очистили...» (10); «И поидоша смольяне от града Смоленска на помощь ко князю Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому, и с ними разных градов, которые от града Смоленска дорогобужаня, и брянчанеа, и ростовцы, и серепьяна, и вязмичи, и иных градов люди. И приидоша под Дорогобуш, и в Дорогобуже полских и литовских людей побили, и Дорогобуж взяли. И оттоле пошли к Вязме, и в Вязме литовских людей побили же, и град взяли же. И оттоле поидоша к Белой, и, пришед, Белую взяли, и литовских людей побили...» (10).

Важно отметить и тот факт, что нигде на протяжении всего текста ни разу не упоминается руководитель смолян, их гражданская сознательность настолько высока, что их не требуется, в отличие от других «ратных», не проявляющих подобной самостоятельности и выступающих практически во всех фрагментах памятника в качестве ведомых, воодушевлять на подвиг. В приведенном выше примере именно смолянам отводится неявно выраженная роль ведущих. В другом эпизоде «ратных» «просит» о подвиге воевода М. В. Скопин-Шуйский: «И боярин князь Михайло Василевич повеле призвати всех ратных людей своя, и нача испущати от уст своих премудрыя своя, и добромысленныя, и жалованя словеса ко всем своим ратным людем, и просил у всех ратных своих, чтобы идти подо Тверь на полския и литовския люди вскоре... Тогда вси ратные люди премудрых его словес с радостию послушаша, и на его боярское повеление устремишася, и вскоре под Тверь поидоша» (11). Единственный случай в «Повести...», когда смоляне обращаются к воеводе с молитвой и, выслушав его «благоразумные словеса», «послушаша его», связан с получением известия об осаде Смоленска. Но и здесь молитвенная просьба сводится к тому, чтобы Скопин-Шуйский отпустил смолян «ко граду Смоленску полскаго короля от града отогнати и град очистити» (13), т. е. опять просят позволить исполнить гражданский долг.

В «Повести о победах...» смоляне настолько высоко поставлены над прочими «ратными», что сам король польский, согласно тексту, держит о них совет, обращаясь к своим людям: «Аще побием смольян, то не будет никто противен нам от руских людей...» (26). Козьма Минин пришедшим в Нижний Новгород смолянам оказывает почести, сравнимые с теми, которые обычно оказывали патриарху и царю: «Козма же Минин учинив встречу смольяном со многуо честию — честными иконами и со всем собором Нижнева Нова града, со всеми народы выхождаху из града на встречу их и со многуо радостию и со слезами рекуще: “Се ныне, братие, грядет к нам

христолюбивое воинство града Смоленска на утешение граду нашему и на очищение Московскому государству» (30). А тяжело раненный князь Дмитрий Михайлович Пожарский, который «от великия своя скорби и от раны ходити не можаше», «слышав же о смольянех», пришедших в Нижний Новгород, «не презре моления их и поиде, от раны скорбен, в Нижней Нов град» (31).

«Ратные» люди из других городов охарактеризованы весьма скупо по сравнению со смолянами. Во всех случаях им отводится второстепенная роль, поэтому в большинстве фрагментов памятника они только называются как участники того или иного сражения, но не характеризуются даже как воины. Более того, авторская оценка «ратных» зависит напрямую от того, как воинские люди разных городов относятся к смолянам. Так, «брянчяня», которые исполнили приказание воеводы Василия Петровича Шереметева и «кормы и запасы смольяном даша» (29), осознаются как положительные персонажи в сравнении с «неразумными» «арзамасцами», не понявшими высокой миссии смолян, не захотевшими дать им «кормов и запасов» и пошедшими против них на бой. Поэтому характеристика «арзамасцев» в тексте сводится к обвинению их в безумии: «...арзамасцы же неразумнии ... не разумеша ... арзамасцы безумен совет сотвориша... Смольяне же, видев их многое безумие и непокорение... арзамасцы же, разумеете свое безумие и непокорство... Тогда бо сами о своем безумии после размыслиша и много потужиша» (29).

Если собирательный образ народа в первых двух группах в основном представляется в конкретных действиях и характеризуется какими-либо постоянными эпитетами, то главным средством создания персонажей третьей группы становится в «Повести о победах...» изображение чувств, которые испытывают люди и народы разных городов в связи с тем или иным событием. Во всех этих фрагментах лирическая взволнованность повествования достигается при помощи многократных тавтологических повторов слитых практически воедино мотивов какого-либо одного сильного чувства и единства народа в нем.

Так, москвичи с великой радостью встречают воеводу М.В. Скопина-Шуйского: «Народ же града Москвы, уведав его приезд боярской, от мала до велика вси вострепеташа сердца своими, свозрадовася радостию неизглаголанною и от многия радости не можаху удержатися от слез. И вси с радостию поидоша на встречу ему...» (14). По пришествии воеводы «Людие же града Москвы ... возрадовашася вси радостию неизреченною» (15). Аналогичным образом описывает автор и чувства вообще всех людей в Московском государстве по поводу талантливого воеводы Скопина-Шуйского: «Бысть же тогда в Московском государстве по всем градом и

весем радость велия, и вси правовернии людие возрадовашася, от многия скорби и туги-беда на веселие превращашеся, видяще храбрость, и мудрость, и милость ко всем князя Михаила Васильевича...» (16). Когда же завистливые бояре отравили Богом посланного, как пишет автор, воеводу, любимого всеми за то, что он был и «оборонитель, и управитель, и окормитель, питатель и обогатитель» (15), «государевым неприятелем устрашител» (14), народ всего государства Московского столь же горестно оплакивает его кончину, как ранее сильно радовался освободителю: «Народи ж вси воскликнуша и возопиша со слезами, от сердца рыдающа и со многим вздыханием безутешно плачуще...» (20). И точно так же, как до этого, автор сначала сравнительно развернуто характеризует неутешный плач москвичей: «И бысть по всему царствующему граду Москве клик и зык и плач неутешимы от многаго стонания и жалости православных христиан, от мала даже и до великаго плачуще и рыдающе. И не бысть такова человека, иже бы в то время не плакал и не рыдал о смерти его и о преставлении» (20). А затем уже более кратко, но в тех же самых сильных выражениях описывает чувства и всех «ратных» людей: «Вси его ратные люди, россия полки, и вси московстии людие и слезно плаката, и от многих сердец въздыхающе, тужаще и недоумевающесея, что сотворити» (20).

Более широко представление о переживании своих современников автор дает, описывая чувства жителей осажденного Смоленска. Пока был жив Скопин-Шуйский, «осадные» люди, терпевшие «многую осадную нужду», имели «неослабну надежду» на помощь Бога, «чающе» «его боярскаго приходу на очищение граду» (16). Воодушевляясь слухом о храбрости и премудрости воеводы, сами многократно выходили из города и «литовских людей побивающе» (16). Когда же и до них дошла весть о преждевременной кончине воеводы, «осадные» люди «много слезно плакате и ниоткуда помощи чающе, токмо упование свое на бога возложише. Народи же града Смоленска в велицей печали бяху...» (21). Столь же великую печаль и недоумение, что делать дальше, испытывают жители Смоленска в связи с пленением царя Василия Шуйского: «Смоляне же тогда, видевше государя своего ведома от иноверных, в велицей печали бывше, много слезно от сердца безутешно рыдающе и недоумевающесея, что сотворити...» (25). Сильное отчаяние жителей Смоленска, обусловленное и смертью Скопина-Шуйского, и пленением царя Василия Шуйского, предвзвещает подробный рассказ о героической обороне и взятии Смоленска, по стилистике и композиции напоминающий «Повесть о взятии Царьграда в 1453 г.» Нестора Искандера, на что указывал Г.П. Енин. Примечательно, что в этом эпизоде, несмотря на появление героев (архиепископа, боярина М.Б. Шеина, посадника Андрея Беляницына), а также расшифровку социального состава

жителей [«и многия боярины, и дворянские жены града Смоленска и иных градов, и мнози народы з женами и з детьми» (27)], которую нельзя назвать исчерпывающей, нигде не описываются чувства «осадных» людей (за исключением одного упоминания об испытанном ужасе в связи тем, что Богородичная икона «слезы испусти»), что становится особенно заметно при сопоставлении с вышеприведенными фрагментами. Очевидно, что разygравшаяся трагедия должна была более потрясать самими фактами, чем гиперболизированной характеристикой чувств жителей.

Вместе с тем необходимо отметить, что преувеличенное изображение чувств не является собственно открытием автора «Повести о победах...». Это – общая черта литературы Смутного времени, на что справедливо указывал А. С. Демин: «...распространение новой манеры повествования о чувствах во многом было обусловлено сложившейся тяжелой обстановкой, породившей в стране ощущения неуверенности, недоверчивости и страха... Авторы использовали преувеличения, чтобы разоблачать тайное и раскрывать скрытое... Даже в документах упоминания о преувеличенных проявлениях чувств, например, обильных слезах, считались своеобразным доказательством истинности высказываний»⁸. Но в «Повести о победах...» широкое использование традиционной для древнерусской литературы и типичной для памятников Смуты, в частности, фразеологии, помимо указанных выше функций, служит главным средством характеристики определенной группы населения, единой в выражении радости или горя по поводу того или иного события.

В целом, автор «Повести о победах Московского государства» использует типичные для древнерусской литературы приемы изображения народа, стараясь индивидуализировать характеристику разных групп населения, правда представляет их в основном в соответствии с традицией как единую массу внутри отдельно взятой группы. Но сама попытка, с одной стороны, сделать главным героем произведения о Смуте народ, а с другой – ввести различия в описании представляется весьма плодотворной для дальнейшего развития русской литературы.

Примечания

¹ Енин Г.П. «Повесть о победах Московского государства» – новонайденный памятник древнерусской литературы // Повесть о победах Московского государства / подг. текста, коммент. Г.П. Енин. Л.: Наука, 1982. С. 96–98.

² См. об этом подробнее: *Адрианова-Перетц В.П.* «Смутное время» в изображении литературных памятников 1612–1630 гг. // История русской литературы: в 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941–1956. Т. II, ч. 2: Литература 1590-х – 1690-х гг. 1948. С. 45–77; *Лихачев Д.С.* Подступы к решительным переменам в строении литературы // Памятники литературы Древней Руси: Ко-нец XVI – начало XVII веков. М.: Худож. лит., 1987. С. 5–22; *Коротченко М.А.* Повести о

Смутном времени // История древнерусской литературы: Аналитическое пособие / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова; Ин-т мировой лит-ры РАН им. А. М. Горького; отв. ред. А.С. Демина. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 150-160; Антонов Д. И. Смута в культуре средневековой Руси: Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. М.: РГГУ, 2009. С. 37-41; Бычков В.В. Древнерусская эстетика. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2011. С. 622-630; и др.

³ Травников С. Н., Ольшевская Л.А. История русской литературы. Древнерусская литература: учеб. пособие для вузов. М.: Дрофа, 2007. С. 355-360.

⁴ Попков В.И. Демократические тенденции русской литературы первой трети XVII века: учеб. пособие. М.: МОПИ, 1984. С. 21.

⁵ Повесть о победах Московского государства / подг. текста, коммент. Г. П. Енин. Л.: Наука, 1982. Здесь и далее в тексте ссылки даются на это издание с указанием страниц в скобках.

⁶ Енин Г.П. «Повесть о победах Московского государства» – новонайденный памятник древнерусской литературы. С. 97-102.

⁷ Там же. С. 102.

⁸ Цит. по: Архангельская А.В. Литература Смутного времени. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37365.php> (дата обращения: 22.03.2013).

Русско-польские войны в восприятии православных и униатских полемистов в Речи Посполитой первой половины XVII века

Abstract:

Nemensky O.B.

The subject of the article is the perception of the war in Orthodox and Greek Catholic polemical literature of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the end of 16th – first half of 17th century. A special attention was given to their interpretation of the past Russian-Polish relations and military conflicts. Because of difficult conditions in which the polemical activity was unfolded, the relation was complicated between the declared loyalty to the Polish authorities and the Russian identity.

Ключевые слова: русско-польские отношения, война, описание военных конфликтов, православно-униатская полемика, Речь Посполитая, гражданская война, польско-турецкие войны, воинственность, Константинопольский патриархат, казачество, межконфессиональный конфликт.

Не только сами войны, но и повествования о них обнажают и максимально обостряют противоречия, актуальность которых ещё не ушла в прошлое. Небеспристрастные описания военных конфликтов интересны в первую очередь тем, что ярче всего демонстрируют лояльность автора текста, его идентификацию с той или иной противоборствующей силой. Во многих случаях различие сторон на «свои» и «чужие» оказывается довольно простым и заранее ясным, однако нередко перипетии последующих исторических событий вынуждают к более сложному отношению, и выбор предпочтительной лояльности уже не столь однозначен. Если воюющие силы каждая по своему оказываются для автора «своими», то большее сочувствие одной из них раскрывает сущностные свойства структуры авторской идентичности, её приоритетные стороны, помогает преодолеть политкорректные умолчания.

Православные и униатские писатели, жившие в Речи Посполитой в первой половине XVII века, почти всегда демонстрировали абсолютную лояльность королевской власти и наличным государственным формам. Особенно это было важно для православных, которых католическая власть имела основания подозревать в неблагонадёжности. В то же время, считать все эти заверения в лояльности лишь вынужденной формой уступки политическим обстоятельствам вряд ли можно: законность власти польского короля действительно не подвергалась сомнению, а альтернативные идеи по восстановлению независимой государственности с православным монархом во

главе по крайней мере до середины века не владели умами православных интеллектуалов¹. Эта концепция сочетания повиновения польским светским властям с жестким противоборством насаждению униатства четко сформулирована Захарием Копыстенским в следующих словах: «Тобе, наянейшому кролеви пану нашему, як власти, от Бога нам данной, ведлуг апостола Павла, повинную честь отдаемо, и во всем, иле королевству твоему над нами земному належит, естесмо верными поддаными и богомольцами. Але от костела Латинского Римского и от папезев его отдаляемося, веры его и посланных от него духовных его не приймаемо!»². И всё же, сама политика центральной власти ставила под сомнение факт примирения русского и польского народов под единой монаршей властью, а тема русско-польских войн активно заявлялась польскими же историками. Многочисленные описания былых походов польских королей на Русь и их успехов в её подчинении не давали забыть историю этих конфликтов, а усиление межконфессионально-противоборства делали их вновь актуальными.

Русско-польский конфликт в те годы представлял не столько как межэтнический, сколько как конфликт между православными и католиками, что побуждало видеть именно эту сторону и в войнах прошлых столетий. В одном униатском сочинении 1634 года описывается воображаемый диспут «двух русинов – схизматика и униата». Одна из глав специально посвящена разбору вопроса, «вела ли русь с поляками войны из-за религии или из-за грабежа?»³. Вначале приводится, очевидно, типичная с точки зрения автора точка зрения «Схизматика», согласно которой причиной этих войн всегда было стремление поляков навязать руси свою веру: «большие войны вели руснаки наши с ляхами, бесовыми сынами, из-за того, что они желали русь к своей религии папского послушания привлечь». Автору важно опровергнуть эту точку зрения, лишив историю этих войн конфессиональной окраски, и тем самым преодолев стереотип о вечном религиозном противостоянии двух народов. Собеседник-униат отвечает «Схизматику»: «Не из-за религии, говорю, поляки с русью боролись, а из-за грабежа, который русь в Польше осуществляла так, что после всех войн, которые были, не было никакой другой причины поднятия поляками войны против Руси, только из-за насильственных вторжений и грабежа русью Польши»⁴. «Схизматик» снова не соглашается, заявляя, что «эти войны были не из-за грабежа, а за то, чтобы отнять греческую религию у руси», и вспоминает уже устоявшийся сюжет православной историографии, что при подчинении Львова Кизимиром Великим главные условия, выдвинутые львовянами, касались именно сохранения за ними прав на свою веру. На что «Униат» отвечает рассуждениями, что речь шла не о схизме, а о восточном церковном обряде: «это слово – “вера” - не означает “fides”, а “religia” на латинском, а “religia” не значить

“fides”, но обрядность ... не “fides”, а “religia”, то есть старая церемониальная обрядность»⁵. При этом утверждается, что в то время вера (fides) у поляков и русских одна была, и не было ещё места схизме на Руси: «но ведь тогда вера и ляхов была такая же, как и русская, только в обрядах была разница»⁶. Здесь воспроизводится историческая концепция, представленная впервые в сочинении Льва Кревзы «Obrona iedności cerkiewney» (1617), согласно которой Русь за свою историю лишь изредка впадала в схизму, но в целом стремилась сохранить своё послушание Риму в обход Константинополя⁷. Так, униатский взгляд на прошлое русско-польских отношений лишил их содержания межконфессиональной борьбы, сводя всё к страсти до наживы (грабежам). Примечательно, что при этом виновной стороной, провоцировавшей войны, однозначно выставляется именно Русь.

Религиозный характер польско-русских конфликтов действительно подчёркивался православными писателями. Декларируемая ненависть поляков-католиков к православию наполняла это противостояние глубоким содержанием. К примеру, в сочинении «Indicium» (1638), построенном также в качестве диалога, на вопрос Попутчика о причинах того, что монастыри и церкви в Русской земле стоят в руинах, описывается троекратное разрушение Киева за его историю. Первое было учинено польским королём Болеславом Храбрым, второе Болеславом Смелым⁸, а третье уже татарами в союзе с крестоносцами⁹. Впрочем, причины болеславовых походов оказываются вполне мирскими («Болеслав охотно предпринял войну против Руси ... чтобы ... границы королевства Польского расширить»), однако подчёркивается само стремление польских завоевателей к разрушению православных святынь: «Что ж об опустошении и уничтожении церковей вспомним, если не такие, какие были от Болеслава Первого и Второго, польских королей, и от Батыея, татарского царя»¹⁰. В сказаниях о чудесных явлениях в православной церкви, написанных Петром Моголою, событийный фон нередко описывается фразой вроде «егда воинство льяцкое на козаки идяше», причём это уже рассказы и о недавних или даже современных автору событиях¹¹.

Для православных писателей русско-польские конфликты становились частью противостояния Восточной и Западной церковей и описывались в контексте общей враждебности «Римского костёла» по отношению к православию. Так, Захария Копыстенский в своей «Палинодии» (нач. 1620-х годов) сравнивает господство «поган» турок и католиков: если под турками греческая Церковь «свободу мает духовную, мает ряд целый церковный на всех чотырох патриархальных столицах», то «под Латинниками, ркомо под Христианы и братиею, негды мети не могл. Опановали были Латинникове Иерусалим и Антиохию, а потом и Константинополь, а так ся неласкаве до тамошних христиан ставили, же зараз зо всех тих столиц благочестивых

патриархов Греков повиганяли, а своими поосажали, которых Бог през несправедливость их, яко прелюбодеев неналежных фронов и церковних прав, тяжших неж Сараценов гвалтовников, недолго на тих столицах терпел, але з безчестием согнал их з них»¹². Так, из всех завоевателей православных народов, наиболее опасным врагом Копыстенский считает Римскую церковь, «костел заходний, головной на сесь час неприятель»¹³. Это довольно типичная для православных сочинений того времени констатация, имевшая прямое подтверждение в актуальных событиях. Автор очень известного православного сочинения «Апокрисис» (1597–1598; возможно, сам являющийся польским протестантом) так пишет о политике Рима: «припомню кривавые войны, которые умыслне папежи Римские прошлых веков и часов взнечали в спущенью одних христиан и з другими, найболшую утеху и кротофилю покладаючи. А то с той мери, же коли христиане, за их подошваньем за лоб ходячи, едны других топили, они тым часом можность и панованье свое над ними, а меновите над цесарми и королями, ростягали»¹⁴. Независимо от истоков этой мысли, православные писатели были всё более склонны видеть причину польско-русских войн в политике Рима.

При этом сам факт того, что польский король является христианским монархом, всё же имел принципиальное значение для оправдания лояльности к нему. Касательно ситуации в Османской империи, православные авторы подчёркивают свою убеждённость в том, что тамошнее духовенство не относится лояльно к турецкой власти. Особенно это стало важным в связи с обвинением новопоставленной в 1620 году православной иерархии в работе на «турецкого шпиона, выдававшего себя за патриарха Иерусалимского Феофана»¹⁵. Мелетий Смотрицкий так писал о восточных патриархах и их отношении к войнам между Речью Посполитой и Турцией: «Они скорее очень желают всякого счастья этому государству, отчизне нашей, нежели своей собственной отчизне, под тираном находящейся. Всегда им милее военные успехи этого государства над их собственным»¹⁶. Православные авторы всё время имели дело с обвинением в подчинённости Константинопольского патриархата Турции. Так, в «Антиграфе» (1608) указывается, что оппонента невозможно переубедить в том, что завоёвана не только Греция, но и вера: «Но ты ведь ту же песню петь не перестанешь, заявляя, что из-за подчинения Турком Греции, и вера тамошняя завоёвана?»¹⁷.

Со своей стороны униатские полемисты традиционно указывали на завоевание православных стран иноверцами как на кару Божью за схизму. Ещё у Петра Скарги говорится, что греческий народ «за карой Божьей диким людям в неволю отдан». «Язычники восстали и завоевали»¹⁸ подряд всю Сирию, Палестину, Иерусалим, Египет, Ливию и Грецию, а далее Сербию и иные земли¹⁹. «Из-за схизмы вся Греция погибла», а вот Римская церковь

наоборот стала расширяться «между поганскими народами», а именно среди венгров «и других язычников, соседних с ними». Так «Бог восполнял в язычниках то, что утратил в Греции». В «Антиризисе» даже говорится, что Восточную церковь «побрали ворота адавы (турецкие), всё изнурили, погубили»²⁰.

Православные авторы старались продемонстрировать свой общехристианский патриотизм и независимость от Турции через восхваление турецких войн Речи Посполитой, и особенно участия в них православного казачества. Наиболее ярким событием в этом плане была победа в битве под Хотинем (1621). Вот что написал о ней З.Копыстенский: «припоминаю нынешнюю в року 1621 з цесарем Турецким и Татарами войну под Хотинем ... Як там напрод сам Бог з своего великого милосердия кролевство и войско Полское заховал, а заступ и оборону тую войском Росским козаками внетавил!»²¹. В «Эленхусе» М.Смотрицкого (1622) об этой битве ровно в том же духе: казаки «недавно грудью своей юной поганину турецкому сильный отпор дали и отчизне нашей милой поганским кровавым стопам путь своими головами перекрыли»²². Так, факт защиты казачьим войском общего христианского государства от турок оборачивается аргументом в православной претензии на равноправное положение с католиками в Речи Посполитой.

В контексте господствовавшей тогда и пестуемой «сарматской» культурой рыцарской этики важным качеством русского народа объявлялась его «валечность», то есть «боевитость», «воинственность». Автор «Палинодии» пишет о казаках, что они – «потомкове оных валечных Россов», чьи подвиги были широко известны и в древние времена, и это становится для него чуть ли не основной характеристикой русского народа. Валечность – это одна из важнейших сарматских добродетелей. Характеристика «валечности» полностью определяет подбор упоминаемых Копыстенским сведений, не относящихся к христианизации Руси. Он говорит, что «мужным теж и валечным был той народ и славным рыцерскою делностию еще за часу войны Троянской»²³. Далее Копыстенский пишет, что «Роскии полки найпереднейшии были у Александра Великого», «валчили и з Митридатом Евпатором, кролем оным валечным и можным Понтийским; валчили и з Римским цесарством, и Римлян побивали». Относительно VIII-IX веков он говорит, что «в тех часах Россове наши не уставали за всеми посторонними воевати, а найпилней з Татарами и з Греками»²⁴. Автор «Индициума» отмечает, что «Ruski naród waleczny wprawdzie»²⁵. Особенно подчёркивалось, что «русь» воевала с «Греческим царством». Например, восхваляя казаков, митр. Иов Борецкий в Протестации 1621 г. говорит о них: «того это русского народа благородного с Яфетового потомства, которое Чёрным морем и земли греческие Царство воевали»²⁶. Даже в униатском «Разговоре двух русинов» в уста Схизма-

тику вложены слова о том, что «русь наши предки много войн, а особенно с царями цареградскими вели»²⁷. За этими утверждениями стоит претензия на этическое равенство русского народа с польским, что должно быть основанием и для равенства юридического. Ведь если русский народ столь же «валечный», как и польский, то он не мог быть завоёван польскими королями, как это утверждает польская историография. Утверждение равенства в доблестях, наравне с отчётливым государственным патриотизмом, влечёт за собой и совершенно иной взгляд на историю образования и характер имеющейся государственности.

3. Копыстенский выдвигает очень важный тезис, имеющий силу и для всей русской истории, о том, что «народ Росский» «нигды от жадного монархи не был звоёван»²⁸. В свете этого рассматривается и подчинение русских земель польскому королю не как результат завоевания, а как договорный процесс. История создания этого объединенного государства представляется Копыстенскому длительным процессом установления договорных отношений с польской короной. Уже при завоевании Львова, как пишет Копыстенский, Казимир «постановил и поровнил, абы Россове одного с Ляхами права и волности заживали», так как русские «самое место поддали, и толко себе уживанье волное старожитной своей веры варовали»²⁹.

Вход Литвы в единое государство с Польшей он отмечает как процесс параллельный русскому: «Тоеж втелене и Литва учинила з особливими своими варунками». Люблинскую унию Копыстенский трактует также как равноправное объединение народов: «в року 1569, на сейме в Люблине, князство Литовское и Киев и Вольты з королевством Полским зъединилися заедно быти, и едних волностей и свободы заживати, и заровно тяжары поносити, и оборону и промысл вшелякий взаем чинити, и одного кроля себе бирати, один другого прав и волностей перестерегаючи»³⁰. Он не выделяет ее как особо значимое событие, как принципиально значимую дату русской истории – это лишь продолжение и закрепление старой тенденции. 1569 год для него – это все же в первую очередь год издания польским королем привилеев, гарантировавших права русского народа на свою веру и церковь³¹.

Теория добровольного вхождения в состав единого государства и равного статуса в нём трёх народов – польского, литовского и русского – стала доминирующей в православной мысли с начала 1620-х годов. При этом православные полемисты всячески стремились избежать описаний современных межконфессиональных конфликтов в государстве как конфликта с поляками. В ранних антиуниатских сочинениях ещё не проводилась жёсткая граница между униатами и католиками, однако вскоре вина за происходящее была полностью возложена именно на униатов. Например, в «Эленхусе» находим по отношению к униатам: «о вас и вам подобных, которые в

русском народе между ним и ляшским тем являются, чем неприятель Бога и людей между Богом и человеком, вы, которые ничего другого между ними не делаете, только одного против другого раздражаете. Раздражаете народ русский против поляков, когда нас ... к ляшской вере (как мы, русь, обычно говорим) склоняете. Народ же польский раздражаете против русского...»³². В «Supplementum Synopsis» (1632 г.): «мы – древний российский народ, от панов униатов, как в Короне, так и в ВКЛ уже несколько десятков лет как угнетаемы»³³.

Православно-униатское противостояние начинает осмысливаться как гражданская война («wojna domowa», «wnętrzna wojna»), и одним из основных мотивов и православных, и униатских сочинений становится осуждение «внутренних войн». Например, Лев Кревза активно предостерегает: «Любая внутренняя война такова, словами Господа Христа, что является упадком королевства, в котором происходит»³⁴. Война эта, на взгляд Кревзы, развязана «какой-то сектой новой», русскими «odszerpieńcami» от правой церкви, которые воюют с самим Господом Богом³⁵. Интересно мысль о гражданской войне выражена в «Апокрисисе». Начинаящаяся «внутренняя война», которая «межи всеми злыми рючами в свете есть найгоршею», особенно плоха: она ведётся за веру, а значит в ней не может быть победителя³⁶, и она ведётся в опасной близости с турками и татарами, которые только и ждут ослабления государства³⁷. В «Перестороге» указывается, что уже «не только Русь, але и Ляхове аж до войны внутренней межи собою пришли»³⁸. Гражданская война оказывается и подлинной причиной польских болеславовых походов на Русь, ведь они случались по причине «внутренней войны русских князей между собой»³⁹.

Через концепт «внутренней войны», совмещённый и с представлением об особой «валечности» русского народа, достигается и объяснение подчинения русских земель польским королям. Основной причиной потери русскими князьями своей самостоятельности Копыстенский считает княжеские междоусобицы, в ходе которых «монархове наши... сами с собою почали валчити», а в результате «почали малети и ослабевати монархове и княжата Росский»⁴⁰. Результатом этого было то, что «ся Росский князе доброволне за певными пактами до кролевства Полского прилучали», однако особо он подчеркивает то, что при этом князья «в-головах варуючи собе веру и свое набоженство и церкви в целости и во вшеляком беспеченстве заживати»⁴¹.

Но в целом тема завоевания Червонной Руси в православной и униатской полемике того времени появляется очень редко: основное внимание уделяется событиям вокруг Люблинской унии как основным для современных взаимоотношений польского и русского народов. При указании о добровольности вхождения в состав единого государства русского народа, осо-

бое внимание уделяется тому, что для него сохранение свободы в вере было всегда важнее, чем сохранение независимости. Тот же Копыстенский, описывая завоевание Казимиром Львова «в 1339» году, подчёркивает, обращаясь к читателю: «Уважай, як веры постерегали Россове, барзей ниж панства!»⁴².

Как показывают исследования, русская идентичность того времени строилась главным образом на церковных основаниях, и это находит своё отражение в оценке западнорусскими полемистами военных действий и конфликтов. Общехристианский патриотизм, обращённый к Речи Посполитой и королю, уверенность в большей лояльности греческого духовенства к христианскому государству, чем к Турции, – всё это так или иначе свидетельствует о господстве религиозно-конфессиональных критериев в построении своей лояльности.

Примечания

¹ Впрочем, впервые эта идея (а именно о присоединении Западной Руси к Московскому царству) была высказана ещё в 1620-е годы во время посольств в Москву от митрополита Иова Борещкого.

² Палинодия // Русская историческая библиотека (далее – РИБ), том IV. СПб., 1878. Стб. 983.

³ «Ieśli Ruś woynę toczyła z Polakami o religią czyli o drapież». Rozmowa albo Rellatia rozmowy dwoch Rusinow, schizmatika z unitem // Архив Юго-Западной России (далее – АЮЗР). Ч.I, Т.7. Киев, 1887. С.707.

⁴ «Woyny wielkie toczyli Ruśnacy nasi z Lachami, bisowemi synami, o to, ktorzy na to stali, aby Ruś do swoiey religiey posłuszeństwa Papieskiego pociągnęli», «Nie dla religiey mówię Polacy z Rusią walczyli, ale dla drapieżu, którą Rus ... w Polsce czyniła tak, iż po wszystkie woyny, ktore były, nie było żadney inszey przyczyny podniesienia od Polakow woyny Rusi tylko o gwałtowne incursie, grabienia y plondrowania przez Ruś Polski». Там же. С. 708-709.

⁵ «Nie o drapież, ale o odeymowanie nabożeństwa Greekiego Rusi od Polakow te woyny były»; «to slowo wiara nie znaczy fides, ale religią polacinie, a religio nie właśnie znaczy fidem, ale nabożeństwo ... nie fidei, lecz religionis, to iest nabozenstwa ceremonialnego dawnego». Там же, с.709-710.

⁶ «Ale iednasz wiara Lachow była iaka y Ruska, tylko rozność była obrzędow». Там же, с.709.

⁷ См. подробнее: Неменский О.Б. История Руси в «Палинодии» Захарии Копыстенского и «Обороне унии» Льва Кривы // Україна та Росія: проблеми політичних і соціокультурних відносин. Під ред. В.А.Смоляя. Київ, 2003. С.409-434.

⁸ Имеется в виду Болеслав IV Кудрявый.

⁹ Indicium, сочинение инок Винницкого монастыря, 1638 г. // АЮЗР. Ч.I. Т.8. Вып.1. Киев, 1914. С.786-796.

¹⁰ «Coż gdy do tego spustoszenie y zniszczenie cerkwi namienimy, ieśli nie takie, iak od Bolesława pierwszego y drugiego, królów polskich, y od Batyia, tatarskiego cara...». Там же. С. 795.

- ¹¹ Сказания Петра Могилы о чудесных и замечательных явлениях в церкви православной // АЮЗР. Ч.1. Т.7. Киев, 1887.
- ¹² Палинодия // РИБ. Т. 4. Стб. 811-812.
- ¹³ Там же. Стб.804.
- ¹⁴ Апокрисис Христофора Филалета // РИБ. Т. VII. Стб.1652.
- ¹⁵ Например, подробно об этом см.: Протестация Иова Борецкого 1621 г. С.143-144.
- ¹⁶ «Lepiey nierówno życzą wszelkiey szczęśliwości temu Państwu, oyczynie naszey, niż własney swey oyczynie, pod tyranem bięduiącey. Zawždy miłsze im woienne successy tego Państwa nad ich własnym tyranem». Verificatia niewinności // АЮЗР. Ч.1. Т.7. С. 339-340.
- ¹⁷ «Lecz ty przedsię teyże piosenki śpiewać nie przestaniesz, powiadaiąc, że za tym, że Turek Greciā osiadł, y wiara tam będąca iest zwoiowana». Антиграф // РИБ. Т.ХІХ. СПб., 1903. Стб.1290.
- ¹⁸ «Za pomstą Boską, od dzikich ludzi w niewolę poimany iest». Скарга П. Берестейский собор и оборона его // РИБ. Т. 7. Киев, 1882. Стб.988.
- ¹⁹ «Za odszczepieństwem wszystka Grecya zginęła». Кревза Л. Оборона унии // РИБ. Т. IV. Стб.209-211.
- ²⁰ «Bramy piekielne (Tureckie) zwoiowały, wszystko wyniszczyły, wygubiły». Антиризис // РИБ. Т.ХІХ. СПб., 1903. Стб. 970.
- ²¹ Палинодия // РИБ. Т.ІV. Стб.1110.
- ²² «Piersiami swemi iunackiemi świeżo teraz poganinowi tureckiemu znaczny wstręt uczynili y do oyczyzny naszey miłey pogańskim krwawym stopam prześcia swemi głowami niedopuszcili». Elenchus // АЮЗР. Ч.1. Т.8. С.609.
- ²³ Там же, стб.1103.
- ²⁴ Там же, стб.1106.
- ²⁵ Indicium // АЮЗР. Ч.1. Т.8. С.779.
- ²⁶ «Onego to Ruskiego narodu cnego z Japhetowego nasienia plemie, które Czarnym Morzem y ziemią Greckie Cesarstwo woiował». Протестация митрополита Иова Борецкого 1621 года // Жукович П.Н. Протестация митр. Иова Борецкого и других западнорусских иерархов, составленная 28 апреля 1621 г. / Статьи по славяноведению. Под ред. В.И.Ламанского. Вып. III. СПб., 1910. С.149.
- ²⁷ «Rus nasza przodkowie ... wiele woien a zwlaszcza z Cesarzmi Carogrodzkiemi czynili». Rozmowa albo Rellatia rozmowy dwoch Rusinow, schizmatika z unitem // АЮЗР. Ч.1, т.7. С.699.
- ²⁸ Там же. Стб.1103.
- ²⁹ Там же. Стб.1026.
- ³⁰ Там же. Стб.1042.
- ³¹ Там же. Стб.1075.
- ³² «O was y wam podobnych, ktorzy w narodzie Ruskim między nim a Lackim toście są, co nieprzyaciel Boży y ludzky między Bogiem a człowiekiem, ktorzy nic inszego między niemi nieczynicie, tylko ieden przeciwko drugiemu iątrzycie. Iątrzycie narod Rusky na przeciw Polskiemu,

gdy nas w przeszłym punkcie naszym położonymi sposobami do wiary lackiey (iako Ruś pospolicie mowiemy) zaciągacie. Narod zaś Polski iątrzycie na przeciwko Ruskiemu...», см.: Elenchus, с.642.

³³ «Myśmy to narod Rosyyski, starowieczyny, od PP. uniatow, tak w Koronie, iako y w W.X.L. przez lat te kilkadziesiąt opprimowani byli», см. Supplementum Synopsis // АЮЗР, ч.І, т.7. С.647.

³⁴ «Każda wojna wewnętrzna taka iest, mowi to Chrystus Pan, że iest upadkiem krolestwa, w ktorым się toczy». Кревза Л. Оборона унии // РИБ. Т.IV. Стб.291.

³⁵ Там же, стб.296.

³⁶ Апокрисис // АЮЗР. Ч.І. Т.7. Стб.1638.

³⁷ Там же, стб.1640.

³⁸ Пересторога // Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1851. Том IV. С.210.

³⁹ «Wnętrzney woyny Xiążąt Ruskich między sobą». Obrona Verificathey // АЮЗР. Ч.І. Т.7. С.384.

⁴⁰ Палинодия // РИБ. Т.IV. Стб.1109.

⁴¹ Там же. Стб.1110.

⁴² Палинодия. Стб.1027.

А.В. Белов
(Институт российской истории РАН, Москва,
Государственная академия славянской культуры, Москва)

Судьба маленького города в контексте большой войны: город Верея и его жители в 1812 году

Abstract:

Belov A. V. *The Fate of a Small Town in the Context of a Big War: the Town of Vereya and its inhabitants in 1812.*

The work analyses the impact of the Patriotic War of 1812 (Napoleon's invasion) on Vereya, one of the most dynamic towns in Central Russia. The events described and the processes analyzed can be summed in three main groups. Firstly, the pre-war condition of the town and a set of factors determining its regional importance. Secondly, the events of the War of 1812. Finally, the consequences of the invasion: the situation in the town (among its population) immediately after the end of the war, and the impact of hostilities on further developments in the town. Documents from three different archives are studied, many of them for the first time. The author tries to abandon the traditional poetic and solemn description of the events of 1812 and show their disruptive character, evaluating the impact of the invasion on the further life of the town, of its inhabitants, and of the country.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., Верея, пространственно-поселенческая структура, русский город, дореформенный период, городское население, городское хозяйство, Россия в начале XIX в.

Верея – поселение, которое с позиции сегодняшнего времени трудно назвать городом. Его население не превышает 6-и тысяч человек, трудовая деятельность которых далека от категориальных форм городского статуса. Это, скорее, больших размеров село с несколькими каменными храмами.

В преддверии. Расположенная в пространстве, наиболее населенном и освоенном еще в древности (юго-западная часть Московской области) чуть более чем в 100 километрах от Москвы, Верея впервые была упомянута в летописном сообщении от 1371 г. Правда, поселение возникло на этом месте, скорее всего, значительно раньше. И оно на первом этапе своей истории весьма мало уступало по размерам и качеству «городку Москве». Тем более, что для этого были все основания: в частности, непосредственная близость к волоку из реки Протвы в реку Москву.

В XV-XVI вв. Верея являлась центром удельного государства. Одно время можайский князь Иван Андреевич здесь даже чеканил собственную серебряную монету¹. Кроме того город занимал заметное место в системе крепостей, закрывающих внутренние земли Московского княжества со стороны южных, степных, а следовательно, неизменно крайне опасных рай-

онов². В последующие столетия, несмотря на потерю обоих этих статусов и относительно близкое положение к Москве (которая своим весом буквально давила соседние городки), Верея не потерялась среди пространств и поселений Центральной России. Более того, она заняла собственное, причем, весьма устойчивое и достойное место в пространственно-поселенческой сети края.

В XVIII в. город был многонаселенным и активно развивающимся поселением. Верея выступала в рамках «малой» Московской губернии как один из трех крупнейших уездных городов, деля это место с Дмитровом и Коломной, то есть городами, игравшими важнейшую торговую и транспортную роль. На основании данных ревизий, сохранившихся в фондах Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге, на рубеже XVIII–XIX вв. в Верее проживало 2558 мужчин и 2725 женщин, т.е. почти 5 300 человек³. Большое число дворовых говорит об устойчивой жизни в городе дворянства⁴, что, как показывают исследования, было присуще исключительно наиболее развитым уездным центрам⁵.

Перечень отраслей, профилей ремесла и мануфактурной деятельности, практикуемых посадскими, составлял десятки наименований. Торгово-ремесленную активность обеспечивали несколько магистралей. Они же являлись важной причиной того, что Верея успешно удерживала роль хозяйственного центра, активность которого намного превышала официальные границы ее собственного уезда (что не типично для подавляющего числа российских уездных городков). Достаточно сказать, что торговая активность местного купечества достигала не только Москвы (где верейцы контролировали значительные сегменты этого огромного рынка), но и Санкт-Петербурга, играя заметную роль в снабжении северной столицы. В меньшей степени в фокусе торговой активности жителей Вереи выступали такие, не менее значимые города Европы, как Кенигсберг, Гданьск и Берлин.

В ходе административных реформ Екатерины II город стал уездным центром. Причем, как показывают архивные источники, его кандидатура на эту роль никем и никогда не оспаривалась, что нельзя сказать про целый ряд центров практически всех новых губерний России⁶. Более того, при сличении двух черновых планов создания новой «малой» Московской губернии (1774–1776 и 1781–1782 гг.) бросается в глаза то обстоятельство, что Верея воспринималась как город, имевший исключительные права именоваться таковым не только по административному положению (что, как известно, было весьма распространено среди «новоучрежденных» уездных центров того времени⁷), но и по сути городского характера. Согласно этим проектам Верею предполагали включить в состав Можайского уезда, оставив за ней

... собственный уезд!⁸ Ситуация парадоксальна для сегодняшнего дня, но весьма показательна для понимания норм конца XVIII в.

Хозяйственные возможности и неизбежность городского статуса привели к тому, что «отцы города» успешно реализовывали программу перестройки города по регулярному плану, принятому в последние десятилетия XVIII в. Именно в это время возникли основные каменные сооружения Вереи (половина храмов города были каменными)⁹. Строительство (точнее сказать, перестройка и перепланировка) велось в рамках осуществления городской реформы Екатерины II. Императрица стремилась придать городам облик, не только соответствующий официальному статусу, но способствующий дальнейшему развитию этих поселений. Показательно, что Верея успешно прошла этот путь, а вот, например, даже для куда более древнего и губернского Владимира подобный процесс (как свидетельствуют данные архива) долгое время был просто не под силу¹⁰.

Подводя итоги сказанному необходимо отметить, что развитие и процветание города Вереи к началу XIX в. было обусловлено целым рядом факторов¹¹. Причем как внутренних (население, хозяйство), так и не менее важных внешних (предыстория развития, транспортные пути, место в пространственной структуре края). Верея, в какой-то степени, была обречена на процветание. Конец этому процессу положили события лета-осени 1812 г.

Верея и 1812 год. Война вторглась в жизнь города внезапно. Впрочем, так это произошло для подавляющей части населения Московской губернии, включая сюда и наиболее осведомленных жителей «второй столицы». Бородинское сражение, данное на самой границе Московской губернии, было объявлено победоносным, и какое-то время эта информация не подвергалась никакому сомнению. Противника не ждали далее Можайска¹². В условиях, когда пришло осознание необходимости срочной эвакуации, обнаружилась крайняя нехватка перевозочных средств. Это не позволяло организовать масштабное спасение фондов даже финансовых правительственных учреждений. Значительная часть лошадей и транспортных средств давно уже была передана армии¹³. А то немногое, что осталось, буквально выкачивалось из губернии и отправлялось или в распоряжение М.И. Кутузова, или в Москву, в руки Ф.В. Ростопчина¹⁴.

Вытеснив русских за Можайск и овладев дорогами, как к Москве, так и к другим городам края, армия Наполеона предприняла попытку охватить войска М.И. Кутузова. Обходной маневр шел через Верею и Рузу. Стремительность маневра способствовала внезапности появления неприятеля среди ничего не подозревавшего населения этих подмосковных земель.

Подробных воспоминаний, оставленных очевидцами вхождения частей Великой армии в Верею, не осталось. Но до наших дней дошли мемуа-

ры, составленные очевидцем, одним из офицеров армии противника, принявшим личное участие в овладении другим поселением – Рузой, расположенной по соседству с Вереей. Близость места, времени и схожесть обстоятельств дают право применить это описание к обоим городам.

Офицер, отрывок из воспоминаний которого мы используем ниже, увидел покоренный город сразу после вступления в него авангарда армии Наполеона. Таким образом, картина первых часов оккупации предстает перед нами в своем подлинном виде, не «смазанная» иными событиями и обстоятельствами.

Вторжение оказалось для местных жителей абсолютно внезапным: «Надо было видеть всех этих крестьян¹⁵, в ужасе выбежавших из домов, запрягавших лошадей и гнавших их, чтобы скорее убежать»¹⁶. Часть жителей, а также не доспевшие к Бородинскому полю ополченцы¹⁷, собрались на площади, вооруженные кто чем мог, чтобы оказать сопротивление оккупантам. Но, будучи абсолютно не способными противостоять регулярной армии, они практически мгновенно были рассеяны¹⁸.

Подходя к городу и вступая на его территорию, солдаты Великой армии по приказу своего командира устремились в погоню за спасающимися местными жителями, «бежавшими со всем своим имуществом и скотом»¹⁹. По мере продвижения вперед встречалась «масса маленьких повозок... они были нагружены детьми и немощными стариками; с сокрушенным сердцем думалось о том, что скорее всего все эти повозки, лошади – все, являющееся достоянием этих отчаявшихся семейств, будет отобрано и разделено»²⁰.

Вступив на территорию города, наполеоновский офицер обнаружил, что «вплоть до середины площади» стояла толпа солдат Великой армии, которые неприкрыто и весьма активно грабили дома местных жителей. При этом они «не слушали ни криков хозяев, ни слез матери, которая, чтобы тронуть победителей, указывала на своих стоявших на коленях детей; сложив руки, обливаясь слезами, эти невинные создания умоляли только, чтобы их оставили живыми. Эта горячность грабежа у некоторых вполне оправдывается тем, что, умирая от голода, они стремились только найти пищу; но многие другие под тем же предлогом грабили и тасили все вплоть до платья с женщин и детей»²¹.

Как только слух о том, что город взят, разошелся по окрестностям, местные жители стали спешно покидать свои жилища. При этом крестьяне сами «в последнем порыве отчаяния, сжигали свои дома, усадьбы, хлеб и новый урожай, и только что снятый с лугов сенокос... и дома, и усадьбы были разрушены и опустошены, мебель переломана, провизия расхищена; все это представляло полную картину разрушения...»²².

Значительная масса жителей Вереи, спешно покинувших свои дома, пыталась уйти к Москве по Волоколамской дороге, но была настигнута итальянской кавалерией и возвращена назад. Успевшие уйти от преследования спрятались по лесам, стараясь подальше уйти от дорог, по которым армия Наполеона двигалась к Москве²³.

Для города начался период оккупации, еще более усугубивший его разорение. С этим периодом истории края связана одна из самых ярких партизанских операций Отечественной войны 1812 г. Французы дорожили Вереей как важным опорным пунктом. Поселение находилось между Калужской и Смоленской дорогами. Таким образом, занимая Вереею, противник полностью контролировал всю территорию к юго-западу от Москвы; магистраль, связывающую Москву с Парижем, а также направление на Калугу, удар по которой готовил Наполеон, стремясь выйти из московской ловушки, уготованной ему М.И. Кутузовым. Понимая всю важность Вереи, французы укрепили ее и расположили здесь усиленный батальон вестфальцев из корпуса Жюно.

Предвидя замыслы неприятеля, М.И. Кутузов 26 сентября отдал приказ командиру армейского партизанского отряда генерал-майору И.С. Дорохову направиться «через Боровск к Верее, где неприятель, по разным известиям, укрепляется». 28 сентября партизаны скрытно приблизились к городу, приготовившись к его штурму. Известия об этой операции сохранились в ряде реляций, отчетов и выполненных на их основании газетных описаний²⁴.

Штурмовать хорошо укрепленный лагерь противника должен был отряд из 600 человек, против не менее чем 700 вестфальцев. Кроме того, Дорохов не имел возможности вести затяжной бой: услышав канонаду, противник сразу же бросил бы к Верее мощные подкрепления (что в итоге и произошло).

Перед самым рассветом местные жители (Гречишкин, Прокудин, Жуков и Шушкин) скрытно вывели русские колонны к укреплениям (впоследствии один из проводников получил ранение во время штурма). Благодаря помощи местных жителей солдаты Дорохова вошли в город без единого выстрела. Несмотря на отчаянную контратаку и перевес сил, Верее была взята в течение получаса «в 5 ½ часов поутру». Потери штурмующих составили всего 30 человек убитыми (по другим данным – 7 убитыми и 20 ранеными) против 320 человек у противника. В плен сдались 350 рядовых, 14 офицеров и комендант. Было захвачено знамя вестфальцев.

Французы, узнав о потере города, срочно перебросили в помощь верейскому гарнизону новые силы. Те, подойдя к городу уже около 11 часов

пополудни и удостоверившись, что он взят, отошли практически без боя, преследуемые русской кавалерией.

По призыву Дорохова на помощь к войскам пришли крестьяне-партизаны во главе со священником Иоанном Скабеевым. Их усилиями укрепления были скрыты до основания. Трофеи в виде 500 ружей Дорохов приказал раздать местным жителям.

Итоги военных действий. Отступая от Москвы и из-под Малоярославца, французская армия оставила город в октябре 1812 г. Последствия ее пребывания здесь были ужасающими. Вереея наряду с Можайском лидировала в списке поселений, потери которых были наиболее значительными. Судьба обоих этих городов оказалась в значительной мере сходна. В скорбном перечне материальных утрат эти поселения шли сразу за Москвой²⁵.

Вернувшиеся в город или пережившие нашествие жители были лишены буквально всего. Богатейшие фамилии, имевшие по несколько усадеб, отмечали в своих прошениях, что «все сожжено». Те, кому повезло больше и их дома уцелели, просто не могли в них находиться: «внутреннее строение, как то полы, лавки из оных домов, дворовые строения» и те оказались уничтожены²⁶, «да и во оном все выломано, как внутри, так и весь двор, и поблизости сожжено, не токмо остался из труб с воротами и половина погребов»²⁷.

Оставленное в домах имущество («в разном платье, фарфоровой посуде, в мебели, и в екипаже»)²⁸, а также другие вещи («...разная мебель, посуда, жизненный припас, скот и птицы» и т. д. и т. д.), «все без изъятия что только ни было неприятелем разграблено и истреблено»²⁹. Списки утраты личного и наиболее ценного имущества верейского мещанина Алексея Иванова сына Шохина составили 34 пункта, и 9752 рубля общего материального убытка³⁰. Купечество потеряло весь оставленный товар³¹ и средства производства: ветряные мельницы, кирпичные заводы, стада коров в десятки голов и фермы в сотни единиц домашней птицы³². Были полностью уничтожены даже «в огородах плоды и овощи»³³.

Кроме того, богатые верейцы имели дома в Москве (причем, весьма хорошо обставленные, наполненные скарбом и товаром). Они тоже погибли³⁴, что подорвало позиции многих до того богатых людей.

Для тех, кто смог убежать и ждать освобождения родного города, к этому добавились еще и большие траты на переезд и проживание: «кроме понесенных при том нами во время проезда нашего с семейством по разным местам необходимо нужных издержек простирается также по истине не менее семи сот рублей»³⁵. Столь значительная сумма вряд ли являлась выдумкой. Как отмечали все очевидцы, цены в это время выросли неимоверно³⁶.

Возвращение в родной город превратилось без преувеличения в борьбу за выживание. Ситуация усугублялась тем, что пострадали большие семьи с массой малолетних детей, находившихся на попечении стариков и других родственников. Абсолютно типичным был случай, когда на главе одной семьи лежала ответственность за семью, состоящую из 1-й дочери, 5-и сыновей, 2-х младших братьев, 1-й снохи и 3-х племянниц.³⁷ И это не самое малое число лиц, которых глава семьи должен был буквально обогреть и спасти от голодной смерти. Нередки были случаи, когда на плечах старшего в семействе помимо его детей находилось по 10-15 внуков и внучек³⁸. В условиях всеобщего разорения и дороговизны обеспечение их пропитанием становилось чрезвычайно сложной задачей («содержу их, употребляя последние силы»³⁹). Большинство горожан не имело источников дохода и собственности в других уголках страны. Москва, где многие также держали свои промыслы и склады, была разорена⁴⁰.

Некоторые горожане, которым повезло больше других, жили продажей своих уцелевших вещей («содержу продажей последнего имущества, которое успели взять и сохранить от разграбления»⁴¹). Большая часть существовала «единственно самым трудным промыслом от мелочной торговли, да и то по случаю бывшей пред сим доверенности от кредита»⁴². Многие верейцы искали пристанища и содержания «среди родственников или от добротных дателей»⁴³. То есть жители богатейшего прежде поселения в 1813 г. жили в буквальном смысле подаянием!

Понесенный удар был страшен. В том числе и потому, что, по заключению очевидцев, степень разорения оказалась такой, что горожане самостоятельно были уже «не в силах восстановить себя по прежнему состоянию»⁴⁴. Так, в начале 1812 г. житель Вереи Петр Васильев сын Глушков был не только преуспевающим купцом, арендовавшим большой дом в «первопрестольной» столице, но и именовался «мануфактуристом», т.е. выходил на уровень производителя, стоявшего на качественно иной ступени хозяйственной иерархии. По данным на 1831 г. Глушков являлся всего-навсего мещанином, который не имеет никакой возможности расплатиться с висящими на нем долговыми обязательствами⁴⁵.

Просьбу о необходимости материальной поддержки уже в 1813 г. написали 366 человек⁴⁶. Общая сумма их ущерба (в соответствии с отчетом городского главы Вереи Бориса Томилина) составила без малого 100 тысяч рублей⁴⁷. Примерно половина этой суммы пришлась на недвижимость, и половина – на личные (наиболее ценные) вещи и погибшие товары.

Оказались разорены практически все общественные здания, доход с которых мог поддержать ее жителей. Таким образом, прахом пошла и мно-

готрудная, а также весьма затратная программа перепланировки и перестройки города на современных началах⁴⁸.

Город не умер после 1812 г. Ситуация напомнила события, произошедшие за двести лет до того, – Великую смуту (и не менее великое разорение) начала XVII в. Как и тогда пространственно-поселенческая сеть страны нуждалась в Верее как в уездном центре. Административные функции и роль местного рынка обеспечивали ее сохранение в городском статусе, дав пропитание жителям. Остались и работали прежние торговые связи и посреднические функции в сфере торговли. Но были утрачены накопленные ресурсы. Лишившись прежней динамики, жизнь в городе застыла. Присущая Верее активность постепенно, но неуклонно уменьшалась. К середине века все отчетливее стала наблюдаться тенденция: отказ верейцев от занятия традиционными до того промыслами в рамках родного города и их активные поиски «пропитания» за его пределами. В основном в Москве, где они, используя прежний опыт, нанимались «прикащиками» к местным купцам; на Гжатской пристани (рабочими на пристани и каналы); на фабрики (мастерскими и разнорабочими)⁴⁹.

Примечания

¹ *Спасский И.Г.* Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. Л., 1962. С. 57.

² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.;Л., 1950. С. 29.

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1375. Оп. I. Д. 22. Л. 97 об.

⁴ РГИА. Ф. 1375. Оп. I. Д. 22. Л. 97 об.

⁵ *Белов А.В.* Городское население Московской губернии в середине XIX века: попытка социальной стратификации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История, политология, экономика и право». МГОУ. М., 2010. № 4-5. С. 45-49.

⁶ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 16. Оп. I. Д. 570. Л. 1-112.

⁷ РГАДА. Ф. 16. Оп. I. Д. 729. Ч. I. Л. 9-13об.

⁸ РГАДА. Ф. 16. Оп. I. Д. 570. Л. 47.

⁹ РГИА. Ф. 1375. Оп. I. Д. 22. Л. 97об.

¹⁰ РГАДА. Ф. 16. Д. 639. Л. 19-79.; РГАДА. Ф. 16. Д. 640. Ч. I. Л. 125.

¹¹ *Белов А.В.* Изучение города в контексте региона. Попытка обоснования функционально-сетевого подхода // Историческая география. Сборник научных работ. /в печати/

¹² *Корбелецкий Ф.* Краткое повествование о вторжении французов в Москву и о пребывании в оной. Описание с 31 августа по 27 сентября 1812 года Ф. Корбелецким с присовокуплением собственного его странствования. – СПб.: В типографии Департамента внешней торговли, 1813. С. 11-12.

- ¹³ *Ростопчин Ф.В.* Тысяча восемьсот двенадцатый год в Записках графа Ф.В. Ростопчина. Перевод с французской подлинной его рукописи // Русская старина. Т. LXIV. Вып. 12. СПб., 1889. С. 689.
- ¹⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1. Оп. 1. Д. 3574. Л. 13 об.
- ¹⁵ Речь шла и о жителях окрестных сел, и о горожанах. Для иностранца облик русского уездного города, пространство которого было наполнено садами и огородами, напоминало скорее деревню. Отсюда и наименование всех одним словом – крестьяне.
- ¹⁶ *Лабом Е.* Путь в Москву // Наполеон в России в воспоминаниях иностранцев: в 2-х кн. Кн. 1. М., 2004. С. 255.
- ¹⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3648. Л. 21.
- ¹⁸ *Лабом Е.* Путь в Москву... С. 255, 256.
- ¹⁹ Там же. С. 256.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. С. 257.
- ²³ Там же. 256.
- ²⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3478; М.И. Кутузов. Сборник документов. Часть 1. М., 1954. С. 409-410, 416-417, 417-418, 418-419; Северная почта. № 82. 1812. 12 октября; Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям. № 83. 1812. 15 октября. Прибавление к Московским ведомостям № 100. 1812. 14 декабря; Исторический, статистический и географический журнал. 1812. Ч. 4. Кн.1 (октябрь). С. 51-52.
- ²⁵ Центральный исторический архив н. Москвы (далее - ЦИАМ). Ф.16. Оп.6. Д.3905. Л.14-14об.
- ²⁶ ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1540. Л. 50.
- ²⁷ ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1540. Л. 52.
- ²⁸ ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1541. Л. 5.
- ²⁹ ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1540. Л. 50.
- ³⁰ ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1541. Л. 2об-4.
- ³¹ ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1540. Л. 52.
- ³² ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1540. Л. 56об.
- ³³ ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1540. Л. 50.
- ³⁴ ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1541. Л. 1, 2об-4, 5-5об.
- ³⁵ ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1540. Л. 50.
- ³⁶ Частные письма 1812 года. От Марии Аполлоновны Волковой к Варваре Ивановне Ланской // Русский архив 1872. № 12. М., 1872. Стб. 2391-2392,
- ³⁷ ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1540. Л. 52об.
- ³⁸ ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1540. Л. 52.
- ³⁹ ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1540. Л. 52об.
- ⁴⁰ ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1541. Л. 1, 2об-4, 5-5об.

⁴¹ ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1540. Л. 58.

⁴² ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1540. Л. 186.

⁴³ ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1541. Л. 7.

⁴⁴ ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1541. Л. 7.

⁴⁵ ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1541. Л. 61.

⁴⁶ ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1541. Л. 7.

⁴⁷ ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1541. Л. 9-38об.

⁴⁸ ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1541. Л. 7.

⁴⁹ Военно-статистическое обозрение Московской губернии // Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Т. 6. Ч. 1. СПб.: Типография Департамента Генерального Штаба, 1853. С. 235-236.

Храмы-памятники, построенные в память содружества славянских народов в русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

Abstract:

Konenkova A. K. *Memorial Churches Built in Honor of the Fraternity of Slavic Peoples during the Russo-Turkish War of 1877–1878.*

The article is dedicated to the architectural monuments erected in Bulgaria and in Russia to celebrate the victory over the Ottomans in the Russo-Turkish War of 1877 – 1878 (aka the Liberation War), following the Orthodox tradition of honoring the warriors dead ‘for their brethren’.

Ключевые слова: русско-турецкая война 1877–1878 гг., освобождение Болгарии, Шипка, Плевна (Плевен), православная церковь, русско-болгарское воинское братство.

Памятник есть безмолвный проповедник, который может быть превосходней говорящего, потому что не прекращает порученной ему проповеди, и таким образом, он доходит до целого народа и до многих последовательных родов. Памятник есть книга, которую не надо искать в книгохранилищах, потому что она лежит на пути, и таким образом, читается и теми, которые не думали раскрывать ее.

Святитель Московский Филарет (Дроздов)

Одним из самых трагических и ярких событий истории России и Европы XIX века является русско-турецкая война 1877–1878 гг., названная современниками Великой Освободительной войной. Славянские народы, участвовавшие в этой войне, понесли многочисленные жертвы. В память о героях, отдавших жизнь «за други своя», на Балканах и в России были установлены памятники.

По древней традиции на Руси память о каком-либо выдающемся событии или победе в военных действиях отмечали строительством церкви. Например, в честь победы над волжскими булгарами по указу князя Андрея Боголюбского в 1165 г. был построен храм Покрова на Нерли¹. По обету великого князя Василия III в 1524 г. возвели Смоленский собор Ново-Девичьего монастыря, посвященный главной святыне Смоленска – иконе Богоматери Одигитрии Смоленской². В память взятия города Казани царем Иваном IV по его указу в 1555 г. был построен Покровский собор, что на Рву в Москве (храм Василия Блаженного).³ В «ознаменование благодарности к Промыслу Божию за спасение России от врагов» в Отечественной

войне 1812 г. по манифесту императора Александра I в 1839 г. был заложен храм Христа Спасителя в Москве⁴.

Первый памятник русско-болгарскому воинскому братству – монастырь и храм во имя Рождества Христова – был воздвигнут в начале XX в. в Болгарии на южной стороне Шипкинского перевала в горах Стара Планина в окрестностях города Шипка. Место было выбрано не случайно: в окрестностях Шипки и Шейново велись одни из самых кровопролитных боёв в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Заняв перевал, русские войска и присоединившиеся к ним болгарские ополченцы должны были удержать его и не пропустить турецкие войска, идущие на помощь Сулейману-паше. От стойкости воинов зависела судьба дальнейших военных действий. С боев за Шипку началось победное наступление русско-болгарских войск, в результате успешных действий которых 19 февраля (3 марта) 1878 г. был заключен Сан-Стефанский прелиминарный мирный договор, и Болгария получила независимость.

Идея строительства храма принадлежит матери героя русско-турецкой войны генерала Михаила Дмитриевича Скобелева Ольге Николаевне Скобелевой. Землю под храм подарили местные жители, а деньги на строительство собирали по всей России и Болгарии. Храм строился как символ братской любви между православными славянскими народами – русским и болгарским – и служил «для вечного поминовения православных воинов, павших в русско-турецкую войну 1877–1878 гг.». Молитвенное служение должны были совершать монахи и послушники из двух русских монастырей – Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге и Троице-Сергиевой лавры под Москвой. В 1970 г. монастырь был объявлен историческим памятником культуры национального значения, а позже вошел в архитектурный заповедник «Шипка-Бузлуджа». В 2005 г. решением болгарского правительства монастырь был передан Болгарской Православной Церкви, и церковная служба в нем возобновилась.

Автором проекта стал хорошо известный в России своими постройками архитектор Антон Осипович Томишко, чех по происхождению. В архитектуре храма он использовал мотивы ярославской архитектурной школы XVII в. Наблюдение за строительством осуществлял известный российский зодчий, крупнейший мастер неорусского стиля Александр Николаевич Померанцев. Строительство храма началось в 1895 г., а закончилось в 1902 г. В нем принимали участие русские, болгарские и итальянские мастера.

Храмовый ансамбль имеет традиционную трехчастную композицию. Завершающая его стройная шатровая колокольня высотой 53 метра является осью всей композиции и вместе с нарядным пятиглавым храмом придает всему ансамблю монументальный характер. 17 колоколов были отлиты из

стреляных гильз, оставшихся на поле боя. Самый тяжелый из колоколов весит 12 тонн, его подарил лично император Николай II. Вокруг храма сложился монастырский комплекс, который состоит из корпуса монашеских келий, зданий приюта и духовной семинарии.

Внутренняя роспись храма была выполнена художниками Г. Мясоедовым и А. Митовым в 1902 г., а в 1957–1959 гг. при Святейшем патриархе Алексии I росписи были возобновлены коллективом под руководством художника Н.Е. Ростовцева на средства Московской Патриархии. Кроме канонических композиций и изображений русских и болгарских святых в росписях использованы сюжеты, связанные с историческим прошлым Болгарии и России: на западных стенах изображена битва Дмитрия Донского с татарами на Куликовом поле в 1380 г., а сражение Александра Невского со шведами на реке Неве в 1240 г. изображено над южным входом. Торжественный позолоченный деревянный иконостас был вырезан в русском монастыре Св. Пантелеймона на Афоне и передан в дар храму.

Внутри храма и на стенах открытых галерей установлены 34 мраморные плиты с названиями войсковых частей, участвовавших в боях за Шипку, и именами русских солдат, офицеров и болгарских ополченцев, погибших при обороне Шипки, в боях у городов Казанлык и Стара-Загора. В подzemелье храма в 18 мраморных саркофагах хранятся кости погибших в русско-турецкой освободительной войне.

Тема памяти славянского боевого содружества в сражениях на Шипкинском перевале получила свое дальнейшее развитие в 1934 г., когда на вершине перевала был открыт памятник Свободе, построенный по проекту архитектора Атанаса Донкова и скульптора Александра Андреева на пожертвования болгарского народа. Каждый август возле памятника проводится историческая реконструкция событий 1877 г. Важной частью всего действия всегда была панихида по погибшим здесь русским, белорусским, украинским, румынским и финским воинам, а также болгарским ополченцам. Им отдаются воинские почести, государственные руководители и граждане Болгарии возлагают к памятнику на вершине холма венки из живых цветов⁵.

После окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в Софии сложилась довольно значительная русская община, состоявшая из русских дипломатов, экспертов и других лиц, принимавших участие в военных действиях. Для них в одной из комнат в русском дипломатическом агентстве был устроен храм, но это помещение было неудобно и мало, поэтому возникла необходимость построить приходской русский храм. Закладка храма во имя святителя Николая чудотворца состоялась 2 (15) сентября 1907 г. в присут-

ствии великого князя Владимира Александровича, болгарского князя Фердинанда и наследника болгарского престола Бориса⁶.

Архитектором был приглашен Михаил Тимофеевич Преображенский (1854–1930), профессор Академии художеств. Он был известным знатоком древнерусской архитектуры, принимал участие в реставрации Мирожского монастыря во Пскове, был одним из учредителей Общества архитекторов-художников. Преображенский работал в русском стиле, о чем свидетельствуют спроектированные им Никольские торговые ряды и здание Московской Городской Думы на Манежной площади. Здание Никольской церкви в Софии по своим архитектурным формам ориентировано на московскую архитектуру XVII в., а стройностью и сложностью своего силуэта и нарядным декором напоминает церковь Рождества Богородицы в Путинках в Москве (начало XVII в.). В плане храм представляет бесстолпный четверик с примыкающими алтарным и боковыми помещениями, а также крыльцом-папертью с высокой двускатной крышей из зелёной поливной черепицы. Над входом помещён майоликовый образ святителя Николая Чудотворца. Центром архитектурной композиции является покрытый поливной черепицей шатер, установленный на круглом световом барабане. Вокруг центральной главы расположены четыре боковые главки с луковичным завершением. И центральный световой барабан, и боковые главки окружены кокошниками с зелеными изразцовыми вставками. Под карнизом храма и в верхней части апсиды расположен широкий изразцовый фриз. Белокаменные резные наличники и крыльцо входа на двух- и трехлопастных арках выполнены по образцам XVII в. Внутри храм расписан темперой под руководством художника В. Т. Перминова, часто работавшего по рисункам Н.К. Рериха. Общий нарядный декор храма дополняет фигурный майоликовый иконостас, выполненный в мастерских Санкт-Петербурга. Церковные колокола были подарены императором Николаем II⁷.

13 апреля 1879 г. на заседании Первого Учредительного Народного Соборания в Велико-Тырново Петко Каравеловым была выдвинута идея воздвигнуть храм-памятник в честь освобождения Болгарии и посвятить его русскому святому Александру Невскому, небесному покровителю царя-освободителя Александра II. Закладка состоялась 19 февраля (3 марта) 1882 г. на самом высоком месте в центре Софии. Автором проекта был российский архитектор Александр Николаевич Померанцев. Строительство завершилось в 1912 г. В отличие от двух предшествующих храмов, ориентированных в своих архитектурных формах на русские традиции, храм Александра Невского имеет общеправославный характер, он построен в распространившемся тогда в России стиле, возрождавшем архитектурные традиции Византии, подчеркивая тем самым общие корни духовной культу-

ры двух стран, России и Болгарии. Создаваемое грандиозной системой перекрытий огромное внутреннее пространство позволяет сравнить собор с выдающимся достижением византийской архитектуры, Софийским собором в Константинополе (VI в.), явившимся образцом для всего последующего православного церковного строительства. Триконховая композиция алтарной части указывает на традиции афонской архитектуры и подвижнической культуры монашества, к которой обращались монастыри православных стран как к духовному источнику. В то же время в композиции сохранена русская традиция трехчастного деления храма на пространство церкви, трапезную часть и колокольню, составляющих единое архитектурное целое.

Выдающийся памятник архитектуры конца XIX – начала XX вв., храм Александра Невского в Софии является крупнейшим православным собором на Балканах: высота его главного купола – 45 м, колокольни – 53 м, а общая площадь собора – 3170 кв.м. Храм вмещает до 5000 человек. В росписи внутреннего пространства храма принимали участие 17 художников из России под руководством признанного мастера церковной живописи Виктора Михайловича Васнецова⁸.

В русско-турецкой войне 1877–1878 гг. одно из основных сражений, оказавших существенное влияние на ход всей войны, произошло у небольшого болгарского городка Плевна (Плевена). За овладение городом, в котором располагался сильный турецкий гарнизон под командованием Осман-паши, с начала июля по 28 ноября 1877 г. велись кровопролитные бои. Основной удар принял на себя Гренадерский корпус под командованием генерала Ивана Степановича Ганецкого. Гренадеры, всегда славившиеся в русской армии стойкостью, участвовали еще во многих боях, внося весомый вклад в общую победу. Вернувшиеся после войны на родину в Россию гренадеры решили увековечить память павших товарищей, оставшихся в болгарской земле, воздвигнув в Москве памятник-часовню. Деньги на строительство собирали всем миром. Значительную часть средств собрали сами гренадеры, но деньги поступали и из различных полков русской армии, и от частных лиц.

Создателем памятника стал известный архитектор, художник и скульптор Владимир Осипович Шервуд, предложивший построить часовню из чугунных плит. Она представляет собой восьмигранную чугунную усеченную пирамиду, опирающуюся на гранитные блоки, увенчанную небольшим куполом с православным крестом. На боковых гранях нижнего яруса часовни размещены четыре символических горельефа. На первом – отец-крестьянин благословляет сына-солдата на защиту братьев-славян. На втором – турецкий янычар, угрожая кинжалом, вырывает ребенка из рук матери-болгарки. На третьем – гренадер, пленяющий турецкого солдата. На чет-

вертом – тяжело раненый гренадер, в последнем порыве срывающий цепи с женщины, символизирующей страдающую под игом турок Болгарию.

Надписи на стенах по-военному лаконичны: «Товарищам гренадерам, павшим в бою под Плевной 28 ноября 1877 г.» и «В память войны 1877-1878 гг. Плевна, Карс, Аладжа». Внутри часовни – бронзовые плиты с фамилиями 18 офицеров и 542 солдат Гренадерского корпуса, погибших в боях под Плевной.

Торжественное открытие часовни, посвященной иконе Божией Матери «Знамение», в день празднования которой произошло Плевенское сражение, и Св. благоверному князю Александру Невскому, состоялось в день десятилетия битвы, 28 ноября 1887 г. Во время молебна к часовне была принесена чудотворная икона Иверской Божией Матери⁹. Понимание символического значения архитектурных форм памятника выразил в своей речи старший адъютант штаба Гренадерского корпуса подполковник И.Я. Сокол, выступая от имени всех гренадеров на открытии часовни: «Пусть же этот памятник, воздвигнутый благодарными гренадерами своим павшим товарищам, напоминает грядущим поколениям из года в год, из века в век, как умеют стоять за честь и славу Родины ее верные сыны...».

После 1917 г. часовня лишилась святынь и реликвий, была закрыта, но, к счастью, уцелела. В 40-ые годы XX в. её внешне привели в порядок, а в 1959 г. покрыли специальным консервирующим составом. Надо отметить, что долгие годы именно болгары хранили память о павших русских воинах и ежегодно, даже в советское время, возлагали венки к часовне-памятнику в день памяти битвы под Плевной¹⁰.

В начале 1990-х годов часовня была передана Русской православной церкви. В 1998 г., когда Россия и Болгария отмечали 120-летие окончания войны, освободившей братский народ от турецкого порабощения, состоялось новое освящение часовни, проведенное 1 марта в присутствии патриарха Алексия II. А уже 3 марта, в День независимости Болгарии, в часовне прошло торжественное поминовение погибших воинов, совершенное совместно духовенством Русской и Болгарской православных церквей. В 1999 г. в ней было учреждено Патриаршее Подворье.

Ежегодно, в День независимости Болгарии и в День памяти Плевенского сражения, возле часовни служат панихиду. В ней принимают участие посол Болгарии в России, представители посольств Украины, Сербии, МИД, министерства обороны России, правительства Москвы, офицерский состав Московского военного округа, военных академий, воспитанники кадетских корпусов, широкая общественность.

Примечания

- ¹ *Воронин Н.Н.* Владимир. Боголюбово. Суздаль. Юрьев-Польской. М.: Искусство, 1974. С. 135.
- ² Овсянников Ю.А. Ново-Девичий монастырь. М.: Искусство, 1967. С.6; Цюрик Л.В. Новодевичий монастырь. М.: Советская Россия, 1970. С. 4.
- ³ *Ильин М.А.* Русское шатровое зодчество. Памятники середины XVI века. Проблемы и гипотезы, идеи и образы. М.: Искусство, 1980. С. 67.
- ⁴ Сорок сороков: в 4 т. /Автор-составитель Паламарчук П.Г.М.: А/О «Книга и бизнес», Кром, 1994. Т. 2. С. 159.
- ⁵ <http://www.mylitera.ru/literaturnoe-kraevedenie/807-ivanova-go-shipka-i-plevna-slava-russkogo-oguzhiya-130-letiyu-pobedy-bolgarii-v-vojne-1877-1878-godov.html>
- ⁶ <http://podvorie-sofia.ru/>
- ⁷ *Антонов В. В., Кобак А. В.* Русские храмы и обители в Европе. СПб: Лики России, 2005. С. 29-32.
- ⁸ *Калиганов И.И., Крашенинникова Н. Н.* Александра Невского собор в Софии // Православная энциклопедия. Т.1. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000. С. 550-551.
- ⁹ Часовня иконы Божией Матери «Знамение» и Александра Невского, памятник гренадерам, павшим под Плевной в 1877 г. // Сорок сороков. Краткая иллюстрированная история всех московских храмов: в 4 т. Т. 2. Москва в границах Садового кольца: Китай-город, Белый город, Земляной город, Замоскворечье. / Автор-составитель П.Г. Паламарчук. 3-е изд., испр. и доп. М.: Аст, Астрель, 2004. С. 167-171.
- ¹⁰ Там же.

И.И. Калиганов
(Институт славяноведения РАН, Москва,
Государственная академия славянской культуры, Москва)

Сквозь прорезь оружейных прицелов: болгары против русских в Добрудже в 1916 г.

Abstract:

Kaliganov I.I. *Through a cut of weapon sights: Bulgarians against Russians in Dobrudja 1916.*

The article considers the circumstances of the armed conflict between the Bulgarians and the Russians during the First world war. It is based on archival and literary materials, which were concealed until recently because of ideological "shame" for the myth which was supported in totalitarian Bulgaria and recounted that the grateful Bulgarians have never made armed attack against their Russian liberators after the liberation from the Turks in 1877-1878. The author comes to the conclusion that the Bulgarians and the Russians in the evaluation of the collision had their own truth, which is not always coinciding with the historical reality.

Ключевые слова: болгары, русские, вооруженное столкновение, эмоции, свои собственные правды.

Долгие годы в тоталитарной Болгарии поддерживался миф о том, что после освобождения от турок благодарные болгары никогда не поднимали оружие против своих русских братьев-освободителей. При этом подчеркивалось, что во время Второй мировой войны население страны встречало советских воинов цветами, а болгарская армия не сделала ни одного выстрела по красноармейцам. Последнее утверждение верно: оно подкрепляется историческими документами и свидетельствами очевидцев событий. Не так обстоит дело, однако, с утверждением первым. В действительности, в истории болгарско-русских отношений конца XIX – середины XX вв. вооруженное столкновение между двумя сторонами всё-таки произошло. Оно имело место в Первую мировую войну, когда болгары и русские воевали друг против друга осенью 1916 г. в Добрудже. Причем, сражались болгары с русскими очень ожесточенно, и этому, на первый взгляд, невероятному, факту можно отыскать свое объяснение. Болгары вступили в войну, преследуя, по их мнению, праведные цели: восстановление тех болгарских границ, которые были очерчены Сан-Стефанским договором 3 марта 1878 г. и охватывали все населенные их соплеменниками земли на Балканах. Но эти, предлагавшиеся Россией, границы через несколько месяцев были урезаны в Берлине под давлением западных держав. В дальнейшем Болгария пыталась восстановить справедливость и несколько раз воевала со своими балканскими

соседями, одерживала над ними временные победы, но в конечном итоге терпела поражение.

Прежде, чем приступить к рассказу о вооружённом столкновении болгар и русских в 1916 г., следует очертить предшествовавшую историческую прелюдию и исторический фон, на котором оно произошло. Для болгар, как уже говорилось, данная война была праведной: она представлялась им очередной попыткой восстановить справедливые границы Сан-Стефанского договора, очерчивавшие внешние контуры расселения родного этноса на Балканах. Но при этом, выбирая союзников, Болгария должна была взвесить все за и против. При присоединении к Центральным державам в случае успеха она могла бы получить Македонию, значительную часть Сербии и, не споря с союзной Турцией из-за Западной Фракии, закрепить за собой порт Кавалу на Эгейском море. Но если страны блока проигрывали войну, Болгария должна была распрощаться с надеждой на включение в свои границы Македонии. Оно грозило русской оккупацией Варны и Бургаса и резким усилением зависимости Болгарии от России. На первый взгляд, выгодным мог оказаться союз с Антантой: при её победе в войне Болгария могла бы получить значительную часть Македонии (не исключено – с Салониками, Сересом и Драмой), а Румыния отдала бы болгарам Северную Добруджу. Однако при неуспехе данного военного блока, Турция, наверняка, завладела бы Западной Фракией, а Румыния прирезала бы себе новый кусок Северной Болгарии¹.

В конечном итоге, после долгого выжидания, Болгария посчитала, что победителем в войне станет блок Центральных держав, и решила к нему присоединиться, оказавшись тем самым в стане противников России. При этом тасовавший в канун Первой мировой войны военно-политическую «колоду» стран и блоков болгарский военный атташе в Константинополе в одной из своих депеш начальнику Штаба болгарской армии писал следующее: «Самым благоприятным для нас будет положение, если мы будем вместе с Румынией и вместе Россией...». И одновременно отмечал: «При нашем выступлении против России, следует принимать во внимание всем нам известное соображение чисто морального естества – глубоко укоренившееся чувство признательности к России в душе нашего народа, чувство, которое, несмотря на всяческие пакости, чинимые русской дипломатией, осталось почти непоколебимым»².

Однако болгарская правящая верхушка решила пойти на сближение с турками: 6 августа 1914 г. правительство заключило с Турцией «Договор о союзе и дружбе», который предусматривал оказание военной союзнической помощи, немедленное объявление войны и начало военных действий всеми силами и средствами против одной или нескольких балканских стран, со-

вершивших нападение на союзника. При этом, остерегаясь уже отведенного румынского удара в спину, Болгария в параграфе 5-м договора особо оговаривала, что военные действия против балканских держав она начнет только в том случае, если ей удастся добиться самой или через турецкое посредство соглашения о нейтралитете Румынии³.

Румыния оказалась втянутой в Первую мировую войну, соблазнившись перспективой присоединения к себе земель Трансильвании. Она заключила тайное военное соглашение с Россией о взаимной поддержке еще в июне 1914 г.⁴, и через два года, после некоторых колебаний, 27 августа 1916 г., объявила Австро-Венгрии войну. В ответ, спустя четыре дня, она получила объявление войны со стороны австро-венгерских союзников Германии – Турции и Болгарии. Румыния надеялась на относительно легкий успех: она могла поставить под ружьё 600 тыс. человек и для начала сформировала 250-тысячную армию, состоящую из 23-х пехотных и 2-х кавалерийских дивизий. Правда, их личный состав имел слабую военную подготовку, а артиллерия была устаревшей. Россия не могла в то время оказать существенную военную поддержку Румынии, потому что была обескровлена после знаменитого Брусиловского прорыва под Луцком. Он продолжался с 4 июня по 27 октября 1916 г. и привел к временному успеху, но потери русских войск составили при этом, по последним данным, более 1,6 млн. человек⁵.

В целом Добруджанский театр военных действий был второстепенным по сравнению с остальными. Антанта отклонила сценарий, согласно которому сильная русская армия во взаимодействии с румынами наносит сильный удар в Трансильвании и Добрудже, создавая серьезную угрозу положению Центральных держав на востоке. В Трансильвании Румынии предстояло действовать своими силами в направлении Будапешта. Прикрытие её Добруджи и протяженной границы с Болгарией по Дунаю было возложено на самую слабую по составу 3-ю румынскую армию, сформированную из 6 второочередных дивизий. В помощь ей был послан относительно небольшой русский 47-й корпус под командованием генерала А.М. Зайончковского⁶. Россия сделала это по настоятельной просьбе Румынии, надеясь, что болгары не станут биться со своими русскими «братушками». С этой целью были изготовлены русские листовки, призывавшие болгарских солдат не поднимать против «братушек» оружия. Но данный расчет не оправдался: долг перед находящейся в опасности родиной заставил болгар на время подавить в своих сердцах чувство признательности к русским освободителям. Можно также добавить, что в Добрудже на стороне сил Антанты действовала Сербскохорватская добровольческая дивизия, сформированная из сербов и хорватов, не желавших служить в австро-венгерской армии.

Что же касается Централных держав, то для них Румынский фронт был единственным направлением для успешного наступления. При его успехе можно было завладеть богатыми хлебом и нефтью румынскими провинциями и предотвратить возможные одновременные удары сил Антанты со стороны Салоник и Румынии. Для наступления на Румынском фронте Гиденбург создал три сильные группировки войск, одна из которых была нацелена на Добруджу: группа генерала Августа фон Макензена, состоявшая из 9-ти пехотных и 2-х кавалерийских германско-болгарско-турецких дивизий. Ее численность последовательно нарастала в течение октября 1916 г. по мере усиления натиска на противника. В результате операция в Добрудже завершилась победой Централных держав: к 27 октября группа Макензена оттеснила румынские и русские войска к северу от железной дороги Черноводы-Констанца.

Болгарские части в северо-восточной Болгарии находились под командованием генерал-лейтенанта Стефана Тошева. Они включали 2 пехотные дивизии – I Софийскую и IV Преславскую, одну кавалерийскую дивизию, 2-ю пехотную бригаду VI Бдинской дивизии и гарнизоны в Варне (Варненский подвижный резерв) и Русе (Дунайский отряд)⁷. Перед болгарскими войсками в этом регионе были поставлены четкие задачи: а) овладеть хорошо укрепленными Тутраканской и Силистринской крепостями; б) во взаимодействии с турками отбить у румын болгарские города Добрич, Балчик и Каварну, которые вместе со всей Южной Добруджей в 1913 г. по Санкт-Петербуржскому и Бухарестскому договорам отошли Румынии; в) во взаимодействии с турками вернуть Болгарии не только Южную Добруджу, но и отвоевать вместе с турками и немцами у румын Северную Добруджу, выйдя к устью Дуная.

Помимо болгарских войск, сюда прибыли и турецкие войска. Болгарские власти воздерживались от обращения с просьбой об отправке турецких дивизий на Добруджанский фронт непосредственно к Турции, опасаясь, что та впоследствии потребует за это территориальные компенсации. Поэтому болгары стремились вести переговоры через германское посредство и, во избежание возможных неприятностей в будущем, уменьшили число предложенных турецких дивизий с шести до двух. На Добруджанский фронт был отправлен VI армейский корпус турок под командованием Хилми-паши, который состоял из 15-й Смирнской и 25-ой Галипольской дивизий. Общая их численность составляла 20 тыс. солдат и офицеров⁸. Любопытен тот факт, что в болгарских частях имелось немало турок, призванных на службу из Добруджи, а в турецких – не меньше болгар, мобилизованных турками во Фракии. Болгарская сторона оказывала туркам военную по-

мощь, предоставив им 400 лошадей для 15-й дивизии и 1500 для 50-й, а также 15000 шрапнельных и бризантных снарядов для горных орудий⁹.

Болгары довольно быстро справились с первой, поставленной перед ними, задачей. Тутраканская крепость пала после трехдневной осады, хотя противник превосходил по численности болгар в 1,2 раза, по артиллерии почти в 2 раза. В плен попало более 28 тыс. румынских солдат, сержантов и офицеров, плюс было захвачено 120 орудий¹⁰. Вторая сильно укрепленная крепость – Силистринская, – пала, практически не оказав сопротивления: её деморализованный румынский гарнизон бежал при приближении болгарских войск.

Более или менее серьезные бои развернулись под Добричем 5-7 сентября 1916 г. Генерал А.М. Зайончковский отдал приказ генералу Павлову отбить Добрич у болгар, взаимодействуя с 4-й румынской дивизией. В Добриче ночевали болгарские батальоны 35-го полка Бдинской дивизии, а один из батальонов 36-го Козлодуйского полка находился в заслоне. Атака русской конницы, наступавшей со стороны Паскалево, сорвалась по чистой случайности: кавалеристы приняли облака пыли, поднятые двумя перемещавшимися болгарскими батареями, за неприятельские эскадроны. Они помчались к ним, а болгары остановились, развернули орудия и встретили атакующих шрапнелью. А рота Варненского полка пропустила всадников и проводила их залпами в спины. Все видимое пространство на 200 и 800 метров было усеяно трупами коней и русских кавалеристов¹¹.

6 сентября атака на Добрич была предпринята силами 19-й румынской дивизии под командованием генерала Аргиреску и 61-й русской дивизии во главе с генералом Симанским. Последнему придавалась Сербскохорватская добровольческая дивизия и 1-я бригада 3-й кавалерийской дивизии с командиром Павловым. Наступавшие располагали 46-ю батальонами, 17-ю батареями и 19-ю эскадронами. Атака предпринималась по фронту шириной 2 км с центром по шоссе Добрич – Паскалево до села Геленджик. Здесь дислоцировался 2-й батальон Приморского полка и 1-й батальон 48-го Варненского полка под командованием полковника Т. Габарева. Бои шли с переменным успехом. Наступавшим противостояли 3 батальона полковника Ламбринова, 75-й турецкий полк, дислоцировавшийся у земледельческой школы к северо-западу от Добрича, и маневренная группа подполковника Таслакова. Жаркие бои развернулись у Девнинской могилы, где подполковник Христов в сгущающихся сумерках поднял солдат в штыковую атаку. Русские ответили ураганным огнём, но, тем не менее, отступили, а их резерв принял их за болгар и встретил стрельбой. В тот день погибло 14 болгарских офицеров и около 650 болгарских солдат. Потери русских были

тоже велики. Только в серединной части фронта было погребено 600 русских солдат¹².

На следующий день, 7 сентября, главный русский удар встречал полковник Вапцаров с Врачанским полком. Другой болгарский, 36-ой Козлодуйский, полк едва не потерпел полный разгром. Он столкнулся с наступавшими русскими и принял их за врачанцев, за что жестоко поплатился. Во фланг ему ударили сербскохорватские добровольцы и вывели из строя до трети его личного состава. Положение спасла кавалерийская дивизия генерала Ивана Колева, который, узнав о критической ситуации, не дожидаясь приказа из штаба армии, устремился на выручку козлодуйцам. Болгарских кавалеристов перебросили поездом вместе с приданным ей Ловчанским полком. Им удалось опрокинуть сербскохорватских добровольцев близ села Голямо Чамурлий (Смолница). Если бы этого не случилось, над Варной могла нависнуть серьёзная угроза с возможной высадкой русского десанта¹³. Это был последний яркий эпизод, касающийся вооруженного столкновения болгар и русских в Добрудже осенью 1916 г.

Но помимо фактической стороны дела, кроме сдержанного перечня военных событий данного хронологического отрезка Первой мировой войны, есть ещё и сторона эмоциональная, которая отражает массовые умонастроения, чувства и эмоции народов – участников глобальной бойни. Они часто более интересны, чем простое перечисление сухих исторических фактов. Военные действия осенью 1916 г. в Добрудже содержат в себе множество шокирующих моментов, выглядящих и сегодня просто невероятными. Отношение болгар к тем, на кого они смотрели в прорезь оружейных прицелов, было различным. С румынами, к которым у болгар имелись давние исторические счеты, кажется, всё было ясно. Во время освободительной русско-турецкой войны 1877–1878 гг., они пришли в Болгарию вроде бы как освободители. Но взяв вместе с русскими войсками турецкую крепость Плевну, они повели себя по отношению к болгарам как-то странно. Румыны начали относиться к ним, как к населению побежденной страны: грабили дома болгар (хотя те рисовали на дверях крестики, предупреждавшие, что здесь живут христиане), насиловали болгарских женщин, отвешивали оплеухи встречным болгарам на улицах, завели манеру кутить в трактирах, не платя денег, угоняли за Дунай гурты скота и, подобно ему, болгарское население – на принудительные работы в Румынию. Об этом в своих репортажах из Болгарии писал русский писатель Вас.И. Немирович-Данченко¹⁴. Добавим также, что русское командование выдворило румынских союзников за недостойное поведение из нескольких болгарских городов¹⁵. Исторической несправедливостью болгары считали и то, что в качестве вознаграждения за участие в войне 1877–1878 гг. Румыния получила Северную Доб-

руджу, в которой преобладало болгарское население. После Балканских войн исторический счет болгар к Румынии еще более возрос: в 1913 г. румыны нанесли Болгарии удар в спину, устремившись к незащищенной Софии, когда болгары сражались на других фронтах против турок и бывших балканских союзников. Счет к румынам начал стремительно расти и в Первую мировую войну, потому что при освобождении Добрича болгарские солдаты обнаружили в окрестном с. Баладжа (Стожер) 50 мертвых тел болгарских женщин и детей, в буквальном смысле растерзанных пехотинцами 40-го румынского полка. Радость и ликование жителей Добрича, восторженно встречавших своих освободителей, вскоре омрачила печальная весть: на окраине города в пекарнях были найдены изуверски обезображенные тела 53-х горожан. Пол, стены и дворы помещений были сплошь забрызганы кровью. Трагическая участь ждала и 300 других, взятых под стражу добричан. Их спас внезапный удар болгарских войск и поспешное бегство румын из города¹⁶.

Насилия над болгарскими в Добрудже румыны стали практиковать еще до войны. Они начались с приказа властей о составлении в каждой общине списка наиболее образованных, уважаемых и богатых болгар, среди которых на первом месте значились учителя и священники. Затем, за две недели до объявления войны, румыны выслали из Южной Добруджи 17518 болгар – мужчин, женщин и детей¹⁷. Румынские солдаты заталкивали их в теплушки прикладами с руганью, тычками и оплеухами. Около 200 болгарок были высажены в местности Молмезон и расстреляны. Всех не служивших в армии болгарских мужчин из Тутракана, Силистры, Добрича, Балчика и Каварны румыны вывезли якобы для обучения в г. Калараш, где держали взаперти трое суток. Заключенным не давали воды и хлеба, стреляя в каждого, кто осмеливался попросить воды или разрешения выйти наружу для отправления физиологических нужд¹⁸. В Бухаресте водили по улицам 20 пленных болгар и турок, подвергавшихся глумлению со стороны толпы румын. То же самое имело место и в Галаце, где собрали 8000 эвакуируемых мирных болгар и турок. Румынские офицеры, солдаты и горожане заплевывали им лица, кидали в них камни и стекла, грозили утопить в Дунае или расстрелять. Когда в этом городе вспыхнула эпидемия холеры, 7000 болгар оправили в теплушках в Яссы. Они ехали в окружении разлагающихся трупов: мертвых запрещено было погребать – всех должны были сдать в пункте назначения по списку. В местности Данжаны, где были размещены болгарские интернированные, вспыхнул сыпной тиф, унося в день жизни 50-60 человек. К августу 1917 г. из 6000 болгар выжило только 600 человек. Болгарским священникам выдирали бороды, брили наголо, срывали с них рясы, оставляя только в исподнем, и принуждали молиться за разбойников.

Ненависть к оккупантам выливалась у болгарских солдат в желание отплатить им за злодеяния, она воодушевляла их на подвиги. Поэтому болгарский натиск был стремителен и неустойчив и так быстро были взяты крепости Тутракан и Силистра.

Но настоящий шок вызвало у болгар появление на родной земле вместе с насильниками-румынами русских войск. Во имя защиты собственных рубежей болгарам теперь приходилось поднять оружие против русских братьев-освободителей! Этот шок и противоречивые чувства болгар в связи со сложившейся ситуацией нашли свое отражение в болгарской литературе – в произведениях И. Вазова, А. Страшимирова, Й. Йовкова, Л. Бобевского и других болгарских прозаиков и поэтов. К их анализу мы обратимся чуть позднее, а пока скажем, что шок имел место и в России уже хотя бы потому, что болгары сражались против русских и румын в Добрудже плечом к плечу с союзными турками! Причем власти Болгарии впоследствии наградили многих турецких солдат и офицеров болгарскими орденами и медалями. Сведения о взаимных наградах (и турки также щедро награждали болгар за храбрость, проявленную в боях с румынами и русскими) издавна хранились в Тырновском Центральном военном архиве¹⁹, равно как и документы о болгарско-турецких отношениях периода Первой мировой войны. Их не оглашали и не публиковали по причине идеологической «стыдливости», их нелогичности или даже абсурдности с точки зрения развития истории и строительства отношений болгар со своими балканскими соседями и Россией. И, действительно, сколь диким кажется награждение турками в те годы наследника болгарского престола князя Бориса III, многих видных болгарских генералов, включая прославившихся в Добрудже военачальников Стефана Тошева и Тодора Кантарджиева.

Турецкими орденами и медалями было награждено много болгарских офицеров и солдат – всего около 2 тыс. человек (точнее – 1913)²⁰. Почти полусотне болгарских генералов за доблесть, проявленную в боях против румын и русских, турки повесили на грудь ордена «Меджедие», «Имтия», «Лиякат» и «Демание». Подавляющая же часть болгарских участников сражений на Северном фронте стала обладателями турецкой медали «Харбие» («За боевые заслуги»). Болгарская сторона тоже не скупилась на знаки воинских отличий для турецких союзников, наградив в 1916–1917 гг. в общей сложности 1138 турок. Турецким солдатам и низшим офицерам вручались, главным образом, болгарские медали «За храбрость». Что же касается высших турецких светских и военных сановников, то для них предназначался болгарский орден Св. Александра различных степеней. Парадоксальным было то, что медаль «За храбрость» была учреждена в Болгарии для награждения лиц, отличившихся при освобождении страны от турок в 1877–1878

гг. Внешне она напоминает русский Георгиевский крест IV степени. А на оборотной стороне ордена Св. Александра располагалась дата заключения прелиминарного Сан-Стефанского мирного договора с турками по старому стилю: «19 февраля 1878 г. Сан-Стефано»²¹. Всё это выглядело кощунственным и воспринималось как издевка истории над русской кровью, пролитой ради воскрешения болгарской государственности.

Парадоксом выглядело и то, что сквозь прорезь оружейных прицелов в Добрудже нередко глядели друг на друга знакомые между собой болгарские и русские офицеры. Дело в том, что многие офицеры болгарской армии являлись русскими воспитанниками, получив в первом десятилетии XX в. военное образование в Николаевской академии Генерального штаба в Санкт-Петербурге. Благодаря разысканиям в российских архивах удалось установить, что таковыми были, например, капитаны Бояджиев, Йонков, Попов, Бекяров, Михайлов, Таслаков, Танев, Куюмджиев, Пенев, Добрев, Софронюв, Каишев, Андреев. В целом такая идентификация вещь довольно нелегкая. Документы того времени сохранились лишь частично, а групповые фотографии курсантов с перечнем их фамилий (как, например, упомянутые выше Попов, Михайлов, Андреев) один к одному совпадают с русскими. Случаи идентификации по уточняющим припискам, наподобие тех, что оставили курсанты Бочев и Янакиев («капитан болгарской службы»), встречаются крайне редко²². Поэтому установление точного числа болгарских выпускников Николаевской академии, оказавшихся по другую сторону Добруджанского фронта против русских, весьма затруднительно.

Принадлежность курсантов этого петербургского военного учреждения к Болгарии на групповой фотографии можно установить лишь при помощи небольшой, но важной детали: отсутствию плечевого ремешка для ношения сабли (болгарам их носить не разрешалось). Независимо от этого, важна ошеломительность самого факта: по воле истории бывшие болгарские и русские одноклассники вынуждены были смотреть друг на друга сквозь прорезь оружейных прицелов. Всё это выглядело просто исторически алогично: в 1877–1878 гг. русские и румынские солдаты проливали кровь, воюя с турками за воскрешение Болгарии как государства, а в 1916 г. ополчились против неё, желая урезать болгарские земли больше, чем это было сделано в Берлине. И, наоборот, турки, в прошлом многовековые угнетатели болгар, в период Первой мировой войны сражались в Добрудже вместе с бывшими рабами, словно пытаясь воплотить в реальность их мечту о сан-стефанской Болгарии.

В целом поведение Болгарии по отношению к славянскому миру вызывало у него настоящий шок. Русская общественность не могла не заметить того, что в болгарской печати появляются статьи, призывающие к

уничтожению Сербии и Румынии и разделению их земель между Болгарией и другими соседями²³. Нежелание Болгарии сочувствовать бедам славянских соседей и её прогерманская позиция в начавшейся Первой мировой войне вызывали негодование в России и осуждение её в российской прессе. Самым громким из них стала статья «Торгующим в храме» Л.Н. Андреева, написанная им 2 ноября 1914 г.²⁴. В ней писатель сравнивал Болгарию со скотиной в немецком стойле, которую её пастухи поведут на убой в то время, когда льются потоки братской крови. И если болгары, подобно всем другим, начнут гнать русских из своей страны²⁵, то им, прежде всего, нужно убрать из центра Софии бронзовую статую Царя-Освободителя Александра II. Ведь он тоже русский, создавший, правда, саму Болгарию как государство²⁶. Л.Н. Андреев уподоблял Болгарию Иуде, поскольку она продает славян за серебряники своих политических интересов. Болгария, по его словам, – страна-предатель, настоящий Змей с раздвоенным жалом. У неё славянское сердце, но немецкие мозги, она готова предьявлять старые счета и не прочь обшарить карманы сербского брата-должника. Одну руку Болгария держит ладонью кверху, а другой стискивает нож для братского горла. «Славянский мир», – писал Леонид Андреев, – стыдится и потупляет глаза, когда слышит имя «болгарин», как в честной семье, которая стыдится недостойного сочлена»²⁷.

Выступление Л.Н. Андреева не вызвало широкого отклика среди болгарских творцов в печати. И это была своего рода позиция, которую выразил прозаик Д. Кёрчев, призывая соотечественников хранить молчание в ответ на «злые и обидные слова Леонида Андреева». Потому что, по его мнению, только таким образом болгары смогут соблюсти своё достоинство перед «высокомерием, грубостью и криками разъяренного писателя»²⁸. Д. Кёрчев напоминал читателям, что во время хулы в России на Л.Н. Андреева Стоян Михайловский издал в Болгарии первый том его рассказов, демонстрируя всему миру масштабы дарования русского писателя. В статье также говорилось и о том, какой любовью Л. Андреев пользуется среди болгарской интеллигенции, ибо его портреты можно обнаружить чуть не в каждой учительской комнате сельских школ. Цена широту видения мира писателя и его приверженность к всечеловеческой свободе, Д. Кёрчев, тем не менее, призывал болгар «ценить свою землю превыше всего» и «относиться к ней как к наибольшей драгоценности по сравнению со всем великим в мире». Одновременно он выражал уверенность, что и сам болгарский народ осознает свой долг хранить родную землю как зеницу ока.

Военные столкновения в Добрудже в 1916 г. между болгарскими и русскими, как уже отмечалось, нашли своё отражение в болгарской литературе. В целом появившиеся на данную тему болгарские художественные произ-

ведения (как правило, это рассказы и стихотворения) условно можно разделить на две группы: «баталистические», то есть иллюстрирующие военные бои или отдельные их эпизоды, и морально-психологические, выражающие эмоции и чувства болгар по отношению к противнику. К числу первых можно отнести военные рассказы классика болгарской литературы Йордана Йовкова. В двух из них – «У озера Туркойа» / «При езерото Туркойа»²⁹ и «Белые эскадроны» / «Белите ескадрони» – появляются русские³⁰. В первом рассказе описываются бои, имевшие место 15–22 декабря 1916 г. при отражении болгарскими атаками казаков 3-й Донской дивизии, которая славилась тем, что обычно сметала всё на своем пути. Повествование начинается с допроса двух пленных казаков: раненого в руку хорунжего Рыбаленко – высокого, стройного, русоволосого, синеглазого, бодрого и жизнерадостного парня, и есаула Фролова, о внешности которого ничего не сообщается. По их словам, ранее оба они служили в кавалерийском полку 3-й казачьей дивизии, дислоцировавшейся в Галиции. Плен явился для них полной неожиданностью, потому что их полк во главе с командиром Жабдоровым не знал поражений. И в то раннее утро всё, казалось бы, начиналось привычно и обыденно. Сперва выдвигается разведывательный казачий дозор, затем следует русская кавалерийская атака, стрекочут болгарские пулеметы и рвякают болгарские орудия, которые тщетно пытаются сдержать несущуюся бешеным галопом казачью лаву. Рыбаленко не без самодовольства рассказывал о том, какими прекрасными наездниками являются казаки, умеющие мчаться по полю, «конские хвосты по ветру распустив». В таких случаях солдаты противника, как правило, бросают винтовки и пускаются наутёк. Не то болгары – они упали и схоронились в окопах, а когда лава пронеслась над их головами, поднялись и стали стрелять вдогонку, разом выбив из седла до полусэкадрона. Среди них самих же пострадал один-единственный солдат, придавленный свалившимся конём Рыбаленко. Болгары, по его словам, «настоящие молодцы», а о болгарских кавалеристах у русских ходят целые легенды: «ну, просто черты на небольших лошадках».

Во втором произведении – «Белые эскадроны» – действие происходит в палате лазарета, где лежит раненый болгарский подпоручик, рассказывающий, как он оказался на волосок от смерти. Раненый вспоминал о внезапно раздавшемся пении горнов, возвещавших начало атаки, о неожиданно появившейся русской пехоте в серых шинелях, о перенесении в то место огня и вырастающих, словно грибы, разрывах снарядов. В его памяти всплывала картина эскадрона, притаившегося у подножья холма под характерным названием Могила, – все кони белые, в желтых супонях с коричневыми подпругами, сверкающими глазами и вытянутыми вперед ушами – состояние внешнего спокойствия, а на самом деле страшного напряжения.

Затем в его сознании возникали выхваченные сабли, блистающие на солнце, будто серебряные змеи, и страшное, с вызовом, оглушительное «У-р-р-а-а!», за которым последовал жаркий бой в кукурузе. В целом рассказ импрессионистичен, и описание в нём последующих событий носит несколько абстрактно обобщенный характер. Действие в нём можно отнести к любой стране, его герои не имеют четко выраженной местной национальной или этнографической привязки к действительности.

Более близким к реальности войны видится рассказ болгарского писателя В. Димова «Сквозь цепи русских солдат» / «Между руските вериги»³¹, который содержит ряд бытовых примет военной действительности и представляет собой описание неординарной ситуации, которыми обычно богата каждая война. Болгарский рядовой Пею Йотов был контужен взрывом гранаты и, очнувшись, обнаружил себя, вроде бы, среди своих. Но когда более тщательно пригляделся, то смекнул, что солдаты-то – русские! Форма вроде бы одна и та же – сапоги, шинели и фуражки у болгар и русских абсолютно одинаковые, а вот ранцы-то – совсем другие! Русские солдаты двигались вперед, а болгары отступали и виднелись где-то вдалеке внизу. Пею дополз до раненого, а тот оказался русским и стал костерить его на чём свет стоит: «сукин сын», «подлец», «явился биться с братушками». А другой русский солдат пальнул в него пару раз из винтовки, и тогда Пею, не дожидаясь третьего, более меткого, выстрела, стреканул по кукурузному полю по направлению к своим. Петляя, как заяц, он сумел промчатся сквозь редкую цепь наступающих русских солдат и благополучно воссоединиться с родной 4-й ротой. Причем его не только не наказали, а выдали ему новую винтовку, шинель и ранец взамен брошенных и даже объявили благодарность за то, что он указал на слабое место русских на фланге.

Баталистическими можно назвать и военные рассказы писателя А. Страшимирова из сборника «Красные страницы». Мы не останавливаемся на них подробно, поскольку они были проанализированы в другой нашей работе³². Можно лишь вспомнить здесь о некоторых преувеличениях А. Страшимирова по поводу численности находящихся под Добричем русских войск³³. Аналогичным образом писатель сгустил краски и в очерке «Кровавый порог» / «Кървав праг», опубликованном в газете «Отечество» в декабре 1916 г.³⁴ События вокруг Добрича в нём драматизируются и, одновременно, героизируются. По словам писателя, «судьба Добрича висела на волоске»³⁵, потому что выбившие румын из города болгары, преследуя противника, столкнулись лоб в лоб «с несколькими русскими пехотными и кавалерийскими дивизиями» (sic!pl!) На самом же деле, там находилось несколько русских полков. Далее, однако, писатель возвращается к реальным фактам военной истории, говоря, что угрожающее положение болгар в Доб-

риче было преодолено 7-го сентября после того, как туда срочно перебросили поездом болгарскую кавалерийскую дивизию и приданный ей Ловчанский пехотный полк.

«Баталистические» рассказы обладают определенной художественной и исторической ценностью и по-прежнему продолжают волновать читателя. Но наибольший интерес у него вызывают стихи и проза болгарских авторов, воссоздающие тот эмоциональный фон, которым сопровождалось вооруженное столкновение болгар и русских на добруджанской земле в 1916 г. Они передают атмосферу массовых умонастроений, свидетельствуют о временном пересмотре характера взаимных отношений между двумя народами и странами. В них можно обнаружить новые нравственные и этические императивы, движение мысли и смятение душ болгар и русских, которые неожиданно по злой воле политиков и правителей были превращены во врагов. Хотя Д. Кёрчев и призывал соотечественников не отвечать на злые и обидные слова Л. Андреева, молчание болгарских писателей иногда нарушалось, находя косвенный отклик в их произведениях. У того же А. Страшимирова в рассказе «На Северный фронт», едущий в Добруджу молодой призывник с жаром говорит собеседнику следующее: «К счастью, здесь еще не было русских, а то бы я резал их, правду вам говорю. Если бы мне сам Леонид Андреев попался, я бы и его сразил с полной непримиримостью»³⁶. Это отдельная, не играющая большой роли для контекста рассказа, фраза говорит о том, настолько глубоко запали болгарам в душу осуждающие слова Л. Андреева.

Своеобразный ответ на слова Л. Андреева заключается и в стихотворении патриарха болгарской литературы И. Вазова «Иуда ли?»³⁷. Убеденный русофил, автор хрестоматийных стихотворений «Здравствуйте, братушки», «Грянули винтовки», «Россия» и др., он испытывает страшную горечь от того, что болгарам приходится поднимать оружие против своих русских освободителей. Любовь к России в его сердце, как и в сердцах большинства болгар, ещё жива, но она подверглась страшному испытанию. Он скорбит, что русские не стали в той войне союзниками болгар, а воюют на стороне румын, будто желая «защитить вора от обворованного». В стихотворении «Союзники» он предполагает, что и русские испытывают чувство недоумения от творящегося абсурда и того, что им приходится воевать против болгар. А в написанном в ноябре 1916 г. стихотворении «Тайна»³⁸ русский солдат из Тулы, случайно столкнувшись в корчме с болгарским бойцом из г. Кулы, растерянно вопрошает его, как случилось такое, что им нужно поднимать оружие друг на друга. Для него это большая загадка, чем причина рыбьей немоты или лая собаки, которая пытается у всех выпросить, а где же находится рай. Она сродни загадке несовершенства мира и тому, отчего в России один сыт – дру-

гой голоден, один бос – другой обут, один шьёт – другой порет. И так и не разгадав главную загадку о причине братской бойни, русский солдат поднимает «наздравицу» за болгарского брата.

Одно из ключевых вазовских стихотворений того времени носит название «Русским воинам»³⁹. В нём поэт недоумевает, каким образом на балканской земле русские воины оказались в качестве незваных и не дорогих сердцу гостей. Он пишет, что болгары готовы были встретить их с букетами цветов и со слезами радости на глазах, но те пришли взвинченные, с озлобленными лицами. И. Вазов поражается тому, что, свергнув одно ненавистное для болгар иго, русские несут им теперь иго новое. По его словам, у болгар нет чувства ненависти к России – любовь к русским ещё не угасла. Но во сто крат сильнее у болгар любовь к своей свободе, и за неё они будут сражаться не только с врагами, но и с кумирами. И такой же свободы поэт желает и русским воинам.

Своеобразным откликом на выступление Л. Андреева и приход русских солдат в Добруджу стало стихотворение «Детоубийцам» добруджанского поэта Любмира Бобевского⁴⁰. Указанное название адресовано России и русским, которые выступают в произведении как детоубийцы, поскольку они готовы умертвить свое собственное дитя – порожденную ими Болгарию. Они готовы развеять у болгар сан-стефанские грёзы, которые сами же и распалили. По мысли поэта, русские пришли ныне на болгарскую землю не ради преклонения коленей перед прахом своих собратьев – павших освободителей и не ради выражения своего восторга перед их подвигами на Шипке, Шейново и под Плевной. И, конечно же, не ради того, чтобы отдать почести Царю-Освободителю Александру II, поскольку нет у них в руках ни ладана, ни мира, ни елдя, ни хоругвей. Так же как нет среди них и певчих, хоть храм во славу русского подвига уже давно уже готов⁴¹. В руках у них винтовки и гранаты, в обозах – пулемёты, пушки, и стали вдруг врагами недавние «братушки» в союзе с ненавистными врагами. «Не братья мы – враги мы, – восклицает далее поэт, – и каждый будет биться с иудами, как вы». В заключение Л. Бобевский проводит мысль о том, что любой посягнувший на болгарский народ, его храм и сладкую свободу, «будет разгромлен и покрыт вечным позором». Особенно остро Л. Бобевский переживал тот факт, что значительная часть его «малой» родины – Северная Добруджа находится в руках румын. А теперь они пришли вместе с русскими, чтобы завладеть в придачу и закрепить навечно за румынами Добруджу Южную. Для поэта Добруджа неделима: и южная, и северная её части есть одно целое, которое по праву должно принадлежать болгарам. Л. Бобевский создал высоко поэтический гимн «О, Добруджанский край!», вызывавший у болгарских солдат

прилив патриотических чувств, – обычно они шли в атаку на врага со словами гимна на устах.

Стихи Л. Бобевского очень часто резки и воинственны, особенно много в них достается румынам, для которых автор не жалеет оскорблений и угроз. Верная оценка творчества Л. Бобевского и его выпадов против Румынии и румын присутствует в статье болгарской исследовательницы М. Цаневой⁴². Мы не станем её здесь приводить, поскольку она уводит нас в сторону от основной темы. Что же касается характера болгарско-русских народных отношений того времени, то наиболее точно, на наш взгляд, он отражен в Записке болгарского священника Атанаса Маджарова. Он составил её, когда служил капелланом 48-го пехотного полка, написав чуть более 50-ти рукописных страниц воспоминаний. Эта рукописная Записка хранится ныне в Варненском окружном архиве⁴³ и рассказывает о русских пленных и отношении к ним болгар. Священник сообщал, что русских пленных было много и все они «веселые, смеющиеся, довольные». Их поведение он объяснял тем, что эта странная война для них окончилась, и они перестали быть невольными врагами болгарских «братушек». Ведь и у тех самих по отношению к пленным – «никакой ненависти!». По словам А. Маджарова, болгары делились с русскими всем съестным, что имелось в их ранцах и торбах с сухарями. «Вот и попробуй понять славянскую душу!» – восклицает автор напоследок.

Первая мировая война стала для болгар настоящей трагедией. Царь Фердинанд I в своем честолюбивом стремлении создать великую Болгарию, омываемую тремя морями – Черным, Эгейским и Адриатическим, прекрасно понимал, что поражение может стоить ему трона и жизни, тем не менее, он вверг свою страну и болгарский народ в кровавую мясорубку. Его авантюра стоила болгарам 88 тыс. убитых и около 150 тыс. раненых, многие из которых стали калеками. Потери Болгарии в период с 1916 по 1918 гг. многократно превышали людской и материальный ущерб, нанесенный ей во всех предшествующих войнах после освобождения 1878 г. Страна понесла такие большие жертвы, поскольку Германия не исполнила договоренностей о более активном участии союзников на Балканском фронте. Кроме того, она грабила Болгарию, вывозя из неё продовольствие и материалы. То же самое происходило и в Добрудже с Македонией, хотя вывоз сырья и продовольствия из них запрещался специальными соглашениями. Сюда следует также добавить государственные займы Болгарии в германских банках на ведение войны и неизбежную инфляцию, сопровождавшуюся обнищанием болгарского населения. Военный союз с Германией стоил болгарам во время войны в общей сложности около 2 млрд. золотых левов⁴⁴. И все эти жертвы оказались напрасными., поскольку союзные Германия, Австро-Венгрия и

Турция и не собирались передавать болгарам Северную Добруджу. На оккупированных северных добруджанских землях не была создана болгарская администрация – ими управляли совместно все четыре союзника. При этом местных болгар принуждали записывать себя румынами, а турки вынашивали свои планы в отношении Добруджи Южной и пытались настроить тамошнее турецкое население против болгар.

Существенными оказались после поражения блока Центральных держав и территориальные потери Болгарии. Согласно положениям Нейского договора, на северо-западе Болгария должна была отдать отбитые у румын болгарские земли. Румынская граница вновь сместилась в Южную Добруджу, города Добрич, Тутракан и Силистра, где пролилось много людской крови, включая и болгарскую, отошли Румынии; помимо них, ей достались болгарские черноморские порты Каварна и Балчик. В соответствии с договором, почти сорок лет болгары должны были выплачивать победителям огромные репарации в сумме 2 млрд. 250 млн. золотых франков. Для Болгарии всё это было настоящей национальной катастрофой. Один из главных её виновников, царь Фердинанд I, 3 октября 1918 г. был вынужден отречься от престола в пользу своего малолетнего сына Бориса III и покинуть страну. Чуть позже, в ноябре того же года, ушло в отставку и болгарское правительство Александра Малинова – Стояна Костуркова, продержавшееся у власти менее шести месяцев.

Надо сказать, что выступление Болгарии на стороне Германии и Австро-Венгрии и Турции против России и ведение боевых действий непосредственно с русскими войсками вызвало массовое недовольство болгар. В некоторых частях страны вспыхивали бунты, против военного союза Болгарии с блоком Центральных держав выступали партия БЗНС (Болгарский земледельческий народный союз) и партия «тесных» социалистов БРСДП (Болгарская рабочая социал-демократическая партия «тесняков»). В 1918 г. в стране стала складываться революционная обстановка, вспыхивали подавляемые правительством солдатские восстания. В целом процесс выхода Болгарии из Первой мировой был затяжным и нелегким. Мирный договор с Россией Болгария заключила 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске, и это было встречено в стране с облегчением.

Ещё со времен Первой мировой войны большевики России, социалисты Болгарии, а затем и коммунисты обеих стран, основными зачинщиками и виновниками Первой мировой бойни стали называть капиталистов и империалистов. Тем не менее, неприятный осадок при воспоминаниях о военном столкновении болгар с русскими осенью 1916 г. полностью не исчез. Он может расти от непродуманных (или провокационных) действий властей. К счастью, в России считанные единицы знают или помнят о Добруд-

жанской эпопее 1916 г. – где только не пришлось воевать русскому солдату за многовековую российскую историю! Несколько иначе обстоит дело у болгар: для них это борьба за составные части своей родины, это страницы летописи о временной утрате этих частей и их последующем обретении. Во Вторую мировую войну за несколько месяцев до того, как Болгария стала союзницей фашистской Германии и её сателлитов, Румыния осенью 1940 г. передала ей Южную Добруджу с городами Тутракан, Силистра, Каварна, Балчик и Добрич. Почти сразу же у добричан возникла идея увековечить память об обороне города и победных боях в его окрестностях в 1916 г. Около двух лет спустя, 14 мая 1942 г., учителя и учащиеся гимназии им. царя Бориса III установили в 4-х км к северу от Добрича на Девнинской могиле большой памятный Крест в честь павших 5-7 сентября 1916 г. Его воздвигли в том месте, где находился наблюдательный пункт генерала Т. Кантарджиева. 8 сентября 1944 г., в самый канун вступления Красной армии в Болгарию, памятный Крест был уничтожен, но в 1999 г., после крушения тоталитаризма в стране, воспитанники упомянутой гимназии восстановили памятник⁴⁵.

Зародилась также идея создать памятнику генералу И. Колеву на его любимом коне Пирин, и был организован сбор средств на её осуществление. К середине 1943 г. было собрано 350 тыс. левов – сумма вполне достаточная для реализации замысла, но близившееся вступление Красной армии в Болгарию в 1944 г. сорвало планы энтузиастов.

Лучшим памятником событиям того времени и по замыслу, и по его воплощению, очевидно, следует считать мемориальный комплекс, открытый 7 декабря 1974 г. в местности «Ярмарка». Он был воздвигнут там, где 5 сентября 1916 г. были захоронены тела 600 павших болгарских и иноземных солдат. Позднее неподалеку появилось кладбище русских, румынских и сербских военнослужащих. Мемориальный комплекс с музейной экспозицией и памятником генералу С. Кантарджиеву возник по проекту Х. Ямантчиева с участием скульптора Н. Фетваджиева и художника А. Радославова. Идея комплекса хороша тем, что она носит интернациональный характер: посетителей как бы призывают поклониться праху всех павших независимо от их национальности. Ведь Молох войны не знает разницы между правыми и неправыми.

Можно также добавить, что дань памяти погибших и оставшихся в живых известных участников Добруджанской эпопеи отразилась в переименовании многих сел северо-восточной Болгарии, носивших прежде турецкие названия. Они теперь носят имена сражавшихся здесь в 1916 г. болгарских полков и военачальников: Чакырча – Врачанцы, Гёкче дюлюк – Бдинцы, Кара курт – Приморцы, Чаир Харма – Генерал Колево, Чауш-кёй – Генерал

Кантарджиево, Гекленджик – Победа, Сточук – Рильцы. Появились также такие названия сел, как Генерал Тошево, Полковник Минково, Полковник Савово, Полковник Чолаково и другие⁴⁶.

В заключение скажем, что данная непростая тема о военном столкновении болгар и русских в 1916 г. возникла не случайно. Об этом нужно знать каждому русскому, проявляющему интерес к Болгарии. В противном случае он может легко стать объектом для манипуляций со стороны болгарских русофобов или тех, кто, используя незнание исторических фактов большинством русских и болгар, стремятся испортить отношения между двумя народами.

Примечания

¹ Българо-турските военни отношения през Първата световна война (1914 – 1918). Сборник от документи. Съст. М. Куманов, И. Коев, К. Еюп. София, 2004. С 22.

² Там же. С. 23.

³ Там же. С. 27.

⁴ См. заметку в газете «Утро России» от 5 июня 1914 г., (с. 3), в которой помещена информация о приёме российским императором Николаем II румынского министра-президента Братиану и подписании российско-румынского соглашения.

⁵ Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк / Под ред. Г.Д. Шкундина. М., 2002. С. 186.

⁶ *Зайончковский А.* Мировая война 1914 – 1918 гг. Т. 2. Кампания 1916 – 1918. М., 1938. С. 88-89.

⁷ Добричката епопея 1916. Историко-библиографски справочник. Добрич, 2006. С. 7, 56.

⁸ Българската армия в световната война 1915 – 1918. Т. VIII. С. 282-283.

⁹ Българо-турските военни отношения през Първата световна война (1914 – 1918). С. 64-65, 114.

¹⁰ *Бойчев П.* Тутраканската епопея. Тутракан, 2003. С. 143; Българската армия в световната война 1915 – 1918. Т. VIII. Война срещу Ромъния през 1916 година. Подготовка на войната и Тутраканската операция. София, 1939. С. 677.

¹¹ *Стефанов С.* Генерал-лейтенант Тодор Кантарджиев. Спасителят на Добрич. София, 2006. 138, 141.

¹² Българската армия в световната война 1915 – 1918. Т. VIII. С. 727.

¹³ Там же. С.282; Добричката епопея 1916. С. 14-15.

¹⁴ *Немирович-Данченко В.И.* Год войны. Дневник русского корреспондента. 1877 – 1878, Т. I. СПб., 1879. С. 33-36, 252-253.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Тошев С.* Действия на Третата армия в Добруджа през 1916 година. София, 2007. С. 39-40.

- ¹⁷ *Пачов Д., Кацев Д.* Ромънските жестокости над отвлеченото добруджанско население в Молдова. София, 1918. С. 7.
- ¹⁸ Там же. С. 10, 11, 18, 20-22, 26.
- ¹⁹ Българо-турските военни отношения през Първата световна война (1914 – 1918). С. 7.
- ²⁰ Там же. С. 516-595.
- ²¹ Там же. С. 461-515; *Павлов П.* Български ордени и медали. София, 2002. С. 7, 37; См. также: *Петров Т.* Български ордени и медали. София, 1982. С. 9, 37; *Владимиров В.* Граждански ордени, медали и възпоменателни знаци в България (1880 – 1944) // Известия на българските музеи. Т. 1. София, 1969. С. 258.
- ²² *Кюркчиев Н.* Николаевската академия на Генералния щаб в Санкт-Петербург. София, 2008. С. 40, 53.
- ²³ Об этих болгарских грёзах, например, открыто заявлялось в прогерманской газете «Камбана», № 13 от 13.IX. 1916 г.
- ²⁴ Статья была опубликована в утреннем выпуске «Биржевых ведомостей» № 14470 (СПб., 1914.С. 3), а затем вновь издана в сборнике «В сей грозный час» (Пг., 1915. С. 27-31), причем всю чистую прибыль от его продажи писатель пожертвовал на нужды сербских и русских воинов.
- ²⁵ Л.Н. Андреев имел в виду тех русских переселенцев, которые остались в Болгарии после её Освобождения от турок в 1878 г.
- ²⁶ В сей грозный час. Пг., 1915. С. 28.
- ²⁷ Там же. С. 30.
- ²⁸ *Кьорчев Д.* Вместо отговор на Леонид Андреев // Димо Кьорчев. Студии, статии, есета. София, 1992. С. 496-499.
- ²⁹ *Йовков Й.* «При езерото Туркойа» // Журнал «Отечество». Кн. 17 от 29.IV. София, 1917. С. 3-6; См. также: *Йовков Й.* Събрани съчинения в шест тома. Т. 1. София, 1982. С. 332-342.
- ³⁰ *Йовков Й.* «Белите ескадрони» // Военни известия. № 237 от 28. X. София, 1916. С.2-3; см. также: *Йовков Й.* Събрани съчинения в шест тома. Т. 1. София, 1982. С. 113-118.
- ³¹ *Димов В.* «Между руските вериги» // Отечество. № 40-41. София, 31 октябрия 1916 г. С. 14.
- ³² *Калиганов И.И.* Малоизвестные страницы из «неровного» творчества Антона Страшимирова 10-х-20-х годов ХХ в. // Веков связующая нить. Вопросы истории и поэтики славянских литератур и культур. М., 2006. С. 384-385.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Вестник «Отечество». №№ 46-47 от 15 декабря 1916 г.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ *Калиганов И.И.* Указ. соч. С. 384.
- ³⁷ *Вазов И.* Юда ли? // Мир. № 5024 от 5 декабря 1916 г.; см. также: *Вазов И.* Събрани съчинения в 22 тома. Т. IV. София, 1976. С. 178-179.
- ³⁸ *Вазов И.* Тайна // Мир № 5022 от 2 декабря 1916 г.; см. также: *Вазов И.* Събрани съчинения в 22 тома. Т. IV. София, 1976. С. 183-184.

³⁹ *Вазов И.* На руските воини // Мир. № 5005 от 11 ноември 1916; См. также: *Вазов И.* Събрани съчинения в 22 тома. Т. IV. София, 1976. С. 170-172.

⁴⁰ *Бобевски Л.* Под сенката на меч. 1912 – 1916. София, 1916. С. 110-111.

⁴¹ Л. Бобевский имеет в виду Храм-памятник Св. Александра Невского, построенный в центре Софии в ознаменование подвига русского народа, освободившего Болгарию от турок.

⁴² *Цанева М.* Войната в Добруджа и българската литература (непосредствени отклики) // Тутраканската епопея и освобождението на Добруджа. Тутракан, 1996. С. 209-224.

⁴³ ОДА – Варна. Ф 75 к. Оп. I. А.е. 761. Л. 20-78, 108.

⁴⁴ Даскалов Р. Българското общество. 1879 – 1939. Т. I. Държава, политика, икономика. София, 2006. С. 142.

⁴⁵ Добричката епопея 1916. Историко-библиографски справочник. С. 19.

⁴⁶ Там же. С. 211-212.

Словаки на Восточном фронте (Западная Украина. 1941 г.)

Abstract:

Maryina V.V. *Slovaks at the Eastern Front (Western Ukraine, 1941).*

The article describes the participation of the Slovak Army in the War on the Soviet-German (Eastern) Front during the summer of 1941; impressions of the Slovaks on the situation in Western Ukraine and the attitude of its population; actions of NKVD on the eve of the war and during its first days; activities of Ukrainian nationalists (OUN) in the territory occupied by Germans.

Ключевые слова: СССР, Германия, Словакия, Западная Украина, советско-германский фронт, словацкая армия, НКВД, Организация украинских националистов, репрессии.

Наряду с Германией в войне против Советского Союза участвовали Италия, Испания, Болгария, Румыния, Венгрия, а также Словакия и Хорватия. В возникновении двух последних стран (соответственно март 1939 г. и апрель 1941 г.) существенная, если не решающая, роль принадлежала Германии и Италии. В соответствии с так наз. «охранным договором», заключенным между Словацким государством и гитлеровской Германией 23 марта 1939 г., во внешней политике Братислава обязана была следовать в фарватере Берлина¹. Так и произошло: 23 июня 1941 г. Словакия разорвала с СССР дипломатические отношения, установленные в конце 1939 г. В тот же день словацкие войска вступили на советскую территорию (Западная Украина) и вместе с вермахтом приняли участие в боях на советско-германском (Восточном) фронте². Обосновывая участие Словакии в войне против СССР, её глава монсеньор Й. Тисо говорил: «Опасность с Востока грозила не только нам, но всей европейской культуре, цивилизации, социальному благополучию и политической самостоятельности европейских народов... Мы ни за что не откажемся... от участия в борьбе против большевизма, которая является и борьбой за наше государство, за наш народ»³. Официальная словацкая пропаганда, учитывая традиционные для словацкого народа русо- и славянофильские настроения и одновременно играя на его национальных чувствах, делала упор именно на антибольшевистских целях войны и необходимости защиты от «красной заразы» первого национального Словацкого государства. Этот мотив звучал и в приказе по армии министра национальной обороны Словакии и главнокомандующего словацкой армии Ф. Чатлоша 24 июня 1941 г. Словацкая армия под руководством победоносной германской армии, говорилось в приказе, «установила стальную

завесу от смертельной опасности, которая угрожала Европе и её цивилизации... Адольф Гитлер, вождь великой германской империи, правильно оценил эту опасность и приказал своей армии ликвидировать её в Европе, а несчастному русскому народу дать свободу... здесь речи нет ни о борьбе против русского народа, ни против славянства... В этой борьбе, результат которой совершенно ясен, лучшее будущее в новой Европе найдет и русский народ»⁴.

До недавнего времени об участии словацкой армии на советско-германском фронте мало что было известно. Почему? Очевидно считалось неэтичным копаться в историческом прошлом государств-членов социалистического содружества, свидетельствующем о их военном противостоянии с советской страной. В послевоенной историографии, как чехословацкой, так и советской, первой Словацкой республике (1939-1945 гг.) почти не уделялось внимания. Достаточно сказать, что, например, в советском Энциклопедическом словаре 1989 г. о ней вообще не упоминалось. Еще во время войны она было заклеяна как «клеро-фашистское» государство, и этого, казалось, было достаточно, чтобы, признавая факт его существования, не заниматься его историей. Об участии словацкой армии в войне против СССР если и говорилось, то только в плане нежелания её солдат и офицеров сражаться против Красной Армии, об их русо- и славянофильских настроениях, переходе на сторону советских войск и партизан. Несомненно, было и это, особенно после окончательного перелома в войне в 1943 г., но было и другое, о чем предпочитали не говорить. «Заговор молчания» был прерван после 1989 г., и особая заслуга в этом принадлежала директору словацкого Института военной истории Й. Быстрицкому, базировавшему свои исследования как на материале словацких, так и российских архивов⁵. В 2000 г. Военно-исторический институт Министерства обороны Словакии и Институт истории АН Словацкой Республики провели международную научную конференцию на тему «Словакия и Вторая мировая война», с докладом на которой о действиях сухопутных сил словацкой армии на советско-германском фронте выступил Й. Быстрицкий⁶. Словацкими историками рассматривались и другие аспекты включения вооруженных сил СР в войну на Восточном фронте⁷. Появились и монографические исследования на эту тему, основанные на широкой источниковой базе и, прежде всего, на материалах словацких архивов⁸.

Активно историей первой Словацкой республики и участия её армии в сражениях на территории СССР занимается также словацкий Институт памяти народа, созданный в 2002 г. Публикуются документы, мемуары и дневниковые записи солдат и офицеров, письма с фронта, списки погибших, дезертиров, пленных⁹. Об одном из таких документальных изданий и пойдет

речь. В 2009 г. Институт издал сборник документов под названием «Соприкосновение с большевизмом. Документы словацкой военной разведки. 1940–1941» (составитель и автор предисловия Мартин Лацко)¹⁰. В сборник, состоящий из трех частей, включены протоколы допросов беженцев из Западной Украины (1940–1941 гг.); свидетельства о пребывании словацкой армии на этой территории (июнь–август 1941 г.); сообщения о влиянии вестей с фронта на состояние словацкого общества. В приложении даны карты и фотографии. Что касается названия сборника, то оно представляется несколько спорным. И вот почему. Под термином «большевизм», употребляемым тут явно в негативном значении, понимается совокупность политики советской власти и методов проведения этой политики в Западной Украине (ЗУ). Но только ли с результатами деятельности советской власти соприкоснулись словацкие войска на этой территории? Прежде в течение длительного времени она входила в состав Австро-Венгерской империи, затем Польши. Частью СССР (УССР) ЗУ официально стала в ноябре 1939 г. Вряд ли можно утверждать, что до того всё здесь было прекрасно. Еще с прежних времен в ЗУ сохранились межнациональные (поляки – украинцы – евреи), межконфессиональные (католики – православные – униаты) и, естественно, социальные (классовые) антагонизмы. После установления советской власти, просуществовавшей в ЗУ менее двух лет, эти противоречия никуда не исчезли, а в сложной обстановке 1939–1941 гг. еще и обострились в связи с недовольством части населения новой властью. Кроме того, следует иметь в виду, что и без того сложная ситуация усугублялась действиями польского и украинского националистического подполья, преследующего свои цели. Если первое практически прекратило существование к концу 1940 г., то второе (Организация украинских националистов – ОУН – во главе со С. Бандерой), связанное с Абвером, активизировалось перед нападением нацистской Германии на СССР, а затем оуновцы вышли из подполья. Наконец, нельзя забывать, что «зачистку» оккупированной территории ЗУ от неугодных элементов после 22 июня 1941 г., прежде всего, от еврейского населения, проводили как оуновцы, так и немецкие оккупационные войска («зондеркоманды») при поддержке украинских коллаборационистов и так наз. украинской вспомогательной полиции (полицаев). Это происходило не только в Западной Украине, где, естественно, имелось много противников советской власти, но и в других частях Украины. Так что словаки на оккупированной территории ЗУ столкнулись не только с последствиями большевистской политики, но и действий украинских националистов и коллаборационистов, а также гитлеровцев.

Это, естественно, не умаляет ответственности советских властей за ситуацию в Западной Украине, сложившуюся ко времени её оккупации не-

мецкими, венгерскими и словацкими войсками. В частности, об этом свидетельствуют и материалы международной научной конференции, проведенной в Институте славяноведения РАН в 2009 г. и рассмотревшей различные аспекты ситуации в Западной Белоруссии и Западной Украине в 1939–1941 гг.¹¹. Дискуссия о многомерности и неоднозначности советизации и одновременной «деполонизации» этих, включенных в СССР территорий, началась уже давно и продолжается до сего времени, то набирая, то сбавляя обороты.

М. Лацко в предисловии к вышеупомянутому сборнику документов указывает, что на территории ЗУ в августе 1939 г. проживало 5,5 млн. человек, в том числе 3,3 млн. украинцев (60%), 1,6 млн. поляков (около 30%), почти 600 тыс. евреев (10%) и 40 тыс. представителей других национальностей. «Присоединение населенной преимущественно украинцами территории к советской Украине в сентябре 1939 г., - говорит Лацко, - многие украинцы воспринимали как акт исторической справедливости, как объединение народа в единой великой Украине»¹². Официальным языком в ЗУ стал украинский. Многих украинцев радовало, что кончилось время «польского владычества»: уже в сентябре 1939 г. произошли польские погромы. На присоединенной территории были проведены экономические преобразования: национализация более крупных промышленных предприятий и банков, которые находились преимущественно в руках польских и еврейских собственников, а также земельных участков более 10-15 га. Часть национализированной земли передавалась крестьянской бедноте, которая однако вскоре должна была расстаться с ней ввиду проводившейся с 1940 г. коллективизации сельского хозяйства. Начались гонения на церковь и духовенство, а также массовые репрессии против «врагов народа» и «контрреволюционеров» (предпринимателей, кулаков, служителей церкви, бывших чиновников, офицеров, полицейских, жандармов, неугодных представителей интеллигенции и пр.), которые депортировались в глубь СССР. Тюрьмы, находившиеся в ведении НКВД и УНКВД, наполнились политическим и криминальным элементом. Идейными вдохновителями и организаторами установления новых порядков в ЗУ являлись коммунисты, члены ВКП(б) и КП(б) Украины, как местные, так и во множестве прибывшие из Москвы и Киева. Сумевшие избежать депортации или опасавшиеся её бежали за границу, в частности, в Словакию. Они-то и попадали в руки словацкой военной разведки, а затем, согласно словацко-германской договоренности, передавались немецким пограничным органам¹³. В указанном сборнике документов публикуется часть сохранившихся в архивах протоколов допросов беженцев (октябрь 1940 г.). Это были молодые люди, преимущественно мелкие предприниматели и крестьяне украинской национальности греко-католического

вероисповедания (униаты). Перейдя советско-венгерскую границу и минуя Подкарпатскую Русь (Карпатскую Украину), оккупированную венграми в марте 1939 г., они оказывались в Словакии. Основной причиной, заставивших их покинуть ЗУ, являлось недовольство сложившейся там политической и экономической ситуацией: высокие налоги на частников, дороговизна, переход в руки государства не только крупных, но и мелких производственных (ремесленных) и торговых предприятий, начавшаяся принудительно-добровольная коллективизация сельского хозяйства, нехватка продовольственных и промышленных товаров в магазинах, нежелание отбывать воинскую повинность в рядах Красной Армии, преследования за национальные и антикоммунистические убеждения, опасение депортации в Сибирь и пр. Допросы беженцев проводились по определенной схеме: сначала - состояние Красной Армии и отдельных родов войск, дислокация её частей, их вооружение, строительство военных укреплений, обмундирование красноармейцев, настроения и дисциплина в армии, взаимоотношения между бойцами и командирами, затем - политическая и экономическая ситуация в ЗУ, настроения её населения, советская пропаганда. Эти сведения, скорее всего, интересовали не столько словацкую, сколько германскую военную разведку. Следует напомнить, что осенью 1940 г. близилась к завершению разработка германского плана нападения на СССР (план «Барбаросса»), который был утвержден в декабре 1940 г. Кроме того, как уже говорилось, к концу 1940 г. значительно активизировала свою деятельность ОУН(б). Подготовленные Абвером группы её членов и приверженцев проникали на территорию ЗУ, проводя там разведывательную работу, а позже террористические акты. Против оуновцев и всех, открыто выразивших недовольство существующими порядками, боролись советские органы власти, прежде всего НКВД [«Решительно преследуются украинцы, которые при польском правительстве участвовали в национальном движении»; «Украину очищают главным образом от украинских националистов»; «Среди украинского населения весьма распространён национализм, который русские всеми мерами подавляют» (с. 43, 48, 62)]. В 1940 г. прошли три волны депортаций, четвертая, самая мощная, – в июне 1941 г. В отдаленные районы СССР отправлялись не только непосредственно обвиненные в антисоветизме, антикоммунизме «контрреволюционеры», но и их семьи. Не удивительно, что среди западноукраинского населения практически не осталось тех, кто когда-то с надеждой и симпатиями относился к приходу Красной Армии на эту территорию. Допрашиваемые, например, говорили, что население теперь не верит звучавшим на митингах словам о преимуществах социализма по сравнению с капитализмом и глядит на запад, ожидая немцев как освободителей. [«Гражданское население ожидает, что Германия, окончив войну с Англией,

направится на восток и снова будет порядок»; недовольство населения в ЗУ растёт день ото дня, и оно «ожидает лишь подходящего момента, чтобы начать революцию, твердо веря при этом в немецкую помощь»; «Народ ожидает, чтобы хоть кто-нибудь освободил его от большевистского ярма, и особенно ждёт немцев»; «Население настроено против русских и желает немцам выиграть войну и освободить его от большевистского рабства» (с. 61, 62, 84, 87, 100)]. В слухах, распространяемых оуновцами, Германия представляла как страна всеобщего благоденствия, где каждый может найти работу и обеспечить свою семью. Кроме того, она прокламировалась и как сторонница воплощения в жизнь великой украинской мечты – создания самостоятельного украинского государства. Поэтому, дескать, «население тайно вступает в организацию, задачей которой является в подходящий момент поднять революцию. Всеобщее убеждение украинцев состоит в том, что в скором времени будет создана Великая Украина» (с. 58, 66, 73).

В связи с начавшейся подготовкой к войне против СССР немецкая пропаганда все настойчивее озвучивала мысль о том, что советское руководство готовит превентивное нападение на Германию. О близящемся конфликте между СССР и Германией, по словам беженцев, говорили и советские пропагандисты, утверждавшие, что сильная и мощная Красная Армия скоро двинется на запад и, наголову разбив ослабленную войной с Англией Германию и другие капиталистические страны, создаст «единое социалистическое государство», в котором, дескать, «всем будет хорошо»; «Коммунисты, якобы, утверждают, что будут воевать с немцами непрерывно, пока они будут существовать» (с. 34, 38, 47, 51, 66, 74, 77, 84, 88). Но, по словам беженцев, красноармейцы не хотят воевать, им не за что воевать, поскольку многие из них увидели, что в ЗУ и присоединённых к Советскому Союзу летом 1940 г. Бессарабии и Северной Буковине люди живут лучше, чем в СССР. «Дисциплина в армии весьма строгая, поскольку много дезертиров, которые скрываются в окрестных лесах. Деревенские им помогают, снабжают пищей». «В целом моральное состояние армии очень плохое. Советский солдат служит весьма неохотно и об участии в боях не хочет даже слышать. Очень часты дезертирства. Дисциплину в армии, как и внутри государства, поддерживает полувоенная организация НКВД» (с. 61, 66, 73, 82).

Специально допрашивались беженцы о строительстве военных укреплений на советской границе и в пограничной зоне. Их наблюдения сводились к следующему: «Приграничная зона шириной 800 метров вообще не доступна для гражданского населения. Если в эту зону попадала деревня, то её жителей выселяли, а дома сносили. Землю запахивали и боронили, чтобы можно было заметить возможные следы. При попытке без специального разрешения перейти эту линию человек получает смертный приговор»; «на

советско-германской границе ведется строительство укреплений... Укрепления в большинстве представляют сами реки Сан и Буг, а где таких рек нет, там выкапываются рвы шириной примерно 4 и глубиной 3 метра, которые заливаются водой. За этими укреплениями роются окопы, которые, по слухам, бетонированы»; «По всей длине советско-германской границы в ускоренном темпе ведутся работы по строительству укреплений, то есть устанавливаются проволочные заграждения, пока в три ряда, а также создается сеть окопов» (с. 34, 37, 46-47, 77, 82). Описание укреплений, как представляется, свидетельствовало о том, что они имели оборонительный характер, и не подтверждает версию, высказанную в предисловии к сборнику, о планируемом нападении СССР на Германию.

Беженцы утверждали, что установленные порядки в ЗУ теперь поддерживают только «чиновничество, рабочие крупных предприятий и евреи», которые, впрочем, боятся, что «их может постигнуть участь евреев в Германии и Словакии»; «Среди евреев было много предателей, которые после прихода советской армии выдавали себя за коммунистов и советских патриотов. То же самое можно было наблюдать и среди интеллигентных поляков, которые выдавали поляков, а сами объявляли себя надежными коммунистами. Чрезвычайно распространено доносительство. У советской полиции есть платные агенты». Среди служащих административных органов, по мнению беженцев, преобладали евреи, которых много также в офицерском корпусе и среди сотрудников НКВД. «Евреи всё держат в своих руках» (с. 66, 69, 82, 87, 91).

Так, по словам беженцев, выглядела ситуация в ЗУ накануне 22 июня 1941 г. В это время, как уже говорилось, в связи со слухами о близящейся войне и активностью подполья тюрьмы здесь оказались переполненными. Основанием служило постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 мая 1941 г. «Об изъятии контрреволюционных организаций в западных областях УССР»¹⁴. Помимо политических (главным образом украинских националистов) среди заключенных было много уголовников, а также лиц, арестованных за мелкие административные нарушения. 22 июня ряд командиров РККА и их семьи подверглись нападению боевиков ОУН. В некоторых населенных пунктах на направлениях ударов немецких войск произошли вооруженные столкновения, инициированные оуновцами. Части вермахта получили инструкции о поведении на оккупированной территории СССР. Еще 28 апреля 1941 г. главнокомандующий немецкими сухопутными войсками В. Браухич издал приказ «Порядок использования полиции безопасности и СД в соединениях сухопутных войск». В приказе подчеркивалось, что армейские командиры совместно с командирами специальных карательных формирований нацистской службы безопасности (СД) несут ответствен-

ность за проведение акций по уничтожению в тыловых прифронтовых районах без суда и следствия коммунистов, евреев и «прочих радикальных элементов». 13 мая 1941 г. начальник штаба верховного командования вермахта В. Кейтель издал директиву «Об особой подсудности в районе “Барбаросса” и особых полномочиях войск»: с солдат и офицеров вермахта снималась ответственность за будущие преступления на оккупированной территории СССР и предписывалось быть безжалостными, расстреливать на месте без суда и следствия всех, кто окажет хотя бы малейшее сопротивление или будет сочувствовать партизанам¹⁵. Вермахт действовал в соответствии с полученными указаниями. Тем более, что советскими властями был дан для этого повод.

В связи с нападением гитлеровской Германии на СССР тюремному начальству и органам власти 23 июня 1941 г. была направлена директива за подписью заместителя наркома внутренних дел В.В. Чернышова «План эвакуации заключенных, содержащихся в тюрьмах Западной области НКВД/НКГБ УССР». В ней детально расписывалось, кого, куда и сколько следует направить в конкретные республики и области СССР. Всего подлежало эвакуации 23236 человек¹⁶. Сколько заключенных в это время находилось в тюрьмах, сказать трудно, во всяком случае, намного больше, чем их предполагаемая вместимость. В докладной записке начальника тюремного отделения УНКВД Львовской области о ходе разгрузки тюрем от контрреволюционного, криминально-политического элемента от 24 июня 1941 г., в частности, говорилось: «С началом войны в тюрьму номер 1 поступают арестованные, которые принимаются без надлежащего оформления, в большинстве по спискам, без указания мотивов и статей обвинения, в то время, как среди них имеются активные ОУНовцы, шпионы, диверсанты и военнопленные, а также изъяты лица по массовым облавам»¹⁷. В этом же документе говорилось о расстреле особо опасных лиц в тюрьмах № 1, № 2 и № 4: всего 1808 человек. 4 июля 1941 г. Чернышов и начальник тюремного управления НКВД СССР направили Л.П. Берии «Предложения относительно разгрузки тюрем прифронтовой полосы». В документе говорилось о необходимости предоставления начальникам УНКГБ и УНКВД (совместно) и по согласованию с военными решать вопрос «О разгрузке тюрем от заключенных в следующем порядке»: «1. Вывозу в тыл подлежат только подследственные заключенные, в отношении которых дальнейшее следствие необходимо для раскрытия диверсионных, шпионских и террористических организаций и агентуры врага»; «2. Женщин с детьми при них, беременных и несовершеннолетних, за исключением диверсантов, шпионов, бандитов и так называемых особо опасных, - освободить»; «3.... осужденных за бытовые, служебные и другие маловажные преступления... использовать орга-

низованно на работах оборонного характера по указанию военного командования с досрочным освобождением (в момент эвакуации охраны тюрем); «4. Ко всем остальным заключенным (в том числе, дезертирам) применять высшую меру наказания – расстрел»¹⁸. Этот документ, датированный 4 июля, возможно, являлся обобщением практики, имевшей место в ЗУ, и действовал (если был получен своевременно) на территории Украины в границах до 17 сентября 1939 г.

Стремительное наступление частей вермахта (25 июня был взят Луцк, 28 июня – Ровно. 30 июня – Львов, 2 июля – Тернополь и венгерскими войсками - Станислав), столь же быстрое отступление советских войск, паника, хаос, характерные для прифронтовой полосы, нарушение связи, нехватка транспортных средств не позволяли проводить нормальную эвакуацию заключенных. Местное тюремное начальство (письменных приказов, директив, распоряжений, исходящих из центра, пока не обнаружено) по видимому, предпочитало в этой ситуации радикальную меру – расстрел. Тела расстрелянных не всегда даже успевали надлежащим образом хоронить, а во многих случаях просто бросали в заброшенные шахты или оставляли, наскоро присыпав землей, в тюремных дворах и подвалах. В июне-июле 1941 г. по данным составителей сборника «Западноукраинская трагедия» в 35 городах было расстреляно 22 тыс. человек, в том числе 4 тыс. во Львове, по 1 тыс. в Тернополе, Дрогобыче и Добромиле, 1200 в Самборе, 1500 в Дубно, 2500 в Станиславе, около 3 тыс. в Луцке и т. д.¹⁹. Однако, как представляется, эти данные требуют уточнения и проверки. Даже в указанном издании есть противоречия: например, в док. № 22 говорится, что во дворе тюрьмы Луцка было расстреляно не три тысячи, а около тысячи человек; в Самборе с 22 по 26 июня, по мнению польских и советских исследователей, 600-700 человек²⁰. Подсчеты зачастую велись на глазок, соответствующие документы были либо утеряны, либо уничтожены. В справке тюремного управления НКВД СССР об итогах эвакуации заключенных из тюрем НКВД-УНКВД по данным на 12 января 1942 г. значилось: всего выбыло при эвакуации по разным причинам (по учтенным данным) 42776 чел., в том числе остались не вывезенными в тюрьмах на территории, занятой неприятелем, 21504 чел., расстреляно в тюрьмах 9817 человек²¹. Здесь, по видимому, речь идет о всей Украине, и цифры, возможно, преуменьшены, поскольку говорится лишь об учтенных данных.

Следует также иметь в виду, что на территории Западной Украины в июне-июле 1941 г. вершили свое черное дело как оккупационные немецкие и венгерские войска, так и вооруженные формирования украинских националистов, вышедших из подполья. Острие ненависти было направлено против евреев, которые обвинялись в сотрудничестве с большевиками и НКВД,

ответственными за расстрел заключенных. Начались еврейские погромы, которые прокатились по всем крупным городам ЗУ, местечкам и даже деревням (всего – 35). Немецкие оккупационные власти либо не возбраняли украинским националистам чинить расправу над еврейским населением, либо сами являлись их инициаторами. Самый крупный погром произошел во Львове, куда вместе с частями вермахта вошел украинский батальон «Нахтигаль» под командой Р. Шухевича. Здесь было провозглашено украинское правительство во главе с ближайшим соратником С. Бандеры Я. Стецько, поставившее задачу «украинизировать» Украину, «зачистив» её от «неукраинских» элементов. Во время еврейского погрома (немцы позже обвиняли в этом украинцев, а те – немцев) в течение нескольких дней во Львове было уничтожено по разным данным от 4 до 7 тыс. евреев²². В немецкой да и словацкой пропаганде того времени все это выдавалось за зверства большевиков. Но Гитлер не собирался поддерживать идею создания самостийной Украины. В начале августа германские власти объявили об образовании «дистрикта Галиция» и распустили украинское правительство. Бандера и Стецько оказались в тюрьме. Ранее сформированные оуновцами отряды украинской милиции и зарождающиеся части Украинской национальной революционной армии были частично распущены, частично переформированы во вспомогательную полицию, на которую оккупанты опирались при наведении порядка.

Со всеми этими фактами и столкнулась словацкая армия, вступившая на территорию ЗУ. Работавшая на полную машину пропаганда винила во всех злодеяниях большевиков, что отчасти было правдой, если иметь в виду расстрелы в тюрьмах НКВД. Но тогда рядом с телами расстрелянных заключенных лежали и тела замученных и застреленных во время еврейских погромов, о чем свидетельствуют некоторые фотографии. Вот как описывал в своем военном дневнике увиденное в Добромиле 5 июля 1941 г. командир 1-й словацкой дивизии полковник Й. Туранец: «На пути нас весьма сердечно приветствовало местное население, в автомобиле нам бросали букеты цветов, передавали ягоды и т. д.... От местного населения мы узнали ужасные вещи о том, как большевики и евреи поубивали несколько сот человек в местечке Warz soli, примерно в двух километрах севернее Добромиле. Этим сообщениям мы не могли поверить до тех пор, пока многие собственными глазами не увидели на месте преступления ужасную картину, которую цивилизованный человек не может себе представить даже в фантазиях: примерно 600 изуродованных тел гражданских лиц, сброшенных в глубокий соляной колодец. Всё это были жители ближайших окрестностей, не согласных с большевистским режимом: поляки, украинцы, немцы, а также их жены и дети... (далее следует натуралистическое описание изуродованных тел

– В.М.). После прихода немецкой армии местные милиционеры собрали нескольких обвиненных в участии в совершенном злодеянии евреев, которые должны были тела выгаскивать и хоронить. Милиционеры также допустили бесчеловечные действия в отношении этих работавших евреев, многих из которых заживо бросили в указанный колодец, и даже наши и немецкие солдаты участвовали в этих необдуманных действиях против евреев»²³.

В документах указанного сборника много говорится о хорошем настроении личного состава словацкой армии, о её готовности к боевым действиям, о множестве захваченных пленных и трофеев, которые из-за нехватки моторизованных транспортных средств приходилось передавать немецкой армии, о благодарностях немецкого командования за службу, о радушном приеме словаков местным населением²⁴. Снова и снова приводились факты обнаружения изуродованных тел в местах массовых захоронений. В Дрогобыче, например, 1 июля 1941 г. во дворе «здания полиции из глубокой шахты были извлечены тела приблизительно 1000 украинцев, которых большевистская армия при отступлении поубивала и изуродовала самым зверским способом... Все эти жертвы на основе доносов местных евреев были выданы советской армии и умерщвлены. После вступления нашей и немецкой армии в город местное украинское население приняло меры против еврейских доносчиков»²⁵, что, по сути, означало: устроило еврейский погром. Сообщалось о случаях участия словацких солдат в этих погромах²⁶. В донесении командира 2-й дивизии полковника А. Малара от 23 июля 1941 г. говорилось, что в деревнях близ Самбора «дело дошло до многих недозволенных действий», местными украинскими милиционерами было убито несколько евреев. О бесчинствах украинской милиции, причем не только против евреев, но и против поляков, свидетельствуют и другие документы²⁷. В донесении министерству национальной обороны Словакии, датированном 25 июля 1941 г., значилось: «Ненависть населения по отношению к евреям огромна. В некоторых местах население после отступления большевистской армии вынесло смертный приговор евреям... Согласно различным проверенным и непроверенным сообщениям местное украинское население использовало беспорядочное отступление большевистской армии для того, чтобы отомстить активным членам коммунистической партии, которые после ухода большевиков остались дома. Есть сообщения, что в Дрогобыче, Львове и Самборе украинцы убили сотни евреев, русских и поляков. О каком числе убитых идет речь, выяснить не удалось»²⁸.

В этом же донесении характеризовалось и отношение населения к оккупационным войскам: «Население хорошо относится к словацким войскам. Но нельзя сказать, чтобы украинское, польское или русское население сильно радовалось или проявляло расположенность к словацкой или немецкой

армии... В целом следует подчеркнуть, что украинцы, хотя сначала и проявляли определенную радость в связи с освобождением от большевиков, в последнее время ведут себя осторожно и, как представляется, занимают выжидательную позицию. Инициативное активное сотрудничество с немецким или словацким командованием со стороны населения [наблюдается] очень редко. И, наоборот, кажется, что в Дрогобыче среди независимого населения (скорее всего, имеется в виду поддерживающее идею самостийной Украины – В.М.) появляется недовольство оккупацией края немецкими и словацкими войсками. Речь идет об антинемецкой и антисловацкой пропаганде со стороны евреев и коммунистов... Среди украинцев есть с ненавистью вззирающие на увоз немецкими или словацкими частями [разных] материальных ценностей. Почти возле каждой казармы, склада или другого важного объекта как бы случайно стоит ведущий наблюдение украинец. Кем он послан или кому передает результаты наблюдения, не выяснено. По всей видимости, речь идет о внутренней организации, которая более или менее самостоятельна и ожидает дальнейшего развития событий»²⁹. Итак, если до 22 июня 1941 г. в ЗУ существовало только антисоветское, то теперь появилось и антинемецкое политически разноразно ориентированное подполье.

Примечания

¹ См. подробнее: Марыня В.В. Словакия в политике СССР и Германии // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М., 1999. С. 198-240; она же. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Кн. 1. 1939–1941 гг. М., 2007. С. 292-328.

² См. подробнее: Марыня В.В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг. М., 2009. Кн. 2. 1941–1945 гг. С. 33-50; она же. Словакия в войне против СССР. 1941–1945 годы // Новая и новейшая история. 2011. № 4. С. 35-53.

³ Pokus o politický a osobný profil Jozefa Tisu. Bratislava, 1992. S. 233.

⁴ Цит. по: Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Уголовное дело по обвинению б. главнокомандующего словацкой армии Чатлош Фердинанда, арх. № Р-18761. Т. 1. Л. 66-68.

⁵ Bystrický J. Rýchla (1. pešia) a Zaisťovacia (2. pešia) divízia vo vojne proti Sovietskemu Svazu (1941-1943) // Armáda v dejinách Slovenska. Bratislava, 1993. S. 115-140; idem. Ťaženie slovenskej armády na východnom fronte r. 1941 // Vojenská história. 1998. N 2. S.39-61; idem. Zaisťovacia divízia na okupovanom území Ukrajiny a Beloruska. I (september 1941 – november 1942) // Vojenská história. 1999. N 4. S. 29-54; idem. Zaisťovacia divízia na okupovanom území Ukrajiny a Beloruska (november 1942 – október 1943).II // Vojenská história. 2000. N 3-4. S. 35-52; idem. Vojenský príspevok Slovenska k vojnovému úsilíu nacistického Nemecka v poslednom roku druhej svetovej vojny // Koniec druhej svetovej vojny a problémy cirkevnej politiky v nasledujúcom období. Bratislava, 2006. S. 9-25 etc.

⁶ Slovensko a druhá svetová vojna. Zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie v Bratislave 29-31. mája 2000. Bratislava, 2000. S. 191-216.

⁷ Mečianik P. Vstup Slovenskej republiky do vojny proti Sovietskemu zväzu // Slovanský prehľad. 2004. N 2. S. 221-247; Rajlich J. Tatranskí orli nad Kubáni. Praha, 2002; idem. Stíhací letka 13

slovenských vzdušných zbraní na východní frontě v letech 1942–1943 // Historie a vojenství. 2001. N 2, 3. S. 277-309; 501-537; Francev V. Utočná vozba slovenské armády 1939-1944 // Historie a vojenství. 1997. N 2. S. 98-130.

⁸ Lacko M. Dezercie a zajatia prislušnikov zaist'ovacej divizie v ZSSR v rokoch 1942-1943. Bratislava, 2007; Mičianik P. Slovenská armáda v ťažení proti Sovietskemu zväzu (1941-1944). I-IV. Banská Bystrica, 2007, 2008, 2009, 2012.

⁹ Помесячные списки дезертиров и пленных словацкой Охранной дивизии в 1942-1943 гг. опубликованы, например, в указанной книге: Lacko M. Dezercie a zajatia... S. 249-306.

¹⁰ Dotyky s bolševizmom. Dokumenty spravodajstva slovenskej armády 1940–1941 /Ed. M. Lacko. Bratislava, 2009. Не могу не указать, что совершенно безосновательно в предисловии к сборнику утверждается, что Советский Союз в 1939 г. имел намерение оккупировать Подкарпатскую Русь (Закарпатье). М. Ласко ссылается при этом на беседу советского посланника в Словакии Г.М. Пушкина с министром иностранных дел Словацкой республики Ф. Дюрчанским 8 июля 1940 г. (источник не указан). Известные мне документы Архива внешней политики Российской Федерации (далее: АВП РФ) позволяют утверждать, что именно словаки в то время были заинтересованы в том, чтобы СССР «занял» Закарпатье, которое оккупировала Венгрия, и обращались с этим вопросом к Пушкину и другим работникам советского полпредства. СССР, хотя и не прочь был иметь Закарпатье в своем составе, тогда по многим соображениям не мог себе этого позволить. (АВП РФ. Ф.138б. Оп. 4. П. 2. Д. 3. Л. 138, 143, 177. См. также: Марына В.В. Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. М., 2003. С. 15-16). М. Ласко, ссылаясь на некоторых российских и западных историков, а также субъективное мнение отдельных лиц (например, надпоручика словацких саперных войск К. Кристена), утверждает, что СССР был готов к превентивному удару по Германии летом 1941 г., оставляя без внимания многочисленные работы российских историков, доказательно опровергающих это.

¹¹ Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: люди, события, документы. СПб., 2011. См. статьи: В.К. Баран (об экономических преобразованиях), Е.Ю. Борисенко (о кадровой политике советской власти), К.Е. Науменко (об отношении населения к процессам советизации), И.И. Ильющин (об анисоветском подполье и действиях НКВД).

¹² Dotyky s bolševizmom. S. 16.

¹³ Ibid. S. 19.

¹⁴ НКВД – МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956). Сб. документов. М., 2008. Док. 10. С. 36.

¹⁵ Новый фундаментальный труд о Великой Отечественной войне // Новая и новейшая история. 2012. № 6. С. 18.

¹⁶ Документ опубликован со ссылкой на Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ. Ф. 9413. Оп. 1. Д. 21. Л. 21-23) в книге: Запдноукраїнська трагедія 1941/Західноукраїнська трагедія 1941. Сб. документов. Львов-Нью-Йорк, 2002. Составители Олег Романов и Инна Федущак. Док № 4 (www.poshuk-lviv.org.ua/ru/zut/index1.htm).

¹⁷ www.poshuk-lviv.org.ua/ru/zut/index1.htm Док. № 6.

¹⁸ www.poshuk-lviv.org.ua/ru/zut/index1.htm Док. № 10 (ГАРФ. Ф.9413. Оп. 16. Д. 9. Л. 66-67).

¹⁹ Запдноукраїнська трагедія 1941 (Finesoul.ya.ru/replies.xml?tem_no=182).

²⁰ www.poshuk-lviv.org.ua/ru/zut/index1.htm Док. № 22; Dotyky s bolševizmom. Dok. 22. S. 125. Примечание 16

²¹ НКВД – МВД СССР в борьбе... Док. 22. С. 67-68.

²² О погромах см. подробнее: Габриэле Лессер, немецкий историк и политолог (www.jewish.ru/history/facts/2001/07/news7081.php); канадский исследователь Джон-Пол Химка (argumentua.com/stati/kholokhost-lvovskii-pogrom-1941-goda-nemtsy-ukrainskie-natsionalisty-i-karnavalnaya-tolpa); «Лехаим» - общественно-публицистический журнал (www.lechaim.ru/archiv/191/roman/htm).

²³ Dotyky s bolševizmom. Dok. 24. S. 134-135.

²⁴ Ibid. Dok. 21. S. 121; Dok. 23. S. 127; Dok. 28. S. 151; Dok. 30. S. 153-154; Dok. 31. S. 155.

²⁵ Ibid. Dok. 22. S. 124-125.

²⁶ Ibid. Dok. 25. S. 146; Dok. 26. S. 147.

²⁷ Ibid. Dok. 31. S. 156; Dok. 35. S. 162-163.

²⁸ Ibid. Dok. 54. S. 200.

²⁹ Ibidem.

Научное издание

СЛАВЯНСКИЙ МИР В ТРЕТЬЕМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

К 1150-летию славянской письменности

Книга I

Сборник статей

Москва 2013

Ответственный редактор: Е.С. Узенёва

Оригинал-макет: А.А. Улыбина

Подписано в печать 24.05.2013 г. Объем 21,6 п.л.

Тираж – 500 экз. Формат 60x84/16.